Воспоминания об Андрее Андреевиче ГРОМЫКО

"Лучше десять лет переговоров, чем один день войны"

ВЕСЬ МИР

К 100-летию со дня рождения

"Лучше десять лет переговоров, чем один день войны"

Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко

К 100-летию со дня рождения

ВЕСЬ МИР

Москва
2009

УДК 929
ББК 66.3(2Рос)09
Л 87

Составитель: *Ал.А. Громыко*

Составитель благодарит семью К.У. Черненко,
а также В.Г. Мусаэльяна за предоставленные фотографии.
В книге также использованы фотографии из архива семьи.

На обложке:
Посол СССР в Великобритании А.А. Громыко (Лондон, 1952)
Фото предоставлено PA Photos

ISBN 978-5-7777-0444-3

© Ал.А. Громыко — составление, 2009
© Издательство «Весь Мир», 2009

Содержание

Лавров С.В. Предисловие 7

Акопов П.С. Мои встречи и беседы с А.А. Громыко 11
Ахтамзян А.А. Выдающийся дипломат и ученый 17
Бельчук А.И. Эффективность дипломатии А.А. Громыко 28
Бессмертных А.А. Тень Мастера 37
Гриневский О.А. «Мистер Нет» 52
Громыко Ан.А. Полет его стрелы 70
Добрынин А.Ф. А.А. Громыко и советско-американские отношения 84
Долгов К.М. О некоторых встречах
с Андреем Андреевичем Громыко 94
Дубинин Ю.А. Громыко — фигура уникальная 109
Зайцев А.С. Четыре года на громыкинских коврах 124
Иванов И.С. Знаковый политик XX века 133
Казимиров В.Н. Страны Латинской Америки
в поле зрения А.А. Громыко 140
Касаткин В.П. Образ в моей памяти 151
Квицинский Ю.А. О политике, человеке и части нашей истории 154
Кеворков В.Е. Урок «Мистера Нет» 168
Китаев В.С. Уроки дипломатии Громыко 183
Лонгин, архиепископ Клинский. Незабываемая встреча 193
Максимычев И.Ф. Его называли «Гром» 195
Протопопов А.С. В интересах Отечества 203
Пядышев Б.Д. В дипломатии XX века равных ему не было 206
Рахманин О.Б. А.А. Громыко и советско-китайские отношения 234
Сергеев Р.А. Иногда надо сказать «нет» 241
Сизов А.Н. Большое видится на расстоянии 245
Соколов О.М. «Когда изобрели дагерротип?» 250
Степанов А.И. О творческом наследии А.А. Громыко 255
Тимербаев Р.М. Громыко и борьба за разоружение 269
Тимофеев Т.Т. Многогранный интеллект 279
Тихвинский С.Л. Дипломат и ученый 284
Федоров В.П. «У Советского Союза лишних земель нет» 291
Шустов В.В. Дипломатическая школа Громыко 294

Громыко Ал.А. Пример в жизни и в работе 309

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой сборник статей, подготовленных в связи со 100-летием со дня рождения Андрея Андреевича Громыко. Их авторы — дипломаты, занимавшие высокие посты в Министерстве иностранных дел, и люди, работавшие за его пределами. Все они, как правило, лично знали А.А. Громыко и относились к нему с искренним уважением.

Обращение к памяти А.А. Громыко закономерно. На мировом дипломатическом небосклоне XX в. это была, без сомнения, одна из наиболее ярких и заметных величин. И дело не только в том, что он почти три десятилетия стоял у руля внешней политики самого большого на планете государства. С его именем неразрывно связано развитие международных отношений второй половины прошлого столетия, практически всего периода, известного как холодная война. Если это время вошло в историю как эпоха относительной стабильности, то в этом, бесспорно, была большая заслуга А.А. Громыко.

Разумеется, Андрей Андреевич являлся человеком своей эпохи, с ее жесткими идеологическими постулатами и логикой противостояния, нередко в духе «игр с нулевой суммой», со всеми их просчетами и предрассудками. Однако чем дальше отодвигается от нас это время, тем отчетливее становится политическая философия А.А. Громыко, заключавшаяся в том, чтобы твердо отстаивать интересы своей страны — именно отсюда его характеристика на Западе как «господина Нет». Но, что не менее важно, он добивался последовательного, шаг за шагом, укрепления международных позиций Советского Союза, избегая ненужной конфронтации и не ставя крайних, конечных целей на уровне практической дипломатии, которая при нем оставалась *искусством возможного*.

В последнее время увеличивается объем мемуарной литературы об А.А. Громыко, наглядно показывающей, что Андрей Андреевич не переставал настраивать своих подчиненных, включая послов в ведущих столицах, на постоянный поиск позитивных нюансов — его знаменитых «подвижек» — в позициях партнеров и оппонентов, которые могли бы служить смягчению международной обстановки, использоваться в качестве «завязок» для договоренностей и сотрудничества. И в конечном итоге такая линия приносила плоды, способствовала тому, что мир отступил от опасного балансирования на грани ядерной катастрофы, были сделаны важные шаги

по ослаблению международной напряженности, продвижению вперед в области разоружения. В частности, неотъемлемой частью курса, проводившегося в жизнь А.А. Громыко, являлось расширение сфер общих интересов и взаимодействия между СССР и США. И этот акцент на российско-американское согласие был вполне оправдан в эпоху биполярной директории по управлению миром.

Трудно переоценить вклад А.А. Громыко в формирование миропорядка после Второй мировой войны. Его подпись стоит под Уставом ООН, с его именем непосредственно связана выработка таких узловых элементов современной системы международных отношений, как Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и Договор о нераспространении ядерного оружия. По существу, эти и другие подобные им договоренности заложили основы совместного управления мировыми делами, противодействия общим угрозам, разрешения конфликтных ситуаций политическими методами в интересах обеспечения глобальной безопасности и стабильности. К сожалению, их возможности не были и, видимо, не могли быть до конца реализованы в условиях холодной войны. Однако теперь, когда идеологический раскол мира остался в прошлом, есть все предпосылки для полного раскрытия потенциала ООН, заложенного ее «отцами-основателями», как центра открытых, честных дебатов и координации мировой политики на равноправной, справедливой основе, без двойных стандартов.

Сегодня, когда мир погружен в глубокий финансово-экономический кризис и страдает от разбалансированности механизмов обеспечения безопасности, вновь, как и в послевоенный период, востребовано стратегическое ви́дение, которое — разумеется, на принципиально новом фундаменте — позволило бы сформировать эффективные механизмы подлинно коллективного лидерства ведущих государств, выходящего за неизбежно узкие рамки одной цивилизации. Если во времена А.А. Громыко речь шла о мирном сосуществовании двух военно-политических блоков, противостояние которых объективно служило способом сохранения доминирования Европейской цивилизации в глобальной политике, экономике и финансах, то в наши дни требуется межцивилизационное согласие, невозможное без сосуществования культур и религиозных традиций, без признания множественности моделей развития и равных прав за различными системами ценностей. Другими словами, глобализация диктует выбор в пользу толерантности и цивилизационной совместимости, вывода вновь — как это было сделано Вестфальским миром в Европе XVII в. — идеологических и ценностных различий за рамки межгосударственных отношений.

Требуется продолжить усилия по созданию новой глобальной финансовой архитектуры, необходимо серьезное, заинтересованное обсуждение российской инициативы заключения Договора о европейской безопасности с целью объединить всю Евро-Атлантику на основе единых правил и гарантий неделимости безопасности. Действуя по этим и другим направлениям, следует преодолеть нынешний кризис доверия в международных отношениях и

наконец продвинуться к созданию «работающей» полицентричной системы глобального управления при опоре на центральную роль ООН и верховенство международного права. Россия, реализуя обновленную Концепцию внешней политики, утвержденную Президентом Д.А. Медведевым в июле 2008 г., намерена сочетать последовательное отстаивание на международной арене своих национальных интересов с продвижением позитивной, объединительной повестки дня, способствующей радикальному перелому к лучшему в мировых делах.

Хотелось бы затронуть еще одну тему. Все мы, относящиеся к старшему поколению российских дипломатов, в свое время прошли через «школу Громыко». Ее суть состояла в ориентации на максимально высокий стандарт профессионализма, в творческом подходе к делу, в детальной проработке документов, в тщательной, «эшелонированной» подготовке к встречам и переговорам. Укоренившаяся в МИДе за годы пребывания А.А. Громыко в должности министра привычка к такому серьезному, «без скидок», труду во многом и сегодня позволяет дипломатическому ведомству сохранять высокий авторитет — как внутри страны, так и среди зарубежных коллег.

Имя А.А. Громыко принадлежит истории. О его деятельности, очевидно, еще многое будет написано. Данное издание, не претендуя на всеобъемлющий характер и бесспорность оценок, представляется полезным для всех, кто интересуется проблемами внешней политики и дипломатии. По крайней мере, оно дает убедительные свидетельства единства исторического процесса, той истины, что никто и никогда не начинает на пустом месте.

С.В. Лавров
Министр иностранных дел Российской Федерации

Акопов П.С.

Мои встречи и беседы с А.А. Громыко

Как лично мной, так и мировой общественностью А.А. Громыко воспринимается одним из видных государственных и политических деятелей, оставивших заметный след в истории международных отношений нашей страны. Особенно ярко проявились его талант и способности во внешней политике и дипломатии. Ходили легенды о его феноменальной памяти, знаниях и трудоспособности, выдержке и невозмутимости, умении логично и последовательно проводить свою мысль и идею с собеседниками на всех уровнях, о его высказываниях, которые превращались в афоризмы, и о том, что на его лице никогда нельзя было прочитать реакцию на высказывания собеседника, что он сухой, черствый и жесткий человек, и т.д.

Мне посчастливилось многие годы работать под его руководством, общаться с ним не только в рабочей, но и в неформальной обстановке, наблюдать за этим вполне «человечным» человеком. Мои наблюдения, основывающиеся на беседах и общении с этой неординарной, я бы сказал, выдающейся личностью, подтверждают одни из этих черт, характеризующих А.А. Громыко, и опровергают другие. Своими воспоминаниями и впечатлениями я хотел бы коротко поделиться с читателем, который проявляет интерес к нашему знаменитому соотечественнику.

Первая моя «встреча» с А.А. Громыко состоялась в конце 50-х годов прошлого века, когда я учился в Высшей дипломатической школе МИД СССР (ВДШ — ныне Дипакадемия). Правда, эта встреча была заочной, апосредованной. В те годы набор слушателей в ВДШ проводился из числа как работников системы МИДа, уже имевших опыт дипломатической работы и направлявшихся на учебу для повышения квалификации, так и руководящих партийно-хозяйственных работников. Этот набор ЦК КПСС регулировал через

Акопов Погос Семенович — Председатель Совета Ассоциации российских дипломатов, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

Отдел загранкадров. В один из июньских дней 1957 г. меня пригласили в партком Госплана СССР (тогда я работал начальником сектора Отдела территориального планирования и размещения предприятий) и объявили, что по решению ЦК я рекомендован на учебу в ВДШ. На мое замечание о том, что «я же экономист, какой из меня дипломат, да и иностранных языков не знаю», мне разъяснили, что на данном этапе, когда Советский Союз начинает развивать широкое экономическое сотрудничество со странами, недавно завоевавшими политическую независимость, необходимы кадры, в том числе в посольствах, которые бы хорошо знали экономику нашей страны, ее возможности и потребности, с тем чтобы грамотно выстраивать отношения с этими странами.

Пройдя все комиссии (партком, Свердловский райком, МК и МГК, ЦК), сдав вступительные экзамены, а их было семь, начав учиться в ВДШ, я все же сомневался, что смогу стать дипломатом, будучи по образованию и опыту работы экономистом. Продолжалось это до тех пор, пока я не ознакомился с книгой «Экспорт американского капитала» и не узнал, что ее автором под псевдонимом Г. Андреев является Андрей Андреевич Громыко.

Произошло это так. Николай Николаевич Любимов — профессор, экономист с мировым именем, читал нам курс лекций по международным экономическим отношениям. И вот однажды, когда он освещал раздел «Вывоз капитала», мы выразили недовольство тем, что этот предмет подается неконкретно и что теорию мы уже проходили в вузах. Зачинщиком этой критики выступал я. Тогда Николай Николаевич посоветовал мне прочитать недавно вышедшую из печати книгу Г. Андреева «Экспорт американского капитала. Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии».

Через некоторое время, как мне помнится, уже на экзамене, Н.Н. Любимов спросил меня, прочитал ли я рекомендованную им книгу и каково мое мнение о ней. Дав в целом положительную оценку, я отметил, что книга полезная, именно то, что нужно нам, поскольку содержит анализ обширного экономического материала, на основе чего, и это весьма важно, сделаны выводы политического характера. Сказал, что подробно рассмотренные в ней формы и методы экспорта капитала, его цели и задачи раскрывают экспансионистскую сущность монополистического капитала, вооружают нас конкретными знаниями и будут необходимы нам для работы на новом дипломатическом поприще.

Вместе с тем я высказал какие-то критические замечания по поводу того, что книга касается только американцев, вывоза американского капитала и еще что-то в этом роде.

Выслушав меня, Любимов спросил: «А вы знаете, кто автор этой книги? — и тут же ответил сам: — Ее автор — А.А. Громыко». Тогда-то я и узнал, кому принадлежит псевдоним «Г. Андреев». Когда в 1961 г. в Издательстве социально-экономической литературы в Москве вышла книга Г. Андреева «Экспансия доллара», я уже знал, кто ее автор.

Впоследствии я много раз обращался к этим книгам, штудировал их и все больше и больше утверждался во мнении, что и экономист может стать дипломатом, разумеется, если он будет пополнять свои знания, прежде всего в овладении иностранными языками. Пройденный мною путь в дипломатии от третьего секретаря до посла является ответом на вопрос, волновавший меня когда-то. И в этом известную роль сыграл сам А.А. Громыко и его работа.

Более того, мои экономические знания, опыт работы в высших плановых органах СССР, книги А.А. Громыко, его методы анализа оказали мне неоценимую услугу при анализе социально-экономических и политических процессов в Египте, где я проработал около 16 лет.

В этой связи я хотел бы привести пример, свидетельствующий о том, какое огромное значение придавал А.А. Громыко анализу экономических процессов при оценке политического курса, в данном случае, египетского руководства в 70-х годах прошлого века.

Это было в далеком 1974 г. В марте А.А. Громыко приезжал во главе советской правительственной делегации в Египет. Я в то время работал временным поверенным в делах СССР в этой арабской республике (посол В.М. Виноградов после октябрьской войны был назначен заместителем главы советской делегации на Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку, а главой являлся А.А. Громыко).

Министр отказался от предложенного египтянами дворца и изъявил желание остановиться в резиденции советского посла в Каире, находившейся на территории посольства (посол отсутствовал).

После встречи в аэропорту, размещения и обеда, который мы устроили для всей делегации, Андрей Андреевич попросил меня вечером зайти к нему. В ходе беседы, которая длилась три часа, я рассказал ему о положении в стране, о новых моментах в политике египетского руководства, уделив особое внимание политике «открытых дверей», которая, как я оценил, направлена на отход Египта от Советского Союза и сближение с США. Сказал, что на опасность этого пути мы обращаем внимание египтян, в частности, в беседах с Абдель Азиз Хигази — тогдашним премьер-министром. При этом я невзначай отметил, что мы опираемся на положения и выводы книг Андрея Андреевича «Экспорт американского капитала» и «Экспансия доллара», где, в частности, написано, что иностранный капитал идет в слаборазвитые станы в погоне за высокими прибылями, которые извлекаются за счет либо ограбления сырьевых ресурсов, либо низкой цены на землю, либо дешевой рабочей силы. У Египта нет ни сырьевых ресурсов, ни земли, есть только дешевая рабочая сила. Следовательно, подчеркивали мы, иностранный капитал, если и придет в Египет, то только чтобы эксплуатировать египетский народ, а также из политических соображений, навязывая условия, подрывающие устои египетской экономики и советско-египетские отношения, заложенные Насером.

При моем упоминании о его книгах и ссылках на положения и выводы в них лицо Андрея Андреевича как-то просветлело, глаза заблестели и стали

добрыми. Я почувствовал, что ему было приятно, что его книги читают, используют их в работе и знают, что автором является он.

На следующий день на приеме, устроенном египтянами в честь советской делегации, А.А. Громыко в окружении премьер-министра, министра обороны, министра иностранных дел Египта и др. стал рассказывать, что он в американской печати читал о том, что египтяне начали проводить политику «открытых дверей», допускают в страну иностранный капитал и что перед американским капиталом открываются широкие возможности. Далее он предостерегал от пагубных последствий этого шага, если, разумеется, подчеркивал он, не поставить под жесткий государственный контроль деятельность американского капитала в стране. Я хорошо помню фразу: «Нужно крепко держать руль в руках, чтобы страну не бросало из стороны в сторону». Египтяне стали все отрицать и заверять А.А. Громыко, что не допустят к себе иностранный капитал. Однако последующие события показали, что египетское руководство избрало именно этот путь и широко открыло «двери» Египта для иностранного капитала.

Приведенный мной эпизод свидетельствует о том, как умело использовал А.А. Громыко простой прием, чтобы дать понять собеседникам, что советское руководство знает новые тенденции в политике Египта и обеспокоено ими. В то же время, этот пример показал, что А.А. Громыко умел прислушиваться к своим сотрудникам, работавшим за рубежом, и доверял им.

Вот еще один момент, характеризующий А.А. Громыко как тонкого дипломата, для которого не существовало мелочей. В ходе моего доклада, после того как я рассказал ему об экономике, внутреннем положении и внешней политике Египта, Громыко стал подробно интересоваться моими связями и контактами в канцелярии и секретариате Анвара Садата; он расспрашивал о его помощниках пофамильно. Мне было невдомек: зачем ему это? После того, как я ушел от него к себе, раздался звонок А.А. Громыко. Он попросил меня вновь назвать помощников Садата, я стал перечислять и, когда назвал имя начальника канцелярии президента, Андрей Андреевич прервал меня и сказал: «Вот этот. Свяжитесь с ним и скажите, что Громыко хочет встретиться с Садатом и провести беседу один на один, и сделайте это сегодня».

Дело в том, что программа визита предусматривала беседу А.А. Громыко с Садатом с участием министра иностранных дел Египта Исмаилом Фахми. Очевидно, Андрей Андреевич решил предпринять такой ход, чтобы не ставить этот вопрос через МИД и «не обидеть» Фахми. Естественно, в этот вечер я не смог связаться с начальником канцелярии президента. Было 10 часов вечера, он уже ушел домой. Однако А.А. Громыко настойчиво требовал, чтобы его просьба была доведена до президента и ответ получен не позже 9 часов утра следующего дня, т.е. до начала переговоров с Фахми, которые должны начаться в 10 часов. Такой ход давал возможность не ставить этот вопрос перед Фахми и избежать нежелательного объяснения с ним.

Мне удалось ночью дозвониться домой до начальника канцелярии президента и передать просьбу А.А. Громыко. Утром в 9 часов 30 минут делегация

уехала на переговоры, а я остался в посольстве ждать ответа от президента. В 10 часов мне позвонил начальник канцелярии президента и сказал, что Садат готов принять А.А. Громыко в своей резиденции в Гизе недалеко от пирамид и провести с ним беседу один на один.

Я помчался в особняк МИДа, где проходили советско-египетские переговоры (с советской стороны тогда в переговорах участвовали Г.М. Корниенко, М.К. Сытенко, Ю.Н. Черняков и др.). Незаметно передал Андрею Андреевичу записку о согласии Садата. Через полчаса к И. Фахми подошел помощник и что-то шепнул на ухо. Фахми резко встал и ушел к себе в кабинет (зал переговоров сообщался с его кабинетом). Проходят 5–10 минут, Фахми не появляется. Очевидно, ему сообщили, что президент принимает А.А. Громыко без него, и это его задело… Чтобы разрядить неловкость положения, Андрей Андреевич встает из-за стола переговоров и сам идет в кабинет к Фахми. Переговоры прерываются. Через 10 минут министры выходят из кабинета, Фахми — темнее тучи, но провожает Громыко до машины, отказывается давать интервью журналистам и быстро возвращается к себе. Громыко успевает сказать мне, чтобы я ехал за ним, и кортеж устремляется к пирамидам.

Подъехали к дому-резиденции Садата. Гостя встречает сам хозяин. В приемной журналисты фотографируют, пытаются взять интервью, но их быстро выдворяют. Громыко мне говорит, чтобы я остался и подождал. Президент с министром удаляются для беседы один на один (без переводчика). Она длилась почти пять часов. Вот они вышли к журналистам, их сфотографировали на фоне пирамид. Садат выглядел утомленным, лицо красное, мне показалось, что он несколько возбужден. Громыко же, наоборот, — само спокойствие.

Вернувшись в посольство, Андрей Андреевич попросил подготовить кабинет посла, выделить двух машинисток-стенографисток и к 7 часам прийти за ним в резиденцию.

За свою жизнь мне приходилось наблюдать, как работают такие деятели, как Сабуров, Первухин, Косыгин, Каганович и др., трудоспособностью которых я восхищался, но то, что я увидел в этот вечер, превзошло все мною ранее виденное. С 7 часов вечера две машинистки-стенографистки без отдыха, в течение пяти часов непрерывно поочередно стенографировали, расшифровывали, печатали и носили тексты Громыко, а он их правил и возвращал. И так трижды. Наконец, в 2 часа ночи он приглашает меня и дает прочитать солидный «том» шифротелеграммы. Спрашивает, считаю ли я нужным еще кого-либо ознакомить. Называю советника В.А. Кирпиченко. Андрей Андреевич расписывается, говорит заведующему референтурой: «Ознакомьте, отправьте в Москву и уничтожьте».

Это был для меня урок ответственного отношения к делу. Я воочию убедился в высочайшей трудоспособности А.А. Громыко, его блестящих способностях писать четкие и отточенные телеграммы.

Я никогда не забуду удовлетворенность на его лице, когда он поставил точку и подписал телеграмму. И это после напряженнейшего дня переговоров и бесед. По дороге в резиденцию он мне сказал: «Всегда добивайтесь выпол-

нения поручений на возможно высоком уровне и в максимально короткий срок, никогда не откладывайте ответ».

В последующем в своей работе в качестве посла я стремился придерживаться его методов и принципов.

Последняя моя встреча с А.А. Громыко состоялась в конце августа 1986 г. Он уже не был министром иностранных дел. В июле 1985 г. его избрали Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Встреча состоялась по моей инициативе. Я позвонил Василию Георгиевичу Макарову (долгие годы он являлся старшим помощником А.А. Громыко и вместе с ним переехал со Смоленской площади в Кремль) и попросил организовать мне встречу с Андреем Андреевичем как вновь назначенному послу в Ливии. Андрей Андреевич принял меня на следующий день в кремлевском кабинете Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Прошло 22 года, но я до сих пор ощущаю теплоту этой встречи. Он внимательно выслушал мой восторженный рассказ о Кувейте, откуда я переводился в Ливию, и, почувствовав нотки огорчения в связи с этим, поспешил успокоить меня. Мне запали в память его напутственные слова: «Плохих, неинтересных стран нет. Вам надо прежде всего хорошо изучить Ливию, ее историю, культуру и, главное, экономику, проблемы. Ознакомьтесь с теоретическими выкладками Каддафи, постарайтесь установить доверительные отношения с ним. Вашим предшественникам это не удавалось, может быть, вам удастся, будьте с ним предельно искренни». Стал рассказывать о своих впечатлениях от встреч и бесед с Каддафи во время визитов последнего в Москву, давать конкретные советы. В частности, он указал на то, чтобы я уделил особое внимание вопросам военно-технического сотрудничества с Ливией. Таких советов я придерживался в своей деятельности в этой стране, и они мне очень помогли.

Беседа длилась почти два часа, она была непринужденной, чувствовалась ностальгия Андрея Андреевича по его любимой работе, которой он отдал полвека. Это был великий труженик, выдающийся дипломат и государственный деятель, крупнейший ученый экономист-международник. Однако А.А. Громыко являлся еще и большим дипломатом в общении с руководством страны, начиная с И.В. Сталина до М.С. Горбачева. Но это уже другая тема.

Ахтамзян А.А.

Выдающийся дипломат и ученый

А.А. Громыко принадлежал к героическому поколению наших соотечественников, к когорте дипломатов, которые были призваны создавать благоприятные внешнеполитические условия для страны в условиях величайшего кризиса в истории человечества, во время Второй мировой войны, в период смертельной схватки Советского Союза с нацистской Германией, а затем воплощать в дипломатических документах гениальный замысел надежного послевоенного устройства мира. Во время Второй мировой войны на дипломатов была возложена историческая миссия создания системы международной безопасности. Создание Организации Объединенных Наций на завершающем этапе войны действительно явилось историческим деянием трех государств антинацистской коалиции — СССР, США и Великобритании, которые еще до изобретения ядерного оружия признали роль великих держав в обеспечении мира и международной безопасности. Они пригласили Китай и Францию в качестве постоянных членов Совета Безопасности ООН, они же как инициаторы создания универсальной организации безопасности обязались действовать по принципу единогласия держав, взявших на себя ответственность за сохранение и поддержание всеобщего мира. Этот исторический факт особенно важно отметить сегодня, когда в результате изменившегося соотношения экономических потенциалов и стратегической ситуации, а главное, из-за безответственного разрушения ялтинско-потсдамской системы международных отношений при участии отдельных бывших советских руководителей система ООН оказалась на грани кризиса.

В плеяде дипломатов — учредителей ООН почетное место принадлежит Андрею Андреевичу Громыко. В качестве посла СССР в США он принял непосредственное участие в ответственной работе по воплощению общего замысла, причем в максимально возможной степени были соблюдены нацио-

---

Абдулхан Абдурахманович Ахтамзян — доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД РФ, почетный член Академии наук Татарстана.

нальные, государственные интересы державы и ее союзников. На конференции в Думбартон-Оксе (21 августа — 7 октября 1944 г.) Советский Союз представляла делегация во главе с послом А.А. Громыко. Ему же затем были даны полномочия от имени СССР поставить подпись под Уставом ООН 26 июня 1945 г. на конференции в Сан-Франциско. Серьезным достижением советской дипломатии той поры явилось включение в число первоначальных участников ООН Украины и Белоруссии. Участие в создании ООН — первое крупное дело А.А. Громыко, ставшего послом СССР в США в 1943 г.

Молодой Андрей Громыко не готовился к дипломатической карьере. Он считал, что дипломатом ему пришлось стать в силу стечения обстоятельств. Как и многие советские граждане 30-х годов прошлого века, он рано начал свою трудовую жизнь, сначала в родной деревне Старые Громыки недалеко от г. Гомеля в Белоруссии. В книге воспоминаний «Памятное» А.А. Громыко с уважением пишет о своем отце как о добросовестном труженике, оказавшем большое влияние на сына. У родившегося в деревне парня рано проявилась тяга к знаниям, которые он получал сначала из художественной литературы, особенно произведений русской классики, а впоследствии, сначала в техникуме, потом в институте в Минске, — из учебной и научной литературы. Особенно большой интерес студент проявил к экономическим наукам. Самостоятельную работу Андрей Громыко начал в деревенской школе в качестве учителя, еще будучи студентом второго курса, а затем стал директором школы.

Жизненные пути многих советских граждан того времени определялись решениями партии, ее руководителей, которые во второй половине 30-х годов проводили основательное обновление кадров и в народном хозяйстве, и в науке, и в государственном управлении. Молодого учителя однажды вызвали в Минск и предложили продолжить образование в аспирантуре Института экономики АН СССР в Москве, где ему вскоре поручили обязанности ученого секретаря. В аспирантуре А.А. Громыко всерьез занялся марксистской теорией и выполнил исследовательскую работу по экономике сельского хозяйства, а в 1936 г. защитил диссертацию. До 1939 г. молодой экономист занимался научной работой. В первом номере журнала «Вопросы экономики» за 1938 г. была напечатана его статья, посвященная 90-летию «Манифеста Коммунистической партии», а в следующем году в том же журнале — статья о книге В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». Ретроспективно оценивая первые научные работы Громыко, можно отметить его взвешенный подход к предмету.

В статьях читатель не обнаружит личных амбиций автора. Возможно, именно это повлияло на выбор среди сотрудников Академии наук кандидатов на дипломатическую службу. В начале 1939 г. партийная комиссия во главе с В.М. Молотовым, занимавшаяся отбором новых сотрудников в Народный Комиссариат иностранных дел (НКИД), пригласила в числе других кандидатов и А.А. Громыко. После краткой беседы, в ходе которой был задан вопрос, чем вызван интерес к английской литературе и как дается изучение английского языка, и получен сдержанный, скромный ответ, последовало приглашение на

работу в НКИД. Так Громыко в свои неполные 30 лет стал заведующим американским отделом дипломатического ведомства. Через несколько месяцев, в мае 1939 г., в условиях углубления международного кризиса произошла смена наркома иностранных дел: М.М. Литвинова сменил В.М. Молотов. Вскоре И.В. Сталин лично назначает Громыко советником посольства СССР в США, где полпредом в это время работал К.А. Уманский.

Дипломатическим мастерством А.А. Громыко пришлось овладевать на практическом поприще, в условиях начавшейся мировой войны, в цитадели державы, которая готовилась к выходу на мировую арену в качестве актера, а затем и арбитра. Общий подход к дипломатии как способу поддержания официальных отношений Громыко выразил на склоне лет довольно просто: «Общаясь с людьми недостаточно сведущими, чувствуешь, что они часто видят в дипломатии эдакое стремление или умение обхитрить партнеров по переговорам, может, в чем-то и «провести» их, сказать к месту удачное словцо, блеснуть неожиданным афоризмом, ловко привести неизвестную собеседникам цитату. Это, конечно, весьма далекое от истины представление»*. На деле поддержание отношений между государствами — это, прежде всего, постоянный труд, требующий большого запаса знаний с учетом интересов своей страны, реального положения и политики страны пребывания. Ознакомление с государственным устройством и дипломатическим аппаратом США началось для нового советского представителя в Вашингтоне тотчас по прибытии. Позже, вспоминая о своих первых шагах на дипломатическом паркете, Громыко говорил о роли и месте дипломатической службы страны пребывания. Внимательное отношение к правилам дипломатического общения — важное условие успешной работы дипломата.

Хорошей школой дипломатии стало для А.А. Громыко не только общение с чинами госдепартамента, но и лично с президентом США Ф.Д. Рузвельтом, который по своей инициативе довольно скоро начал вести с ним доверительные беседы как с представителем не только Москвы, но и лично И.В. Сталина. Из окружения президента особенно ценным было общение со специальным помощником Ф.Д. Рузвельта Г. Гопкинсом и госсекретарем К. Хэллом. Соратник президента Ф.Д. Рузвельта, государственный секретарь США с 1933 по 1944 г., Кордэлл Хэлл назван в воспоминаниях А.А. Громыко патриархом дипломатической службы: «Не могу припомнить ни одного случая, когда по той или иной причине беседа с Хэллом приняла бы крутой оборот. Он обладал тактом и умел держать себя в руках. Если при рассмотрении вопроса возникали трудности, расхождения, то Хэлл предпочитал скорее отложить его на время в сторону, оставить нерешенным, чем рассориться. Когда же он занимал по какому-нибудь вопросу отрицательную позицию, то стремился преподнести это с гибкостью, и в таких случаях в его голосе звучали бархатные нотки. Кстати, они совпадали и с естественным тембром голоса Хэлла»**.

---

* *Громыко А.А.* Памятное. Кн. 1. М., 1988. С. 6.

** Там же. С. 113.

Наряду с тактом дипломат рано научился ценить и умение выслушать собеседника. Даже из общения с такими жесткими деятелями, как военный министр Генри Стимсон и военно-морской министр Джордж Форрестол, внимательный дипломат умел извлечь уроки. Общаясь с американскими руководителями, советский представитель делал выводы о разных типах дипломатов. Заслуживает внимания вывод в отношении госсекретаря США в 1947–1949 гг. Дж. Маршалла: «Дипломатический фрак и военный мундир оказались как бы слиты воедино у Джорджа Маршалла»*.

Таким образом, науку и искусство дипломатии А.А. Громыко осваивал в США, где ему довелось быть советником, поверенным в делах, затем советником посольства в период, когда послом работал М.М. Литвинов (с 1941 по 1943 г.). В конце лета 1943 г., когда А.А. Громыко только что исполнилось 34 года, его назначили послом. Представления А.А. Громыко о профессии дипломата отражены в воспоминаниях, выступлениях и статьях, в кратких характеристиках известных дипломатов, с которыми ему довелось соприкасаться. Если говорить об оценках его предшественников в дипломатическом ведомстве, то очевидны симпатии к дипломату ленинской школы Г.В. Чичерину, но не к М.М. Литвинову или В.М. Молотову.

Первыми по-настоящему историческими событиями для А.А. Громыко стали конференции в Ялте и Потсдаме, где «Большая тройка» решала проблемы послевоенного устройства. Известно, что в Ялте И.В. Сталин, Ф.Д. Рузвельт и У. Черчилль обсуждали такие принципиально важные вопросы, как учреждение ООН и приняли окончательные решения по неурегулированным в Думбартон-Оксе проблемам: о первоначальных участниках — учредителях ООН, по принципу единогласия постоянных членов Совета Безопасности, наметили и контуры территориального устройства не только в Европе, но и в Азии. Даже по фотографиям видно, что за круглым столом и в Ливадийском дворце в Ялте, и в зале дворца Цецилиенхоф в Потсдаме посол А.А. Громыко сидит рядом с историческими фигурами. Между тем его самостоятельная дипломатическая деятельность еще только начиналась. Создатели ялтинско-потсдамской системы договоров очень скоро отошли от дел (У. Черчилль) или ушли в мир иной (Ф.Д. Рузвельт).

Сохранение и поддержание мира не только в духе, но и по букве Ялты и Потсдама на протяжении последующих десятилетий вплоть до начала так называемой перестройки потребовали от дипломатов не только мастерства, но и искусства. В первые послевоенные годы (в 1946–1948 гг.) А.А. Громыко являлся советским представителем в ООН, одновременно будучи заместителем министра иностранных дел СССР. В 1949 г., когда министром иностранных дел стал А.Я. Вышинский, Громыко был назначен первым заместителем министра. Именно в этом качестве ему пришлось принять участие в конференции в Сан-Франциско (1951), где США настояли на своем варианте мирного

* *Громыко А.А.* Памятное. Кн. 1. С. 119.

урегулирования с Японией, а Советский Союз отказался от подписания мирного договора с ней. В июне 1952 г. Громыко назначили послом в Великобритании, где, однако, он пробыл недолго: в апреле 1953 г., вскоре после смерти И.В. Сталина, его отозвали в Москву и снова назначили первым заместителем министра, каковым вновь стал В.М. Молотов.

На протяжении нескольких лет после конференции в Сан-Франциско А.А. Громыко пришлось заниматься проблемами урегулирования и в Европе (с Германией), и в Азии (с Японией). Он знал проблему урегулирования с Японией во всех деталях, особенно территориальные вопросы. Изустно известна реплика Громыко на встрече с японским представителем уже в 70-х годах. В ответ на замечание японца об островах Курильской гряды А.А. Громыко выразительно сказал: «Да, острова маленькие, но вопрос большой». Громыко считал послевоенное урегулирование жизненно важным для страны делом, особенно закрепление территориальных изменений. На прямой вопрос сына, какие дела ему кажутся главными в его дипломатической деятельности, Громыко-старший ответил: «Самым большим личным успехом я считаю закрепление в договорном порядке послевоенных границ в Европе»*. Закрепление границ в договорах, включая договоры 70-х годов с ФРГ, министр считал основным результатом своей работы. Как полагал Громыко, территориальные реальности, в том числе статус Калининградской области в составе РСФСР, были окончательно закреплены только в 1975 г. в Хельсинки.

Особую гордость и удовлетворение вызывало у А.А Громыко достижение соглашений по ограничению стратегических, ядерных вооружений: заключение Договора о прекращении испытаний ядерного оружия в трех средах (1963), Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г., наконец, Договоров об ограничении стратегических вооружений и о противоракетной обороне (т.е. ОСВ и ПРО) в 1972–1973 гг. Относительно договора 1968 г. Громыко с гордостью говорил: «После подписания в Сан-Франциско Устава ООН это была моя вторая по значению подпись под историческим документом»**.

Дипломатический стиль А.А. Громыко отличался серьезностью и основательностью. Он решительно отвергал не только шутовство в дипломатии, но и любые экстравагантные выходки высокопоставленных деятелей, которые ради им одним понятного эффекта допускали непродуманные действия. Поведение Н.С. Хрущева на сессии Генеральной Ассамблеи, где он пытался выразить протест, стуча ботинком по столу, конечно, было чуждо профессиональному дипломату. «Серьезная дипломатия не допускает шутовства. А ведь Хрущев вел себя как самый настоящий шут»***. «Лучше быть забытым, чем прослыть дураком», — заключил Громыко.

---

* *Громыко Анатолий*. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М., 1997. С. 47.

** Там же. С. 49.

*** Там же. С. 31.

В реестр успехов советской дипломатии под руководством А.А. Громыко следует внести по крайней мере еще два события послевоенной истории. Это преодоление Берлинского кризиса 1958–1961 гг., а также достижение компромисса в Карибском кризисе 1962 г., когда СССР и США оказались на грани ракетно-ядерной войны. В поисках компромисса в 1962 г. принимали активное участие не только дипломаты, но и политические руководители. Среди дипломатов наряду с Громыко следует отметить В.В. Кузнецова, А.Ф. Добрынина, А.А. Смирнова, В.А. Зорина и др.

Одна из причин долголетней успешной деятельности А.А. Громыко заключалась в приверженности определенным принципам и реалистическом, научном подходе к внешней политике государства. Как уже отмечалось выше, именно с избранного научного поприща пришел Громыко в дипломатию, а самое главное — все время наряду с практической деятельностью он продолжал заниматься наукой, исследовательской, литературной и даже издательской работой. Под издательской деятельностью следует понимать громадную по масштабам и результатам работу по выявлению и публикации документов внешней политики России и Советского Союза. Особо отметим фундаментальную (более чем 20-томную) публикацию «Документы внешней политики СССР», выполненную комиссией под руководством Громыко, начиная с 1957 по 1977 г. Историческую и научную ценность имеют публикации документов периода Второй мировой войны, прежде всего переписка И.В. Сталина с Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем, а также шеститомное издание «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — Москва, Тегеран, Думбартон-Окс, Ялта, Сан-Франциско, Потсдам».

За годы, когда А.А. Громыко возглавлял Министерство иностранных дел СССР, большие коллективы ученых и практиков в дипломатическом ведомстве выполнили следующие фундаментальные исследования: «История дипломатии», издана в четырех томах (1961–1979), «История внешней политики СССР», издана в двух томах (1917–1985, 5-е изд., 1986), наконец «Дипломатический словарь» издан в в трех томах (4-е изд., 1985). В списке изданий МИД СССР в 50–80-х годах — сотни томов документов об отношениях нашей страны с другими странами.

В ряде специальных работ по дипломатическому искусству, методам деятельности в области дипломатии А.А. Громыко выступал как соавтор или автор вступительных статей, в которых высказаны суждения о дипломатии, основанные на богатом опыте. В статье «Дипломатия в современном мире» в 1980 г. он писал: «Идеология и политика, в том числе международная, а следовательно, и дипломатия взаимно связаны. Каждая из этих областей общественной жизни, разумеется, имеет свою качественную особенность»*. Одна из особенностей дипломатической деятельности заключается в том, что она час-

* Дипломатия стран социализма. М., 1980; Современная дипломатия буржуазных государств. М., 1981.

то окружена тайной и стремится не раскрывать свои подлинные цели, которые, как правило, сводятся к расширению своего влияния и господства, овладению источниками жизненно важных ресурсов и созданию стратегических позиций.

Если современные дипломаты полагают, что можно простым отрицанием опыта предыдущего поколения добиться успеха в таком тонком деле, как дипломатия, то они обречены оставаться в наивно-младенческом блаженном состоянии, пока не окажутся в зубах «серого волка». Изучать опыт поколений отечественных дипломатов, знать и применять его на научной основе, а не конъюнктурно-приспособленческим методом, представляется весьма актуальной задачей для молодых дипломатов. Чего стоил нашей стране отказ от идеологии, т.е. от идей и принципов во внешней политике, мы можем видеть, как говорят, невооруженным глазом. Профессора не только Дипломатической академии, но и МГИМО могут с удовлетворением отметить, что министр А.А. Громыко находил время и возможности для участия в отдельных коллективных изданиях, подготовленных в свое время в учебных и воспитательных целях.

Многие годы А.А. Громыко вел индивидуальную исследовательскую работу и публиковал свои труды под псевдонимом Г. Андреев. Как исследователь он изучал мировую экономику, особенно экономику и политику США. Еще в 1956 г. Громыко защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук, а затем выпустил монографию «Экспорт американского капитала. Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии».

В 1961 г. вышла в свет его монография «Экспансия доллара», а 20 лет спустя, в 1982 г. — книга «Внешняя экспансия капитала: история и современность». Таким образом, министр не прерывал своей научной деятельности, постоянно изучая экономическое развитие ведущих стран мира. Список научных трудов и публикаций А.А. Громыко включает десятки книг и статей, не считая публичных выступлений, которые вошли в сборники статей и выступлений*.

Творческую литературную деятельность А.А. Громыко увенчивает книга воспоминаний «Памятное», вышедшая в двух томах в 1988 г., а затем с некоторыми дополнениями переизданная в 1990 г. В этой книге обобщен не только профессиональный, но и жизненный опыт видного дипломата XX в. Полагаю, что изучение работ А.А. Громыко — необходимая составная часть подготовки нового поколения специалистов-международников.

Никакие примитивно понимаемые конъюнктурные соображения не могут воспрепятствовать неизбежному обращению и теоретиков, и практиков к опыту отечественной дипломатии XX столетия, в том числе к трудам А.А. Громыко. В западной историографии и публицистике имеет хождение стереотип, представляющий Громыко как «Мистера Нет», с тем чтобы рассматривать достигнутые в 60–80-х годах соглашения, договоры как исключитель-

* *Громыко А.А.* Ленинским курсом мира. Избранные речи и статьи. М., 1984.

ную заслугу Запада. Если дипломат находил в себе силы сказать «нет», когда затрагивались интересы страны, то это не должно означать ничего дурного. Важно, чтобы Отечество сказало «да» поступкам и деяниям своего видного представителя.

В период, когда А.А. Громыко был министром иностранных дел (т.е. с 1957 по 1985 г.), дипломатическое ведомство страны активно использовало трибуну ООН — ежегодные сессии Генеральной Ассамблеи ООН и Совет Безопасности для обсуждения и решения актуальных проблем мировой политики. Это относится прежде всего к предотвращению мировой ракетно-ядерной войны и локальных конфликтов, гонки вооружений, ограничению и сокращению стратегических вооружений; к постановке и регулированию глобальных проблем современности: экологических, продовольственных, гуманитарных, рационального использования ресурсов Мирового океана. Особо следует отметить постановку и обсуждение (с последующим принятием действенных решений) проблем ликвидации колониальной системы, ограничения и прекращения ядерных испытаний, нераспространения ядерного оружия, использования околоземного пространства исключительно в мирных целях и других проблем мирового значения.

Видимо, говорить «А.А. Громыко и его эпоха» можно условно. Исторически вернее было бы судить о деятельности выдающегося дипломата и государственного деятеля на ответственных этапах ракетно-ядерной эпохи. Именно в 1957 г., когда Громыко стал министром иностранных дел, наша страна первой вывела искусственный спутник на околоземную орбиту, и русское слово «спутник» (синоним слова «товарищ») было воспринято во всем мире. В 1961 г. с того же космодрома «Байконур» был выведен на околоземную орбиту корабль с космонавтом Юрием Гагариным на борту. Одновременно решались задачи разработки ядерного оружия и его доставки в любую точку Земли. Ведущая индустриальная держава США должна была под влиянием этих событий пересматривать не только свои стратегические доктрины, но и систему образования. В стратегическом плане создание межконтинентальных баллистических ракет, начиная с вывода снаряда в космос, означало утрату Америкой полной неуязвимости для ответного удара в случае первого ядерного удара по территории СССР. Пентагону пришлось пересмотреть такие стратегические установки, как «массированное ядерное возмездие», «отбрасывание коммунизма» и т.п. Вместе с тем стороны в холодной войне глубже осознали необходимость компромиссов, чтобы избежать реального военного столкновения. Обострение отношений в связи с ситуацией вокруг Берлина в 1958–1961 гг., а затем в период Карибского кризиса, когда мир оказался на грани конфликта с применением ядерного оружия, показало необходимость сосуществования. Кстати, разработка принципов мирного сосуществования применительно к данной эпохе была делом не только партийных идеологов, но и дипломатов, что получило отражение в выступлениях Громыко. Принципы мирного сосуществования заложены не только в Уставе ООН, но и в Хельсинкском Заключительном акте 1975 г.

Дипломатия играла важную роль в предотвращении не только мировой войны, но и локальных конфликтов. Именно после достижения компромисса в Карибском конфликте вскоре удалось достичь определенных результатов в дипломатическом марафоне на переговорах по прекращению ядерных испытаний, ущерб от которых стали испытывать на себе все страны мира. В августе 1963 г. был заключен Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах. Первоначальными участниками и депозитариями Договора выступили три ядерные державы: СССР, США и Великобритания. Договор был открыт для подписания в трех столицах — Москве, Вашингтоне и Лондоне. С точки зрения развития методов дипломатии, этот акт был новаторским. Он создал предпосылки не только для участия всех без исключения государств в этом Договоре, но и для продолжения переговоров и выработки в краткие сроки новых договоров и соглашений по ограничению стратегических вооружений. Особое место в ряду таких соглашений занимает Договор о нераспространении ядерного оружия, подписанный теми же тремя державами 1 июля 1968 г. в трех столицах и открытый для подписания другими ядерными и неядерными государствами. В конечном итоге Договор подписали, а затем продлили на новый срок почти все государства: в 2008 г. — 189.

Ракетно-ядерная эпоха характеризуется и как эпоха распада колониальной системы. Объективно неизбежный процесс деколонизации и обретения государственной самостоятельности народами Азии и Африки получил поддержку со стороны Советского Союза. Люди старшего поколения, особенно дипломаты, помнят инициативу СССР в ООН по выработке совместно с другими государствами резолюции по деколонизации, благодаря которой был ускорен процесс создания новых государств, особенно в Африке и Южной Америке, а затем и в Океании. В историю международных отношений 1960 г. вошел как год Африки. Обрели независимость десятки стран, число государств — членов ООН существенно увеличилось, превысив 100, а позже — 190. В подготовке и реализации этой инициативы нашей державы значительна личная заслуга А.А. Громыко. Советский Союз, как правило, заявлял о дипломатическом признании нового государства в день провозглашения его независимости. К 70-м годам СССР установил дипломатические отношения более чем со 140 государствами. Когда в редакции журнала «Международная жизнь» возникла мысль опубликовать подготовленную в МГИМО сводную таблицу государств с датами установления дипломатических отношений СССР с этими странами, Громыко оживленно прокомментировал и одобрил эту хронологию.

В отношениях между странами третьего мира периодически возникали трения и даже конфликты на почве размежевания. Особенно острым и затяжным оказался конфликт из-за Кашмира между Индией и Пакистаном. Не только историки, но и практики-дипломаты, очевидно, помнят, что, когда в 1966 г. произошло обострение конфликта между этими государствами, Советский Союз взял на себя и успешно выполнил миссию доброй воли. Это был первый и, пожалуй, единственный акт такого масштаба в истории совет-

ской дипломатии. Ташкентская встреча представителей Индии и Пакистана при содействии СССР предотвратила расширение конфликта. Здесь нам представляется уместным упомянуть имя одного из заместителей министра иностранных дел Н.П. Фирюбина, который принял активное участие в проведении Ташкентской встречи и затем обстоятельно рассказал об этом преподавателям и студентам МГИМО. Выступления не только заместителей министра, но и членов Коллегии, заведующих отделами, были довольно частыми прежде и были бы полезны и ныне.

Более четверти века Громыко был министром иностранных дел Советского Союза, достойно представляя великую державу на мировой арене. Его дипломатическая деятельность строилась на глубоком знании глобальных экономических и социальных процессов, изменений в соотношении сил между ведущими державами мира. Он основательно изучил суть долларовой и атомной дипломатии США. На протяжении десятилетий дипломатия СССР противостояла экспансионистской политике этой страны, обеспечивала сохранение послевоенного территориального и политического статус-кво в Европе, содействовала освободительным движениям народов Азии, Африки, Латинской Америки. Не узколобый прагматизм, а принципиальность и предсказуемость характерны для внешней политики великой державы. Главный итог дипломатической деятельности страны во второй половине XX в. заключается в том, что совместно с другими миролюбивыми государствами, используя возможности ООН и других международных организаций, удалось предотвратить возникновение мировой войны, эскалацию локальных конфликтов и превращение их во всеобщий конфликт. Исторический факт состоит в том, что даже в период самых острых конфликтов в те годы ни одна бомба не была сброшена на города Европы. К сожалению, это все же произошло на рубеже веков в Югославии.

Все крупные дипломатические акции имели не субъективные мотивации, а серьезное обоснование государственными интересами.

Важным фактором успеха дипломатических акций служила апелляция к общественному мнению Советского Союза и зарубежных стран. Люди старшего поколения хорошо помнят выступления А.А. Громыко перед широкой аудиторией и более частые выступления перед специалистами. Речь идет не о торжественных юбилейных собраниях, а о деловых совещаниях. На некоторые совещания в МИД приглашали и ученых, и представителей общественности, которые участвовали в разъяснении внешней политики у нас в стране и за рубежом. Мне запомнилось выступление Громыко летом 1961 г. после встречи Н.С. Хрущева с президентом США Дж. Кеннеди в Вене. Для нас, германистов, выступление министра, когда он в течение полутора часов свободно, без какого-либо конспекта рассказывал о сложных проблемах европейской политики, являлось хорошей школой дипломатического искусства. Были, конечно, и другие встречи и эпизоды, их в памяти современников бесчисленное множество. У каждого свои воспоминания.

Лично мне довелось беседовать с А.А. Громыко только один раз, в 1973 г., когда министр проявил интерес к ситуации в МГИМО и пригласил меня, секретаря парткома института, прийти на беседу в здание на Смоленской-Сенной. Обстоятельная беседа длились примерно час. Речь шла и о дисциплине, и о моральной атмосфере, и об учебном процессе. Результатами этой беседы стали введение в институте по решению ведомства специального учебного курса по дипломатической службе, а позже создание кафедры дипломатии на факультете международных отношений.

Бельчук А.И.

Эффективность дипломатии Громыко

Среди большей части российских историков и широкой аудитории в последние годы произошла переоценка личности Андрея Андреевича Громыко, его места в советской дипломатии и истории. Двадцать восемь лет он был министром иностранных дел сверхдержавы и в столь богатое событиями время — явление само по себе уникальное, вызывающее как минимум уважение. Конечно, либеральные демократы и «примкнувшие к ним» его по-прежнему недолюбливают, как и все советское. Они, по-видимому, полагают, что чем хуже будет выглядеть советское прошлое, тем лучше будут восприниматься осуществленные ими перемены, которые положили конец такому «ужасному прошлому». Но даже среди этой части российского общества уже непопулярна «оголтелость» 90-х годов. Изменилось общество, оно требует других подходов. Конечно, и по сей день можно встретить изображение А. Громыко как «господина Нет», каким его нередко представляли журналисты определенной направленности, прежде всего по голосованию в Совете Безопасности — этакого мрачного, неулыбчивого и сурового господина, каким, по их мнению, и должен быть представитель «тоталитарного советского государства». (Кстати, по подсчетам, Соединенные Штаты чаще использовали право вето, чем СССР.) Но так или иначе теперь и недоброжелатели упоминают имя Андрея Громыко с уважением. Постепенно историческая правда пробивает себе дорогу, хотя, к сожалению, далеко не всегда.

Все больше людей начинает приходить к выводу, что политиков и политику необходимо оценивать почти исключительно по результатам, а не по хорошим намерениям (которыми, как известно, вымощена дорога в ад), не по красоте и убедительности защиты идеи и даже не по этическим критериям, хотя отрицать целиком роль этих критериев, конечно, нельзя. Вспомним в этой связи хотя бы фигуры таких «неудачников», как Сальваторе Альенде и Че Гевара, моральное воздействие которых на умы людей во всем мире исключительно велико.

Бельчук Александр Иванович — доктор экономических наук, профессор Всероссийской академии внешней торговли.

Любая революция выдвигает на первый план хороших ораторов, поскольку она, как правило, выводит на улицы массы, на которые прежде всего действует сказанное слово. Сейчас улицу частично заменяет телевизор, но это в принципе мало что меняет. Советская рыночная революция — или контрреволюция, как кому нравится — не была исключением с этой точки зрения. Сколько красноречивых витий, обещавших народу царствие земное, сколько интересных и умных идей мы тогда слышали? Действительность оказалась иной, чем мы ожидали. Выясняется, что говорить интересные и даже умные вещи и добиваться позитивных результатов в политике — разные вещи.

А дипломатия Андрея Громыко была, несомненно, эффективной с точки зрения результатов, как бы не относиться к целям, которые эта дипломатия преследовала. Сейчас российское общество, несомненно, расколото в отношении некоторых из этих целей (например, минимизация политических потерь для СССР после ввода советских войск в Чехословакию и Афганистан). Андрей Громыко был сыном своего времени, он верил в идеи коммунизма и служил системе не за страх, а за совесть. Он был убежден, что советскую систему нужно было не разрушать, а реформировать. Он был государственным человеком и прагматиком и прежде всего служил своей стране, ее интересам и служил хорошо. Его дипломатия была лишена эффектных импровизаций, зато отличалась бульдожьей настойчивостью и последовательностью, отлаженностью работы дипломатического механизма и тщательностью проработки деталей.

Конечно, всегда можно сказать, что результаты дипломатии в первую очередь зависят от военной, экономической и политической силы страны, ее влияния в мире и прочих аналогичных факторов, а не от таланта и искусства дипломатов. Как говорит русская пословица — сила есть, ума не надо. Примеров здесь можно привести сколько угодно. Однако искусство дипломатии оценивается тогда, когда перед ней ставятся задачи в пределах возможного. И здесь результаты у разных политиков могут быть совершенно различными, несмотря на равенство возможностей.

Следует учитывать, что в современную эпоху практической реализацией внешней политики занимаются не только, а иногда даже не столько дипломаты, но и президенты, главы правительств и даже лица, конституциями на это не уполномоченные. Это в старые времена было крайне трудно, а иногда и невозможно, руководить из столицы конкретными политическими шагами или переговорами, ведущимися в другой стране, из-за медлительности коммуникаций. Поэтому послы или главы делегаций, как правило, получали очень широкие полномочия. Сейчас связь с центром принятия решений в своей стране можно поддерживать ежедневно и даже ежечасно. Возникает возможность превратить дипломатическую службу в «почтальонов» специфического типа, а самим дипломатам «прятаться за спины» отечественных политиков более высокого ранга, уходя от ответственности за принятие решений. В этих условиях не всегда возможно четко определить вклад конкретного человека, особенно дипломата, в полученный в конце концов результат.

Для полного подтверждения высказанного нами ранее тезиса о высокой результативности дипломатии А. Громыко как ее важнейшей положительной черте было бы желательно проанализировать важнейшие внешнеполитические события, в которых Андрей Андреевич принимал участие и мог влиять на их ход. Однако у нас нет такой возможности, учитывая также большую длительность его политической карьеры. Такой комплексный анализ, надеемся, будет сделан в будущем, возможно, совместными усилиями нескольких исследователей. Для решения нашей более скромной задачи воспользуемся двумя примерами, где черты дипломатии А. Громыко проявились достаточно отчетливо: это борьба за принятие приемлемого для СССР Устава ООН и заключение Московского договора 1970 г. между СССР и ФРГ. Оба события имели исключительное значение не только для Советского Союза, но и для всего мира.

Устав ООН начал готовиться после встречи И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчиля в Тегеране в декабре 1943 г., когда было принято принципиальное решение о создании после войны глобальной международной организации — Организации Объединенных Наций, на которую должна была лечь ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Основная работа по выработке Устава ООН проходила в 1944 и 1945 гг. в Думбартон-Оксе и Сан-Франциско в Соединенных Штатах, и в этой работе А. Громыко принимал самое активное участие. Он был тогда послом СССР в США, и именно на него легла главная ответственность по выработке конкретных формулировок Устава.

В центре противоречий оказался вопрос о принципе вето постоянных членов Совета Безопасности и о полномочиях самого Совета. Социально-экономические, идеологические и политические различия между основными участниками антигитлеровской коалиции — речь идет о Советском Союзе и об остальных участниках — были очевидными и до и во время Второй мировой войны, хотя общая угроза, несомненно, всех сблизила. Но после завершения войны обострение отношений между ними было неизбежным, хотя вероятная степень обострения оставалась неясной. Для Советского Союза было чрезвычайно важным предотвратить потенциальное превращение ООН в орудие антисоветской политики, учитывая неизбежный численный перевес сторонников западных держав в Организации. Ключевую роль здесь играло перенесение важнейших и обязательных решений в компетенцию Совета Безопасности, а в Совете Безопасности — утверждение принципа единогласия ее пяти постоянных членов, т.е. принципа вето, при решении непроцедурных вопросов.

Ряд аналитиков утверждает, что принцип вето в значительной степени подорвал эффективность деятельности ООН, превратил ее в ничего не решающую организацию. На наш взгляд, это неверно. Можно предположить, что реально произошло бы с международными отношениями, если бы не существовало права вето. Иллюстрацией к этому могут служить события Корейской войны, когда Советский Союз на короткое время перестал принимать участие в работе Совета Безопасности в знак несогласия с сохранением членства в со-

ставе Совета за правительством Чан Кайши, хотя к тому времени в результате победы Китайской революции он был изгнан из страны. В этот момент США и его союзникам удалось принять решение, в соответствии с которым их участие в Корейской войне велось под знаменем ООН. В данном случае даже не столь важно, кто был виноват в начале войны — Северная или Южная Корея. Главное — мир раскололся на два блока, ведущих друг с другом военные действия, хотя и локального характера, а ООН вместо того, чтобы выполнять функции посредника, модератора конфликта, стала знаменем одной из сторон.

Такие ситуации с перспективой эскалации конфликтов неизбежно возникали бы в международных отношениях, если бы не существовал принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности, и если бы только этот орган не имел права принимать обязательные для всех государств решения. Такая ситуация способствовала большей сдержанности в политике многих стран, прежде всего руководства двух сверхдержав. Иначе ООН рисковала превратиться в инструмент доминирующих в ней стран, иными словами — западных держав, поскольку у СССР такой возможности не было. Даже бездействие ООН было предпочтительнее для международных отношений, чем превращение Организации в орудие одной из сторон. К чему привело одностороннее доминирование Великобритании и Франции в Лиге Наций, достаточно хорошо известно.

Практическая реализация базисных договоренностей, достигнутых на встречах в Тегеране, Ялте и Потсдаме, легла на плечи команды советских дипломатов под руководством А.А. Громыко, в основном в ходе длительных и изнурительных переговоров в Думбартон-Оксе и Сан-Франциско. И свою задачу они выполнили блестяще. Знакомство с материалами, касающимися хода переговоров, рисует картину очень непростых отношений между союзниками. Положение осложнялось тем, что со смертью Рузвельта новая американская администрация во главе с Трумэном попыталась ревизовать некоторые прежние договоренности, что называется, «дожать» советскую делегацию и добиться отмены или по крайней мере серьезного ограничения права вето. И здесь в полной мере проявились те качества А. Громыко как дипломата, которые в дальнейшем получили свое развитие. Это прежде всего упорство и последовательность в отстаивании своей линии. Он не давал своим партнерам ни одного шанса усомниться в том, что никакого принципиального изменения позиции советской делегации не будет, и СССР не пойдет на создание ООН, если в Уставе не будет предусмотрено право вето для постоянных членов Совета Безопасности. На такой шаг США и Великобритания не могли решиться в связи с той ролью, которую сыграл Советский Союз в борьбе с гитлеровской Германией, и его огромной популярностью в мировом общественном мнении.

Нужно иметь в виду, что А. Громыко в то время был еще весьма молод: ему не исполнилось и сорока лет. И ему пришлось иметь дело с такими «зубрами» большой политики, как государственные секретари США (министры иностранных дел) Стеттиниус и Бирнс, сенатор Ванденберг, игравший в между-

народных делах очень важную роль, министр иностранных дел Великобритании Иден, лорд Галифакс, возглавлявший на переговорах в Сан-Франциско британскую делегацию, и др. Обстановка в советском руководстве и порядки, которые там господствовали в то время, были, деликатно выражаясь, «суровыми». За ошибочный шаг можно было потерять не только место, но и голову. Несмотря на возможность согласования позиции с «Центром» благодаря радиосвязи, в ходе переговоров возникало много ситуаций, когда решение нужно было принимать самому руководителю делегации. Кроме того, а это, пожалуй, самое важное, в телеграммах в Центр (как правило, в ЦК компартии и руководству МИДа) обычно излагалось мнение по данному вопросу руководства делегации. Это мнение очень часто поддерживалось. Считалось, что на месте «виднее» (и это, на мой взгляд, справедливо). Если же мнение в конечном счете оказывалось неверным или таковым его оценивало «высокое начальство», прежде всего Сталин, то последствия для инициаторов решения могли быть самыми тяжелыми. Поэтому работа советской делегации всегда была «хождением по минному полю», и ее путеводителем по этому полю являлся А. Громыко.

У Устава ООН была еще одна функция, которая раскрылась в полной мере только много лет спустя — в нем сформулированы основные принципы международного права, которые заложили юридический фундамент международных отношений. Ни один другой международно-правовой документ не цитировался столь часто, не был более солидной юридической основой в международных спорах, чем Устав ООН. Конечно, он неоднократно нарушался. Но само существование такого эталона, как Устав ООН, ограничивало произвол в международных отношениях и создавало для стран, нарушивших общепринятые нормы международного права, немалые трудности.

В подготовке и принятии Устава ООН советская делегация во главе с А. Громыко, имевшая в своем составе немало блестящих специалистов по международному праву, сыграла очень важную роль, и по сей день этот документ имеет непреходящее значение. Пока лучшей основы международного права, чем Устав ООН, не существует.

Теперь о заключении мирного договора между СССР и ФРГ. Этот договор имел особое значение для развития международных отношений в Европе, поскольку он знаменовал собой фактический отказ ФРГ от претензий на восточные германские земли, отошедшие в результате Второй мировой войны к Польше и Советскому Союзу, преимущественно к Польше, поскольку СССР получил гораздо меньшую часть этих земель (нынешняя Калининградская область — часть Пруссии). Попытки возвратить эти территории в состав Германии могли произойти только военным путем, поэтому борьба с «немецким реваншизмом» была основным направлением советской политики в Европе в течение почти трех десятилетий после Второй мировой войны.

И главным трубадуром этой политики являлся А. Громыко. Советский Союз неустанно, по любому поводу, говорил об опасности «немецкого реваншизма», о необходимости для германского руководства полностью отказать-

ся от претензий на бывшие немецкие восточные земли как условия признания за ФРГ полной международно-правовой субъектности, восстановления ее роли в мире, поскольку договоренности с Советским Союзом означали для ФРГ признание со стороны всех стран восточного блока. Частью Московского договора 1970 г. было признание независимости Германской Демократической Республики как второго немецкого государства в существовавших границах. Так как ГДР с самого начала своего возникновения выразила согласие с границей по Одеру–Нейсе, эта договоренность также означала отказ от притязаний на бывшие восточные немецкие земли.

Московский договор 1970 г. был бы невозможен без прихода к власти в Германии социал-демократов во главе со Шмидтом и Брандтом. Они в конце концов решились подвести окончательную черту под прошлым. Это было очень трудным решением, учитывая, что Германия в результате Второй мировой войны потеряла четверть своих земель, где немцы жили уже в течение пяти-семи столетий. Как бы не были велики преступления нацизма, за которые германский народ, безусловно, несет ответственность, но согласиться с такими потерями для любого народа очень трудно. Несомненно, любая страна в своей истории совершала ошибки и преступления.

Если проанализировать любой территориальный конфликт, то почти всегда он бывает самым трудным объектом договоренностей, и далеко не всегда эти договоренности являются окончательными, хотя формально они могут быть таковыми. Если условия меняются фундаментально — а когда-нибудь любые условия меняются фундаментально — территориальная проблема может возникнуть вновь, если «наказанная» страна — сильная развитая страна, и наказана она была, по мнению ее народа, чрезмерно. То, что Советскому Союзу с помощью своих союзников по Варшавскому договору удалось в конечном счете «дожать» ФРГ, которой симпатизировали ее партнеры по НАТО, хотя прямо и не помогали в территориальном вопросе, является результатом его постоянных усилий в течение многих лет. А. Громыко лично сыграл здесь очень важную роль.

Закрепление территориальных итогов Второй мировой войны в Европе имело еще один важный исторический аспект: польско-советские, даже польско-русские отношения. Территория Польши увеличилась на одну треть! И это стало результатом усилий исключительно Советского Союза. Если обратиться к истории вопроса, начиная от встречи «Большой тройки» в Тегеране, затем в Ялте и Потсдаме, то станет очевидным, что только СССР настаивал на присоединении восточных немецких земель к Польше и начал реализовывать этот план немедленно после занятия этих земель советскими войсками. Как уже упоминалось ранее, основным направлением советской политики в Европе в течение большей части послевоенного периода было закрепление территориальных результатов войны, что отвечало жизненным интересам прежде всего Польши. Западные державы не очень радовались таким большим польским территориальным приобретениям, опасаясь, что усилившаяся Польша попадет в орбиту советского влияния и станет верным союзником СССР. В этом вопросе через какое-то время их ждало приятное удивление.

Разумеется, проводя такую пропольскую политику, Сталин преследовал свои цели. Во-первых, потеря столь значительной части территории ослабляла Германию, которая стала главной угрозой международным отношениям в первой половине XX столетия. Боязнь возрождения германского экспансионизма еще долго преследовала политиков во многих странах. Во-вторых, он надеялся прочно привязать Польшу к Советскому Союзу как главному гаранту польских территориальных приобретений. Еще один мотив — добиться ослабления традиционных антирусских настроений в Польше, сложившихся в результате многовековой борьбы между Польшей и Россией за лидерство в славянском мире. В течение почти полутора столетий Польша была включена в состав Российской империи, и неоднократные польские восстания за независимость страны сурово подавлялись. Учитывая польский национальный характер, все это воспринималось поляками крайне болезненно.

Но здесь Сталин ошибся. Антирусские настроения в Польше не были преодолены, несмотря на огромный «подарок», который Советский Союз преподнес этой стране «на блюдечке с голубой каемочкой», а потом много лет боролся за то, чтобы этот подарок не отобрали. Негативное эмоциональное наследство оказалось неистребимым. По нормальной логике Сталину в Польше должны были бы ставить памятники, а вместо этого там бесконечно попрекают СССР, а сейчас Россию, в расстреле около 30 тысяч польских офицеров в Катыни в 1941 г. и прочих грехах. Слов нет, это большое преступление Сталина и сталинского режима в целом, о котором нужно говорить и помнить, но все же порядок величин несоизмерим. Польше следовало бы не забывать об огромных территориальных приобретениях в результате поддержки Сталина и Советского Союза. Однако не помнят и не хотят вспоминать, вычеркивая эти факты не только из официальной истории, но и из своей памяти. Складывается впечатление, что для рядового поляка признание чего-нибудь положительного для Польши в политике своего исторического врага создает психологический дискомфорт. И наоборот, присоединение к лагерю недоброжелателей России вызывает у многих, если не у большинства поляков, неподдельный энтузиазм.

Этот фактор в значительной мере объясняет нынешнюю ситуацию, когда Польша стала антироссийским лидером среди стран Центральной и Восточной Европы, хотя национальные польские интересы этого отнюдь не требуют. Смею утверждать, что они им противоречат в долгосрочном плане. Мне почему-то кажется, что вопрос о бывших восточных германских землях еще возникнет когда-нибудь в будущем, что бы ни утверждало сейчас, и вполне искренне, нынешнее руководство Германии. (Это не означает, что я этого хочу. Просто слишком много исторических фактов и факторов свидетельствуют о достаточно высокой вероятности такого развития событий.) И можно с уверенностью утверждать, что Россия, учитывая негативный опыт российско-польских отношений, вряд ли «шевельнет пальцем», чтобы поддержать Польшу. Существуют и другие аспекты политики, где позиция России может иметь для Польши очень большое значение. Соединенные Штаты поддержат? Но ведь Америка далеко, а Россия ря-

дом и никуда не денется. Как долго США будут опекать Польшу? Никто не может сказать, но не вечно. В политике вообще нет ничего вечного.

Мы остановились на этих аспектах международных отношений после Второй мировой войны и роли в них А. Громыко, поскольку они свидетельствуют о значении эмоционально-психологического наследия в этих отношениях, что нередко недооценивается политиками. Нормальные политики мыслят рационально, а обычные люди — далеко не всегда. Умом нельзя понять не только Россию, но иногда и другие страны и народы, в частности Польшу и поляков.

Делал ли А. Громыко ошибки? Имеются в виду серьезные ошибки политического характера, поскольку ошибки вообще делает каждый человек. Впрочем, вряд ли можно найти даже самого удачливого политика, который бы никогда не ошибался. Я затрагиваю этот вопрос для того, чтобы данная книга, посвященная выдающемуся политическому деятелю, не превратилась в «житие святых» в современном варианте.

В отношении А. Громыко я приведу только два примера, поскольку они, как мне кажется, отражают некоторые стороны личности Андрея Андреевича. Одна ошибка, так сказать, «низкого уровня», а другая — самого высокого, имевшая огромные негативные последствия.

Первая рассматриваемая здесь ошибка — чрезмерное доверие к Андрею Шевченко, бывшему одно время его помощником. Шевченко в конце концов предал свою страну и лично своего шефа, всячески его поддерживавшего. Схема вербовки было до неприличия банальна. Во время работы Шевченко в аппарате ООН в Нью-Йорке в качестве заместителя Генерального секретаря ЦРУ подсунуло ему, как бы сейчас сказали, «крутую» любовницу, на содержание которой, а также на другие непомерные личные расходы, пьянки, путешествия и т.п., ЦРУ выплачивало ему приличные по советским стандартам деньги. Такое поведение Шевченко не могло остаться незамеченным. Когда соответствующие факты доводились до сведения Громыко, он долго не хотел верить, что Шевченко может решиться на предательство. Было принято решение о его отзыве, и тот, узнав об этом, сбежал, попросив политического убежища в США. Ни о каких идейных разногласиях с советской системой речь в данном случае не шла, хотя в дальнейшем Шевченко пытался подвести под свое предательство «идейную» базу.

Второй случай — гораздо более серьезный. А. Громыко сыграл важную, может быть, даже ключевую роль в избрании М.С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС. В то время, когда решался вопрос об избрании нового Генерального секретаря после смерти Черненко, Громыко пользовался, пожалуй, наибольшим влиянием и в партии, и в государстве. Если бы он был помоложе, то скорее всего его избрали бы Генеральным секретарем. Но народ уже устал от череды советских патриархов, которые умирали вскоре после избрания на должность. М.С. Горбачев выглядел среди «кремлевских старцев» как луч надежды.

На судьбоносном заседании Политбюро А. Громыко выступил первым с предложением выдвинуть кандидатуру М.С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС

для избрания его Генеральным секретарем, что предопределило конечный результат. Разумеется, не один Громыко имел такое намерение. Кандидатура Горбачева, что называется, витала в воздухе. Но она не была безусловной. Следует иметь в виду те традиции, «ритуал», который сложился в Политбюро. Если бы один из его членов, тем более такой авторитетный, как Громыко, предварительно договорившись с рядом других членов Политбюро, выдвинул иную кандидатуру, например Романова, еще неизвестно, чем бы дело кончилось. Мне кажется, что Горбачева могли бы и не избрать.

Оба случая, с Шевченко и Горбачевым, имеют, как нам кажется, общую психологическую основу. Громыко хотел верить в хорошие стороны человеческой натуры людей, которых он знал. «Перевертыши» ему были чужды. Разумеется, он не был доверчивым. Такое было абсолютно невозможным для политического долгожителя, да еще в такую эпоху! Но предательство людей достаточно близких для него было внутренне неприемлемым, хотя на своем веку он повидал изрядное количество предателей.

Последующее развитие событий, закончившееся развалом Советского Союза, всем памятно. Можно спорить о том, кто здесь сыграл главную роль — Горбачев или Ельцин. Субъективно оба они были основными «гробокопателями» и претендуют на проклятое историей первое место, но Горбачев, как мне кажется, был все же «главнее». Без Горбачева не было бы Ельцина. К тому же нужно учитывать особенность советского государственного устройства. Это было «партийное государство». Компартия выполняла в нем не только обычные партийные функции, но была частью государственной системы управления, параллельной системе советских органов власти и доминирующей по значению. В партийных органах принимались не только политические, но и сугубо управленческие решения. Именно партийная система объединяла все советские республики в единый союз больше, чем какой-либо другой механизм. Его разрушение, осуществленное при попустительстве Горбачева, без предварительного создания другого механизма, который взял бы на себя функции каркаса государства, было чревато угрозой его разрушения, что и произошло под аккомпанемент бесконечных речей Горбачева об укреплении социализма и демократии.

Конечно, советскую систему, как экономическую, так и политическую, необходимо было менять. Она себя изжила. Но разрушать при этом единое государство было вовсе не обязательно. Роль безвольного Горбачева в этом процессе оказалась фатальной. Ельцин лишь добил страну. При этом оба претендовали на то, что дали народу «свободу и демократию».

Андрей Громыко, разумеется, быстро понял, кого судьба с его помощью вознесла на Олимп государственной власти, но поезд уже ушел. Подозреваю, что для него это был самый горький итог жизни, отданной честному служению своему народу и государству.

Бессмертных А.А.

Тень Мастера

Большинство дипломатов моего поколения, да и значительная часть нынешних послов, сотрудников высшего и среднего звена Министерства иностранных дел в том или ином качестве работали в эпоху Андрея Андреевича Громыко, постигали секреты сложнейшего искусства ведения внешней политики, к тому же в жестких условиях Великой холодной войны, находясь в благотворной тени этого Мастера дипломатии XX в.

Мне повезло — меня не обошел шанс учиться у многих всему тому, что помогало осваиваться в трудной (если к ней относиться серьезно) профессии дипломата, заключающей в себе необходимость постижения множества наук, навыков, своеобразных технологий нашего во многом уникального ремесла, которое требует, как от музыканта, владения тонкими инструментами, в нашем случае прежде всего эрудицией, логикой и словом.

Вхождение в работу не предварялось наставлениями. Нашими учителями были особые люди, невидимо излучающие глубинную мудрость, насыщенный опыт и обширные знания. Нужно было только настроиться на восприятие этих излучений, открыться их воздействию и закрепить в памяти постигнутый смысл. Без стремления **внимать** полезному в мыслях и деятельности высоких Мастеров было невозможно обогатиться их опытом, который помогал нашему общему развитию, а также движению в работе и карьере.

Андрей Андреевич Громыко, казавшийся издалека недосягаемой холодной вершиной Гималаев, при более близком ви́дении был другим — внимательным, спокойным, обладавшим хорошим, но старательно скрываемым чувством юмора. Он не был человеком с мрачным расположением духа или угрюмым по натуре — он был чаще всего сосредоточенным, погруженным в свои мысли. При всем при том это, конечно, была глубокая, сложная в своей многоцветности натура. Случай проявил ко мне благосклонность, подарив возможность работать с ним на весьма близком расстоянии, разумеется, в подчиненном положении, которое, тем не менее, предоставляло достаточно обширный

Бессмертных Александр Александрович — министр иностранных дел СССР (1991).

простор для сопричастности к его делам. На первом этапе, когда я был сотрудником его секретариата; на втором — когда возглавлял, будучи членом коллегии МИДа, отдел США и Канады.

Мне не трудно признать, что если бы не упомянутый Случай, приведший меня в аппарат помощников А.А. Громыко на «разгонной фазе» дипломатической работы, то профессиональная жизнь моя, скорее всего, сложилась бы по-иному, может быть, и вполне удачно, но едва ли она была бы столь насыщенной событиями исторической важности. И в то же время Случай качнулся в мою сторону не без помощи самого Андрея Андреевича. Произошло это неожиданно и странно — так мне казалось.

Проработав почти год в отделе переводов Секретариата ООН, а затем четыре с половиной года помощником заместителя Генерального секретаря ООН (при мне этот пост занимали видные дипломаты Е.Д. Киселев, В.П. Суслов и А.Е. Нестеренко), который одновременно возглавлял Департамент по делам политическим и Совета Безопасности, я в 1966 г. вернулся в Москву, предвкушая потрудиться на предложенной мне должности первого секретаря в отделе международных организаций МИД СССР. Распланировав свой предстоящий 48-дневный отпуск, я заглянул к референту из управления кадров, чтобы завершить оформление необходимых документов. Тот встретил меня встревоженным взглядом и, не дав произнести ни слова, хрипловатым полушепотом приказал, чтобы я срочно мчался в секретариат министра на седьмой этаж. «А что случилось?» — пробормотал я. — «Иди, иди! Там узнаешь!» — сказал он.

Старший помощник министра Борис Дмитриевич Макашов испытующе оглядел меня и буднично, будто мы только вчера расстались, спросил: «Ты что на работу-то не выходишь?». Заподозрив, что произошла какая-то путаница, я стал рассказывать, что только на днях вернулся из загранкомандировки и ухожу в двухмесячный отпуск. Макашов весело рассмеялся. Это был высокий, красивый человек. Тонкий прямой пробор, тщательно уложенные волосы, хороший подбородок, аристократическая раскованность делали его похожим на бытующий образ британского лорда. «Завтра к 9 часам приступай к работе. Будешь сидеть вон за тем столом. Приказ о назначении подписан. Никаких отпусков, тем более двухмесячных».

Поначалу мне никто не раскрыл, почему я оказался в аппарате министра. (Лишь через несколько лет Владимир Павлович Суслов, к которому Андрей Андреевич питал доверие и уважение, сообщил, как это произошло.) А тогда мистика, связанная с назначением, только густела. Через две недели работы Макашов предупредил, что поскольку я уже вошел в курс дела, он планирует представить меня лично министру. Вскоре этот волнующий момент наступил. Макашов шагнул за высокую полированного ореха дверь с бронзовой ручкой. Я остался за порогом и взволнованно глядел на эту ручку, пока она не шевельнулась, и из открывшейся щели не вышел старший помощник. Я было шагнул вперед, но он остановил меня, прикрыл дверь и спросил: «Вы уже встречались с Андреем Андреевичем?» «Нет, — ответил я, — министра я ви-

дел только издалека». «Странно, — пробормотал Макашов, — когда я попросил разрешения представить нового сотрудника, он мне сказал, что уже знает Бессмертных… Ладно, через пару недель повторим операцию. Возможно, Андрей Андреевич…» Макашов не завершил фразу — то, о чем он подумал, просто не могло случиться: Громыко никогда ничего не путал.

Позднее «операцию» повторили. Макашов доложил министру: «Уже месяц работает новый сотрудник. Хотел бы вам его представить». «Макашов, — ответил министр, — я две недели назад сказал вам, что знаю Бессмертных. Не будьте так забывчивы».

После этого старпом решительно отказался от попыток показывать меня министру. Все пошло своим ходом. Вскоре я уже докладывал, когда наступало мое дежурство, документы и срочные телеграммы Андрею Андреевичу, выполнял поручения, ездил к нему на дачу и на квартиру — забирать просмотренные им материалы, записывать его комментарии и указания, адресованные заместителям министра, заведующим отделами, послам.

Наиболее трудно, особенно поначалу, было помнить перипетии событий, по поводу которых он либо делал запросы послам, либо обращался с посланиями к своим коллегам — иностранным министрам, либо писал записки в Политбюро. Вопросы, которые он задавал нам, были лаконичны: «Англичане еще не ответили?», «Каир все еще молчит?» или «Американцы как-то среагировали на наше заявление?». В голове у Громыко одновременно умещались десятки, если не сотни, самых разных по значимости и по масштабу вопросов и задач. Он помнил все, и это на первых порах ужасало. Было ощущение, что переступая порог его кабинета, ты идешь на минное поле — разве можно удержать в памяти такое количество дел?

Андрей Андреевич, конечно, понимал, что новичку это просто не под силу, но, не снижая требований и не сокращая числа задаваемых вопросов, он, тем не менее, молчаливо терпел, когда я отвечал: «Мне требуется это проверить» (эвфемизм ответа «я не знаю»). При этом он добавлял: «И срочно доложите». Громыко терпеть не мог уклончивых ответов типа «на мой взгляд», «по-моему», «кажется». И сурово прерывал тех, кто таким способом хотел скрыть свою неосведомленность, словами: «В данном случае мне неинтересно, что вам “кажется” — мне нужно знать, что имеет место на самом деле!».

Понятно, это не значило, что Андрей Андреевич не интересовался мнением других. Наоборот, раздумывая над сложными проблемами, он, как правило, искал толковых, нестандартных суждений у лиц, ответственных за то или иное направление политики. Порой вступал в раздумчивую дискуссию. Мог вслух перебирать варианты ходов, ожидая от собеседников честной и прямой реакции. С чем-то соглашался, с чем-то нет. Вполне спокойно воспринимал несогласие с каким-то его соображением. Георгий Маркович Корниенко, его первый заместитель, в таких случаях, по-южному окая, говорил: «Стоило бы еще рассмотреть и такой вариант…» — и высказывал его. Я стал свидетелем этого, когда в качестве заведующего отделом США и Канады вместе с Г.М. Корниенко и В.Г. Комплектовым был вовлечен в активные обсуждения

у министра вопросов ограничения ядерных вооружений, переговоров с США по региональным и двусторонним отношениям, кризисных ситуаций, в которых «чувствовалось» присутствие «руки Вашингтона». Специалисты по другим направлениям наверняка тоже были участниками и свидетелями подобных интеллектуально-поисковых сессий, на которых мощный ум Громыко искал не столько поддержки, сколько сильных антитезисов, мыслительных коллизий, которые неизбежно порождали импульсы нарождающимся верным решениям.

Напомню, что 70-е и 80-е годы явились уникальным периодом беспрецедентно интенсивных переговоров с США, нацеленных на достижение более глубоких и строгих ограничений наступательных ядерных вооружений, толчок которым дало подписание в июне 1979 г. Договора об ОСВ-2. Проблема серьезно осложнялась вполне реальной опасностью переноса гонки вооружений в космос, перспективой (хотя и отдаленной) появления космических вооружений с непредсказуемыми последствиями для национальной безопасности нашего государства. Советской дипломатической службе пришлось глубоко заняться всеми, в том числе и сугубо техническими, аспектами состояния ядерного баланса, сложившегося между СССР и США, учетом соотношения не только количественных, но и качественных характеристик арсенала своих и американских стратегических вооружений: межконтинентальных, баллистических ракет наземного и морского базирования, тяжелых бомбардировщиков, крылатых ракет, подводных ракетоносцев, ядерных боеголовок и т.д. Особую сложность представляли разрабатывавшиеся системы контроля, проблемы соотношения наступательных и оборонительных вооружений и десятки других вопросов, рассчитанных на понимание инженеров и физиков. Однако пришлось в них погружаться и дипломатам.

Конкретные обсуждения велись через посольство СССР в США и на уровне разоруженческих делегаций. Но основополагающие, поистине стратегические переговоры были уделом министров иностранных дел. На ранних этапах мне довелось быть свидетелем, а позднее участником переговоров и специальных контактов по этим вопросам. И помню, я поначалу с каким-то почти оцепенением следил за обсуждением Андреем Андреевичем этих суперсложных вопросов с американскими президентами и госсекретарями, его умением улавливать в замысловатой ритмике смысловых сплетений оппонентов тончайшие нюансы, а порой и весьма изящные подвохи и давать на них ответы. Помимо неоспоримых качеств его ёмкого ума, Громыко всегда полагался и на отработанные приемы подготовки к переговорам. Он тщательнейшим образом изучал все оттенки позиций сторон, привлекая для этого не только мидовских специалистов, но и, в случае необходимости, начальника Генерального штаба, руководителей военно-промышленного комплекса, представителей разведки. Поэтому за столом переговоров американцам противостоял министр-эксперт.

Генеральные секретари (до прихода Горбачева), принимая в Москве высоких иностранных гостей или отправляясь в заграничные вояжи, обычно огра-

ничивались зачитыванием подготовленных для них текстов по тем или иным вопросам (особенно это касалось разоруженческой тематики), а затем с немалым любопытством следили за словесной «теннисной игрой», когда с обеих сторон переговорного стола летали варианты решения проблем, предложения и аргументы. «Ракетками» работали с американской стороны президенты, с советской — Громыко.

Подобную картину мне приходилось наблюдать, в частности, во время визитов Л.И. Брежнева в Вашингтон. Особенно ярко это проявилось на советско-американских переговорах в Вене в 1979 г., где был подписан Договор об ОСВ-2. Посла в Вашингтоне А.Ф. Добрынина, сыгравшего большую роль в разработке этого договора, и меня, тогда советника-посланника, помогавшего ему в этом, А.А. Громыко пригласил в австрийскую столицу для участия во встречах с американцами. Президент США Джимми Картер, чувствовалось, хорошо подготовился к переговорам с Л.И. Брежневым. Отложив бумажки в сторону, он на память излагал подход США к дальнейшей перспективе переговоров по стратегическим вооружениям, возможностям для двух сверхдержав искать взаимоприемлемое урегулирование острых региональных конфликтов. Сыпал цифрами и ссылками на прецеденты. При этом пытался, глядя в лицо Брежневу, уловить, как советский лидер реагирует на его изысканную речь.

Однако советский лидер никак не реагировал (ради справедливости следует отметить, что в Вене здоровье Брежнева серьезно ухудшилось). Он повернулся к сидевшему рядом Громыко, и в глазах его читалась тоскливая просьба помочь. Андрей Андреевич вступил с Картером в содержательный диалог, тонко давая понять, что высказывает мысли Л.И. Брежнева, который при этом облегченно вздыхал.

Картеру вообще нравилось беседовать с Громыко, когда тот наведывался в Белый дом. Президент сам был дотошным знатоком даже мельчайших деталей переговорных позиций и в лице Громыко встретил достойного соперника в дипломатических поединках. Разница между ними была в том, что президент в ворохе деталей порой утрачивал стратегическое ви́дение вещей, а Громыко выстраивал детали, подчиняя их стратегическому замыслу.

Наш министр, надо сказать, воспринимался многими политическими деятелями за рубежом как некий живой монумент трагической и одновременно великой эпохи победы над германским нацизмом, итальянским фашизмом и японским милитаризмом. Их потрясала одна мысль о том, что он был в одном кругу с Рузвельтом, Сталиным, Трумэном, Черчиллем, де Голлем, общался с ними, вел переговоры. Участвовал в Ялтинской, Потсдамской конференциях лидеров великих держав. Подписывал Устав ООН. Голосовал за создание Израиля.

От его фигуры веяло историей и даже какой-то мистикой, поэтому многие дипломаты и политики испытывали некую робость перед встречей с Громыко. Я был свидетелем ряда подобных ситуаций.

Первым госсекретарем, назначенным президентом Рейганом, являлся Александр Хейг, четырехзвездный генерал (их в США тогда было не более

семи), ранее командовавший войсками НАТО, человек решительный, заявивший вскоре после того как занял пост главного американского дипломата, что «есть вещи поважнее, чем мир». Отношения Москвы с новой вашингтонской администрацией с самого начала не ладились. Вашингтон брал курс на ликвидацию провозглашенного им «отставания» США от СССР в стратегических силах, словом, на беспрецедентную по масштабам гонку вооружений. В этих условиях ожидалось, что встреча Хейга с Громыко, которая должна была состояться в ходе Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке в сентябре 1981 г., будет жесткой стычкой, искры от которой опалят и без того напряженную ситуацию в мире.

Москва провела перед встречей мощную дипломатическую «артподготовку». В августе был опубликован проект Договора о запрещении размещения в космическом пространстве оружия любого рода. Одновременно А.А. Громыко направил Генсеку ООН Вальдхайму письмо под названием «Не допустить милитаризации космоса».

Встреча проходила 24 сентября в представительстве СССР на 67-й улице. А.Ф. Добрынин и я присутствовали на ней. Буквально через несколько дней после назначений Хейга госсекретарем я познакомился с ним и его женой на приеме, устроенном моим другом, известным вашингтонским юристом Силваном Маршаллом в его роскошном доме — одном из популярных мест, где встречалась столичная элита. Тогда он был напорист и молодцеват. Теперь мне было любопытно, как сложится его разговор с нашим министром.

Громыко, ожидая гостя, прохаживался по комнате, расспрашивал Добрынина о расстановке сил в администрации Рейгана, при этом совсем не касаясь тематики предстоящего разговора с госсекретарем. Такова была его привычка. Продуманный план беседы он держал в голове и, не испытывая сомнений в его правильности, считал не целесообразным в последний момент ставить его на обсуждение.

Хейг вошел генеральским шагом. Андрей Андреевич любезно поприветствовал его. После того как все уселись в креслах, Громыко как бы задумался на минуту — в комнате воцарилась мертвая тишина. Хейг не погрузился в кресло, а сел на краешек, положив руки на подлокотники. Было видно, что он волнуется и ничего не может с этим поделать. Кроме того, что он еще не успел привыкнуть к дипломатическим переговорам, махина советского министра подавляла его. Громыко провел беседу в спокойной манере, претензии к позиции США по ядерным вооружениям высказывал с неким чувством сожаления, подчеркивая желание СССР восстановить переговорный процесс, столь нужный для всего мира, перейти к сотрудничеству во взаимовыгодных областях. Предлагал искать общую почву для нахождения совместных решений в сфере ограничения ядерных вооружений. Говорил о необходимости широкого взгляда на проблему стратегической безопасности, включающей и демилитаризацию космоса.

Хейг явно не ожидал предложенного стиля спокойного разговора. Он приготовился к жесткой схватке, к спору, поэтому выражал согласие с некоторы-

ми соображениями советского министра скорее в военной манере: «Yes, sir», «O'key, sir». Заготовленные позиции США госсекретарь излагал тоже в умеренном тоне. Появились некие совпадения подходов — стороны условились попытаться выработать совместный «документ о намерениях» в отношении ядерных вооружений. Созданная рабочая группа всю ночь «сколачивала» текст, который после доработки его самими министрами обрел форму «Совместного советско-американского заявления» по результатам встречи в Нью-Йорке А.А. Громыко с государственным секретарем США А. Хейгом о необходимости проведения переговоров по вопросам ограничения вооружений, включая те ядерные вооружения, которые уже обсуждались ранее между представителями СССР и США в Женеве.

Переговорная тактика Громыко и способность нового американского госсекретаря Хейга выйти на одинаковую волну понимания по важным вопросам двусторонних отношений позволили сделать важные шаги на долгом и трудном пути к окончанию холодной войны, который занял еще почти целое десятилетие.

Громыкинский переговорный стиль — сужу по собственным наблюдениям — состоял, в частности, в том, что, приступая к переговорам, министр **точно** представлял себе их конечную цель и **достаточно хорошо** оценивал существующий потенциал для взаимного компромисса. В его арсенале было много «технических» приемов продвижения к приемлемому итогу. Выбор их зависел от поведения партнера, характера переговоров, обстановки, в которой они проходили. Тактика могла меняться на ходу. Располагая несколькими вариантами выгодного нам решения той или иной проблемы, министр не спешил сходить с первой позиции на запасную, пока не убеждался, что другая сторона никак не может подвинуться к нашему варианту. Чтобы увериться в этом, он (и наши делегации, действовавшие под его контролем и руководством) выжимали из партнера все доказательства невозможности выйти на договоренность на базе наших предложений. По другую сторону кое-кто полагал, что речь идет о тактике затягивания переговоров. Но не припомню конкретного случая, когда нам было бы выгодно искусственное торможение хода важных переговоров.

На мой взгляд, из иностранцев мало кто смог достаточно близко приблизиться к пониманию некоторых черт громыкинского дипломатического искусства, разве что Генри Киссинджер. Его наблюдения — результат многочисленных, как правило, трудных бесед с советским министром по главным проблемам мировой политики. «В Громыко, — писал в своих мемуарах Киссинджер, — мы видели мастера, который формировал политику для Политбюро». В переговорах, по заключению Киссинджера, «неизбежно наступал момент, когда его компетенция доминировала в дискуссиях». Громыко знал «каждый оттенок предмета, и было самоубийственно вести с ним переговоры, не освоив историю проблем и сути вопросов». Киссинджер верно заприметил, что Громыко предпочитал производить нарастающий нажим, нежели предпринимать резкий ход, что он «терпеливо набирал небольшие выигры-

ши, пока они не превращались в важный результат». И наконец, он признал, что «в отношении неопытных переговорщиков — а в сравнении с Громыко большинство переговорщиков были неопытными — эта его техника была чрезвычайно эффективной».

Отметив позитивные стороны дипломатического стиля Громыко, сняв шляпу и расшаркавшись перед ним, Киссинджер затем как истинный американец шагнул в сторону от своих нетипично американских оценок любого российского феномена и пустился в ритуальные рассуждения о неуступчивой дипломатии Москвы, о ее боязни «мягкотелости» и обвинений в идеологическом отступничестве.

Здесь мне хотелось бы обратить внимание на то, что в нынешних дипломатических кругах и нашей страны бытует некритическое заимствование традиционного американского взгляда на дипломатию СССР как «идеологическую» и потому неприемлемую для «прагматической» внешней политики новой России.

Слов нет, во внешней политике Советского Союза присутствовал сильный идеологический компонент во взаимоотношениях с «некапиталистическим миром» и социалистическими странами Запада и Востока. Были и среди дипломатов люди, искренне верящие в историческое «торжество коммунизма». Сам А.А. Громыко в своих мемуарах заявляет: «С начала сознательной жизни я — убежденный коммунист, преклоняющийся перед могучей силой учения Маркса–Энгельса–Ленина». Такова была его **вера**.

Но означает ли это, что Громыко и вся дипломатия СССР отстаивали «идеологические», а не национальные интересы в мировой политике? Конечно, нет. Любая вера, будь-то в Бога или в Маркса — часть духовной сущности человека, а не наставление для проведения конкретной политики. Не знаю ни одного договора, соглашения, взаимопонимания или, наоборот, кризиса, отчуждения в наших взаимоотношениях с ведущими державами Запада, которые диктовались бы чьей-то верой в марксизм-ленинизм. Весь огромный международно-правовой массив, накопленный Россией со времен Посольского приказа, обогащенный дипломатией XX в., — это строго прагматическая, реалистическая, построенная на принципе развития национального интереса серьезная основа для использования в деятельности и современной российской дипломатии. Что, собственно, она зачастую и делает, проявляя пока некую застенчивость в признании важности этой живительной преемственности.

После неизбежного заклинания в адрес «советской системы» Киссинджер подытожил свою оценку советского министра такими словами: «Безусловно, Громыко был одним из способнейших дипломатов, с которыми я имел дело… Он защищал свою страну во времена бурных перемен и неразберихи, и он продвигал ее интересы. Он достигал важных целей и редко совершал ошибки, которые можно было избежать. Мало министров иностранных дел, которым можно воздать такую хвалу». Высоко ценили талант Громыко многие его друзья и противники в глобальных процессах, определявших судьбы человечества на протяжении половины ушедшего столетия.

Каким был А.А. Громыко на Смоленской площади?

У любого министра иностранных дел наряду с повседневно возникающими международными проблемами имеется большой объем управленческих дел, связанных с планированием деятельности министерства, его хозяйственными нуждами, расстановкой кадров в центральном аппарате, в посольствах, взаимоотношением с другими ведомствами. Громыко был еще и членом Политбюро, что тоже отнимало у него немало времени. Как человек, не принимающий решений «с кондачка», без предварительного их изучения, Андрей Андреевич работал по 15–16 часов в сутки. Приезжал на Смоленскую площадь к 9 часам утра, покидал ее в 21–22 часа, забрав с собой сафьяновую папку, набитую бумагами, над которыми он продолжал трудиться до полуночи или часу ночи. Примерно около этого времени в секретариате раздавался звонок — министр просил забрать отработанные документы.

Специфика и «беда» работы министра иностранных дел в том, что он не властитель своего времени. Из всех членов правительства он единственный, распорядок которого зависит от событий не только внутри страны, но и за рубежом. Поэтому нужно обладать не только интеллектуальными способностями, но и физическим здоровьем, чтобы справляться с работой. Громыко унаследовал от родителей мощную физическую натуру. Не помню случая (хотя, возможно, они и были), чтобы он брал бюллетень или жаловался на недомогание. Полной отдачи он ожидал и от своих коллег — заместителей министра, заведующих отделами и, конечно, от своих помощников. В момент серьезных кризисов он вообще не покидал кабинет, работая сутками, отрывая два-три часа на короткий сон — он устраивался на диване в расположенной за кабинетом «комнате отдыха».

А.А. Громыко тщательно отбирал руководящий состав министерства, пользуясь военным языком, — свой «Генеральный штаб». Его назначенцы по многу лет оставались на своих постах, даже если кто-то из них оказывался в профессиональном смысле слабее, чем ожидалось. Министр привыкал к своему окружению и с большой неохотой отпускал его работать «в поле», т.е. за границу. Ряд его заместителей десятилетиями оставались на своих постах в «центре». К ним относились, в частности, первые заместители Г.М. Корниенко и А.Г. Ковалев.

Громыко был строгим руководителем, не терпел верхоглядства, ошибок, совершенных по нерасторопности, нерасчетливости, малодушию или банально из-за поспешности, лишающей дипломата тщательного анализа его переговорного маневра. В таких случаях он четко и фактологически обрисовывал суть просчета и требовал не допускать этого впредь. При этом, однако, он не употреблял резких слов и не унижал провинившегося. Правда, у него были, на моей памяти, три негативных характеристики, которые он давал (очень редко) близким сотрудникам. Как правило, он высказывал их с полуулыбкой. Самой слабой из этих характеристик по степени серьезности проступка была: «Странный вы человек». Мне досталось это буквально в первый вечер моего дежурства в секретариате, когда недопонял еще не привычного мне лакониз-

ма данного по телефону указания. «Странный вы человек», — незлобливо сказал он мне. Я был обескуражен, но с тех пор стал внимательнее вслушиваться в слова министра.

Следующая степень недовольства Андрея Андреевича выражалась словами: «Так поступают только шляпы». И наконец, «высшая мера наказания»: «Ну какой же вы тюфяк!».

Хочу при этом отметить, что подобные реплики допускались только в разговоре с глазу на глаз, никогда на людях. Узнавали мы об этом потому, что вышедший из кабинета министра провинившийся обычно заходил к старшему помощнику и, смущенно улыбаясь, произносил: «Заслужил сегодня шляпу». «Вот-вот, — отвечал ему старпом, — учти, а не то тюфяком станешь».

Все это было нестрашно. Громыко был отходчив и никогда не держал зла на своих сотрудников — он их ценил и сам, пройдя долгую трудовую школу, понимал, что не ошибается действительно только тот, кто не работает.

На особом счету у Андрея Андреевича были люди, хорошо владеющие пером, способные быстро и толково составить документ, проект заявления, ноты, сформулировать предложения. Речь идет о хорошо пишущем дипломате, эксперте, владеющем глубоким знанием предмета. Самый блестящий журналист или даже божьей искрой отмеченный поэт не справится с той задачей, которую решает дипломат, составляющий дипломатический текст. Это особый жанр и особое искусство.

Сам Громыко обладал тонким чувством слова, способностью найти именно тот лексический вариант, который ближе всего отражает замысел документа. Я бы сказал, он боготворил слово. Тому много есть подтверждений. У меня была возможность наблюдать за этой его работой и соучаствовать в ней.

Во время интенсивных и трудных переговоров с американцами по вопросам размещения ракет средней и меньшей дальности в Европе, стратегическим и космическим вооружениям, противоракетной обороне, химическому и бактериологическому оружию МИД использовал — в качестве дополнительного варианта разъяснения нашего подхода, немаловажного инструмента воздействия на переговорный процесс — «подбрасывание» другой стороне желательных нам вариантов развязок, предлагать которые на официальном уровне считалось преждевременным. Речь идет о публикации в нашей центральной печати «статей без подписи». Эти материалы являлись «официозом» и внимательно изучались не только общественностью и учеными, но и ведущими ведомствами за рубежом. Кроме того, наши переговорщики, получая эти тексты, понимали, что в них содержится ценный для них материал — своего рода ориентировка для ведения неформальных, зондирующих бесед. В конце каждого года эти статьи издавались в виде отдельных сборников по вопросам разоружения.

Работа над ними велась узким кругом лиц: Г.М. Корниенко, В.Г. Комплектовым и мной как заведующим отделом США и Канады, который до создания специального Управления по разоружению отвечал за проблемы ядерных во-

оружений. Привлекались и эксперты: Виктор Карпов, Алексей Обухов, Георгий Мамедов. Подготовив «болванку» статьи, мы втроем являлись к министру, и начинался мастер-класс Громыко — скрупулезная работа над текстом. Андрей Андреевич, взвешивая каждую фразу, тонко выстраивал задуманную концепцию. Искал сам и выжимал из нас именно те емкие слова, которые ярче и точнее высвечивали поставленную задачу. Рождался документ необычного жанра — газетная статья, в строках которой таился серьезный переговорный смысл.

Во время подобных сессий иногда раздавался особого, требовательного звучания телефонный звонок — звонил Брежнев. Мы порывисто вскакивали, чтобы не мешать диалогу богов, но остановленные жестом Громыко, вжимались в кресла, слушая как он обращается к громовержцу: «Леонид… Хорошо Леонид, понятно». Однажды во время такого разговора, Громыко, видно, отвечая на вопрос, чем он сейчас занят, сказал: «У меня тут три моих мушкетера…» — и пояснил, над чем мы работаем. Эта шуточная характеристика сохранилась в моей памяти как самая приятная награда, полученная от Андрея Андреевича.

Когда я был еще сотрудником его личного аппарата, мне приходилось видеть министра в домашних условиях — на квартире или на даче. Обычно я заставал его за письменным столом, погруженным в чтение бумаг, на которых время от времени он ставил синим карандашом свои знаменитые «АГ», означавшие, что материал им просмотрен или, когда это был, скажем, проект официального документа (записка в ЦК, нота, указание послу и т.п.) — что он с ним согласен. Эти синие «АГ» зачастую определяли направление политики и судьбы людей.

Бывали случаи, когда, завершив работу и вернув кожаную папку с отработанными материалами, Андрей Андреевич выходил за рамки формальности и, устало откинувшись на спинку кресла, мог затронуть какие-то «обычные» темы. Однажды, заметив мой взгляд на его стол, заваленный штабелями книг, оставлявшими ему лишь небольшое пространство для работы, он сказал: «У меня привычка не убирать книги со стола, пока я не прочитаю или не просмотрю их. Вон сколько набралось! Времени пока не хватает…». В тех штабелях была не только политическая, но и научная, художественная литература, а также альбомы по искусству. Интересы Громыко были весьма обширны. Но мне представляется, что в то время, о котором пишу, он особенно увлекался историей, как древней, так и Нового времени.

Об этом свидетельствует, в частности, такой факт. Судя по всему, старший помощник министра Василий Георгиевич Макаров по какому-то случаю рассказал Андрею Андреевичу о моих библиофильских увлечениях, и однажды, когда я в очередной раз приехал с документами на дачу, он спросил меня, что сейчас из себя представляют московские букинистические магазины, можно ли в них найти то, что ищешь, большой ли нынче спрос на эти магазины. Я кратко рассказал о московской букинистической жизни. При желании в книжных лавках можно было найти почти все, включая 11-томное издание

сочинений Пушкина 1837 г., о котором мечтал один из героев Достоевского. Громыко мимоходом упомянул, что давно интересуется трудами некоторых русских историков XIX в., которых, к сожалению, не переиздают, например Костомарова. Историка не бесспорного, другой, не карамзинской ветви, но самобытного, со своим мнением… А разве не интересны даже сегодня взлет и падение Древнего Рима? Кто довел его до краха — цезари или деградировавшая аристократия?

На следующей неделе мне удалось достать у знакомых букинистов, совсем недорого, несколько томов Костомарова в хорошем состоянии и через В.Г. Макарова передать их министру. Спустя два дня я получил через него же благодарность от Андрея Андреевича и деньги, потраченные на книги. В дальнейшем мне представлялась возможность еще несколько раз «раздобыть» книги на интересовавшие министра темы.

Прошло много лет. Судьба разместила меня в министерском кабинете на седьмом этаже. Как-то вечером я остановился у большого книжного шкафа, встроенного в стену справа от письменного стола. С одной из полок на меня смотрели знакомые кожаные переплеты когда-то купленных книг Костомарова, томиков по римской истории. В этом был весь Андрей Андреевич с его врожденной щепетильностью и деликатностью. Прочитав книги, он оставил их в министерской библиотеке, счел, что они ему не принадлежат.

А.А. Громыко был дипломатом позитивного действия. Он даже в безнадежных ситуациях искал выход на договоренность, на совмещение хотя бы отдельных элементов расходящихся позиций. Он понимал, что непродуктивно загонять противника в угол — это может обернуться непредсказуемостью и резким осложнением ситуации. Когда в безысходное положение противник загонял себя сам, Громыко считал возможным помочь ему выйти из него ради спасения отношений и нормализации международной обстановки. Так, к примеру, было на завершающем этапе вьетнамской войны. Москва помогла Вашингтону в установлении контактов с Ханоем, когда стало ясно, что ставка США на военное решение, а затем и на «вьетнамизацию» (переложение ответственности за ведение военных действий на Сайгон при максимальной поддержке его потоком американских вооружений) грозит опасным для мира затягиванием войны. Этот подход проявлял себя и в улаживании ряда конфликтных ситуаций в Африке и Латинской Америке.

Громыко был убежден, что человечество не будет жить в безопасности, если не начать радикальный разворот в сторону ограничения гонки вооружений. Разрядка 70-х годов XX столетия с первыми существенными договорами в этой области едва ли случилась бы, если бы Громыко не был ее активным архитектором и адвокатом. Он не только говорил «да» этим качественным переменам в мировой политике, но и «нет» противникам разоружения и пацификации международной обстановки.

Он был активным поборником стратегии развития всесторонних связей с США, понимая их способность быть равно позитивной и негативной силой. Его мысль — говорю это на основании многочисленных высказываний «в сво-

ем кругу» самого Андрея Андреевича — сводилась к тому, чтобы всегда стараться повернуть США к отношениям с Россией позитивной стороной. При соблюдении главного условия: отношения должны быть равноправными, отвечающими интересам обеих сторон, не допускающими вмешательства во внутренние дела друг друга.

Черчилль как-то сказал, что он не лев, но ему выпало рычать по-львиному. И Громыко выпадало жестко реагировать на действия другой стороны, когда он считал, что они затрагивают честь и достоинство представляемого им государства. Поэтому несправедлива застрявшая в писаниях западных журналистов и некритично воспринятая некоторыми отечественными «политологами» его характеристика как «господина Нет». Исторические хроники свидетельствуют, что ему больше, чем кому-либо, приходилось слышать от американских и европейских политиков «нет» на выдвигавшиеся Москвой предложения миролюбивого характера.

* * *

Кончина Андрея Андреевича в июле 1989 г. не укладывалась в сознании: он был, казалось, нерушимой скалой.

Утром 4 июля меня позвал к себе Э.А. Шеварднадзе, первым заместителем которого я тогда был. «В связи с кончиной Громыко, — сказал он, — создается Правительственная комиссия по похоронам. Михаил Сергеевич считает, что должен быть государственный уровень похорон. Таково и мое мнение. Андрей Андреевич это заслужил… В состав комиссии от Министерства иностранных дел, считаю, должны войти вы. Возглавит комиссию член Политбюро В.И. Воротников».

На состоявшемся заседании комиссии были обсуждены и согласованы детали похорон. Мне показалось, что комиссия испытывает определенную неуверенность в том, в каком масштабе воздать должное государственному деятелю, не действующему, а ушедшему на пенсию. Советские ритуалы такого случая не знали. Поэтому председатель комиссии склонялся к тому, чтобы ограничиться в своем выступлении изложением биографии Громыко, «которая сама за себя говорит». Мной было заявлено, что собираюсь сказать об Андрее Андреевиче прежде всего как о выдающемся дипломате нашей страны, о его роли в мировой политике. Возражений не было.

Церемония прощания проходила в принадлежавшем Министерству обороны здании рядом с Театром Советской Армии и длилась несколько часов. В почетном карауле стояли по очереди руководящие сотрудники МИДа, члены Политбюро (сам Горбачев посетил вдову Лидию Дмитриевну на даче, высказав ей свои соболезнования). Панихида состоялась на Новодевичьем кладбище. Семья решила, что Андрей Андреевич найдет свой вечный покой рядом с похороненными там матерью и братом. Согласно утвержденному распорядку, первым выступил Воротников. Подошла моя очередь. Я поднялся последним на возвышение перед гробом. В нем лежал человек, имя которого

еще со времен студенчества вызывало у меня чувство острого любопытства и глубокого уважения. Судьба дала мне возможность работать с ним, учиться у него искусству быть дипломатом и человеком.

Пошел мелкий дождь, который, собираясь на волосах в крупные капли, скатывался по щекам, как слезы. Казалось, плакало и восковое лицо Андрея Андреевича.

Мне всегда трудно говорить на панихидах — сжимается горло. Моя речь была о прекрасном человеке и выдающемся дипломате, который, будучи таковым, всегда тонко чувствовал подлинные толчки истории и выстраивал политику, глядя вперед, в будущее. Он был блистательным Мастером уникального искусства дипломатии, умным и успешным переговорщиком и сильным и проницательным стратегом.

Не совсем точно помню все, что мной говорилось — передаю общий смысл. Церемония прощания закончилась, гроб закрыли и опустили в могилу, над которой быстро вырос радужный холм из живых цветов и венков. Я распрощался с несчастной семьей — Лидией Дмитриевной, Эмилией, Анатолием, их детьми и внуками — и в одиночестве пошел по мокрому асфальту к выходу.

Было грустно — ушла эпоха глобальных дипломатических войн, борьбы земных миров, которые на протяжении почти полного столетия лязгали громадными механизмами смерти, ставя жизнь на порог страшной и невозвратной гибели. Им противостояла дипломатия. Нашу двадцать с лишним лет возглавлял Громыко. Благодаря и ему молохи двух идеологически непримиримых цивилизаций не схлестнулись в гибельной агонии.

На кладбищах всегда охватывает тоска, но она постепенно облегчается не мыслью — в таких случаях человеком движут эмоции, — а ощущением, что жизнь все-таки идет, как этот мелкий дождь, от которого не хочется прятаться.

В душе осталась благодарность Андрею Андреевичу за то, что он, некогда заметив меня, дал шанс чего-то добиться в жизни. К тому времени мне уже стало известно, что в моем далеком, казавшемся мне загадочным назначении в аппарат министра, проявилось еще одно важное качество Громыко. Он всегда внимательно присматривался к людям, размещал их в своей бездонной памяти и, когда возникала потребность, привлекал к работе там, где считал наиболее целесообразным. Меня, а точнее мою фамилию, он запомнил в первый раз, когда, будучи атташе, я написал большую речь для Н.С. Хрущева к его визиту во Францию, которая Генеральному секретарю особенно понравилась, и он сказал об этом. Второй раз — когда, работая в ООН, я подготовил несколько аналитических материалов на основе имевшихся конфиденциальных данных, которые мой тогдашний шеф В.П. Суслов лично докладывал министру во время сессий Генеральной Ассамблеи ООН. Поэтому, когда старший помощник министра Б.Д. Макашов хотел меня ему представить, Андрей Андреевич отвечал: «Я его знаю».

В чем-то прав был Геродот, сказавший, что «человек — лишь игралище случая». Однако порой случай берет на себя роль механизма для реализации

необходимого. Так, на мой взгляд, случилось и в судьбе А.А. Громыко. Когда в 1943 г. по настоянию президента Рузвельта, которому не нравилась активная публичная борьба нашего посла в Вашингтоне М.М. Литвинова за открытие второго фронта, Москва отозвала посла, на его место был назначен советник посольства Андрей Громыко. По этому поводу Аверелл Гарриман написал в воспоминаниях: «Литвинова сменил в Вашингтоне дипломатический вундеркинд Андрей Громыко».

Необходимость прорвала блокаду.

Гриневский О.А.

«Мистер Нет»

Андрей Андреевич Громыко — личность неординарная не только в российской, но и мировой политике. Его вполне можно поставить в один ряд с такими выдающимися фигурами мировой дипломатии, как А.М. Горчаков и Шарль Морис Талейран.

На протяжении без малого 30 лет он не просто возглавлял внешнюю политику Советского государства, когда оно достигло пика своего могущества и по праву считалось великой сверхдержавой. Главным его достижением можно считать создание системы международной безопасности, которая на протяжении всей холодной войны обеспечивала мир, невозможность крупномасштабных войн и внезапного нападения. Эта система упорно строилась им все годы пребывания на посту министра иностранных дел — с 1957 по 1985 г. Работает она и по сей день, хотя теперь в ней появились трещины.

Считается, что Громыко мало чем отличался от других советских руководителей. Но это только внешне. Тут все было как в доброй русской сказке про Ивана-дурака. Вот только если внимательно перечитать эту сказку, возникает вопрос — а был ли он дураком на самом деле? Что-то у него слишком уж все хорошо получалось — то перо Жар-птицы достанет, то на царевне женится. Так, может быть, дураком он просто притворялся?

Действительно, еще со времен князей киевских повелось, что на Руси люди с умом и талантом не ко двору. Про то и «Горе от ума» написано. Поэтому выбор был невелик. Либо уходить куда глаза глядят — в Сибирь на вольные хлеба или на юг — с казаками разбойничать. Ну а если уж совсем невмоготу становилось — подаваться к грекам, варягам или ляхам. В противном случае ждали тюрьма или плаха. Как сказал один умный человек, книжники на Руси очень быстро попадали в чернокнижники. Правда, оставался еще один удел — играть ту роль, которую от него требовали. А.А. Громыко так и поступал.

И тут надо сказать, что свой путь на самый верх определял не сам Громыко — партия решала, кем и как ему быть. Ведь он вовсе не собирался стать

Гриневский Олег Алексеевич — Чрезвычайный и Полномочный Посол.

дипломатом. Даже мысли такой в голове не держал, когда сам, без всякой поддержки, начал пробиваться наверх из простой крестьянской избы в белорусской деревне Старые Громыки, где почти все жители носили ту же фамилию. Об этой своей прошлой жизни он никогда не вспоминал. Только единожды, возвращаясь из дальней поездки, поведал в своем близком окружении, как трудно ему было сплавлять плоты по реке в далекой юности:

«Балансируя на скользких бревнах, нужно было еще и разгребать заторы. Один неточный шаг, и ты — в воде. А бревна как будто старались подмять сплавщика под себя. Отличная тренировка для будущего дипломата», — неожиданно заключил министр.

Однако не о дипломатической карьере мечтал в те далекие годы молодой Громыко. Он хотел стать ученым и не спеша трудился на экономической ниве, когда нежданно-негаданно в 1939 г., отмеченном сталинскими арестами, был пересажен в кресло заведующего американским отделом Наркоминдела. Трудно сказать, почему выбор пал именно на него. Скорее всего, просто приглянулся молодой человек из провинции, не связанный ни с какими партийными группировками, да и не осведомленный о том, что творилось в кабинетах Кремля или подвалах Лубянки. Всего 29 лет было ему тогда. Прекрасная анкета. Да и сам, как чистый лист бумаги, — пиши на нем, что хочешь.

Жизнь молодому Андрею Андреевичу открылась так, что навсегда научила молчать обо всем, что видел и знал. Даже самым близким людям не говорить. Разве что верный спутник жизни — жена Лидия Дмитриевна была исключением. И то едва ли.

А потом новый поворот в судьбе — и он уже в Вашингтоне.

Если вам доведется побывать на 16-й улице в Вашингтоне в резиденции российского посла, бывшей когда-то посольством СССР, попробуйте заглянуть в небольшую комнату справа, как пройдешь обе входные двери. Еще пару десятков лет тому назад там стоял стол, за которым начинал свой дипломатический путь советник Андрей Андреевич Громыко. Говорят, он просто тихо сидел и работал.

Послом в США был тогда Максим Максимович Литвинов — человек мыслящий, активный и интеллигентный. Он много ездил по стране, выступал на митингах, встречался с разными людьми. Президенту Рузвельту это, вроде бы, не нравилось. Во всяком случае, Сталину так доложили. А он и сам уже подумывал, что неплохо бы сменить посла в Вашингтоне — слишком уж самостоятельной фигурой выглядел тогда Литвинов. Но делать это по подсказке из Вашингтона вождю народов было явно не по нраву.

Его решение, как всегда, было мудрым и непредсказуемым. Пусть в пику Рузвельту послом станет неприметный советский дипломат в Вашингтоне. Кто бы им мог оказаться? Ну, конечно же, советник Громыко.

Мидовские старожилы рассказывают, что в характеристике Громыко Литвинов начертал: **«К дипломатической службе непригоден»**. Эта характеристика долго потом лежала в личном деле Андрея Андреевича. Но уничтожил ее якобы И.Н. Земсков — начальник мидовского архива при Громыко.

Так ли было на самом деле или нет — теперь уже, наверное, не установишь. Много тайн — больших и малых — исчезло из мидовского архива. Зато достоверно можно сказать: Громыко Литвинова не любил, относился к нему неприязненно. Даже в мелочах. В 70-х годах жильцы дома 2/6 по Хоромному тупику в Москве, где когда-то проживал Литвинов, пытались установить мемориальную доску о сем достопамятном событии. Однако все их старания натыкались на молчаливое, но непреклонное сопротивление Громыко...

Но как бы там ни было, а, став в 1943 г. послом СССР в США, Андрей Андреевич попал, что называется, в обойму несменяемых: работал и заместителем министра, и представителем СССР в ООН, и послом в Лондоне...

Бесспорно, его сильными сторонами в те нелегкие годы, как вспоминали мидовские старожилы, были поистине лошадиная работоспособность, безотказность и профессиональная компетентность. Он вел себя как робот, созданный для четкого исполнения порученного дела, который и на миллиметр не отклонится от заданного курса. Причем работать при Сталине приходилось днями и ночами. Об этих временах сам Громыко так вспоминал в своем окружении:

«В отпуске не были 12 лет. Сели с Лидой и дочкой Милей в поезд на Ореанду. В Туле вошел военный, а с ним гражданский. “Вы Громыко? Выходите из вагона”. Выгрузились в недоумении и опасении. Сказали: “Езжайте обратно”. А в Москве без объяснений сообщили: “Лететь в Лондон — послом”. Поехал. Вернули через год обратно, опять первым заместителем министра».

Еще в Вашингтоне сложилось тогда его жизненное кредо, которое лучше всего выражено табличкой на окнах московского трамвая тех лет: **«Не высовываться!»**. По натуре своей человек осторожный, он навсегда замолк и надел маску чиновника, слепо проводящего линию партии. При этом научился так тщательно скрывать свои мысли, что многие поверили, будто у него их нет и в помине.

Такой вот пример. Пройдет много лет. Громыко достигнет высшей власти — станет членом Политбюро. Ему поручат выступить с торжественным докладом в Большом Кремлевском дворце по случаю 58-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Это будет его звездный час. Он вызовет двух своих речеписцев из молодых, но с острым пером, — Анатолия Адамишина и автора этих строк — и велит им написать международный раздел его доклада. Но, как всегда, не скажет, что писать.

Что и говорить, воодушевлены были эти дипломаты. На госдаче в Серебряном Бору, где обычно писались речи для членов Политбюро, всю ночь строили они внешнеполитические концепции. Им казалось, что пробил час. Громыко из серого чиновника превратился в могущественного политика. Но кто, как не он, может наконец рассказать о внешней политике Советского государства не как лектор-международник из сельского клуба: с Америкой-де у нас дела обстоят так, с Японией — вот так, а с Англией — вот эдак и т.д. А как руководитель внешней политики великой державы — дать анализ положения, определить приоритеты, направления, задачи. Причем сделать все это по-новому, умно и ярко.

Три недели трудились они, не жалея сил и фантазии. Но когда принесли речь министру, тот пришел в ярость. В такие минуты он походил на разъяренного кабана, который, сверкая глазами, прет прямо на охотника:

«Вы что, с ума посходили, — шумел он. — Зачем все это? Вы хоть подумали, что скажут члены Политбюро! Возьмите все доклады за последние десять лет, прочтите их внимательно и чтобы все было, как там!»

Понурые вышли речеписцы из его кабинета. Значит, опять все то же: главное — не высовываться и изображать, что какой-либо собственной концепции внешней политики у Громыко никогда не было и быть не может.

Ну, а что было на самом деле?

Внешне он был такой же, как все другие советские руководители: вид официальный, в серой шляпе. Советскую позицию излагал твердо и переговоры вел архижестко. Недаром западная пресса окрестила его «Мистер Нет». Но все это была маска, за которой скрывался совсем другой человек.

Например, вот такая деталь: Андрей Андреевич любил и хорошо знал русскую классическую литературу и поэзию — Пушкина, Лермонтова, Тютчева и даже Пастернака. В кругу своих особо доверенных лиц мог вдруг начать цитировать запомнившийся ему отрывок, причем не из тех, которые заставляли учить наизусть в школе, а потом скептически поглядеть на притихших дипломатов и спросить: «Кто знает, что я вам читал?». И был очень доволен, когда находился в его окружении человек, который знал. Такого он про себя отмечал.

Или другой штрих его поведения, не совсем обычного для советского руководителя. Заходит сотрудник к министру для доклада, — а пропускали к нему только своих, проверенных, — Андрей Андреевич ходит по кабинету с томиком Канта и читает. Можно было увидеть у него в руках книги Ключевского и Соловьева. Согласитесь, трудно заподозрить, чтобы Хрущев, Подгорный, Ворошилов или другой руководитель партии когда-либо прикоснулись к этим книгам.

Правда, ни любви к поэзии, ни увлечения философией и историей Громыко им никогда не показывал. Боже упаси. Не только не поняли бы, но решили — не наш человек Громыко. Поэтому с людьми, стоявшими выше его по служебной лестнице, он был почтительно молчалив. В общении с иностранцами крайне сдержан — его лицо редко прорезала улыбка. С ними он не говорил, а вещал или указывал.

И все же, при всей внешней похожести, было в нем что-то такое, что отличало его от советских лидеров: то ли внутренняя глубоко скрываемая культура, то ли повлиял на него западный образ жизни — все-таки немало лет прожил за границей Андрей Андреевич.

Однажды, это было уже в конце 60-х, в военно-охотничьем хозяйстве «Скнятино», где за столом ходила непременная бутылка водки, полковники и майоры с жаром вспоминали, с какими важными генералами им приходилось охотиться. Неожиданно старый егерь, сидевший тут же, сказал:

«Подумаешь, генералы, я вот с самим Громыко охотился».

Почти никто не обратил на это внимания. Но все же нашелся человек, который почувствовал, что за этим кроется какая-то интересная история, и спросил:

«Ну и как он?»

Однако старый егерь, то ли обиженный проявленным к нему невниманием, то ли все еще переживая приключившуюся с ним историю, вдруг горячо заговорил:

«Да, как сказать... Хорошую я ему тогда охоту устроил. Спасибо, говорит, дедушка. Век не забуду — возьми бутылку хорошего французского вина. И дает мне большую красивую бутылку. Ну, думаю, не иначе как спирт какой-нибудь особый, на травах настоенный. Веришь, я человек не жадный — всем поделиться готов. А тут даже за печку зашел. Бутылку откупорил, налил в чашку — пью, что за черт! Квас какой-то. Да что он, издеваться над русским человеком приехал?»

В общем, оторвался от родной действительности Андрей Андреевич. Он знал толк в винах и недолюбливал крепкие напитки, хотя, если надо, мог и с ними управляться. Но все его вольности, пусть даже и тайные, ограничивались поэзией, философией, историей и винами. А вот в политике приходилось вытягиваться в струнку и колебаться вместе с линией партией. Однако было бы неправильно считать его слепым или равнодушным исполнителем чужой воли. Нет, у него имелись свои симпатии и антипатии, свои собственные «ниши» во внешней политике, которые он тщательно оберегал, за которыми следил и со свойственным ему упорством годами, осторожно и не высовываясь, двигал дело, проводя курс на создание системы международной безопасности, обеспечивающей прочный мир.

Он, например, практически не скрывал, что не любит заниматься Азией, Африкой и Латинской Америкой. Внутри себя он как бы провел черту, за которой оказались эти регионы. Исключением, пожалуй, являлся лишь Ближний Восток и то потому, что полыхавшие там конфликты сильно влияли на глобальную политику в области безопасности.

Не было у него вкуса, если употреблять это его любимое выражение, и к отношениям с союзниками — социалистическими странами. Трудно даже объяснить, почему. Что-то личностное. А возможно, еще и потому, что друзьями, как их еще называли, занимался специально созданный отдел ЦК, и Громыко с удовольствием уступил — пусть это будет прерогативой ЦК.

Зато Б.Н. Пономареву и Международному отделу ЦК, которые курировали международное рабочее и коммунистическое движение, а заодно хотели наложить лапу и на всю внешнюю политику СССР, Громыко противостоял твердо и не без успеха. Если еще в африканских и латиноамериканских делах они коечто значили, то к США, Европе, глобальным проблемам Громыко их не подпускал и подчиненным строго наказал — не сметь сотрудничать! Это были его вотчины. Здесь Международному отделу была оставлена только одна отдушина — борьба за мир путем одобрения советских инициатив. Что и делалось через пресловутый Комитет защиты мира и другие подобные организации.

А сам Андрей Андреевич до сладострастия любил заниматься Соединенными Штатами, ООН, европейскими делами и, конечно же, разоружением. Тут он досконально влезал во все детали и при его памяти любому эксперту мог дать десять очков фору. Хорошо понимая, что возможно и что невозможно, Громыко упрямо — а он еще был и человек на редкость упрямый — мог многие годы, чуть ли не десятилетия вести незаметно для других свою линию на заключение соглашения. Да что говорить — даже гибкость мог проявлять Андрей Андреевич. Он называл это по-своему тяжеловесно: «Не дать огоньку погаснуть в конце тоннеля». И в конце концов добивался своего.

Вот один из примеров такой его политики. В конце 1983 г., неожиданно для себя, я был переброшен с горячего Ближнего Востока на проблемы, связанные с европейской безопасностью, и назначен руководителем делегации СССР на переговорах по разоружению и безопасности в Европе, которые должны были начаться в Стокгольме. Обстановка в Европе достигла тогда того же пика напряженности, что и во времена Карибского кризиса, когда мы разместили свои ракеты на Кубе. Только теперь мы начали массированное размещение ракет средней дальности в Европе, а американцы ответили на это размещением там своих ракет типа «Першинг».

Поначалу в Москве не придавали серьезного значения перспективе появления этих американских ракет в Европе. Обе стороны имели достаточно средств, чтобы даже после первого опустошительного удара многократно поразить территорию противника. Посчитали, что цель этой акции — успокоить Европу, показать ей, что НАТО и США не намерены поддаваться советскому диктату и готовы ее защищать.

Но вскоре военные забили тревогу: появление «Першингов» — это не просто арифметическая добавка к уже существующему ракетному потенциалу США, а качественное изменение стратегической ситуации в их пользу. Подлетное время «Першингов» составляет 6–10 минут, и за этот срок трудно принять ответные меры. А ракеты эти высокоточные. Их боеголовки способны проникать на глубину 70–100 метров и там производить ядерный взрыв. И как указывалось в «Директивных указаниях по строительству вооруженных сил США», они будут нацелены прежде всего на органы государственного и военного управления СССР, а также на советские межконтинентальные ракеты и другие стратегические объекты.

Короче говоря, в Москве посчитали, что «Першинги» дестабилизируют стратегическую ситуацию, обладая не только обезоруживающими, но и обезглавливающими возможностями. Они могут уничтожить порядка 65% потенциальных военных и гражданских целей в западной части СССР. И особое беспокойство вызывала судьба Москвы.

Поэтому была избрана тактическая линия: пугать Европу и уйти с переговоров по разоружению в Женеве и Вене, «вздыбить» европейские народы, чтобы волна народного гнева смыла эти американские ракеты. Но народы вздыбиться не пожелали, и тогда наступил кризис. В кремлевской верхушке

шла жестокая подспудная борьба, и руководители силовых ведомств требовали дальнейшего ужесточения мер против непокорного Запада.

В такой вот обстановке мне пришлось уезжать в Стокгольм для ведения переговоров о разоружении в Европе и начинать их с установления мер доверия и безопасности. Разумеется, директивы были составлены архижестко. Но перед отлетом меня вызвал Громыко и буквально сразил наповал, велев «забыть», что в директивах есть указания, касающиеся мер доверия в военной области (уведомлений, направлении наблюдателей и проведения инспекций), а вести переговоры только по крупным политическим мерам.

«Андрей Андреевич, — сказал я, — но в таком случае переговоры становятся бессмысленными. Если мы не заинтересованы в договоренности по мерам доверия, если нам вообще не нужны эти переговоры, то лучше их тогда не начинать. Мы уже ушли из Женевы и Вены. Всем будет ясно, почему мы не пойдем теперь в Стокгольм».

Министр внимательно посмотрел на меня и твердо ответил:

«В нынешней обстановке Стокгольм единственное светлое пятно на темном фоне. Нам этот форум выгоден. Вам нужно вести дело так, чтобы этот огонек не погас ни при каких обстоятельствах. Понятно? Ни при каких обстоятельствах».

Долго потом я вспоминал эти слова. Ведь еще Прокофий Возницын, первый русский посол, направленный Петром Великим на международные переговоры — Карловицкий конгресс, — бросил однажды в сердцах:

«Нет должности более окаянной, чем быть послом российским на переговорах с иноземными послами».

И действительно: Стрелецкий приказ в одну сторону тянет, Посольский — в другую, а «пытошный» приказ боярина Ромадановского также свои интересы блюдет. Хорошо еще Великий государь силу имеет протащить свою линию сквозь эти боярские дрязги. А у нас? Одним словом — Политбюро. Поэтому надо набраться терпения и ждать.

Но в итоге Громыко оказался, как всегда, прав. Три года спустя, когда власть в Кремле изменилась и Горбачев начал политику разрядки международной напряженности, Соглашение о мерах доверия и безопасности в Европе стало первым позитивным результатом его новой политики. И примеров такого терпения и упорства в политике Громыко было немало. Достаточно упомянуть первый Договор о запрещении ядерных испытаний, для заключения которого потребовалось шесть лет, Договор о нераспространении ядерного оружия — четыре года, Договоры об ОСВ-1 и ПРО — четыре года и т.д.

В общем, переговорщик он был отменный. Особенно для времен холодной войны — жилы мог вытянуть из партнеров. В памяти своей удерживал массу дат, фактов, позиций, которые умело вводил в оборот переговоров, не пользуясь шпаргалками, написанными экспертами. При этом сразу же отличал малейшие оттенки в позициях сторон. Об этих качествах Громыко с уважением пишет даже его многолетний оппонент Генри Киссинджер.

И все же, пожалуй, основными его чертами как переговорщика были настойчивость и упорство. В своих воспоминаниях он дал такую характеристику госсекретарю США Дину Раску: «Раск как собеседник отличался завидной настойчивостью. Если у него имелась какая-либо запасная позиция по тому или иному вопросу, то он раскрывал ее лишь тогда, когда партнер по переговорам уже собирался встать из-за стола, чтобы закончить беседу. Выдержка и пунктуальность у него были отменные».

Мне кажется, это он написал о себе. Но вернемся в далекий 1957 г.

* * *

Андрей Андреевич нового здания МИДа на Смоленской не любил. Как все старые мидовцы, предпочитал маленький, но уютный дом на площади Воровского. А это? Ну просто «высотный сарай», как единожды обмолвился о нем Громыко.

Действительно, здание хоть и претенциозное, но неудобное. Ведь, если рассказать правду, никто не поверит: из всей этой махины только 50% полезной площади, где можно кабинеты устроить. А остальное — коридоры. Зато внешне выглядит куда как импозантно. Рассказывают, что поначалу архитектор мыслил возвести это гигантское здание из одних прямоугольников, без всяких там башенок. Но мимо новостройки по Старому Арбату проезжал как-то Сталин и спросил будто бы невзначай, а может быть, и без всякого умысла:

«А что, башенки тут будут?»

«Будут, обязательно будут, Иосиф Виссарионович», — заверила его преданная челядь.

Вот и появились башенки на Смоленской высотке. А представьте ее без них. Может быть, и лучше?

Однако нравится или нет, выбирать не приходилось. И Громыко основательно, как будто знал, что на десятилетия, устроился на седьмом этаже. Его заместители тут же заняли кабинеты на седьмом и восьмом этажах. В МИДе эти этажи считались особыми. Там даже туалеты запирались на ключ — только для замминистров. Однажды замминистра Федоренко то ли по рассеянности, то ли по острой необходимости заскочил в туалет для простых смертных. И сразу же по МИДу слух прошел: большой демократ Николай Трофимович.

Только по какой-то непонятной прихоти отдел Ближнего Востока оказался в этом привилегированном обществе. А остальные отделы разместились на других этажах. Причем, чем ближе отдел к душе министра, тем ниже этаж.

Но жизнь в Смоленской высотке была нелегкой, особенно в те годы. Обосновавшись в своем просторном кабинете, новый министр сразу же столкнулся с четырьмя острыми задачами, которые настойчиво ставил перед внешней политикой Н.С. Хрущев.

Во-первых, в рамках Варшавского договора максимально сплотить вокруг Советского Союза страны народной демократии Центральной и Восточной Европы, которые противостояли бы НАТО. При этом создавать там, где это

возможно, нейтральную «прокладку» между этими двумя блоками. Такой «прокладкой» уже стали Финляндия, Швеция, Австрия и Югославия.

Во-вторых, разработать реальную, действенную политику в отношении Германии. И прежде всего определиться — каково будущее Германии? Объединение? Но какой будет эта объединенная Германия? Социалистической — в лагере стран Варшавского договора, или хотя бы нейтральной? На это шансов практически нет. Капиталистической в блоке НАТО? На это нельзя идти ни в коем случае. Значит, остаются два германских государства — ГДР и ФРГ. Но как быть с Западным Берлином? Он в самом сердце ГДР, и там американские войска. На первых порах ясного ответа на этот вопрос не было.

При этом в середине 50-х годов Москву серьезно беспокоил вопрос о ремилитаризации Западной Германии, особенно если ей будет открыт доступ к ядерному оружию. А такие сигналы были. Но из всех европейских государств ФРГ считалась тогда самым опасным и, с учетом потенциала ее возможностей, — самым сильным противником. Значит, в центре внимания должна быть демилитаризация ФРГ.

В-третьих, активизировать борьбу за третий мир, где начался распад колониальной системы. На первый план здесь выходит Ближний Восток, который находится как бы в мягком подбрюшье Советского Союза. В войне 1956 г. Египет уже одержал победу при явной поддержке СССР, который пригрозил ядерным оружием Англии и Франции. На очереди теперь Ирак, Сирия и далее везде.

В-четвертых, и это главное — разработка новой эффективной политики международной безопасности применительно к новой ситуации в мире, связанной в первую очередь с появлением ядерного оружия. Войны теперь быть не должно, говорил Хрущев. Но империалистов попугать нужно — податливее будут. В общем проблемы войны, мира и безопасности требуют коренного переосмысления. А тут — полный застой.

Однако в окружении Хрущева не было людей, которые разделяли бы эти взгляды. Поэтому новый воз приходилось тащить одному Громыко. А он был человек архиосторожный. Не малую роль в этом играло и то обстоятельство, что к разработке и проведению политики безопасности весьма ревниво относились такие могущественные ведомства, как Министерство обороны, военно-промышленный комплекс и КГБ. Тут надо было держать ухо востро.

В общем политика безопасности пользовалось особым вниманием Громыко. Наступившая в стране «оттепель» требовала стряхнуть оковы льда с внешней политики. Хрущев искал новые широкие подходы к международным проблемам. Особенно к тем, которые дали бы ему доступ к высокой трибуне для пропаганды обновленного социализма. На эту трибуну Хрущев хотел взойти под знаменем борьбы за мир и разоружение.

Поначалу Громыко не сориентировался в этих настроениях нового вождя и свой первый основательный втык после назначения министром получил за разоружение.

Случилось это так. В МИДе приготовили очередные директивы для советской делегации в Подкомитете ООН по разоружению в Лондоне. Это была

рутинная «бумага» с повторением уже заявленных позиций, где сокращение обычных вооружений и запрещение ядерного оружия прочно завязаны в один пакет. Ну и, конечно, с обвинением Запада во всех смертных грехах. Все как обычно.

Но на заседании Политбюро 13 апреля 1957 г. Хрущев неожиданно вспылил и обругал нового министра:

«Предложения МИДа недостаточны. Не понял т. Громыко, какие новые шаги делать надо. Т. Громыко стоит на старых позициях… Если противник идет на реальные уступки, нельзя быть твердокаменным. Связать атомным оружием вопрос сейчас — никакого движения вперед не будет».

Стало ясно: Хрущев требует от МИДа новую яркую программу разоружения, которая всколыхнула бы весь мир. Но вот беда — кинулись искать эту программу, а ее нет и в помине. Хуже того, ни в ЦК, ни в МИДе, ни в других высоких учреждениях нет даже специалистов, которые бы серьезно занимались разработкой этих проблем. Вся сталинская программа разоружения занимала две трети странички, и вели эти вопросы в МИДе один, от силы два дипломата.

Громыко решил срочно поправить дело. По его указанию наскоро отобрали два выпуска аспирантуры МГИМО (я оказался в их числе), и при Отделе международных организаций была торжественно создана «референтура по разоружению». Она сплошь состояла из одних молодых атташе, и только начальником у них назначили второго секретаря Ю.М. Воронцова.

Очень скоро они стали вызывающе называть ее «доблестной референтурой» — «джи ар» от Glorious Referenture, по-английски. Для них это являлось знаком качества. Что же, они были молоды и безрассудны, влюблены в разоружение и преданы ему. Дни и ночи проводили они в комнате 1001 на десятом этаже высотного здания на Смоленской, отчаянно споря над фантастическими планами, которые сами и сочинили. Там же писались длинные речи для Хрущева и Громыко.

И результаты этой новой советской политики, которую активно проводил Громыко, были налицо.

Первым соглашением в годы хрущевской оттепели стало советско-американское соглашение об установлении линии «горячей», а попросту говоря, надежной телефонной связи между Кремлем и Белым домом. Кубинский ракетный кризис наглядно показал необходимость принятия мер, которые сводили бы к минимуму риск войны в результате случайности, просчета или непонимания действий другой стороны. Поэтому такое соглашение было заключено в Женеве 20 июня 1963 г. Это стало важным, хотя и ограниченным, шагом к международной стабильности. А следующим шагом явился Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах — атмосфере, космосе и под водой, который был подписан в Москве 5 августа 1963 г. Потом были Договоры о нераспространении ядерного оружия, ОСВ, ПРО и т.д.

* * *

Куда сложнее оказалось решение германских проблем. И главные трудности возникли здесь со знаменитым берлинским ультиматумом Хрущева.

27 ноября 1958 г. ровно в 4 часа, загорелый и энергичный, Никита Сергеевич вошел в обшитый коричневым деревом зал Совета Министров. Прошло 13 лет после окончания войны, сообщил он, размахивая руками, а мирного договора с Германией до сих пор нет. Но фантазии предаются те, кто надеются, что Германская Демократическая Республика откажется от социалистической системы и примет капитализм. На этой основе они хотят «воссоединить» Германию, т.е. позволить монополистическим кругам Западной Германии поглотить ГДР.

Но есть и другая опасность. Западный Берлин превратился в своего рода раковую опухоль фашизма и реваншизма, поэтому мы и решили произвести «хирургическую операцию».

Если Запад не покинет Западный Берлин, который станет «вольным городом», и не подпишет в течение шести месяцев мирный договор с обоими германскими государствами, Советский Союз подпишет отдельный мирный договор с ГДР. И тогда ей будет разрешено единолично контролировать пути доступа в Западный Берлин.

Этой речью Хрущев бросил, пожалуй, наиболее тяжкий вызов Западу со времен берлинской блокады 1948 г. США и другие западно-европейские страны не признавали ГДР — «первое социалистическое государство на немецкой земле», как называл его Хрущев. Теперь, однако, Хрущев поставил их перед выбором:

— либо признать ГДР и заключить с ней соглашения о проходе в Западный Берлин;
— либо уйти из Западного Берлина, оставив его за «железным занавесом»;
— либо силой проложить к нему путь, подвергнув себя и весь мир угрозе ядерной войны.

Однако президент США Эйзенхауэр не поддавался давлению. Его ответ был не менее жестким: если по истечении срока ультиматума — 27 мая 1959 г. западные конвои, идущие в Берлин, будут остановлены, предусматривалась такая лестница эскалации действий:

— установление воздушного моста;
— отзыв послов;
— разрыв дипломатических отношений с СССР;
— использование военной силы.

На это Хрущев тут же откликнулся:

«Если кто-то вздумает пробиваться в Западный Берлин силой, пусть не забывает, что в ГДР стоят советские войска. И они стоят там не для того, чтобы в городки играть. Если кто-либо начнет стрелять, то это будет означать начало войны. И насчет воздушного моста. Когда Советский Союз подпишет мирный договор с ГДР, она приобретет все права и обязанности суверенного государства. Поэтому не может быть допущено никаких посягательств на территорию ГДР, в центре которой расположен Берлин, ни по суше, ни по воздуху, ни по воде. Любое нарушение суверенитета ГДР встретит надежный отпор. Поэтому примите холодный душ, господа империалисты, успокойте свои нервы».

Нет, Хрущев не хотел войны. Его угрозы были просто средством давления. Объясняя свой замысел Громыко и другим «мидовским товарищам», Хрущев азартно, сверкая глазами, доказывал, что у него на руках одни козыри:

«Что такое Западный Берлин с военной точки зрения? — спрашивал он и сам же отвечал. — Это маленький островок с чисто символическим присутствием западных гарнизонов, со всех сторон окруженных мощной группировкой советских войск. Наша первая цель — выдавить их из Берлина, как паршивый прыщ на носу. Это, так сказать, программа максимум, хотя добиться этого будет нелегко. Но мы можем вырвать у них признание ГДР и решить на этой основе германскую проблему. Пусть будут две Германии в том виде, как ее обкорнали в Потсдаме, и, конечно, без ядерного и другого современного оружия. Это будет наша программа минимум.

Мы полностью контролируем положение, — говорил, входя в раж Хрущев. — Поэтому наша тактическая линия должна сочетать кнут и пряник. Она должна состоять из набора мер, постепенно урезающих права Запада в Берлине. Причем каждая из них сама по себе не должна давать повод к войне. Ведь не начнут же они войну из-за того, что штемпель на их документах будут ставить теперь не советские, а восточногерманские власти? Глупость это. А вот на переговоры пойдут — деваться-то им некуда!»

Тут, пожалуй, Хрущев был прав. Воевать из-за Берлина на Западе никто не хотел. Тем не менее серьезный международный кризис назревал, и в воздухе запахло войной, ядерной.

В кругах специалистов по тому времени до сих пор идет спор, кто подбросил Хрущеву идею этого ультиматума. Думаю, с уверенностью можно сказать, что не Громыко. МИД тогда по его указанию подготовил совсем другие предложения. А.М. Александров-Агентов, бывший в то время заместителем заведующего Третьим Европейским отделом МИДа, вспоминает об этом так:

«Осенью 1958 г. мне довелось быть свидетелем, как Громыко с двумя своими сотрудниками явился к Хрущеву в его кабинет в ЦК, чтобы доложить свои соображения о наших дальнейших демаршах по актуальному тогда вопросу о Западном Берлине. Андрей Андреевич надел очки и начал было читать подготовленную записку. Но Хрущев сразу же прервал его и заявил: “Погоди, ты вот послушай, что я скажу — стенографистка запишет. Если совпадет с тем, что у тебя там написано, — хорошо, а если нет — выбрось свою записку в корзину”. И начал диктовать (как всегда, сумбурно и неряшливо по форме, но достаточно ясно по смыслу) свою идею насчет провозглашения Западного Берлина “вольным демилитаризованным городом”».

Записка в ЦК, подготовленная в МИДе, была выброшена в корзину. Германский ультиматум в том виде, как его надиктовал Хрущев, проблемы, волновавшие МИД, фактически уводил на второй или даже третий план. Ядерное оружие в немецких руках ни его, ни советских военных не пугало. Они были преисполнены хвастливого задора от обладания далеко еще не мощным ракетно-ядерным потенциалом.

Однако кто бы ни был автором идеи этого ультиматума, а Берлинским кризисом, ставшим его результатом, пришлось заниматься Громыко. И его нелегкое урегулирование было самостоятельным успехом нового министра на поприще переговорной дипломатии. Но далось оно ему нелегко. Для решения германских проблем уже в 1959 г. в Женеве было созвано совещание министров иностранных дел четырех держав — СССР, США, Англии и Франции. С самого начала оно было как бы запрограммировано на провал — стороны пришли на него с жесткими, бескомпромиссными позициями. Мне довелось быть свидетелем этих переговоров в качестве пресс-секретаря советской делегации.

Директивы советской делегации не предусматривали никаких подвижек. Заключение мирного договора с двумя германскими государствами и превращение Западного Берлина в «вольный город» — вот два кита, на которых незыблемо стояла советская дипломатия. Наказ Хрущева, который он дал делегации перед самым отъездом, выглядел куда как сурово: ни в чем, нигде не уступать ни на шаг. Его ультиматум по Берлину — это главное оружие советской дипломатии. Если бы не ультиматум, американцы и их западные подголоски никогда не сели бы за стол переговоров. Пусть наши генералы, да и китайские догматики убедятся, что Советский Союз не собирается сюсюкать с американцами!

Видному американскому обозревателю Сульцбергеру Хрущев так объяснил свою позицию:

«Если я пойду в церковь молиться о мире, никто не станет слушать. Но, если я возьму с собой две бомбы, меня будут слушать!»

Однако и позиция Запада выглядела не лучшим образом. Она застыла, как монумент собственной решимости не уступать ни в чем ни на дюйм. Объединение Германии, свободные выборы, проблемы Берлина и европейской безопасности были туго завязаны в один узел — «пакет», как тогда говорили. Он высокопарно назывался «план мира».

К своему глубокому удивлению, советская дипломатия очень скоро обнаружила, что перед ней всего лишь ярко разукрашенный под непримиримость фасад. А если копнуть глубже, то окажется, что по фундаменту пошли глубокие трещины. Монолитной западной позиции не существует. Хотя все они хором говорят о праве немцев на самоопределение и объединение Германии, но на самом деле боятся этого объединения и выступают за него больше на словах, потому что хотят ублажить своего союзника ФРГ. Советская позиция их вполне устраивает: она позволяет им говорить о единстве Германии и ничего не делать. Конечно, всех пугает экстремизм хрущевской политики. Тут Запад действительно един. Но, как только речь заходит о будущем Германии и безопасности Европы, единством уже и не пахнет.

Выход из тупика на Женевских переговорах «четверки» попытался искать президент Эйзенхауэр. Для этого он пригласил министров в Вашингтон, и там 27 мая Громыко накоротке поговорил с ними. Беседа была светской, докладывал он Хрущеву. В ней участвовали все четыре министра. Но подвижек в позициях сторон не было. Эйзенхауэр пожелал им успеха в работе. Ллойд и Гро-

мыко сказали, что из Вашингтона полетят вместе и будут продолжать работу в воздухе.

«**Эйзенхауэр пошутил:** Нужно к самолету прицепить дополнительные баки с топливом, и пусть самолет кружит в воздухе, пока министры не договорятся между собой.

Ллойд: А того, кто не будет содействовать договоренности, надо сбросить на парашюте посередине Атлантики.

Громыко: Нет возражений, если решения будут приниматься простым большинством голосов.

Эйзенхауэр (рассмеявшись): Согласен, если в данном случае будет право вето»*.

Министры так и не выполнили своего обещания Эйзенхауэру достичь соглашения или сбросить посередине Атлантики того, кто будет мешать работе.

По их возвращении в Женеву продолжалась все та же тягомотина. Были грозные заявления, что, если Запад не подпишет мирный договор с двумя германскими государствами, то Советский Союз один заключит его с ГДР. Пусть тогда Запад пеняет на себя. При этом с благородным возмущением говорилось, что никаких ультиматумов Советский Союз не выдвигает. «Где здесь ультиматум? — возмущались советские представители всех рангов, — покажите его нам!»

Были и «сцены у фонтана» с угрозами немедленно уехать из Женевы, которые разыгрывала американская дипломатия. Например, 12 июня Гертер, мягко улыбаясь, сообщил Громыко, что он «почти собрался вызывать самолет, чтобы лететь в Вашингтон».

Однако были и другие события. 17 июля Громыко исполнилось 50 лет. Его, как это и было положено, наградили орденом Ленина. Но отмечал он этот день не по-советски скромно. Даже приема не устроил — так, собрал лишь небольшую группку самых близких ему лиц. Вот что интересно: самая первая поздравительная телеграмма пришла из далекой Монголии от бывшего министра Молотова...

Все эти дни Андрей Андреевич ходил злой. Переговоры явно не клеились, а возвращаться в Москву с пустыми руками он не мог — Хрущеву нужно было хоть какое-нибудь соглашение, которое прокладывало путь к саммиту. Однако министр обладал изрядным терпением, пожалуй, как ни один из дипломатов того времени он умел ждать.

Своих соратников, собравшихся на очередном совещании на Белой вилле, он поучал. Соглашение нужно не только Советскому Союзу, хотя пока один Хрущев прямо заявил об этом. Но, если западные державы пришли на переговоры, значит, и у них где-то в самом дальнем углу чемодана лежат какие-то

---

* Эйзенхауэр в своих воспоминаниях «Добиваясь мира» дает несколько иную версию этого эпизода. В своем тосте во время ланча для четырех министров иностранных дел он пожелал им не приземляться в Женеве, пока не достигнут соглашения. «Я обеспечу обслуживание самолета американскими дозаправщиками, так чтобы ваш полет продолжался сколько угодно времени».

заделы про запас. Не могут же они после хрущевского ультиматума приехать в Женеву просто ни с чем, с пустыми руками. Это будет обвальным ухудшением всей международной обстановки, катастрофа лично для них — для тех же Гертера и Ллойда. Должно быть у них что-то в загашнике, не может быть, чтобы не было. Значит, надо постепенно нагнетать обстановку и терпеливо ждать: если у Запада есть запасная позиция, она выплывет на свет божий, хотя бы в самую последнюю минуту. Учитесь ждать и не спешите выкладывать на стол свои карты.

Кто-то из молодых сказал:

«Андрей Андреевич, в позиции Запада нет ни проблеска надежды на перемены. Мы попросту теряем темп, а тем временем эффект от нашего ультиматума постепенно снижается. Вот и срок его истек 27 мая, а ничего не случилось. Нам уже не верят. Вместо угрозы получается фарс. Не лучше ли прервать эти переговоры и действительно заключить мир с ГДР, как и обещал Никита Сергеевич?»

Громыко посмотрел на него с любопытством и ответил:

«Молодой человек, главное в вашей профессии — это терпение. Есть три золотых правила дипломатии сверхдержав, запомните их на всю жизнь:

Первое. Требуйте все по максимуму и не стесняйтесь в запросах. Смело играйте на чужом поле и требуйте то, что вам никогда не принадлежало. Скажем, уход западников из Берлина и заключение мирного договора с Германией. Если бы вы не были великой державой, вас никто слушать не стал. Но мы великая держава, и нас будут слушать.

Второе. Предъявляйте ультиматумы. Грозите войной, не жалейте угроз, а как выход из создавшегося положения предлагайте переговоры. На Западе всегда найдутся люди, которые клюнут на это и скажут, что все споры надо решать за столом переговоров мирным путем. И они сядут за этот стол, потому что другого выхода у них нет.

Третье. Начав переговоры, не уступайте ни на шаг. Они сами предложат вам в качестве компромисса часть того, что вы просили, хотя это вам никогда не принадлежало. А поначалу и не снилось. Но и тогда не соглашайтесь, а выжимайте большего. Они пойдут — раз сделали первый шаг, значит, у них есть в запасе и второй, а может быть, и третий шаг. Вот когда получите половину или две трети того, чего у вас не было, тогда можете считать себя дипломатом.

И последнее. Если вам удалось достичь успеха и соглашение прорисовывается, не спешите кричать об успехе на весь мир, хотя, может быть, лавры вам и принадлежат. Сделайте так, чтобы заключение договора стало заслугой высшего эшелона власти, и пусть его подпишут главы. Тогда ваше соглашение приобретет и политический вес, и международный авторитет, и значимость. А судьба переговорщиков — держаться в тени».

К своему глубокому изумлению, молодые дипломаты скоро заметили, что «золотые правила» Громыко сработали. Как-то незаметно на переговорах от рассмотрения мирного договора с Германией перешли к Западному Берлину. Разумеется, США, Англия, Франция и слышать не хотели ни о каком вольном

или демилитаризованном городе. Но без особого энтузиазма все же пошли на обсуждение «частных» вопросов, касающихся численности их войск в Западном Берлине, обеспечения свободы доступа в этот город и т.д.

Тогда Громыко предложил договориться о временном статусе для Западного Берлина, который предусматривал бы сокращение там оккупационных войск западных держав до символических контингентов, прекращение подрывной работы против ГДР и отказ от размещения в Западном Берлине атомного и ракетного оружия.

А для разработки мероприятий по объединению Германии он предложил создать комитет из представителей ФРГ и ГДР. Хотя Запад вроде бы и шел на это, но опять все дело увязло в непролазной топи деталей. Взять хотя бы нескончаемый спор о составе этого комитета: будет ли в нем равное представительство от ГДР и ФРГ, как предлагал Громыко, или же представительство будет пропорциональным и соответствовать численности населения обеих стран, как настаивал Запад. В последнем случае в комитете было бы 25 представителей от ФРГ и только 10 от ГДР. Конечно, спорить на эту тему можно было до бесконечности. Но сигнал о возможности уступки здесь со стороны Запада здесь явно прозвучал — в конце концов он все же пойдет на признание ГДР.

В общем, два узелка, скорее так, на память, были завязаны в ходе Женевской встречи. Запад сделал еще одну крупную уступку, когда согласился с идеей «временного соглашения» и вынул Западный Берлин из общего пакета, который ранее объявлялся интегральным и неделимым. Теперь он соглашался сократить численность своих войск в Западном Берлине так, чтобы она не превышала 11 тысяч человек и они не имели там ядерного оружия. Он был готов также взять обязательства воздерживаться от подрывной деятельности, враждебной пропаганды и шпионажа, разумеется, друг против друга.

На этой основе уже можно было договориться в Женеве. Но Громыко и ухом не повел. Он знал, что Хрущеву нужно соглашение не в Женеве между министрами, а между главами государств на планировавшимся их саммите в Париже. Поэтому он резко нажал на тормоза и отверг эти западные предложения.

Тогда хитроумный министр иностранных дел Великобритании Селвин Ллойд, чувствуя, очевидно, что Женевское совещание себя исчерпало, а дальнейшие словопрения только ужесточат позиции, осторожно обрисовал Громыко такую комбинацию:

«Не пора ли заканчивать переговоры в Женеве? — как бы размышляя, спросил он при встрече 27 июля. — Можно резюмировать политический итог, зафиксировать договоренности, а оставшиеся вопросы передать на встречу глав четырех держав — СССР, США, Англии и Франции».

На этом переговоры в Женеве были тогда завершены. А дальше, не вдаваясь в детали, происходило следующее. Парижский саммит был сорван вторжением на советскую территорию американского разведывательного самолета У-2. Однако Громыко упорно проводил свою линию в германских делах и в конце концов своего добился — Запад признал ГДР, а Западный Берлин,

согласно соглашениям 1971 г., имел особый статус, там было ограничено присутствие войск НАТО, и им запрещалось иметь ядерное оружие. Так на деле были реализованы три золотых правила дипломатии Громыко.

* * *

Твердой линии поведения, хотя и совсем другой по содержанию, придерживался А.А. Громыко и в отношении Ближнего Востока. Узнать ее мне довелось уже значительно позднее, когда в далеком 1974 г. я был вызван в его кабинет на седьмом этаже Смоленской высотки и услышал о новом назначении — заняться ближневосточными делами.

Тут нужно сказать, что к Ближнему Востоку я раньше никакого касательства не имел и плохо представлял, что там происходит. К тому же в МИДе в те времена престижными считались разоруженческое, американское и европейское направления, а Ближний Восток был чем-то вроде ссылки. Так и говорили: дальше Судана не пошлют. Но и отказываться, когда такое назначение исходит от самого министра, не положено. Поэтому я сказал:

«Андрей Андреевич, могу я вам задать вопрос?»

«Конечно, молодой человек. Если вам что-то неясно, всегда спрашивайте, не стесняйтесь».

«Андрей Андреевич, а где этот Ближний Восток находится?»

Лицо министра исказилось от недовольства. Он поднялся, подошел к карте и показал пальцем.

«Вот он, и, надеюсь, вопросов больше не будет». — Вернулся, уселся в кресло и сказал:

«Запомните. Ближнему Востоку долгие годы суждено быть местом, где станут остро сталкиваться интересы СССР и США. В остальном мире сферы интересов практически полностью поделены. Здесь же все зыбко и неопределенно». — Министр замолчал, а потом продолжал уже совсем другим, доверительным тоном, будто что-то вспоминая: «Советский Союз одним из первых признал независимость Израиля. Когда в 1948 г. Политбюро проголосовало за признание еврейского государства, Сталин долго прохаживался по кабинету, попыхивая трубкой, и молчал. Потом сказал: “Мира здесь больше не будет”.

И он был прав. Пока на Ближнем Востоке царит вражда, мы там нужны. Борясь за независимость, Израиль бросил тогда вызов арабам, за которыми стояли колониальные державы, и мы его, естественно, поддержали. Поэтому с Израилем тогда у нас были любовь и дружба. В Тель-Авиве даже улицу именем Молотова назвали, и тупик Вышинского появился». — Министр, видимо, пошутил. — «Но очень быстро роли поменялись. Арабы поднялись на борьбу с колониализмом, а Израиль стал бастионом американского империализма. Соответственно поменялись и наши приоритеты.

Теперь ситуация опять другая. Борьба за национальную независимость в этом регионе практически завершена, и новым государствам нужно решать, что с ней делать, какой путь развития избрать. Многие хотят идти нашей до-

рогой — к социализму. Но переоценивать этого не следует. Для большинства пока более привлекателен западный путь — капитализм.

Этим, однако, пусть в Международном отделе ЦК занимаются. Для МИДа важно другое. Выбор ориентации для большинства арабских стран тесно связан с решением проблем войны и мира — каким будет мир с Израилем и как будет урегулирована палестинская проблема. Тут открывается широкое поле для укрепления и расширения наших позиций. Короче говоря, если в этой ситуации мы себя умно поведем, то снова будем очень нужны на Ближнем Востоке. Этим вы и займитесь».

Министр кивнул, давая понять, что разговор закончен. С таким наставлениям я и приступил к новым обязанностям. А вскоре оказалось, что и здесь его линия полностью себя оправдывает. Советский Союз наряду с США стал главной силой, которая определяла судьбу этого региона. Причем США он нередко переигрывал, но при этом придерживался не идеологизированного, а строго аналитического, прагматического подхода, и учил этому своих ближневосточников.

Так, в середине 1978 г. остро встал вопрос: будет или нет заключена сепаратная сделка Израиля и Египта по Синаю. И в МИДе, пожалуй, был только один человек, который понимал, что такая сделка состоится и помешать этому невозможно, хотя ему пытались доказать, что для такого соглашения нет объективных условий. Специалисты-ближневосточники полагали, что Египет не согласится с сохранением израильских поселений на Синае — для Садата это будет равносильно самоубийству. Но и Израиль не отдаст просто так, практически ни за что, весь Синай вместе с израильскими поселениями и военными базами. Израильская общественность уже сейчас остро реагирует на такую перспективу.

«То, что вы говорите, — усмехнулся Громыко, — дипломатическая арифметика для начальной школы. Конечно, можно торговаться из-за каждого километра пустыни или считать, сколько поселенцев вернется назад в Израиль и сколько домов достанется Египту. Но это местечковый подход. Израилю нужна не синайская пустыня с парой десятков поселений, а мир с арабами и в первую очередь с Египтом. Отдав Синай целиком, Израиль выведет Египет из игры. Большой войны на Ближнем Востоке больше не будет. Без Египта ни Сирия, ни тем более Иордания ее уже вести не смогут. Вот и посчитайте, что выгоднее Израилю. Это уже дипломатическая алгебра. Еще Бен Гурион говорил, что Израиль защитят не атомные бомбы, а арабские разногласия».

Что ж, так оно и оказалось.

Суммируя, можно сказать, что жесткость и твердость в отстаивании интересов Советского Союза сочетались у советского министра с глубоким ви́дением перспектив развития международной обстановки — системным анализом, как это принято называть сегодня, или «дипломатической алгеброй», как это именовал сам Андрей Андреевич. Это сочетание, положенное в основу внешней политики советской сверхдержавы, терпение и выдержка позволили Громыко стать выдающейся фигурой в мировой дипломатии.

Громыко Ан.А.

Полет его стрелы

Андрей Громыко служил Отчизне полвека. Наследие его деятельности весьма поучительно. Отмечу следующее.

Отец считал, что история стран мирового сообщества, в том числе Советского Союза, самобытна, окрашена в цвета времени, господствующих идеологий, зависит от соотношения экономических и военно-политических сил. Он верил в марксизм, изучал его не по учебникам, а по первоисточникам. Верил в принцип социальной справедливости, в человека труда, человека-творца — создателей всех материальных и духовных ценностей. Большое значение отец придавал науке и культуре, роли религий и обычаев. Много раз говорил — без знания истории дипломаты в своей деятельности успешными быть не могут. Отец считал дипломатию наукой и искусством, ценил умение переговорщиков находить в лабиринте запутанных проблем компромиссы, решения, которые укрепляли безопасность Советского Союза и его союзников, накапливали для нашей страны большие и малые преимущества.

В моем личном восприятии отец предстает как реалист-романтик. Пожалуй, больше как романтик. В семье и на встречах с друзьями он раскрывался полностью, рассказывал нам об исторических казусах, своих любимых художниках, писателях и поэтах, обычаях крестьянской жизни времен детства.

Дружеские отношения были у него со многими представителями культуры и искусства. Отец не впадал в мистику, но, случалось, говорил о превратностях судьбы. Он мог с не меньшим упоением, чем при созерцании живописи, наслаждаться анализом столбцов цифр, когда работал как экономист.

Громыко не верил, этому научила его жизнь, в легкие и быстрые успехи, устные договоренности на встречах «без галстуков». Он считал, что решения на основе «личного обаяния» должны оформляться международно-правовыми договорами и соглашениями. Отец говорил — самое трудное в работе по-

---

Громыко Анатолий Андреевич — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН. Сын А.А. Громыко.

литиков и дипломатов добиваться, чтобы принятые решения выполнялись. Для этого необходима политическая воля: не только эмоциональная, но и в виде постоянных профессиональных усилий и, если требуют обстоятельства, жестких заявлений и действий.

Дипломатии, считал Громыко, не подходят действия в духе кавалерийских атак на аргументированные позиции — «редуты» соперников. К таким лихим атакам в расчете на быстрый успех ведет комплекс неполноценности, его маскируют под бравадой, броскими фразами и такой «гибкостью», когда утрачиваются принципиальность и чувство собственного достоинства.

Если на переговорах, говорил отец, маститый и опытный соперник чувствует, что имеет дело с неуверенным в себе человеком, слабым политиком или дипломатом, то он начинает вить из своего хилого партнера «веревки». При малейшей возможности расправляется с ним как с котенком. Так поступили с советскими руководителями, когда заставили их бежать из Центральной и Восточной Европы, Прибалтики.

Те, кто забыл, какой кровью достались советскому народу его позиции в Европе, ничего не смыслили в балансе сил и стратегическом равновесии. Они их бездарно промотали. Подрывники влияния СССР утверждали — перемены «неизбежны», зачем им противиться? Уверовав в эту робкую «истину», сторонники геополитической капитуляции уже не могли остановиться, они, петляя как зайцы, бежали и сдавали все, вплоть до самой сверхдержавы, Советского Союза.

Сильнее всех других республик СССР пострадала Россия, так как ее лишили громадных территорий, освоенных еще в царские времена. Перепутав идеологию с территорией, подрывники крошили судьбы миллионов людей. На территориях бывшего Советского Союза надолго воцарилась обстановка беззакония и бесправия. Под прикрытием фраз о «свободе и демократии» наиболее бессовестными и алчными личностями был запущен механизм ограбления и присвоения народного достояния. В этой напичканной шарлатанами обстановке перед Россией возникла опасность распада. Сегодня все те, кому дорога Отчизна, особенно молодежь, осознают, что отступать дальше некуда. Так можно, подчинившись дьявольской воле, топать до размеров Московского княжества.

Опасные процессы, российский апокалипсис, могут быть остановлены, но автоматически этого не произойдет. Необходима упорная работа всего общества, в первую очередь российской политической элиты, лидеров государства и руководителей партий, чтобы Россию не превратили в плохо охраняемую от дальнейшего разграбления территорию. Цель сохранения страны и народа останется недоступной, если в России не наберет силу культура стратегического мышления.

Что это такое — «культура стратегического мышления»? Прежде всего, это внешняя политика на основе согласованных между главными политическими силами страны стратегических целей, которые пользуются поддержкой российского общества. Сегодня это — сохранение России и укрепление ее влияния в зонах жизненно важных интересов.

Андрей Громыко работал в условиях монополии на власть одной партии, КПСС, ее Политбюро. В этой системе власти действовал достаточно эффективный механизм выдвижения и принятия решений по коренным вопросам внешнеполитической стратегии. При этом Министерство иностранных дел при определении приоритетных задач внешней политики и дипломатии играло большу́ю, часто решающую роль. Крупные ошибки случались, когда решения о внешнеполитических акциях принимались узким кругом лиц, такими вождями, как Сталин, Хрущев, Горбачев. Отход от разумной коллегиальности нес в себе риски нанесения вреда безопасности как Советского Союза, так и России.

В своих воспоминаниях об отце я почти не прибегал к цитатам. И все же приведу несколько высказываний о нем видных дипломатов. Они объясняют, почему «стрела дипломатии» Громыко при поиске выгодных для нашей страны решений попадала в «восьмерку» и в «девятку», нередко в «десятку» мишени, если под нею понимать эффективность переговоров.

Вот мнение выдающегося советского дипломата Георгия Марковича Корниенко*:

«Наряду с недюжинным интеллектом, которым его одарила природа, самой сильной стороной Громыко как руководителя дипломатической службы великой державы являлся высокий профессионализм. Обладая огромным багажом знаний, необходимых в повседневной работе, и поразительными аналитическими способностями, он больше всего ценил наличие того и другого также у своих коллег и подчиненных». Или, например, другое высказывание:

«Нередко спрашивают, был ли Громыко “государственником” или “идеологом”? …Могу однозначно сказать, что он был государственником в том смысле, что во всей своей деятельности заботился именно об интересах государства. Громыко не был идеологически зашоренным, но он сформировался как государственный деятель в такие времена, когда не мог не остерегаться того, чтобы какие-то его слова или дела могли быть истолкованы превратно, как не соответствующие “установкам партии”».

И еще Корниенко отмечает:

«Громыко был не только убежденным сторонником разоруженческой линии в нашей политике, но и, пожалуй, главным генератором идей в этой области».

Сегодня политикам и дипломатам нередко внушается мысль, что быть государственниками им вовсе не обязательно, так как сам институт государства «становится анахронизмом». С этой философией предлагают решать проблемы XXI столетия. Однако ведущие государства мира — США, Китай, Индия, Германия, Франция, Великобритания, да и Израиль тоже, вовсе не собираются ослаблять свои государства и армии. Наоборот, они их укрепляют. Порой это приобретает форму новых региональных объединений, например в Евро-

* *Корниенко Г.* Холодная война. М., 2001. С. 353–355.

пе. Здесь пестрый конгломерат государств поставил своей целью создать европейское супергосударство, которое на равных конкурировало бы с США и Китаем, Индией и Японией.

Добившись устранения с международной арены супергосударства — Советского Союза, США и Европа стремятся не допустить возникновения на постсоветском пространстве нового центра силы, который смог бы эффективно конкурировать с ними. По их мнению, «конец истории» состоялся, их доминирование его отражает. Зачем все это менять, кому нужны новые сильные государства? Такая логика отца бы не устроила.

Глобальные перемены не столько ставят под сомнение существование национальных государств, сколько заставляют наиболее сильные из них использовать в своих целях транснациональные корпорации и банки, глобальные системы связи и международные учреждения, в том числе Организацию Объединенных Наций. Именно в ООН, может быть, на сегодня единственной демократической планетарной организации, нарастает борьба между сторонниками силы права и теми, кто хотел бы жить в мире права силы.

А вот мнение об Андрее Громыко легендарного дипломата, человека высокой культуры и искусства вести переговоры Анатолия Федоровича Добрынина, четверть века работавшего послом СССР в США. Добрынин вспоминает подходы отца к дипломатии, его высказывания на этот счет:

«Переговоры надо уметь вести, опираясь на силу политики, а не политику с позиции силы».

«Дипломат — официальный представитель своего государства. Он не имеет права нести отсебятину или произвольно импровизировать. Если не уверен, что говорить — лучше промолчи. Компетенция — непременное качество дипломата».

«Не следует торопиться в переговорах, иначе проиграешь; абсолютно недопустимо сразу раскрывать все карты, хотеть решить проблему одним махом. Это иллюзия!»

«Не давать в переговорах волю эмоциям, но использовать эмоциональность другой стороны».

«К каждому партнеру по переговорам важен свой подход, с учетом его сильных и слабых качеств».

«Не увлекаться без особой нужды идеологическими спорами по ходу переговоров. Вы никогда не выиграете подобных споров; это будет лишь напрасная потеря времени, ведущая в тупик».

Добрынин приводит красноречивое высказывание бывшего госсекретаря США Генри Киссинджера (из книги воспоминаний об А.А. Громыко, дипломате, политике, ученом. М., 2000. С. 27–28):

«Он говорил, что вступать в переговоры с Громыко, не зная деталей или истории вопроса, было равносильно самоубийству. Он разорвет оппонента на части. Он похож на тяжелый локомотив, который идет в заданном направлении и, подминая под себя силой своей аргументации, упорно стремится достичь поставленной цели».

От себя добавлю, что никто из партнеров отца по переговорам «разорван на части» не был, наоборот, были выработаны сотни выгодных нашей стране договоров и соглашений. Такой результат отражал настойчивость Андрея Громыко в достижении стоящих перед ним целей. Это проявлялось не только в переговорах, но и в личных беседах с его участниками. Изменить его принципиальные позиции было трудно, пожалуй, даже невозможно.

Советник премьер-министра Израиля Илья Земцов вспоминает, как во время своей встречи с Громыко тот в шутливо-серьезной манере сказал:

«Знаете, какой обмен мнениями я признаю? Когда вы приходите со своими взглядами, а уходите с моими»*.

В этой фразе Андрея Громыко, как в капле воды, отразилось одно из основных правил классической дипломатии — никогда легко не сдавать свои позиции. Прогнешься раз, прогнешься два и приучишь партнера по переговорам ждать новой уступки, а вслед за ней посыпется вся твоя позиция. Упорство на переговорах более плодотворно, чем бесхребетная «гибкость».

Внешнеполитическим выстрелом советской дипломатии в «десятку» стал подписанный Громыко 5 августа 1963 г. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Радиоактивная отрава для природы и человека пошла на убыль, легкие Земли стали очищаться.

Косыгин и Громыко в 1966 г. добились предотвращения большой войны из-за Кашмира между Индией и Пакистаном.

В 1968 г. советская дипломатия обеспечила подписание Договора о нераспространении ядерного оружия. Он до сих пор является краеугольным камнем международной безопасности и основным стержнем сотрудничества между Россией и США.

Большим успехом как советской, так и американской дипломатии стали соглашения по ограничению стратегических вооружений (ОСВ-1, 1972–1973 гг.), (ОСВ-2, 1979 г.). В порыве воодушевления этими договорами в 1979 г. в Вене Леонид Брежнев и Джимми Картер на глазах у изумленной публики слились в крепком поцелуе. Меня он не шокировал. Этот порыв отражал искреннюю радость. Ядерный джинн, угрожавший жизни человечества, был посажен в клетку, казалось, надолго.

В 1970–1971 гг. СССР заключил с ФРГ соглашения по Западному Берлину. Был расчищен путь к созыву Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В 1975 г. в Хельсинки главами государств, в том числе СССР и США, подписывается Заключительный акт, который закрепил нерушимость послевоенных границ в Европе. После разрушения Советского Союза это соглашение мирового значения оказалось беззащитным и было сильно ослаблено безответственными политиками и дипломатами Запада и поднявшими лапки кверху безвольными советскими политическими карликами.

---

* *Земцов Илья*. Лица и маски. М.: Наука, 2008. С. 84.

Было у отца еще одно деяние, отмеченное временем как судьбоносное. Это его большая роль в создании якоря мировой стабильности — Организации Объединенных Наций.

Конечно, решающую роль в появлении планетарной международной организации, какой стала ООН, сыграла победа союзников по антигитлеровской коалиции над фашистской Германией. Ужасы Второй мировой войны были настолько страшными, что у лидеров коалиции не возникало сомнений в необходимости замены Лиги Наций на новую международную организацию. Все павшие на фронтах Великой Отечественной войны советские воины своей кровью обеспечили возможность создания глобальной структуры международной безопасности, чем и стала ООН. Несмотря ни на какие крутые повороты судьбы, ООН должна быть не просто сохранена, она может быть усилена теми, кто останется верным ее демократическим принципам.

В 1944–1945 гг. на острие усилий по созданию ООН оказалась возглавляемая В.М. Молотовым советская дипломатия. Своими указаниями Молотов сыграл большую роль в том, что послевоенная структура мира получила достойное памяти павших оформление. Это был перст судьбы.

Разработка Устава ООН поручается Андрею Громыко. Он вместе с группой советских дипломатов, военных и ученых на конференции в Думбартон-Оксе, в 1944 г., успешно справляется с поставленными задачами.

На Ялтинской конференции Сталин, Рузвельт и Черчилль в основном одобряют проект Устава ООН. Дело идет к ее созданию. Это решение становится частью «наследия Ялты», которое пигмеи от политики стремятся объявить «канувшим в историю», потерявшим силу. Целью такого вульгарного подхода является стремление вывернуть историю наизнанку, поставить под сомнение освободительную миссию Советской Армии, объявить ее солдат «оккупантами», и только. Разумеется, войска союзников в результате военной победы Германию оккупировали, поделив ее на четыре зоны. Все другие страны Европы войсками союзников были освобождены.

Чтобы закончить тему о значении усилий СССР в победе над фашистской Германией, приведу ряд веских высказываний:

В феврале 1945 г. английский премьер-министр Уинстон Черчилль заявил:

«Красная Армия празднует свою двадцать седьмую годовщину в обстановке побед, которые завоевали безграничное восхищение ее союзников и решили участь германского милитаризма. Будущие поколения будут считать себя в долгу перед Красной Армией столь же безоговорочно, как и мы, которым довелось быть свидетелями этих великолепных подвигов».

В декабре 1944 г. генерал Шарль де Голль, в то время председатель Временного правительства Французской Республики, отметил:

«…Русские усилия, нанеся непоправимый ущерб немецкой военной машине, послужили основным условием освобождения территории нашей метрополии… Огромные усилия миллионов и миллионов мужчин и женщин Советского Союза, приложенные в общей борьбе либо на полях сражений,

либо в труде в тылу, неслыханные жертвы, которые они понесли, способности, проявляемые теми, кто руководит ими, …столь глубоко тронули наш народ в его вчерашней подавленности и в сегодняшнем энтузиазме, что они подняли на высшую ступень вековое чувство симпатии, которое мы, французы, всегда питали по отношению к русскому народу».

И наконец, еще одно публичное высказывание в августе 1945 г. главы правительства, а затем и первого президента Австрии Карла Реннера:

«Грядущие поколения с благоговением будут вспоминать, как в результате героических подвигов Красной Армии, беззаветной готовности советских солдат к жертвам… был уничтожен проклятый режим национал-социализма. Все человечество перед ними в долгу. Мы же, жители Австрии, имеем особые причины вспоминать об этих делах с благодарностью. Нам эти дела и жертвы принесли не только освобождение от цепей рабства, но и дали возможность возродить наше собственное государство и права нашего народа»*.

Для моего поколения правда, что звучит в словах Уинстона Черчилля, Шарля де Голля и Карла Реннера, хорошо знакома. Сегодня многие молодые политики на Западе ее не знают или крепко подзабыли. С экранов телевидения и в радиоэфире, в том числе российском, правдивая историческая драма, особенно советских лет, почти исчезла. Верховная российская власть, между тем, ратует за патриотизм и укрепление Российского государства. Странно все это. Ведь без уважения к своей истории, где были не столько падения, сколько взлеты, по-настоящему судьбоносные свершения, добиться духовного оздоровления и укрепления России невозможно. Мы скоро позволим так замылить историю царской и Советской России, что перестанем узнавать в ее зеркале своих предков.

Извилистая дорога политики и дипломатии, по которой полвека шел отец, напоминает лабиринт, из которого трудно найти выход. И только ясно очерченные цели внешней политики делают возможным пройти его с помощью державной силы и компромиссов. Для этого нужен упорный труд политиков и дипломатов, ученых и журналистов.

Один из уроков Громыко состоит в том, что дипломатия, как и история, процессы достаточно медленные. На решение международной проблемы, если это не острая кризисная ситуация, уходят не часы и дни, а месяцы и годы. И никакие объятия, поцелуи и «встречи без галстуков» на лужайке перед Белым домом или на Красной площади этого изменить не могут. Поцелуй Картера и Брежнева в Вене, между прочим, случился, когда был достигнут исторический результат, в конце, а не в начале переговоров по ограничению стратегических вооружений.

Проблемам ограничения вооружений и разоружению дипломатия Громыко уделяла постоянное внимание. К достижению этих целей, хотя бы частичному, шли годами. За последнее время внимание к данным проблемам ослаб-

* История внешней политики СССР. М., 1976. Т. 2, 1945–1975 гг. С. 9.

ло. Случилось это по многим причинам. Нет смысла их перечислять. Ясно одно — сегодня цель сохранения на мировой арене приемлемого для России баланса вооружений актуальна как никогда. Иначе мы войдем в неприемлемую для России ситуацию, когда наши стратегические ядерные и даже обычные вооружения ослабнут.

Стало модно утверждать, что Советский Союз тратил на вооружения слишком много средств. Это утверждение верно лишь отчасти. Конечно, лучшее — враг хорошего. Наращивание советского оборонного потенциала могло идти медленнее, но тогда мы не имели бы «равной безопасности» с США и, тем более, с НАТО. Советская военная и политическая верхушка не смогла найти более дешевую военно-политическую стратегию. Не предложили ее и ученые. В этих условиях, засучив рукава, дипломатия Громыко делала все, что могла, для создания устраивающей Советский Союз договорно-правовой системы военной безопасности.

В 2002 г. США денонсировали Договор 1972 г. (ПРО). В декабре 2009 г. истекает срок Договора СНВ-1. Идет разрушение договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Встает реальная опасность возобновления новой смертоносной гонки вооружений. Если российская политическая элита, убаюканная наивными разговорами об окончании холодной войны, не очнется, то тогда обороноспособность Отчизны будет подорвана.

Все говорит о том, что проблемам ограничения вооружений и разоружению следует придать второе дыхание, а не держать их на задворках. Во всяком случае, для мировой общественности образ России, борющейся против гонки вооружений, которая нам снова навязывается, будет куда милее, чем наше молчаливое участие в этом безумии по созданию новых военных систем для массового и одиночного убийства людей. Для дипломатов это работа на десятилетия. Если мы хотим сохранить человеческую цивилизацию, альтернативы ей нет. Отец это понимал.

Над этим стоит поразмышлять тем, кто в фундаментальности дипломатии Громыко — а без нее не обойтись — видит ее слабость, а долгие годы работы отца на посту министра иностранных дел называет «громыкинской диктатурой», как будто он себя генсекам навязывал. Причем, распустив павлиний хвост самолюбования, вещает это с опозданием в четверть века.

Надо, если и не любить, то по крайней мере не обругивать, а уважать свою страну, ею раньше был Советский Союз, а теперь это Россия. Современная Россия не идеальна. Она все еще далека от той мечты о справедливом обществе, что овладела миллионами людей. Они восприняли идею социальной справедливости и защитили советскую власть в горнилах Гражданской и Второй мировой войн. Советская дипломатия от Чичерина до Громыко защищала интересы государства, демонстрировала верность устоям социальной справедливости.

Как раньше офицеры и солдаты Белой гвардии, оставаясь верными России, какой они ее знали и любили, пытались ее защитить, так и сегодня внуки и правнуки красногвардейцев, легендарных Фрунзе, Чапаева, Щорса и Бу-

денного, многих других красных бойцов, должны не пиво хлестать и травить себя наркотиками и табаком. Иначе мы не только перестанем выигрывать первое место на Олимпиадах, но, главное, лишимся сильных телом и духом бойцов. Нам не нужно монашеское общество, тем более появление новой когорты «меченосцев», нам необходимо общество гражданское, обязательно с диктатурой закона, а не возней алчных чиновников, обирающих народ.

Российские лидеры В.В. Путин и Д.А. Медведев демонстрируют желание сделать Россию достойным членом международного сообщества, страной сильной и процветающей, без войн и революций. Достичь этого будет невозможно без опоры, когда это необходимо, на советский опыт, на патриотическую часть общества, сторонников социальной справедливости, а таких в России подавляющее большинство. К этой цели надо приближаться постепенно, но уверенно.

Россия — птица Феникс, она вновь возрождается из пепла бездарных псевдолиберальных реформ. Ни одна птица, как известно, не летит с одним крылом. Так и либерализм в одиночку не может решить наших проблем. Нужно не отлучение от управления страной социалистов и коммунистов, а их широкое вовлечение в процесс возрождения Российской державы.

Историю делают люди, а не предписания на бумаге. Другими словами, «кадры решают все». Выращивание элиты России состоится через конкретные созидательные дела, это самый верный критерий успеха, в том числе в дипломатии. Если административные посты, даже студенческие билеты, покупаются за деньги, то это равносильно самоубийству России, ее силы зачахнут.

Чтобы уверенность нации крепла, следует видеть историю не через призму неприятия советской эпохи, сведения ее в основном к преступлениям режима. Нужно помнить о ее грандиозных успехах, приоритетах и ценностях, иметь панорамное, а не плоское ви́дение нашей жизни.

В государственных делах важно не считать себя всезнайкой, любителем сделать в одночасье то, что другим не удавалось годами. Поспешность приводит к грубым ошибкам и даже преступлениям. Начальство, даже самое высокое, всего знать не может. Эта истина хорошо известна, но до сих пор любимым занятием подчиненных является стремление угодить начальству. А ему это, ох как нравится. Между тем мудрый лидер ждет от своих помощников прежде всего дельного совета, а не бездумного согласия с его мнением. Национальный лидер замечает людей способных, честных и неподкупных, готовых служить Отчизне. Это важная черта всякого национального лидера.

Цели советской внешнеполитической стратегии были более ясными, чем у России сегодня, понятно, почему. Внешняя политика Советского Союза, образно выражаясь, утрамбовывалась десятилетиями. Особенно четко она определилась после окончания Второй мировой войны. С капиталистическими странами — мирное сосуществование, налаживание добрососедского сотрудничества. С миром стран развивающихся — всесторонняя их поддержка и помощь национально-освободительным движениям. Особое внимание уделялось улучшению отношений СССР и США. Москва проводила традиционно

дружественную политику в отношении Франции. Сегодня отношения с Германией и Францией, Великобританией и Италией, Испанией, всеми странами Европейского союза имеют для нашей страны большое значение. Никакие международные кризисы не должны использоваться для выдавливания из Европы самой крупной европейской державы — России. Попытки изолировать Россию, подорвать ее безопасность это глупая политика. Россия способна, если захочет, сама кого угодно изолировать. Но это не наша политика. Россия — верный партнер по сотрудничеству.

В советские времена отношения с Китаем, Вьетнамом и восточно-европейскими странами находились в центре внимания партийных идеологов. Это, случалось, влияло на двусторонние отношения не в лучшую сторону. Поклонение принципам пролетарского интернационализма, обостренное чувство ответственности за «судьбы мирового коммунистического движения», дефицит знаний в области дипломатии мешали послам, партийным назначенцам овладеть в стране своего пребывания пониманием ситуации и даже тактом.

Такова была в самых общих чертах сложная внешнеполитическая среда, в которой действовала советская дипломатия и, с 1957 по 1985 г., дипломатия Громыко.

Всякие абстракции условны, если они не учитывают конкретную обстановку. Ошибками советской внешней политики после 1945 г., на мой взгляд, стало разрушение в 1948 г. советско-югославских отношений, постепенная эскалация напряженности в отношениях с Китаем, неоправданно затянувшаяся военная акция в Афганистане. В основе этих отрицательных по своим последствиям действий лежал идеологический фактор.

Руководство страны к мнению Андрея Громыко не просто прислушивалось, оно ему, как правило, следовало. Отец умел ладить со всеми генсеками ЦК КПСС, отдавая себе отчет в том, что в условиях вождизма, когда партийный босс обладал командной властью над людьми, вступать с ним в жесткие противоречия было контрпродуктивно. К каждому генсеку отец подбирал свой «ключик». Брежнев, например, не любил длинных и заумных пояснений. Он предпочитал понятные и краткие ответы на встающие в ходе переговоров проблемы. Вот лишь два примера.

Западногерманский посол Андреас Майер-Ландрут в своей книге «С Богом! И оденься потеплее», которая вышла в свет в 2005 г., рассказывает:

«В 1981 г. состоялся последний визит Брежнева в Бонн. Во время беседы с канцлером Гельмутом Шмидтом Брежнев сказал, что торговый оборот с Германией занимает первое место в советском внешнеторговом балансе с капиталистическими странами. Шмидт в ответ заметил, что ФРГ занимает второе место после Америки. “Брежнев, — пишет посол, — вздрогнул и потребовал у Громыко разъяснений. Громыко, который всегда был прекрасно информирован, ответил одним словом: “зерно”, на что Брежнев ответил глубокомысленным “Ах да!” и продолжил: “Но это не в счет!”. Действительно, в эти годы Советский Союз импортировал из Канады и США миллионы тонн фуражного зерна в год.

Другой пример. Во время обеда в резиденции президента ФРГ Карстенса он завел речь о Пруссии — сегодняшней Калининградской области. Карстенс сказал, что получает много писем от немцев родом из Кёнигсберга и земель Восточной Пруссии, они очень хотели бы побывать на своей родине, но въезд туда им запрещен. Нельзя ли что-нибудь для них сделать, спрашивал Карстенс, ведь речь идет о чисто человеческом желании. «В чем дело?» — обратился Брежнев к отцу. Он лаконично ответил: «Запретная зона». Брежнев сменил тему беседы.

В 2007 г. изданы удовлетворяющие высоким критериям научности книги «Известные дипломаты России». В них дана оценка деятельности министров иностранных дел нашей страны. В отношении отца в статье видного дипломата и талантливого журналиста Бориса Пядышева говорится: «В дипломатии XX века равных ему не было».

Действительно, как иначе можно оценить человека, служившего на дипломатической ниве Отчизне полвека, в том числе на посту министра иностранных дел сверхдержавы 28 лет. Если оценивать деятельность отца без идеологических ужимок и политических пристрастий, можно сделать вывод — стрела дипломатической деятельности Андрея Андреевича Громыко, скромного паренька с Гомельщины, улетела высоко и далеко. Он проделал гигантскую работу по укреплению международных позиций советской державы. Пожалуй, никто лучше его самого не оценил результаты этой активности. Отец считал:

«СССР — великая держава, и он не будет просто зрителем, когда возникает угроза развязывания большой войны в связи ли с вопросом о Кубе или в связи с положением в каком-либо другом районе мира».

Громыко приучил политиков и дипломатов великих держав, в том числе США, кто вел дела с нашей страной, разговаривать с ней на равных. Не всем это нравилось, по нему было сделано немало пропагандистских выстрелов как за рубежом, так и, к сожалению, в нашей стране теми, кто верность долгу и чести разменял на духовную капитуляцию, преклонение перед людьми с улыбкой на лице и с кастетом в кармане.

В перевернутом с ног на голову мире, где наша государственность надолго осталась сиротой, ее пинали и об нее вытирали ноги чужеземные авторитеты и доморощенные политические агенты влияния. Наступила геополитическая катастрофа, разрушили Советский Союз. Понадобилось десятилетие, прежде чем российские государственники и патриоты собрались с силами и остановили угрозу распада России. Сегодня наша страна уже не «территория», которую можно сделать вотчиной чужеземцев, она набирающий силу богатырь.

При президентах Владимире Путине и Дмитрии Медведеве международное положение России крепло, она заговорила своим, а не чужим голосом. Этот оздоровительный процесс начался еще при мудром Евгении Примакове, но затем он был обрублен подозрительным Борисом Ельциным. Я был поражен тем, как точно суть ельцинского правления выражена на его могиле. Здесь знамя России повержено и распростерто на земле. Очень символичное художественное решение.

Проходят дни и годы, уходят из жизни немногие оставшиеся в живых ветераны Великой Отечественной войны, стареют дипломаты школы Громыко, кое-кто из них, слава Богу, еще в строю. Растет племя дипломатов молодых и хорошо обученных. И очень хотелось бы, чтобы они знали о том, как беззаветно на благо Отчизны трудились их отцы и деды, в том числе на поприще внешней политики и дипломатии.

Я часто думаю о братьях отца Алексее и Федоре, павших на фронтах Великой Отечественной войны. Не могу забыть, как однажды, когда умер брат отца Дмитрий (он в войну сражался в рядах белорусских партизан), отец с болью в голосе сказал, что, случается, слышит их голоса: «Не отдавай Андрей, не отдавай. Это не твое, а наше».

Миллионы голосов павших на фронтах войны советских воинов и во время антитеррористических операций героев России не позволяют прогибаться и уступать наши кровные интересы. Твердая, всем видимая незыблемая граница должна быть проведена там, где находятся государственные интересы России. К этому надо приучить всех, кто хочет поживиться за счет России в большом и малом.

Стратегическая культура дается нелегко. Она помогает видеть мир, геополитические ситуации не по заранее составленным схемам, а с учетом коренных интересов России. Информационно-психологическая война против нашей страны после развала СССР не ослабла, она усилилась. Ее основная цель — сделать россиян бессознательной нацией, посеять в их умах исторический мазохизм, комплекс вины и неполноценности. Нам постоянно предлагают каяться за ошибки и преступления времен сталинщины, а сегодня и за действия руководства по укреплению Российского государства и общества. Эти усилия недругов России преследуют цель загнать ее на оборонительные позиции, сделать инертной и бессловесной.

Беспринципная политика двойных стандартов часто проявляется в кризисных ситуациях, когда на Западе в обвинениях России налицо круговая порука, а правда и логика игнорируются.

В августе 2008 г. вызывающий подход к России и нормам международного права, к нарушению прав человека проявился во время коварного нападения режима Саакашвили на народ Южной Осетии. Эта военная акция сопровождалась геноцидом, мирное население Цхинвали подверглось варварским бомбардировкам, погибли старики, женщины и дети. Применялось оружие массового поражения. Из-за угла напали на российских миротворцев, среди них были убитые и раненые. Расчет делался на молниеносную победу, блицкриг.

И что же? Саакашвили за развязанную варварскую акцию был осужден? Как бы не так. Ему многие на Западе протянули руку помощи, стали его всячески обелять.

В это трудно поверить, но это именно так.

Военный преступник осужден не был, а вот Россия, вставшая на защиту осетинского народа и отбросившая грузинскую армию от Южной Осетии, обвинялась в нападении на Грузию. Своими безответственными действиями

верхушка грузинских правителей закопала в небытие всякую возможность южных осетин и абхазов считать себя частью Грузии. Абхазия и Южная Осетия объявили о своей независимости, и Россия их признала.

Саакашвили и его подручные, уничтожая осетин, предали братство народов, убивая российских миротворцев, изменили России. У них отбило историческую память. Вспомнить бы им строки поэмы Лермонтова «Мцыри»:

Такой-то царь в такой-то год
Вручал России свой народ.
И Божья благодать сошла
На Грузию! — она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасаяся врагов
За гранью дружеских штыков.

Не вспомнили.

Подходы России к проблемам европейского и глобального масштаба были изложены в выступлениях президента В.В. Путина, особенно в его научном и патриотичном по духу мюнхенском выступлении. Это откровенная и прагматичная постановка острых проблем, в первую очередь российской безопасности.

Правда глаза колет. И тем, кто еще не вылез из окопов холодной войны, речь президента России не понравилась. Они привыкли, чтобы перед ними все прогибались и им поддакивали. Но так дальше продолжаться не может. Международные отношения нуждаются в развитии, поступательном движении вперед по рельсам силы права.

Этот подход выражен в Концепции внешней политики России. Президент Д.А. Медведев на встрече 15 июля 2008 г. в МИДе с российскими дипломатами призвал не пересматривать историю в угоду политической конъюнктуре. Он заявил: «Европе сегодня нужна позитивная, а не отрицательная повестка дня». Должна быть создана современная система коллективной безопасности, открытая для всех, с равной безопасностью для ее участников. Европейская архитектура безопасности, созданная на реалиях XXI столетия, может быть только такой, демократичной и приемлемой для всех.

В международных отношениях предстоит покончить с двойными стандартами. Только на этом пути можно противостоять международному терроризму, распространению оружия массового уничтожения, наркотрафику, глобальной бедности, распространению болезней и инфекций.

Уверен, что если бы отец был жив, то он поддержал бы внешнеполитическую программу современной России. И к этому добавил бы предостережение, в чем-то философского характера. Он сказал бы примерно следующее:

«Только коллективными усилиями человечество может противостоять грядущему изменению климата. Эта опасность самая фундаментальная. Борьба за выживание людей не оставляет для них постоянного “окна возможностей”, оно закрывается, “точка невозврата” приближается. Понимают ли это беспечно управляющие миром политики? Кто из них первым ударит в “колокол вы-

живания", да так, чтобы набат услышали все. Если этого не произойдет, враждебная земная и космическая стихия покончит с людьми».

Не следует рассчитывать, что в международных отношениях самый трудный путь Россией пройден. К сожалению, это не так. Слишком долго в 90-х годах XX столетия Москва проводила вялую политику следующих одна за другой уступок, в том числе по вопросам геополитическим. Мы столкнулись с политикой выдавливания России из зон ее коренных интересов и превращения прежних плацдармов влияния — Балканы, Восточная Европа — в площадки, где создается военная инфраструктура, подрывающая безопасность россиян. Этим милитаристским усилиям нет конца. Сегодня делается ставка на вовлечение в военную орбиту НАТО Украины и Грузии. Нас уверяют, что эти враждебные акции и есть строительство современного миропорядка. Возражения России во внимание не принимаются. И это все «стратегическая стабильность»? Конечно, нет.

Есть ли у России рычаги для принуждения США и Европейского сообщества к честному взаимовыгодному партнерству? Да, есть. Для этого необходим период психологической адаптации Вашингтона, всех европейских столиц к мысли о том, что Москва не может себе позволить дальнейшего ослабления своей безопасности, что надо отказаться от политики «двойных стандартов». Только на этом пути можно разработать и заключить новый Договор о европейской безопасности. Он обеспечит Европе стратегическую стабильность.

Велико влияние США в мире, хотя оно и ослабевает. Андрей Громыко уделял советско-американским отношениям самое большое внимание. На этом направлении Москва добилась от Вашингтона признания наших интересов не только в Европе, но и в других регионах мира. Американская политическая элита уважает сильные государства, слабые и податливые она, мягко говоря, держит в «прихожей», пока они не принимают ее условия.

Андрей Громыко верил в жизнь без войн. Он верил в социализм, воспринимал историю как сложный организм, который не всегда продвигается вперед, и только вперед. История нередко ползет зигзагами, развивается по спирали, а то и кружными путями. Она способна и на застой, и на возврат к устоям прошлой жизни. Все зависит от обстоятельств и господствующих идей.

За заслуги перед государством и обществом отец, сугубо гражданский человек, был дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден высшей наградой — семью орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени и Знак Почета, многими наградами зарубежных стран.

Защита интересов нашего государства — это основное кредо моего отца — выдающегося дипломата XX века. Таким Андрей Андреевич Громыко и войдет в историю внешней политики и дипломатии. Хотя его «стрела» и упала, но в землю ее не зарыть, она видна всем, кто любит Отчизну, и может многому научить.

Добрынин А.Ф.

А.А. Громыко и советско-американские отношения

Судьбе было угодно, чтобы вся моя профессиональная дипломатическая жизнь, начиная с 1955 г., была в той или иной степени тесно связана с деятельностью А.А. Громыко, особенно в области отношений с США.

Могу сказать, что для меня, как и многих других наших дипломатов, это была хорошая школа по освоению искусства дипломатии и ведению переговоров.

Остановлюсь прежде всего на таком важном для дипломатов практическом вопросе, как ведение переговоров с иностранными представителями.

Как А.А. Громыко вел переговоры? У него на этот счет фактически было несколько правил или принципов, которыми он руководствовался на практике. Он, по своему обыкновению, никогда их публично не декларировал, лишь в приватных неофициальных разговорах упоминал некоторые из них. Подчас они звучали как афоризмы. Вот некоторые примеры.

«Переговоры надо уметь вести, опираясь на силу политики, а не на политику с позиции силы».

«Дипломат — официальный представитель своего государства. Он не имеет права нести отсебятину или произвольно импровизировать. Если не уверен, что́ говорить — лучше промолчи. Компетенция — непременное качество дипломата».

«Не следует торопиться в переговорах, иначе проиграешь; абсолютно недопустимо сразу раскрывать все карты, хотеть решить проблему одним махом. Это иллюзия!»

«Не давать в переговорах волю эмоциям, но использовать эмоциональность другой стороны. К каждому партнеру по переговорам важен свой подход, с учетом его сильных и слабых качеств».

Добрынин Анатолий Федорович — Чрезвычайный и Полномочный Посол.

«Не увлекаться без особой нужды идеологическими спорами по ходу переговоров. Вы никогда не выиграете подобных споров; это будет лишь напрасная потеря времени, ведущая в тупик».

«Главное для дипломата — внутренняя убежденность в том, что он отстаивает правое дело во имя интересов своей страны».

Красноречивы высказывания бывшего госсекретаря США Г. Киссинджера, который неоднократно вел переговоры с нашим министром по разным вопросам. Он говорил, что вступать в переговоры с Громыко, не зная деталей или истории вопроса, было равносильно самоубийству: он разорвет оппонента на части. Громыко похож на тяжелый локомотив, который идет в заданном направлении и, подминая под себя оппонентов силой своей аргументации, упорно стремится достичь поставленной цели.

Участие в переговорах, проводимых А.А. Громыко, создало в МИДе неплохую школу квалифицированных дипломатов-«переговорщиков», которые самостоятельно вели сложные переговоры с иностранными представителями.

Теперь остановимся поподробнее на основной теме: А.А. Громыко и советско-американские отношения.

Мне вспоминается далекий мартовский день 1962 г. Я только что назначен послом в США, что было для меня, признаюсь, большим событием и большой неожиданностью. До этого я никогда не работал послом. А тут сразу назначен в главную капиталистическую страну. И вот за день до моего отъезда в Вашингтон Андрей Андреевич позвонил мне и сказал: «Слушайте, Анатолий Федорович, зайдите ко мне покалякать (его любимое выражение, когда он был в хорошем настроении. — *А.Д.)* о вашей будущей работе». Ну, я и пошел к нему «покалякать».

Фактически речь шла о дружественном напутствии и неформальных советах (порой достаточно откровенных) с его стороны. Должен сказать, что за десять лет работы в МИДе мне довелось часто общаться с Андреем Андреевичем (я побыл у него помощником, а в последние три года являлся заведующим отделом США и членом Коллегии). Относился он ко мне, насколько я могу судить, неплохо, порой даже дружественно.

Суть его напутствий сводилась примерно к следующему.

«Нет нужды подробно рассказывать вам о советско-американских отношениях, — начал он. — Мы занимались ими вместе с вами все это время и много на эту тему говорили. Ясно, что указанные отношения остаются для СССР центральными. Это и барометр для общего международного положения. В силу конфликтности наших отношений существует много споров и мнений по поводу причин напряженности в них и степени виновности в этом каждой из сторон. Прогнозы на будущее разные и у историков, и у дипломатов, но в основном они носят пессимистический характер.

Поэтому важна взвешенная и объективная оценка наших отношений, чтобы наметить правильный курс действий. Отношения между СССР

и США носят по-своему уникальный характер. Обе стороны остаются в одно и то же время и противниками, и невольными (а постепенно и сознательными) партнерами в разделении особой ответственности за сохранение мира на Земле при важном взаимном — пусть и молчаливом — понимании недопустимости ядерной войны. Для этого путь один — переговоры. Процесс это медленный, не обещающий быстрого успеха, но это единственный путь, по которому мы можем прийти в конечном счете к разрядке и развитию наших отношений».

Таким, если хотите, кредо сам А.А. Громыко постоянно руководствовался и в советско-американских отношениях, и в международной политике вообще.

В заключение беседы Андрей Андреевич дал мне «в личном плане» весьма необычный и неожиданный совет:

«Когда вы будете писать телеграммы из Вашингтона, — сказал он, — я прошу вас очень внимательно следить и учитывать то, что я вам сказал о непростом, но принципиальном характере наших взаимоотношений с США. Вы должны иметь про себя в виду, что у нас в Политбюро нет постоянного единства взглядов и мнений по советско-американским отношениям. К сожалению, большинство моих коллег не знают Америку, не бывали там, не понимают, как функционирует американская политическая система, не встречались напрямую с американской аудиторией. Соответственно, они склоняются — в силу самой атмосферы холодной войны — к конфронтационному мышлению и стремлению почти автоматически “дать отпор” американцам. Поэтому послу “проще” докладывать в Москву “сенсации” по поводу козней империалистов. Это легко усваивается, но одновременно подчас серьезно мешает планомерной работе МИДа. Чрезмерная эмоциональность и “сенсационность” донесений послов, особенно когда это не оправдано обстоятельствами, негативно действует, а порой и прямо вредит терпеливому поиску конструктивных направлений и решений во внешней политике.

На сложном американском направлении, — добавил он, — все это имеет особое значение. Вот почему смело и аргументированно поддерживайте все то, что могло бы вести нас к улучшению и развитию отношений. На конкретных примерах деятельности посольства надо исподволь поддерживать мысль о том, что не только противоборство, но и сотрудничество в поисках договоренностей возможно и целесообразно на американском направлении».

Таков был не совсем обычный, многоплановый «наказ» А.А. Громыко, данный мне, новому послу в Вашингтоне, в 1962 г.

Надо сказать, что в проведении внешней политики и особенно в области советско-американских отношений наш министр руководствовался определенной системой приоритетов, хотя в зависимости от обстоятельств и международной обстановки он мог действовать по разным «азимутам».

Абсолютным приоритетом нашей внешней политики было предотвращение прямых военных столкновений с США и, особенно, недопущение ядер-

ной войны. Успех в этом деле стал фактом огромного исторического значения, своей ролью в котором наша дипломатия может гордиться.

Важно то, что, хотя нашим отношениям с США пришлось за годы холодной войны пройти через ряд серьезных кризисов и даже конфронтации, в ходе всех этих событий между Москвой и Вашингтоном исподволь формировалось определенное взаимопонимание по контролю над критически опасными международными ситуациями, которые могли бы привести к вооруженным конфликтам между США и СССР. Достаточно вспомнить в этой связи такие события, как опасную напряженность вокруг Западного Берлина и Германии в целом, Кубинский кризис, военные конфликты на Ближнем Востоке и в Африке, войну во Вьетнаме, противостояние по другим важным вопросам. Роль дипломатии часто была ключевой. Опыт прошлого полезно использовать и сейчас.

Порой меня спрашивают, был ли во время моего пребывания послом в США момент, когда мы находились на грани войны с США. По-моему, был. Речь идет о Кубинском кризисе в 1962 г. Широкой публике до сих пор малоизвестно, что этот кризис был чреват ядерной катастрофой.

Дело в том, что Н.С. Хрущев тайно завез на Кубу ядерные боеголовки (о чем американцы не знали во время самого кризиса). Всего было более сорока таких боеголовок, уже находившихся на Кубе, по мощности равных бомбам, которые были сброшены на Хиросиму и Нагасаки. Среди них имелись даже две мегатонные боеголовки, которые могли быть нацелены на Нью-Йорк и другой крупный город, что грозило бы полным уничтожением этих больших городов. Вот до чего дошло в тот момент мышление холодной войны, если Хрущев додумался до таких вещей, хотя это и делалось во имя безопасности СССР и Кубы.

Позже я спрашивал Андрея Андреевича, неужели он не мог предупредить Хрущева, что на ввоз советских ракет на Кубу неизбежно будет весьма бурная реакция Америки. Он заметил, что говорил Хрущеву о возможности такой опасной реакции. Но Хрущев ему самоуверенно ответил, что будет обеспечен тайный завоз этих боеголовок и американцы ничего не узнают, пока не будут поставлены перед свершившимся фактом, а уж после этого им придется проглотить «горькую пилюлю». Как известно, эту «горькую пилюлю» пришлось глотать ему самому. Однако дело не в том, кто ее глотал, а в том, что мы были близки к ядерной войне. К счастью, в последний момент оба правительства проявили достаточную государственную мудрость, решив конфликт политическими средствами. Это классический пример, когда дипломатия нашла достойный выход из очень сложного и опасного положения.

Одним из главных приоритетов в своей внешнеполитической деятельности А.А. Громыко ставил закрепление результатов Второй мировой войны в рамках новой политической карты Европы, учитывавшей новые геополитические границы и государственные интересы СССР, его безопасность и понесенные им колоссальные жертвы в войне. Это прежде всего урегулирование

вокруг Западного Берлина, оформление статус-кво с двумя германскими государствами, ФРГ и ГДР, а затем и общеевропейские дела.

Кульминационным пунктом настойчивых многолетних переговорных усилий нашей дипломатии на этом европейском направлении являлся созыв в Хельсинки в 1975 г. Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе с участием глав 35 государств, включая СССР и США. Это стал, можно сказать, звездный час для самого А.А. Громыко.

Вся эта деятельность вокруг европейских проблем была насыщена напряженной политической борьбой, а порой и прямым обострением отношений между СССР и США.

Был, например, в 1961–1962 гг. период, когда возникла угроза непосредственного столкновения на коммуникационных путях западных держав из Европы в Западный Берлин, которые проходили через территорию ГДР. Хрущев угрожал закрыть эти пути, если США (Запад) не согласятся признать за Западным Берлином статус «свободного города». В разгар этого кризиса президент Кеннеди демонстративно послал Клея, известного генерала времен Второй мировой войны, командовать американскими войсками в центре Германии. Со стороны Хрущева последовало не менее демонстративное назначение на аналогичный пост маршала Конева. Сложилась опасная и тревожная ситуация.

Наконец в какой-то момент в кремлевский кабинет Хрущева срочно позвонил из Берлина Конев и доложил ему о возникшем противостоянии на дороге в Западный Берлин двух больших танковых колонн с обеих сторон. Генерал Клей заявил, что у него есть приказ президента непременно пройти именно по этой «законной дороге». «А у меня, — сказал Конев, — есть приказ от вас не допускать этого. Что делать? Выполнять ваш приказ?».

Хрущев встревоженно спрашивает Андрея Андреевича: «Что ты думаешь? Американцы, возможно, блефуют?». Но тот озабоченно ответил, что так не думает и что дело может принять весьма серьезный оборот. «Надо отдать приказ Коневу, чтобы он поостыл и отошел».

Хрущев послушался совета своего министра, и опасный конфликт был предотвращен. Потом постепенно вся проблема была переведена на дипломатический путь.

В течение двух-трех лет Андрей Андреевич лично руководил затянувшимися переговорами по этому вопросу и участвовал в них. В конце концов Берлинский вопрос был решен, что было оформлено соглашениями 1971 и 1972 гг. Насколько упорными (точнее, «упрямыми») были переговоры, свидетельствует хотя бы такой факт: мне самому по поручению Громыко пришлось провести около 80 встреч с госсекретарем США Вэнсом. Что это были за встречи? Мы упорно повторяли одно и то же, как на старой пластинке, ибо все аргументы были давно исчерпаны. Вэнс с присущим ему чувством юмора как-то сказал мне: «Слушай, давай мы с тобой сделаем так. Все наши вопросы и ответы лично перенумеруем. Когда ты приходишь ко мне по берлинским делам, просто говори, что начинаешь нашу очередную встречу, скажем, с во-

проса, известного нам обоим под номером пять. Я ссылаюсь на ответ за номером восемь. Затем мы меняемся ролями и так далее. После этого мы с тобой спокойно садимся и пьем виски. А потом ты идешь к себе в посольство, все вопросы и ответы у тебя есть, и ты пишешь на этой основе очередной доклад, а я в том же духе докладываю о встрече своему президенту. Все это здорово облегчило бы наши встречи».

Это, конечно, было шуткой, но за всем этим шла упорная борьба дипломатов. Ведь в конечном счете мы все-таки добились нужного нам решения. В этом контексте приведу еще один пример настойчивой целенаправленности действий А.А. Громыко.

В конце 1971 г. на заседании Политбюро стоял вопрос о приезде Никсона в Москву (это был бы первый визит Никсона в качестве президента). Вроде все были согласны с этим. Однако неожиданно А.А. Громыко оказался единственным, кто выступил против этого приезда. На удивленные вопросы, почему же он против, Громыко ответил, что мы сейчас находимся в самой деликатной и критической точке долгих переговоров с американцами по Западному Берлину. Никсону очень нужно быстрее приехать в Москву по внутренним соображениям, и нам надо использовать эту его заинтересованность, чтобы наконец «выжать из него» нужное, но затянувшееся решение по Берлинскому вопросу. После дискуссии Политбюро с ним согласилось. Приезд Никсона был фактически перенесен с 1971 на 1972 г. Хотя американский президент был недоволен этой отсрочкой, он все-таки подписал соглашение до приезда к нам. Этот пример наглядно показывает, как порой разумная настойчивость необходима при проведении переговоров.

Важным приоритетным направлением, которому А.А. Громыко уделял большое внимание, являлся процесс переговоров и договоренностей по контролю над гонкой вооружений, как обычных, так и ядерных. Это был, по выражению Андрея Андреевича, «вопрос вопросов». Как вы знаете, при нем было подготовлено и подписано немало соглашений и договоров по этим вопросам. Назову лишь некоторые из них, которые имеют актуальное значение и сейчас: ОСВ-1, ОСВ-2, ПРО, ограничение обычных вооружений, уничтожение ракет средней дальности и т.д.

Андрей Андреевич хорошо понимал, что вопрос о военной разрядке и мерах по разоружению фактически неотделим от проблемы политической разрядки, и стремился по возможности учитывать это в политической деятельности нашей дипломатии. Показательно, что в данный период в целом было заключено немало соглашений по разным аспектам советско-американских отношений. Далеко не все из этих полезных договоренностей получили необходимое признание или известность. Однако многоплановая работа нашей дипломатии принесла определенные результаты: была создана достаточно широкая ткань советско-американских (и международных) договоренностей, которая как своего рода страховочная сеть помогала не только сохранить мир, но и поднять его на более высокую ступень прагматизма и взаимопонимания. Это дает о себе знать до настоящего времени.

Вся деятельность советской дипломатии с повседневным участием А.А. Громыко закладывала новый важный политический процесс в отношениях между нашими странами — процесс разрядки, хотя он и давался непросто, с перерывами и остановками. Этот процесс наиболее четко проявился в 70-е годы. Достаточно назвать Договор 1972 г. о принципах взаимоотношений между СССР и США, Договор 1973 г. о недопущении ядерной войны, Договор по ОСВ, Хельсинкское соглашение 1975 г. по ОБСЕ и т.п.

Разрядка была важным достижением тех лет, полезный опыт которого актуален и в наши дни. Она практически показала возможности развития — при взаимных усилиях — нормальных, даже партнерских отношений с США. О таком наследии нам, дипломатам, надо помнить, анализируя нынешние немалые трудности и непростые перспективы наших отношений с Америкой.

Несколько слов о встречах на высшем уровне. Громыко всегда придавал им большое значение. Такие встречи являлись, как правило, кульминационным завершением наших переговоров по конкретной важной группе вопросов. Порой эти переговоры длились несколько лет. Эта работа всегда требовала от МИДа большого напряжения, в том числе и в подготовке соответствующей документации. Сильная сторона Громыко состояла в том, что он не только сам вел переговоры, но и тщательно отрабатывал — до последней буквы — текст документов для подписания.

В ходе самих встреч он одновременно всегда был внутренне насторожен, опасаясь каких-либо внезапных импровизаций со стороны главы нашей делегации. Особенно трудно было со вспыльчивым Хрущевым, который порой в пылу полемики с американцами говорил и действовал слишком эмоционально и импульсивно во вред нашей же политике. Достаточно вспомнить не планировавшийся нами заранее, неожиданный уход Хрущева со встречи глав четырех держав в Париже в 1960 г. или опасное обострение им разговора с президентом Кеннеди в Вене в 1961 г. вокруг Берлинского кризиса.

Брежнев был «более контролируемым», но он довольно часто не помнил важных деталей тех или иных проблем и начинал импровизировать. Громыко приходилось на виду у американской делегации «уточнять» нашу позицию, а это далеко не всегда было просто или удобно.

В конечном счете дело постепенно свелось к тому, что на встречах на высшем уровне Брежнев зачитывал заранее подготовленные МИДом заявления о нашей позиции по тем или иным вопросам, а Громыко затем вел уже конкретную дискуссию по ним с американцами, время от времени обращаясь к Брежневу как бы за подтверждением правильности излагаемой им позиции. На таких переговорах А.А. Громыко нередко де-факто подменял собой главу нашей делегации, хотя и делал это со всей возможной деликатностью. Это стоило ему немалых нервов, но он умел по-прежнему сохранять свой невозмутимый вид и внешнее спокойствие, чем был хорошо известен в дипломатических и политических кругах всего мира.

Вспоминается еще один эпизод из истории встреч на высшем уровне (мне довелось побывать на всех таких встречах начиная с 1955 г.). В конце 1974 г. во Владивостоке состоялась встреча Брежнева с президентом Фордом. К этой встрече был подготовлен важный пакет документов по ограничению стратегических вооружений. Эти документы были предварительно согласованы между сторонами по дипломатическим каналам, поэтому не ожидалось больших затруднений на самой встрече глав государств. Однако Форд уже на самой встрече неожиданно предложил внести одно «уточнение» в текст документов.

Брежнев и Громыко вместе с приехавшими с ними из Москвы экспертами внимательно рассмотрели это предложение. Общий вывод был таков: дополнение Форда, конечно, в пользу американской стороны, но не настолько, чтобы из-за него отказываться от подписания всего соглашения, которое было выгодно и нам.

Об этом срочно сообщили в Москву для рассмотрения на Политбюро, где «на хозяйстве» был (т.е. замещал Генерального секретаря ЦК) Подгорный. Через пару часов он перезвонил Брежневу и сказал, что предложение американцев «для нас абсолютно неприемлемо». Он, правда, не привел каких-либо убедительных доводов в пользу такой позиции, а предлагал отложить встречу до следующего года, чтобы «поднажать на Вашингтон».

Брежнев стал советоваться с Громыко, как быть, ибо сам он находился в явной нерешительности: он не хотел срывать встречу с Фордом, но и не хотел идти против мнения членов Политбюро, находившихся в Москве. Громыко, надо отдать ему должное, твердо высказался против переноса встречи, поскольку это сильно ударило бы по советско-американским отношениям, да и затормозило дальнейшие переговоры по ограничению стратегических вооружений, а так как в США была сложная обстановка, то и весь вопрос о новой встрече в верхах мог затянуться надолго. Главное же, что поправка Форда, по мнению военных экспертов, находившихся с нами во Владивостоке, не носила такого уж принципиального характера.

В этом духе Брежнев и ответил Подгорному. Однако последний заупрямился, призвав к себе на помощь министра обороны Устинова (они оба не были сторонниками подобных договоренностей с американцами).

Возражения Подгорного буквально взорвали Брежнева. При поддержке Громыко Брежнев перезвонил Подгорному и возбужденно сказал: «Хорошо, раз ты с Устиновым настаиваешь, то я сейчас объявлю Форду о прекращении встречи с ним, а сам сразу вылечу обратно в Москву, где соберем Политбюро. Я там вместе с Громыко выступлю против вас с Устиновым, и пусть Политбюро нас рассудит».

Перспектива прямой ссоры с Генеральным секретарем ЦК явно не устраивала Подгорного, и он тут же стал заверять, что Брежневу, конечно, на месте виднее, как вести дела с американцами. Политбюро в любом случае поддержит его окончательное решение, заявил он.

Этот эпизод показателен с той точки зрения, что внутри Политбюро не было полного единодушия относительно того, как вести дела с Вашингтоном, и А.А. Громыко приходилось это всегда учитывать. Он немало лавировал, но по вопросам, которые считал ключевыми, достаточно твердо отстаивал свою позицию. Короче говоря, внешняя дипломатия для него причудливо переплеталась с внутренней.

В начале 80-х годов корабль разрядки попал в бурные воды международных осложнений, совпавших с афганской авантюрой и приходом к власти в США президента Рейгана (с его походами против «империи зла» и «звездными войнами»).

И все же запас прочности, наработанный при активном участии нашей дипломатии в предшествовавшие годы, помог сохранить необходимый минимум отношений, оставшихся от разрядки, а затем и придать новый импульс этому процессу.

С середины и конца 80-х годов в отношениях СССР и США (второе президентство Рейгана и начало президентства Буша) заметно активизируются дипломатическая деятельность и обсуждение коренных вопросов безопасности и сотрудничества. Напомним, что за несколько месяцев до своего ухода с поста министра, в январе 1985 г. А.А. Громыко достиг в Женеве важной договоренности с госсекретарем Шульцем о начале переговоров по стратегическим вооружениям, направленных на предотвращение гонки вооружений в космосе и ее прекращение на земле.

Ходом событий начала складываться уникальная ситуация, создававшая возможности для конструктивного завершения холодной войны путем переговоров, для совместного подведения под ней окончательной черты.

Важно при этом отметить, что к такому потенциально эпохальному моменту нашей дипломатии удалось в значительной степени продвинуть вперед свои приоритеты и завоевать форпосты, с которых можно было успешно добиваться указанной выше основной цели. У нас, если хотите, были хорошие карты для такого дипломатического и политического «торга».

Однако к концу 1991 г. наши тогдашние недальновидные правители, подталкиваемые и поощряемые Западом, с быстротой кинематографической ленты — лишь бы был американский «happy ending» — растратили весь позитив, накопленный советской дипломатией.

В итоге поистине исторический шанс был упущен — и нами, и Западом — и не только для нынешней России, но и для современных международных отношений в целом, очевидцами чего все мы сейчас являемся.

К сожалению, все эти драматические события в переломный момент дипломатической истории XX в. не были еще подвергнуты достаточно детальному, а главное — объективному изучению. Более того, идеологические споры, а также пробудившаяся любовь к переписыванию истории (с обеих сторон, особенно со стороны тех, кто считает себя победителями) мало способствовали поискам исторической правды. А события, связанные с последним

периодом деятельности А.А. Громыко, как и всей советской дипломатии этого этапа, как-то не получили должного освещения в печати и не стали темой научных исследований, а отошли на задний план, как не имеющие особого значения для наших дней.

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения А.А. Громыко. Он, безусловно, занимает свое, особое место в дипломатической истории, и его наследие заслуживает дальнейшего изучения. Подобный взгляд в прошлое может быть полезен и в поиске подходов к современным проблемам в отношениях с США и Западом в целом.

Долгов К.М.

О некоторых встречах с Андреем Андреевичем Громыко

Работая ряд лет заведующим сектором художественной литературы Отдела культуры ЦК КПСС, — а работа эта была необычайно интересной, хотя и доставляла немало хлопот, поскольку писатели, будучи творческими личностями, никогда не укладывались в общепринятые рамки отношений, — я в августе вынужден был поехать в Карловы Вары, чтобы поправить свое здоровье. Карлововарская вода действовала весьма благотворно. Однажды, ранним утром, примерно в 7 часов, раздался телефонный звонок, я поднял трубку и услышал знакомый голос — звонил заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС Е.М. Тяжельников. «Доброе утро, Константин Михайлович! Как вы отдыхаете и лечитесь?». Я ответил: «Хорошо». «Сколько вам еще осталось быть в Карловых Варах?». Я сказал, что осталась еще половина срока. «Прошу вас вылететь завтра или послезавтра в Москву, поскольку вы утверждены в должности Председателя Правления Всесоюзного Агентства по авторским правам и я должен вас представить коллективу этого Агентства». Я высказался, почему со мной никто не говорил об этом и не спросил моего согласия. Он ответил на это: «Вас и так все знают». И действительно, через день или два я был представлен коллективу ВААПа в качестве его Председателя.

ВААП по положению подчинялся ряду Отделов ЦК КПСС — Международному отделу, Отделу пропаганды, Отделу культуры и, естественно, Министерству иностранных дел СССР, которое уже многие годы возглавлял Андрей Андреевич Громыко, член Политбюро ЦК КПСС.

После ознакомления с делами, через некоторое время, я был приглашен на встречу с А.А. Громыко, с которым я раньше никогда лично не встречался. Разумеется, я стал основательно готовиться к этой встрече, и, конечно, волновался.

Долгов Константин Михайлович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и политологии Дипломатической академии МИД РФ.

Я приехал на встречу минут на десять раньше и стал ожидать в приемной вызова. Ровно в назначенный час из своего кабинета вышел Андрей Андреевич, поздоровался со мной за руку и пригласил к себе, усадил в кресло, а затем уже сел и сам за свое рабочее место. Стол его был завален разного рода служебными бумагами — срочными, сверхсрочными, секретными и сверхсекретными.

Работая в разных организациях, особенно в ЦК КПСС и в ВААПе, я привык к обильному бумажному потоку, но такое количество бумаг, как на столе Андрея Андреевича, я видел, кажется, впервые и неожиданно для самого себя спросил его: «Когда же вы успеете их прочитать — ведь рабочий день уже кончился?». На что он мне ответил: «Пока не прочитаю и не направлю кому следует все эти бумаги, буду работать». «Андрей Андреевич, вам приходится каждый день работать над таким количеством бумаг?» — «Бывает и гораздо больше… правда, они не все одинаковы. Есть очень серьезные, над которыми приходится думать, размышлять, а есть менее серьезные, а есть и такие, которые пишутся для того, чтобы угодить начальству. Иногда некоторые документы читаешь и радуешься — есть еще у нас светлые головы, мыслящие люди, а иногда берет досада и разочарование — зачем писать такие бумаги!.. Но так, видимо, было, есть и будет всегда — разные люди, разные документы. Но читать приходится все, ибо за каждый документом стоят люди, события, проблемы, надо читать, вникать и направлять по соответствующим адресам».

Чувство ответственности у него было предельным. Может быть, поэтому он столько лет руководил одним из самых сложных министерств — Министерством иностранных дел да еще в такие времена, когда Советский Союз стоял на грани третьей мировой войны. Его врожденный ум, мудрость, великолепная теоретическая подготовка, огромный практический опыт, мужество и хладнокровие помогали принимать верные решения в самые критические моменты как для нашей страны, так и для всего международного сообщества. Он был выдающимся мастером мировой политики. И хотя окончательные решения принимались Политбюро ЦК КПСС, вырабатывались они прежде всего в МИДе, с участием Международного отдела ЦК КПСС. Однако основные проекты, естественно, принадлежали МИДу во главе с Андреем Андреевичем Громыко.

«Так это вы Долгов Константин Михайлович?» — спросил меня Громыко. «Да, я». — «А я с вами, Константин Михайлович, знаком уже давно, но вижу вас впервые». Заметив, видимо, на моем лице удивление, Андрей Андреевич сказал: «Вы не удивляйтесь, поскольку я читал почти все ваши работы и хочу сказать, читал их с большим удовольствием». Это меня поразило еще больше, поскольку я и не предполагал, что столь занятый человек, министр иностранных дел, член Политбюро, мог читать почти все мои работы. Увидев мое еще большее удивление, Андрей Андреевич, улыбаясь, сказал: «Вы, кажется, не верите мне, что я читал многие ваши работы — так я вам кое-что процитирую из них». И он, действительно, почти буквально стал приводить наиболее понравившиеся ему места из моих книг и статей. Я был буквально поражен, особенно его удивительной памятью, потому что он цитировал точно или почти точно.

Видимо, помимо природного дара памяти у него было еще профессиональное качество запоминания текстов. Позже я убеждался в этом не один раз.

Чтобы окончательно рассеять все мои сомнения, Андрей Андреевич стал приводить цитаты из моих последних статей в различных журналах, посвященных западной философии, эстетике, литературе и искусству.

«А теперь, Константин Михайлович, я расскажу вам о моем первом знакомстве с вами. Это было после публикации вашего исследования о Никколо Макиавелли в "Новом мире", когда в Политбюро ЦК КПСС пошел поток жалоб на вас и вашу работу. Дело дошло до того, что на одном из заседаний Политбюро Леонид Ильич Брежнев поручил лично мне ознакомиться с вашей работой и доложить Политбюро о содержании этой работы, поскольку в письмах и телеграммах ее критиковали за антимарксизм, антикоммунизм, антисоветизм. В связи с этим поручением я выбрал время и начал читать ваше исследование, которое было опубликовано в двух номерах "Нового мира"... Когда-то давно мне случилось прочитать "Государя" Макиавелли, изданного у нас в 30-х годах, но о самом Макиавелли у нас работ не было, поэтому я стал читать с особо пристальным вниманием. И чем больше я читал, тем все больше и больше мне нравилась ваша работа, к тому же она была написана хорошим, живым русским языком. После прочтения всей работы у меня сложилось прекрасное впечатление о ней, и, конечно, об авторе как о серьезном ученом. Я попросил своих помощников, чтобы они мне нашли другие ваши работы, с которыми я тоже основательно ознакомился. Вот это и было мое первое знакомство с вами и вашими исследованиями».

«Что касается самого учения Макиавелли, то я во многом согласен с вами: он действительно является основоположником современной политической философии, и, как мне кажется, в известной мере и современной дипломатии. Начиная с эпохи Возрождения, реальная политика западноевропейских стран развивалась в соответствии с теми принципами и механизмами, которые были раскрыты Макиавелли в его важнейших трудах — "Государь" и "Рассуждения о первой декаде Тита Ливия" и которые вызывали недовольство и отвращение со стороны многочисленных правителей, критиковавших эти принципы и механизмы, но в своей политической деятельности руководствовавшихся ими. Внешняя и внутренняя политика капиталистических государств до настоящего времени во многом является применением принципов "макиавеллизма". И тот пример, который вы приводите с Фридрихом Великим, написавшим книгу против Макиавелли, но на деле широко применявшим "макиавеллизм" в своей политике, можно отнести ко многим современным политикам. Мне также понравились ваши замечания относительно историзма Макиавелли. Он хорошо знал сочинения древнегреческих и древнеримских историков и мыслителей и умело применил эти знания к анализу современной ему действительности. Его "История Флоренции" — действительно настоящий шедевр во всех отношениях. О Флоренции писали и до Макиавелли, и после него, но никому не удавалось так глубоко постигнуть и выразить сущность исторического, глубоко противоречивого процесса развития Флоренции, который в сжа-

том, концентрированном виде нес в себе перспективы социально-экономического и политического развития западноевропейских государств. То же самое можно было бы сказать и о его новаторстве в области дипломатии, но об этом, к сожалению, почти нет работ, а это так важно и так интересно. Я вам советую обратить внимание на эту сторону и в будущем, может быть, специально исследовать дипломатическую деятельность Макиавелли. Это будет весьма полезно для современных дипломатов». Мне стало понятно, почему Л.И. Брежнев поручил именно ему прочитать мою работу о Макиавелли и доложить о ней на Политбюро ЦК КПСС.

«Андрей Андреевич, а я и не знал, что моя работа о Макиавелли обсуждалась на Политбюро, об этом я впервые слышу именно от вас. Я знал о другом: когда к нам приехала делегация руководства Итальянской компартии во главе с Генеральным секретарем этой партии Э. Берлингуэром, то, как сказал мне по телефону помощник Л.И. Брежнева — А.С. Черняев, они сразу же попросили дать им мою работу о Макиавелли. "Если у вас есть хоть один экземпляр, то я прошу вас немедленно мне его доставить, чтобы я вручил его итальянской делегации", — попросил А.С. Черняев. Я в этот же день нашел оба номера "Нового мира" с моей статьей и отправил ему. Через несколько дней он мне снова позвонил и сказал: "Переговоры с руководством Итальянской компартии шли очень трудно, но, видимо, после прочтения вашей работы о Макиавелли они смягчились и подписали все документы. Так что я вас поздравляю и благодарю от имени Л.И. Брежнева. Относительно вашей работы итальянцы сказали, что такого серьезного исследования о Макиавелли не было давно даже у них в Италии. Оказывается, сказали они, и у вас в стране есть умные люди. Так что я еще раз вас поздравляю и благодарю», — сообщил мне А.С. Черняев, которого я в свою очередь поблагодарил за столь высокую оценку моей работы. Действительно, в Италии вышло много больших рецензий в газетах и журналах, которые очень высоко оценивали мое исследование. Может быть, все это, вместе взятое, предопределило обсуждение данной работы на Политбюро?»

Андрей Андреевич внимательно меня выслушал, а слушать он умел, в отличие от многих высокопоставленных руководителей, потом сказал: «Собственно никакого обсуждения вашей работы в обычном понимании этого слова не было. Просто в конце заседания Политбюро Л.И. Брежнев спросил меня: "Мы, кажется, вам, Андрей Андреевич, поручали прочитать работу о Макиавелли?" — "Да, поручали". — "Ну и какое ваше мнение об этой работе?". Я сказал, что мнение у меня об этой работе самое хорошее, что это серьезное научное исследование и никакого антисоветизма, антикоммунизма и антимарксизма в ней нет. Тогда Л.И. Брежнев спросил: "Кто еще читал эту работу?". Молчание. "Вопрос считаю исчерпанным", — сказал Л.И. Брежнев. Как видите, обсуждения не было, просто поверили моему отзыву о вашей работе».

«Андрей Андреевич, выходит вы меня тогда спасли от нависшей надо мной угрозы? Может быть, потому что Л.И. Брежнев спросил: "А кто ав-

тор этой статьи, где он работает? Он заведующий сектором ЦК КПСС", — ответили ему. Брежнев удивился, но ничего не сказал. На этом все и кончилось».

«Ну а теперь рассказывайте о том, как обстоят дела у вас в ВААПе». Я кратко рассказал о различных направлениях работы нашего Агентства, в том числе о деятельности республиканских и зарубежных отделений, проблемах и трудностях продвижения произведений литературы, музыки, спектаклей, изобразительного искусства, науки за рубеж, особенно в развитые страны. Судя по вопросам, которые задавал мне Андрей Андреевич, он был хорошо осведомлен о нашей работе. Он дал ряд интересных советов, которые пригодились не только мне лично, но и всему Агентству.

Для Андрея Андреевича, кажется, не было мелких вопросов и проблем. Исходя из своего практического опыта, он считал, что в дипломатической работе все важно, поскольку иногда какие-то «мелочи» могут решающим образом повлиять на исход дела. Видимо, не случайно он однажды спросил меня о том, как налажен в ВААПе процесс прохождения документов. Я не ожидал от него подобного вопроса, но коротко рассказал ему о работе над документами в Агентстве. Андрей Андреевич посоветовал обратить на эту работу особое внимание, поскольку от нее во многом зависит решение возникающих проблем. Он привел в пример Генеральный секретариат МИДа, возглавлявшийся Ю.Е. Фокиным, четкая работа которого обеспечивала быстрое прохождение всех документов, и, естественно, эффективность решения поставленных в них вопросов. Я лишний раз убедился в том, что для Андрея Андреевича в дипломатической работе все было одинаково важным и значительным.

«Над чем вы сейчас работаете?» — спросил меня Андрей Андреевич. «Завершаю большую статью о творчестве Федерико Феллини». — «А вы можете дать мне ее почитать?» — «Конечно, как только выйдет из печати, я вам ее сразу же доставлю». — «Нет, я просил бы вас дать мне ее в рукописи». Я опять был крайне удивлен, но пообещал в ближайшие дни, по завершении статьи, представить ее в рукописи, что я вскоре и сделал. Такой была моя первая встреча с Андреем Андреевичем Громыко. После этого он довольно часто приглашал меня к себе, и беседы касались самых разных проблем.

На одной из встреч зашла речь об открытии новых представительств ВААПа в ряде стран — в Индии, Японии и др., что было не так просто в тех условиях.

Андрей Андреевич посоветовал связаться с нашими посольствами в этих странах и узнать у них реальные возможности открытия представительств, отметив при этом необходимость и полезность таких представительств. Кроме того, он рекомендовал связаться также с нашими сотрудниками в ЮНЕСКО и ООН, которые могут оказать реальную помощь в этом деле. Я ему сказал, что мы уже беседовали с руководством международной авторско-правовой организации (СИЗАК), которое весьма положительно оценивает открытие новых представительств ВААПа. А поскольку эта организация тесно сотрудничала

с ООН и ЮНЕСКО, то можно было ожидать, что они нас также будут поддерживать.

И здесь Андрей Андреевич заметил: «Организация Объединенных Наций делает много хорошего и полезного для сохранения мира и оказания помощи странам третьего мира, но она далеко недостаточно использует свой потенциал — политический, социальный, культурно-цивилизационный. Если бы страны, входящие в ООН, действовали более сплоченно, более оперативно и слаженно, то можно было бы сделать гораздо больше в деле предотвращения вооруженных конфликтов, региональных войн и укрепления дружественных и плодотворных отношений между народами. Соединенные Штаты, которые раньше очень активно поддерживали ООН, теперь стали относиться к этой организации с каким-то недоверием и подозрением, поскольку члены ООН и Совета Безопасности не всегда разделяют позиции США по тем или иным вопросам. Мы же, несмотря на совершенно естественные иногда расхождения, всегда поддерживали и будем поддерживать ООН, ибо это единственная организация, способная объединять и сплачивать народы, а значит, сохранять мир во всем мире. Разумеется, ее деятельность требует изменений, совершенствования как по существу, так и по форме, но вряд ли в обозримом будущем эту организацию можно заменить какой-то другой».

Он говорил это так, как будто с кем-то полемизировал и старался убедить его в том, что эту организацию следует сохранять, укреплять и развивать. Прошло уже много лет после этой встречи, а слова Андрея Андреевича об Организации Объединенных Наций находят все большее и большее подтверждение. И видимо, не случайно, ведь Андрей Андреевич, стоявший у истоков ее создания, и как выдающийся дипломат и государственный деятель хорошо понимал исключительно важное значение ООН.

Я знал и слышал от других людей, что он очень замкнут, осторожен и сдержан, иногда даже суров в беседах, принципиален и точен в суждениях как человек с государственным мышлением и ответственностью.

Однако во время наших встреч, он, напротив, был весьма общителен, даже весел, нередко рассказывал смешные истории, держался просто и никогда не подавлял собеседника своим высоким положением. Я видел перед собой совершенно другого человека, а не того, каким его представляли многие мои знакомые. В то же время он был довольно скромным человеком — никогда не выставлял себя, свое Я, наоборот, он старался быть наравне с собеседником. Я уже не говорю о том, что Андрей Андреевич был исключительно эрудированным человеком — прекрасно разбирался во многих областях, а не только в политике и дипломатии. Хотя по своему образованию он был экономистом, но хорошо знал историю, отечественную и мировую литературу — также и русскую, и зарубежную, разбирался в живописи и вообще в изобразительном искусстве, в театре, кинематографе и культуре в целом. Он очень много читал, и, может быть, его необычайная эрудиция была следствием самообразования, а также результатом колоссального политико-дипломатического и социально-культурного опыта.

Я приведу примеры того, как хорошо Андрей Андреевич разбирался в искусстве. Когда вышла моя работа о Леонардо да Винчи, которую он читал еще в рукописи, у нас состоялась беседа. В ней он проявил, на мой взгляд, профессиональное знание творчества Леонардо да Винчи, особенно когда он стал рассуждать о «незаконченности» картин художника, о так называемом «сфумато». А когда у нас стали критиковать музыку Шнитке за формализм (а мы через ВААП продвигали произведения Шнитке за рубеж), то Андрей Андреевич сказал: «Ну какой же это формализм, напротив, это очень хорошая музыка, новая, даже новаторская, так что смело предлагайте ее зарубежным партнерам. Я боюсь, не повторяем ли мы то, что в свое время произошло с музыкой Шостаковича, которого критиковали за формализм, а он оказался одним из самых выдающихся композиторов нашего времени». И наконец, пример с творчеством Тарковского. Когда зашла речь о его кинофильмах, я почему-то ошибочно думал, что Тарковский в чем-то повторяет Феллини, а Андрей Андреевич заметил: «Его фильмы оригинальны, ни на какие другие не похожи, он — выдающийся мастер кино, глубокий и утонченный».

Что касается творчества Федерико Феллини, то Андрей Андреевич говорил: «Все признают глубоко гуманистический характер его кинофильмов. Этот гуманизм во многом проистекает из католического вероисповедания Феллини. Каждый персонаж — положительный или отрицательный — вызывает сочувствие, сострадание, в широком смысле — милосердие. Но Феллини не замыкается в кругу индивидуальностей, он выходит на самые острые и важные социальные проблемы. Сочетание индивидуального и социального, истории и реальной жизни, выраженные в образах его поразительной фантазии и воображения, делают его фильмы близкими любому человеку, и именно поэтому они так сильно воздействуют на чувства и сознание миллионов людей. Феллини — один из самых выдающихся кинорежиссеров XX в. Он внес огромный вклад в развитие мирового кинематографа и мировой культуры».

Как-то зашла речь о творчестве Достоевского. Я был поражен тем, насколько глубоко Андрей Андреевич знал произведения Достоевского, но еще больше я был удивлен тем, что он стал приводить многие высказывания из работ наших и зарубежных ученых о писателе.

Приведу еще некоторые примеры. Когда я рассказывал ему о наших обменах произведениями науки и культуры с США, Англией, Германией, Францией и другими развитыми странами, то он обратил мое внимание на такой факт, который у нас как-то не замечали. «Вы учтите, Константин Михайлович, что американцы, да и вообще европейцы, стремятся покупать у нас права на самые лучшие, выдающиеся произведения, в то время как нам стараются продавать чаще всего самую разную низкопробную продукцию, вроде произведений массовой культуры. У нас они приобретают права на высокую литературу, высокую музыку, высокую культуру, не говоря уже о выдающихся достижениях нашей науки, а нам сплавляют то, что им и са-

мим не нужно. Имейте это в виду и старайтесь приобретать у них права тоже на самые лучшие произведения, на произведения самой высокой культуры, ибо настоящего человека, личность, можно воспитывать только на произведениях самой высокой культуры и на высших достижениях современной науки, а массовая культура способна лишь развенчивать человека и все человеческое».

Когда я стал проверять, на что у нас приобретают права американцы и европейцы, и на что — мы, то убедился в правоте Андрея Андреевича, поскольку то, что мы у них приобретали, были в основном произведения массовой культуры, а у нас они покупали права на самые лучшия произведения литературы, искусства, культуры и науки, хотя финансовый баланс был соблюден: мы получали от них столько, сколько продавали им.

Людей он не делил на «плохих» и «хороших», а в каждом человеке стремился найти и оценить что-то положительное. В этом сказывалась его врожденная доброта. Например, рассказывая о членах правительства при Сталине, Андрей Андреевич говорил о многих из них более или менее объективно. О министре тяжелой промышленности он сказал буквально следующее: «Это был человек почти необразованный, но он прошел путь от рядового рабочего-сталевара до министра, поэтому знал производство как свои пять пальцев. Больше того, он знал тысячи рабочих, мастеров, руководителей по именам, знал, на что они способны, и расставлял их на те участки и должности, где они могли сделать то, что другим было не под силу. Правда, поскольку он имел по существу начальное образование, ему было трудно, но он справлялся и хорошо справлялся со своими обязанностями. И лишь иногда жаловался: “У меня очень чижолая работа, мне очень чижало”. Сам Сталин был доволен работой этого министра».

Вот еще один пример уже другого плана. У Андрея Андреевича был 75-летний юбилей. По этому случаю я принес ему подарок и в том числе только что вышедшие мемуары Эйзенхауэра в двух объемистых томах. Он поблагодарил меня за подарок и стал рассказывать о своих встречах с Эйзенхауэром, отмечая различные черты этого известного всему миру человека. А в конце он сказал: «Ему надо было бы быть не генералом и не президентом Соединенных Штатов, а владельцем самого заурядного провинциального магазина». Суждение резкое и бескопромиссное.

Андрей Андреевич Громыко был человеком принципиальным и, разумеется, преданным своему Отечеству. Вот маленький, но весьма показательный пример. Известный миллиардер и издатель Максвелл начал издавать сочинения советских руководителей, прежде всего сочинения Л.И. Брежнева и членов Политбюро ЦК КПСС. При этом, если книга впервые издавалась Максвеллом, он платил довольно значительные гонорары в валюте. Естественно, многие руководители охотно на это соглашались. Когда я завел речь об издании почти написанных мемуаров Андрея Андреевича, то он ответил мне так: «Мои мемуары должны выйти прежде всего в моей стране, а уже потом можно будет вести разговор о том, где их можно еще

издать». Он так и поступил — мемуары вышли вначале в СССР, а после за границей.

Хорошо ли разбирался Андрей Андреевич в людях? Мне трудно судить об этом, для этого надо было бы проследить всю его кадровую политику. В основном его окружали все-таки более или менее порядочные, честные и профессионально подготовленные люди. Иногда, он ошибался в людях и ошибался по-крупному. Вот только один пример. В конце дня позвонил телефон: «Константин Михайлович, срочно приезжайте ко мне, я вас жду». Я узнал голос Андрея Андреевича, хотя на этот раз он звучал как-то необычно, взволнованно. Когда я вошел в кабинет, Андрей Андреевич поднялся, вышел из-за стола, поздоровался и спросил меня: «Знаете ли вы, что сегодня произошло?» — и сам же ответил на свой вопрос: «Мы выбирали сегодня Генерального секретаря ЦК КПСС и знаете, кого мы избрали?» — и каким-то торжественным и приподнятым тоном сказал: «Михаила Сергеевича Горбачева! Обстановка была очень сложная, мне лично пришлось выступать три раза с обоснованием того, что эта самая подходящая кандидатура, что он положительно зарекомендовал себя на всех постах, которые поручала ему партия — и как первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС, и как секретарь ЦК КПСС по сельскому хозяйству, что он еще довольно молодой человек, преданный делу Коммунистической партии, умеет работать с людьми, что он поведет нашу партию проверенным ленинским курсом...».

По существу, Андрей Андреевич повторил мне все свои три выступления и, видимо, дословно благодаря своей удивительной памяти. Он даже встал с кресла и, прохаживаясь по кабинету, чего я никогда еще не видел (обычно он беседовал сидя в кресле), энергично, своим густым басовитым голосом, повторял высказанные им аргументы в пользу избрания М.С. Горбачева. Я, действительно, никогда не видел его таким возбужденным, говорившим, а точнее, выступавшим с таким пафосом. Он даже жестикулировал, чего за ним почти никогда не водилось. Я слушал его с восхищением, удивлялся его энергии — так мог выступать только молодой человек. Когда он закончил свою речь, я спросил его о других кандидатурах и о тех, кто еще выступал в поддержку кандидатуры М.С. Горбачева. Андрей Андреевич довольно подробно пересказывал и их выступления. Естественно, назвал и другие кандидатуры: первого секретаря Ленинградского обкома Романова и первого секретаря Московского горкома Гришина.

Затем он спросил меня: «Знакомы ли вы лично с М.С. Горбачевым?». Я ответил: «Да, в бытность мою завсектором ЦК КПСС он несколько раз вызывал меня к себе по писательским делам». «А хотите, я вас познакомлю с ним поближе, он очень хороший и перспективный человек. Вам это будет полезно во всех отношениях». Уже несколько зная Горбачева, я ответил: «Видимо, не сейчас, потому что у него вряд ли в ближайшее время будет возможность со мной встретиться».

С М.С. Горбачевым я познакомился лично в его бытность секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству, когда он пытался «поднять» Нечернозе-

мье. Он вызвал меня к себе в кабинет, поздоровался со мной и сказал буквально следующее: «Вы знаете, что нам надо поднять Нечерноземье, дела там плохи. Вы как заведующий сектором художественной литературы должны “усех” писателей послать в Нечерноземье, пусть они там живут и пишут, что́ надо, а не что попало». Я ему ответил: «Как мы можем послать “усех” писателей в Нечерноземье? Они просто не поедут, мы можем послать только тех, кто согласится поехать, но никто их не заставит писать о Нечерноземье то, что мы хотим, они будут писать то, что сочтут нужным». «Нет, так нельзя, надо, чтобы они вдохновились этой великой задачей и вдохновили весь народ на ее решение». Мне стало понятно, что́ это за человек, и у меня сложилось после этого разговора совсем нелестное мнение о нем.

Памятуя об этом, я набрался храбрости и задал смелый вопрос: «Андрей Андреевич, а вы не будете жалеть о том, что выдвинули кандидатуру М.С. Горбачева и избрали его Генеральным секретарем ЦК КПСС?». Андрей Андреевич, который уже сидел за столом, откинулся назад и посмотрел на меня каким-то тяжелым и недобрым взглядом, поскольку никак не ожидал услышать такой вопрос. «Я думаю, — сказал он, — мы сделали правильный выбор, что избрали Михаила Сергеевича Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС». Я почувствовал, что своим вопросом испортил всю нашу встречу, испортил праздник, который переживал А.А. Громыко в связи с тем, что ему и его ближайшим соратникам удалось избрать именно М.С. Горбачева. Чтобы как-то сгладить эту мою несообразность, я поздравил А.А. Громыко с победой и попросил прощения за столь неуместный вопрос. Он улыбнулся сдержанно за мое участие в этой беседе.

У меня остался неприятный осадок от этой встречи, поскольку мне показалось, что я обидел искреннее уважаемого мною человека своим вопросом, и, естественно, переживал это.

Прошло некоторое время, и Андрей Андреевич вновь позвонил мне и пригласил к себе. Он был в хорошем настроении, рассказывал различные эпизоды из своей жизни, улыбался, смеялся, расспрашивал меня о ВААПе, а потом сказал: «Я на днях должен ехать в ряд стран, в том числе в Италию, а вы мне как-то говорили, что вам не хватает некоторых книг, пожалуйста, напишите список и не стесняйтесь, если он будет большой, я вам постараюсь все эти книги достать». Я опять был крайне удивлен тем, что он помнил все, о чем мы с ним говорили, даже такую, казалось, мелочь, как нехватку книг, и не только помнил, но и предложил помочь в этом. Я такой список написал, кажется названий тридцать или сорок. Каково же было мое удивление, когда через некоторое время один из его помощников позвонил мне и сказал, что Андрей Андреевич привез все книги, которые я указал в списке и которые в Италии достать было чрезвычайно трудно. Разумеется, я тут же позвонил Андрею Андреевичу и от всего сердца поблагодарил его за такой подарок.

Среди сутолоки повседневных дел, и больших, и малых, я нет-нет да и возвращался к беседе, связанной с избранием М.С. Горбачева. Откровенно говоря, я не верил Горбачеву, ибо в Ставропольском крае он не сделал ничего вы-

дающегося, урожаи там и до него, и после него, в силу соответствующих климатических условий, были хорошие всегда. Нечерноземье, на подъем которого отпускались колоссальные деньги, он не только не «поднял», а еще больше ухудшил. Да и интеллектом и культурой он никогда не выделялся, не говоря уже о том, что на этом посту должен быть человек сильной воли и большого мужества, чего у Горбачева никогда не было. Кроме того, я как специалист по Макиавелли, помнил одно из его знаменитых высказываний в «Государе»: «Кто помогает могуществу другого, тот погибает, ибо могущество это создано им искусством или силой, а и то и другое вызывает подозрительность того, кто могущество приобрел». Кроме того, я хорошо знал А.Н. Яковлева и Э.А. Шеварднадзе и ряд других людей, которых Горбачев стал приближать к себе. Болтовня Горбачева и его окружения о «перестройке», без выработки серьезных программ, настораживала, и постепенно становилось ясно, что эти люди затевают дела с далеко идущими отрицательными последствиями. Действительно, через некоторое время Андрея Андреевича Громыко повысили — его сделали Председателем Президиума Верховного Совета СССР, а на его место поставили малограмотного, невежественного, но хитрого и коварного Шеварднадзе. И сделано это было для того, чтобы круто изменить внешнюю политику страны.

Вскоре после своего назначения А.А. Громыко позвонил мне из Кремля и пригласил к себе на беседу. Был заказан пропуск, и меня прямо в автомобиле пропустили в Кремль, к зданию, где размещается кабинет Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Я поднялся на лифте, вошел в кабинет и был буквально потрясен: за столом сидел Андрей Андреевич, а на столе не было ни одной бумаги, в отличие от его стола в МИДе. Тот всегда был завален всякими документами, над которыми он работал каждый день чуть ли не до полуночи. Он обрадовался моему появлению, спрашивал о моих делах в ВААПе, о творческих планах, говорили о разных проблемах, но я видел его угасший взгляд, осунувшееся лицо, как-то обмякшую фигуру заметно постаревшего за это короткое время человека. Я невольно вспомнил свой роковой вопрос, но ему об этом вопросе напоминать не стал — это было бы не только нетактично, но и оскорбительно в данной ситуации. Он продолжал меня приглашать к себе в Кремль, хотя уже не так часто, как в МИДе, но у него уже не было того оптимизма, пафоса, веселья, иронии и настроения, которыми он отличался во времена наших встреч в МИДе. Мне было до боли жаль его, жаль, что он так просчитался и так добродушно и добросердечно поверил доморощенному авантюристу Горбачеву.

Однажды мне позвонил А.Н. Яковлев, который был, по существу, правой рукой М.С. Горбачева, и попросил зайти к нему в Отдел пропаганды. Когда я вошел к нему в кабинет, он предупредил меня, что состоится доверительная беседа, о которой никому нельзя ничего говорить. Он начал с того, что от имени Горбачева предложил мне заняться всей идеологией: «Ты хороший теоретик, обладаешь определенным практическим и теоретическим опытом, я думаю, ты справишься с этой работой». Я ответил, что для меня подобное

предложение совершенно неожиданно и я должен над ним подумать. После этого он стал спрашивать, как я оцениваю процесс перестройки. Полагая, что наш разговор носит доверительный характер, я откровенно сказал, что между заявлениями М.С. Горбачева и практическими делами огромная разница — говорится одно, а делается другое. Перестройка совершенно неподготовлена — нет серьезных, научно обоснованных программ перестройки в различных сферах жизнедеятельности. По существу это похоже на авантюризм. Александр Николаевич изменился в лице, насупился, снял трубку прямого телефона, связывающего его с Горбачевым, и стал ему говорить: «Я тут беседовал с Долговым Константином Михайловичем, который отказывается от нашего предложения, ссылаясь на то что он не привык подчиняться, что он слишком самостоятелен, больше того, он назвал нас авантюристами». В ответ Горбачев сказал: «Не хочет и не надо, ему же будет хуже». Я обомлел: «Александр Николаевич, вы же сказали, что наша беседа доверительная, что же вы меня тут же выдаете Горбачеву, как же так можно?». «Ну ты же отказался от нашего предложения и назвал нас авантюристами, вот я и сказал об этом Михаилу Сергеевичу». Я понял, что продолжать беседу с таким человеком бесполезно и ушел. После всего этого мое положение стало заметно ухудшаться.

Мое положение особенно осложнилось после пререканий с М.С. Горбачевым на заседании Политбюро, где должен был обсуждаться проект закона о прогрессивном подоходном налоге, подготовленный небольшой группой сотрудников ВААПа, которую я возглавлял. Этот закон существует во всех странах. Существовал он и в России, но после смерти В.И. Ленина его отменили. Мы предложили восстановить этот закон, но уже в совершенно новой редакции, с учетом всего международного опыта. Проект закона получился, по мнению ряда специалистов, очень хороший. Начали над ним работать еще при Л.И. Брежневе. После его смерти Ю.В. Андропов подтвердил необходимость этого закона для нашего общества и государства, но и он вскоре умер. Затем я встречался с К.У. Черненко, ставшим Генеральным секретарем ЦК КПСС после Ю.В. Андропова. Он ознакомился с проектом этого закона и сказал, что вынесет его на обсуждение Политбюро ЦК КПСС, но при этом спросил меня: «А кто еще, кроме вас, знает об этом законе?». Я ответил: «Еще несколько человек, которые работали над проектом этого закона». Глядя прямо мне в глаза, принимая таблетку и запивая ее водой, он медленно произнес: «Смотрите, если о нем узнают посторонние люди, то вам не сносить головы — это слишком серьезный закон». Я был удивлен таким откровением Генерального секретаря ЦК КПСС. Однако Черненко вскоре также умер от тяжелой болезни.

После этого я беседовал с М.С. Горбачевым, и он согласился с тем, что такой закон нужен. Когда он был окончательно подготовлен, я направил проект закона Горбачеву. Мне сообщили, что этот проект будет вынесен на заседание Политбюро для обсуждения и утверждения. За несколько дней до заседания я позвонил Горбачеву и спросил его мнение об этом проекте закона. Он отве-

тил, что в целом ему закон понравился, хотя над ним нужно еще поработать. На заседании Политбюро обсуждалось много важных вопросов. Когда дошли до вопроса о проекте закона о прогрессивном подоходном налоге, то Горбачев, к моему удивлению, сказал следующее: «Я три дня изучал этот закон — это такая муторная вещь, может быть, отложим?». Я не выдержал, встал и спросил: «Михаил Сергеевич, вы же сами несколько дней тому назад сказали мне по телефону о том, что закон вам в целом понравился, а сейчас вы говорите, что это "муторная вещь" — как же так?». Горбачев, который вел заседание, обратился к членам Политбюро: «Ну, какое мнение у членов Политбюро — отложим?». Наступило молчание. Горбачев завершил: «Значит, отложим». Я опять встаю и говорю: «Михаил Сергеевич, нельзя его откладывать, этот закон придется все равно принимать, только вы его будете потом принимать в гораздо худшей редакции». Меня сзади дергают и шепчут: «Нельзя так вести себя на Политбюро, садись и замолчи!».

* * *

Организацию кампании против меня осуществляли два представителя КГБ: один был моим заместителем — некий В.Р. Ситников, который после принятия крепких напитков рассказывал присутствующим о своей заветной мечте — умереть и быть похороненным в Мюнхене. Он регулярно, примерно два раза в месяц, писал на меня гнусные доносы, с некоторыми из них меня познакомили его же приятели. Другой — генерал КГБ, бывший резидент во Франции, которого вместе с более чем сорока человеками выслали из страны и который, по существу, провалил порученное ему дело. Оба мечтали возглавить ВААП, поэтому развили бешеную кампанию по моей дискредитации. Но поскольку я никогда не занимался никакими махинациями, то зацепились за два факта: первый состоял в том, что я поставил на вид руководителю Молдавского отделения ВААП за срыв фотовыставки в Польше, а второй — то, что я не успел официально оформить развод. Эти два факта и положили в основу моей дискредитации.

Как и в случае с моим сочинением о Макиавелли (кстати, это также поставили мне в вину), начали писать массу писем, видимо, специально сфабрикованных, подтасованных документов, которые мне удалось легко разоблачить, о якобы снижающемся уровне работы ВААПа за время моего правления, а также о моем полном моральном разложении.

Действовали согласно знаменитому фашистскому принципу: лги как можно больше, авось что-нибудь да останется. В конечном счете, тем более при таком отношении ко мне Горбачева, Яковлева и Шеварднадзе, ставшего министром иностранных дел вместо Громыко, сделать это было не так трудно. Меня исключили из партии и сняли с работы, а на мое место поставили С.С. Четверикова. Бедный В.Р. Ситников не выдержал такого поражения и вскоре скончался.

Роль проштрафившихся агентов КГБ в моей истории была хотя и не решающей, но заметной. В ВААП прислали комиссию партийного контроля, кото-

рая проверяла мою работу и работу Агентства примерно полгода, но никаких нарушений не обнаружила, поскольку их просто не было, хотя проверили все, что можно, вплоть до уплаты партийных взносов за все годы моего пребывания в партии. Меня вызвал к себе Председатель КПК, член Политбюро М.С. Соломенцев, который заявил: «Тщательная проверка не обнаружила никаких должностных злоупотреблений и серьезных недостатков. Вы молодец, работаете честно, но дана команда исключить вас из партии и снять с работы». Я спросил его: «А кто дал такую команду?». Он ответил уклончиво: «Решение об этом принято на самом верху». Мне все стало ясно. Соломенцев добавил: «Вы особенно не расстраивайтесь, у вас еще все впереди, вы человек молодой, еще будете занимать самые высокие посты в нашем государстве». «Как же не расстраиваться, если вы сами говорите, что никаких злоупотреблений не обнаружено, а дана команда об исключении меня из партии и снятии с работы. Что же вы идете на поводу у мафии?». — «Какой мафии?» — спросил Соломенцев. «Вы лучше меня знаете, какой», — ответил я. На этом наш разговор был окончен. Через некоторое время, в мае 1986 г., я был исключен из членов КПСС, снят с работы и направлен в Институт философии АН СССР и.о. старшего научного сотрудника.

После этого меня вызывали в ЦК КПСС каждую неделю и предлагали новую работу. В самом начале предложили должность директора Института философии АН СССР, я, разумеется, согласился. Вызвали еще через неделю и сказали, что на должность директора института нашли другого человека, а мне предложили должность заместителя директора. Я снова согласился. Еще через неделю предложили должность заведующего сектором эстетики этого же института. Я отказался, поскольку эту должность занимал мой бывший и уважаемый мною преподаватель М.Ф. Овсянников. Еще через неделю мне предложили должность исполняющего обязанности старшего научного сотрудника. Я опять согласился.

Хотя, как только стало известно, что меня исключили из партии и сняли с работы, я получил официальные приглашения от моих коллег из Соединенных Штатов, Франции, Германии, Японии, Канады и других стран и заверения, что они создадут наилучшие условия для моей работы и проживания. Однако я, поблагодарив их за эти приглашения, вежливо отказался, поскольку считал, что должен жить и трудиться у себя на Родине, несмотря на столь чудовищное отношение ко мне со стороны Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе, Ельцина и их окружения. Я не изменил ни Родине, ни народу, ни себе самому, сохранив честь и достоинство. А к этим перевертышам, сделавшим себе карьеру по партийной линии, а затем изменившим и партии, и народу, и Родине, народ относится с ненавистью и презрением, как относились к изменникам все народы и во все времена.

Еще до разговора с Соломенцевым я позвонил Андрею Андреевичу Громыко и попросил его принять меня для беседы. Он тут же согласился. Когда я пришел к нему, то опять увидел чистый стол и его, сидящего за столом с мрачным видом. Разговор был кратким. Я сообщил ему обо всем, что про-

изошло и попросил его совета о том, что мне делать. Он долго молчал, а потом тихо промолвил: «Как вы могли допустить столько ошибок? Мне пока трудно что-либо посоветовать, но я об этом подумаю и потом скажу». На этом мы распрощались, и я больше с ним уже не встречался... Года через два его отправили на пенсию, и он вскоре умер.

У меня остались о нем самые добрые впечатления и воспоминания, как о честном, порядочном, умном, мудром и добром человеке, настоящем министре иностранных дел, выдающемся государственном деятеле, который может служить примером и образцом для многих поколений наших политиков и дипломатов.

Пожалуй, настало время воздать ему должное и поставить памятник, который он заслужил всей своей жизнью и деятельностью.

Дубинин Ю.А.

Громыко — фигура уникальная

Фигура А.А. Громыко уникальна в истории международных отношений XX в. Начиная с 1943 г., когда он стал послом Советского Союза в США, и вплоть до 1986 г. он находился в эпицентре дипломатических событий, формировавших мировую политику. При этом в течение 28 лет он был министром иностранных дел одной из супердержав двуполярного мира. Выполнить такую миссию мог только человек выдающихся качеств. Коснемся некоторых из них. Прежде всего главного, которое определяло лицо А.А. Громыко как дипломата и государственного деятеля. Поставим в связи с этим вопрос: прав ли был Запад, окрестивший А.А. Громыко человеком «нет»? Обратимся к фактам.

Послом в США — государстве, которое являлось нашим главным союзником по антигитлеровской коалиции — А.А. Громыко был в решающие годы Второй мировой войны. Это высшая точка сотрудничества двух стран за более чем двухвековую историю их дипломатических отношений.

Это было время, когда при решающей роли Советского Союза и США закладывались основы послевоенного мироустройства. А.А. Громыко принимал участие в Ялтинской и Потсдамской конференциях руководителей СССР, США и Англии, сыгравших ключевую роль в этом процессе. Особо следует выделить вклад А.А. Громыко в создание Организации Объединенных Наций. Он был главой делегации СССР на переговорах по разработке Устава этой организации и поставил свою подпись под этим документом. Сегодня ООН — несущая конструкция всей системы международных отношений.

А.А. Громыко стал одним из творцов политики разрядки международной напряженности. Вершина этой политики — Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе и подписанный в его итоге Хельсинкский Заключительный акт. Разработка этого документа заняла без малого два года. Он на-

---

Дубинин Юрий Алексеевич — кандидат исторических наук, заместитель министра иностранных дел РФ в 1994–1999 гг., заслуженный работник дипломатической службы РФ, профессор МГИМО (У) МИД РФ.

ращивался по слову, по строчке. На стене кабинета Громыко в Москве висели бумажные ленты шириной в страницу. Отдельно для каждой из комиссий, которые в Женеве занимались разработкой текста. Эти ленты удлинялись по мере продвижения работы по составлению итогового документа. И каждая новая фраза рождалась как результат указаний или согласия Громыко. Хельсинкский Заключительный акт — его детище, а принятый в 1975 г., стал новаторским документом, намного опередившим время и создавшим предпосылки для преодоления холодной войны.

Как представляется, даже сказанного достаточно, чтобы дать ответ на вопрос: мог ли человек «нет», человек «отрицание» быть соучастником, а зачастую и мотором такого рода дипломатических достижений? Разумеется, им мог быть только человек совсем других качеств. Человек творческого склада, нацеленный на конструктивность и сотрудничество.

Может ли быть человек «да»? — спросит читатель. Увы! Это был бы неправильный вывод. Человек «да» в дипломатии — явление по меньшей мере рискованное, во всяком случае, если желание угодить партнеру берет у него верх над трезвым анализом последствий его уступчивости для интересов страны.

Приведу пример, косвенно связанный с деятельностью А.А. Громыко. Речь идет о следующем. При разработке позиции Советского Союза в отношении подготовки и проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе одним из главных вопросов был вопрос о порядке принятия на этом форуме решений. Вопрос ключевой для любых переговоров и деятельности любой международной организации. Вполне естественно, что Громыко уделил много внимания поиску наиболее адекватного для интересов нашей страны ответа на этот вопрос. На нескольких совещаниях, в которых довелось участвовать и мне, прикидывались все мыслимые решения этого вопроса. Им могло быть правило принятия решений большинством государств-участников. Само это большинство могло быть простым или квалифицированным, сама квалификация большинства могла быть различной: две трети голосов или, скажем, три четверти и т.д. Но им могло бы быть и правило консенсуса. Согласно этому правилу, решение считается принятым только в том случае, если против него не высказывает возражений ни один из участников форума. Громыко тщательно взвешивал все «за» и «против» каждого из вариантов, все чаще повторяя, все еще колеблясь:

— Консенсус — трудное правило!

— Консенсус — хорошее правило!

В конце концов на этом правиле он и остановился, и оно стало беспрекословным законом для Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и всех его органов при решении всех вопросов — как существа, так и процедуры. Работать на основе этого правила действительно трудно. Вместе с тем оно заставляет всех участников форума добиваться такого глубокого учета взаимных интересов, который снимает возражения со стороны кого бы то ни было. Кроме того, это правило исключает возможность принятия форумом реше-

ния, ущемляющего интересы любого из его участников. По сути дела, этот вариант принятия решений придает переговорному процессу наибольшую демократичность, а достигаемым договоренностям — наибольшую авторитетность. На основе этого правила был разработан Хельсинкский Заключительный акт, этим правилом руководствовались и в ходе мероприятий общеевропейского процесса после подписания Заключительного акта пока… Пока представителям западных стран не удалось пробить в таком правиле принятия решений брешь. Как бы в виде исключения. Применительно к работе отдельных создаваемых Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе институтов, прежде всего Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ), поощряя их к некоей «автономии», которая означает на практике подчинение этих институтов одной группе государств и приверженность ее идеологии, подрыв межгосударственного характера ОБСЕ. Последствия известны. Они — результат действия человека «да».

Сделаем вывод: антиподом человеку «нет», человеку «отрицание» в дипломатии должен быть человек, который умеет сказать «нет», для того чтобы отвести то, что несет ущерб его стране, но способный при этом, не создавая тупика или противостояния, предложить какое-то иное, конструктивное решение. Речь идет о сочетании твердости и гибкости, о творческом подходе. Таким и был Андрей Андреевич. Этому он учил и молодых дипломатов. Когда он напутствовал меня, назначенного в 1980 г. руководителем делегации СССР на подготовительной части Мадридской встречи государств — участников общеевропейского процесса, он был предельно краток: «Ваши партнеры, — сказал он, — могут выдвигать неприемлемые для нас предложения. Отводите их, но сразу же вносите свои предложения». В этом состояло в его понимании правило ведения переговоров, дипломатической деятельности вообще.

Сумма дипломатических свершений А.А. Громыко огромна. Уровень его дипломатического мастерства исключителен. Он много сделал прежде всего для укрепления международных позиций Советского Союза: это при нем наша страна стала признанной супердержавой. Но он много сделал и для всего международного сообщества. Чем дольше он оставался руководителем внешнеполитического ведомства нашей страны, тем большим уважением пользовался в мире и среди своих коллег. Один штрих к этому. Перед открытием ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН руководители делегаций государств-участников (это, как правило, министры иностранных дел), собираясь заблаговременно в зале заседаний, обычно подходят к своим коллегам, для того чтобы пожатием руки, кратким приветствием засвидетельствовать им свое почтение. У этой своеобразной церемонии нет ни правил, ни критериев. К одному министру могут подойти двое-трое коллег, к другому — несколько, а к кому-то — ни одного. Что касается Громыко, то его появление на местах советской делегации, особенно в последние годы пребывания на посту министра иностранных дел, вызывало повышенное движение в зале, и очередь тех коллег, кто считал непременным засвидетельствовать ему уважение,

выстраивалась через весь огромный зал пленарных заседаний Генеральной Ассамблеи. Это ли не демонстрация высочайшего международного авторитета А.А. Громыко!

* * *

Ответственность за дипломатическую службу нашей страны сполна легла на плечи А.А. Громыко, когда он стал министром иностранных дел. Случилось это в 1957 г. Через четыре года после смерти Сталина, т.е. в начале новой эпохи в истории нашей страны, да и не только нашей страны. Внешняя политика Советского Союза приобретала новые измерения. Возрастал ее динамизм, множились контакты, выдвигались крупные инициативы, нацеленные на предотвращение войны, сброс напряженности, решение конфликтных ситуаций путем переговоров. Все это ставило перед Министерством иностранных дел новые масштабные задачи. Путь решения этих задач Громыко видел в наращивании профессионального мастерства наших и дипломатических кадров и максимальной мобилизации творческих возможностей всего коллектива дипломатической службы, как говорится, от мала до велика, вовлечении в ответственную дипломатическую деятельность молодежи. Мне запомнилось, с какой настойчивостью он проводил эту последнюю мысль на одном из активов министерства. Обращаясь к руководящим работникам, он призывал их стимулировать инициативу всех, в том числе начинающих дипломатов, внимательно относиться к выдвигаемым ими предложениям.

«Если даже такие предложения не могут быть пущены в работу в том виде, в каком они формулируются их авторами, пусть это будет и второй, и третий секретарь, — говорил Громыко, — они могут нести в себе зародыш мысли, что-то новое, способное генерировать полезные инициативы».

Специальное внимание А.А. Громыко обращал на выпускников Московского государственного института международных отношений. Он первым из руководителей страны разглядел возможности этого молодого племени, вливавшегося в дипломатическую службу нашей страны после получения системной подготовки к международной деятельности — подготовки, которой до создания этого института в нашей стране не было.

К 1957 г. состоялось уже девять выпусков, и в коридорах министерства мелькало все больше его питомцев. Старожилы окрестили их «молодыми», что отражало не справедливую на первых порах констатацию их возрастного положения, а скорее вопрос: посмотрим, посмотрим, что из вас получится? Подход Громыко был другим. Внимательно присматриваясь к «молодым», он стал все шире привлекать их к ответственной деятельности, вначале в центральном аппарате, а затем и за рубежом, активно продвигая по кадровой лестнице тех, кто этого заслуживал.

Одной из первых таких значительных мер стало назначение А. Ковалева и В. Фалина советниками министра. Они напрямую работали с Громыко, уча-

ствовали в составлении наиболее важных документов нашей дипломатии. Это был старт их большой карьеры.

Занялся А.А. Громыко и выдвижением профессионалов, т.е. кадровых работников министерства, на высшие дипломатические должности за границей. Это была непростая задача. Послами Советского Союза, как правило, назначались партийные и государственные деятели, зачастую высокого ранга. Это были достойные люди. Однако профессиональной подготовки им не хватало, и не всем из них удавалось преодолевать этот недостаток. Громыко, особенно на первых порах, пока он не стал членом Политбюро, приходилось прилагать немало усилий, чтобы назначать на такие должности своих кандидатов. Но он настойчиво проводил эту линию.

Что касается мгимовцев, то впервые руководителем дипломатического представительства выпускник института был назначен в 1965 г. Им стал Б.Я. Дорофеев. Он возглавил в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посланника миссию СССР в Новой Зеландии. Таким образом, движение к высшим заграничным постам началось для «молодых» с самой отдаленной точки дипломатического мира. Но уже через несколько лет, в 1971 г., В.М. Фалин будет выдвинут на пост посла в такой важной стране, как Федеративная Республика Германии. Ю.М. Воронцов первым из мгимовцев станет в 1977 г. послом в Индии, а в 1986 г. автор этих строк будет первым представителем нашей страны при Организации Объединенных Наций и в Совете Безопасности, а затем в том же году станет первым из выпускников МГИМО послом СССР в США.

Начатая А.А. Громыко линия год от года получала все большее развитие. Ее результат на сегодняшний день впечатляет. По сведениям на начало 2008 г., послами нашей страны стали 537 мгимовцев. При этом 132 из них, т.е. большинство российского посольского корпуса, в настоящее время являются действующими руководителями загранпредставительств Российской Федерации.

Активно выдвигал Громыко питомцев МГИМО и в руководители делегаций нашей страны на многих важнейших международных переговорах.

В центральном аппарате нашей дипломатической службы впервые на руководящую должность заместителя министра иностранных дел был назначен в 1971 г. выпускник института А.Г. Ковалев. К началу 2008 г. 44 мгимовца прошли через этот пост или занимают его в наши дни.

В 1991 г. выпускник МГИМО А.А. Бессмертных стал министром иностранных дел. Выпускником МГИМО является и нынешний руководитель внешнеполитического ведомства нашей страны — С.В. Лавров.

Вклад А.А. Громыко в становление подлинно профессиональной дипломатии в нашей стране очень велик.

* * *

Высокую принципиальность и настойчивость А.А. Громыко проявлял не только в переговорах и контактах с представителями государств, но и в отстаивании своих взглядов в руководстве нашей станы. Сложности у него возни-

кали главным образом с подразделениями Центрального Комитета партии, занимавшимися международным коммунистическим движением. Обобщая, их можно было бы свести к вопросу о том, на какой основе следует строить внешнюю политику Советского Союза: на основе принципа пролетарского интернационализма или руководствуясь своими национальными интересами. Не знаю, выходили ли расхождения между Громыко и руководством Международного отдела ЦК КПСС на обсуждение самого этого исходного положения. Разногласия, которые я наблюдал, касались практических мероприятий, чаще всего связанных с нашей политикой в отношении Франции и Италии.

Спор по Франции возник при подготовке визита туда тогдашнего руководителя нашей страны Н.С. Хрущева. Этого визита очень хотел президент Франции генерал де Голль. Он предложил Хрущеву грандиозную, больше, небывалую для французской протокольной практики поездку по Франции. При этом предполагалось, что Хрущев должен был останавливаться в провинции у префектов — представителей президента в департаментах, на которые разделена страна. Префекты же должны были устраивать приемы в честь советского гостя.

Международный отдел ЦК КПСС, придавая подчеркнутое значение пропагандистской отдаче от визита, счел, что де Голль, превращая руководителя коммунистической страны в заложника государственных чиновников, каковыми являлись префекты, стремится ограничить возможности его общения с французским народом вообще и с Коммунистической партией Франции, в частности. Он настаивал на том, чтобы мы отказались от размещения Хрущева в префектурах и поставили бы вопрос о том, чтобы все приемы в его честь устраивали только выборные органы власти.

А.А. Громыко возражал. Он опасался, что наш отказ от предложений де Голля может испортить атмосферу визита или даже приведет к его отмене, а это не будет отвечать нашим государственным интересам. Противостояние двух точек зрения было столь жестким, что решили обратиться за советом к руководителю Французской коммунистической партии Морису Торезу, авторитет которого в Москве был очень высок. Морис Торез посоветовал без всяких оговорок принять предложение президента Франции как выражение высшей формы уважения к иностранному руководителю. Он пояснил при этом, что, будучи сразу после освобождения Франции заместителем руководителя французского правительства, сам неоднократно останавливался в префектурах. Н.С. Хрущев ответил согласием на предложение де Голля. Визит прошел блестяще.

А.А. Громыко ценил, когда и его подчиненные проявляли настойчивость, отстаивая свою точку зрения. Даже в тех случаях, когда она расходилась с его собственной. Качество не так часто встречающееся, но очень важное для эффективности работы любой структуры, в том числе и дипломатической службы.

В этой связи мне запомнился случай, связанный с его визитом в Испанию в 1985 г. Вот как обстояло дело. За год до этого состоялся официаль-

ный визит в нашу страну короля Испании Хуана Карлоса I. Он ознаменовал поворот в истории отношений наших стран. Визит короля открыл путь к развитию советско-испанских отношений и, в частности, к обмену визитами высших политических руководителей Советского Союза и Испании. В целях обсуждения таких перспектив и был приглашен Громыко в Мадрид. Испанцы проявляли к этому визиту подчеркнутый интерес. Я был в то время послом в Испании, и все переговоры по подготовке визита проходили через меня. Испанцы дали согласие на предложенные нами даты визита (28 февраля — 2 марта), хотя для этого им потребовалось внести коррективы в их дипломатический календарь. Оставалось обнародовать достигнутую договоренность. Мадрид просил нашего согласия сделать это как можно скорее.

В это время прозвучал удар грома. Советника нашего посольства пригласили в МИД Испании и сообщили, что один из младших работников посольства должен покинуть Испанию в связи с действиями, несовместимыми со статусом дипломата, как это принято говорить в подобных случаях. Правда, в отличие от стандартных сценариев для подобного рода операций испанцы выразили сожаление, что данную акцию приходилось осуществлять в такой момент, когда обе стороны идут по пути укрепления диалога и взаимопонимания. Было также заявлено о стремлении руководства министерства сделать все возможное, чтобы этот инцидент не отразился на добрых отношениях между Советским Союзом и Испанией.

Наш советник, конечно, протестовал и сверх того заявил, что подобные действия даже помимо воли сторон могут иметь негативные последствия для отношений.

Событие было неприятным. Это понимало и руководство испанского МИДа. Так бывает, когда в государственном аппарате сталкиваются противоречивые интересы и идет внутренняя борьба.

Не прошло и нескольких дней, как положение осложнилось: история с выдворением нашего дипломата заполнила испанские газеты. Мы заявили резкий протест как по существу случившегося, так и в связи с поднятой шумихой. Из Москвы был выслан кто-то из испанцев — это в рамках сложившейся практики. В испанском МИДе нас убеждали, что утечка информации произошла помимо воли министерства. Вновь, с еще большей настойчивостью наши коллеги говорили нам, что не хотели бы, чтобы этот вопрос печально отразился на советско-испанских отношениях.

В подтверждение заинтересованности Испании в развитии отношений с Советским Союзом председатель Сената Карвахаль сообщил мне в эти дни о решении кортесов пригласить в Испанию с официальным визитом делегацию Верховного Совета СССР — первую делегацию такого уровня.

Мы обо всем подробно информировали Москву. Москва молчала.

Вместе с тем все явственнее было видно, что тревога в испанском политическом руководстве за судьбу отношений с нами нарастает. Оснований для этого становилось все больше: Москва уже много дней не давала ответа

на просьбу испанцев опубликовать сообщение о визите в Мадрид А.А. Громыко. Даже не получив такого ответа, испанцы сообщили мне 17 января, что председатель испанского правительства Фелипе Гонсалес предлагает встретиться с Громыко в первый же день его пребывания в испанской столице. Это была элегантная форма напоминания о том, что в Мадриде ждут ответа.

Москва по-прежнему молчала.

На приеме для дипломатического корпуса 21 января разговор со мной об инциденте завел сам король.

«То, что произошло (он имел в виду высылку нашего дипломата), — сказал он, — вызывает озабоченность. Кому только нужны такие операции! Они несут лишь ущерб. Пресса полна всяких спекуляций. Пишут кто во что горазд. Все это достойно сожаления».

Я в свою очередь говорил, что происшедшее входит в противоречие с общей атмосферой в отношениях между двумя странами, созданной визитом короля. Подчеркивал, что это не могло не вызвать тревогу и соответствующую реакцию в Москве. Дон Хуан Карлос отвечал:

«Я понимаю это».

И дальше:

«Я жду встречи с А.А. Громыко, откровенного разговора с ним. Это важно, даже если мы не во всем согласны друг с другом и будем прямо говорить об этом».

Дон Хуан Карлос пояснил:

«В Испании дорожат хорошими отношениями с Советским Союзом и заинтересованы в их развитии».

Итак, на первый план, как и во многих других острых моментах наших отношений, вышел король. И снова с прямой, четкой и конструктивной постановкой вопроса, продиктованной национальными и международными интересами Испании.

Казалось, чего же больше? Однако Мадрид сделал еще один крупный шаг. В тот же день меня принял Фелипе Гонсалес. У меня было поручение проинформировать его об итогах встречи А.А. Громыко с Дж. Шульцем, состоявшейся в Женеве 7–8 января. Однако беседа обставляется атрибутами, призванными подчеркнуть ее особенно дружественный характер. На беседе присутствовал министр иностранных дел. Причем Ф. Моран встречал меня в приемной председателя правительства, и мы пили с ним чай в ожидании беседы с Ф. Гонсалесом.

Во время встречи Гонсалес выразил признательность за подробную информацию о столь важном для международной жизни контакте, как встреча руководителей внешнеполитических ведомств СССР и США.

«Мы понимаем, — говорил он, — значение, которое Советский Союз придает вопросу о недопущении милитаризации космического пространства — именно об этом шла речь в Женеве. У США, — добавил собеседник, — конечно, другие приоритеты».

Затем он выделил мысль о том, что Испания в меру своих возможностей будет вносить активный вклад в развитие этого процесса.

И наконец, председатель правительства подчеркивал главный с точки зрения злободневности элемент беседы.

«В этом плане (т.е. в плане обсуждения ключевой проблемы международной обстановки), — резюмировал он, — мы придаем особое значение предстоящему визиту А.А. Громыко».

Не ему, политическому руководителю страны, вновь спрашивать меня, когда Москва даст согласие на сообщение об этом визите, но значение, которое придавалось Мадридом тому, чтобы этот визит состоялся, он выразил предельно ясно.

«Мы вырабатываем, — продолжал Ф. Гонсалес, — особый статус Испании в НАТО, предусматривающий неучастие страны в интегрированной военной системе союза. Тем самым Испания будет свободна от автоматического следования блоковой политике и будет иметь возможность действовать самостоятельно».

«Это у нас твердая линия», — заострил мысль руководитель правительства и добавил, что Испания будет страной, свободной от ядерного оружия, в том числе и в таком измерении этой проблемы, как недопущение его транзита через свою территорию.

Далее председатель правительства сформулировал курс испанского правительства в отношении Советского Союза:

«Испания, — заявил он, — намерена продолжать линию на развитие отношений с Советским Союзом и чувствует себя в этой области в наилучшем положении по сравнению с другими западноевропейскими странами. Между Испанией и Советским Союзом нет каких-либо спорных проблем. Испанское правительство положительно оценивает то, что было сделано за последние два года. Особое значение имеют контакты на высоком уровне и в первую очередь визит в Советский Союз короля. Можно сказать, что для Испании этот визит оказался более важным, чем даже установление дипломатических отношений. Положительное влияние визита короля, — подчеркивает он, — будет еще многие годы сказываться на развитии отношений двух стран».

В конце беседы председатель правительства вновь возвратился к самому актуальному практическому вопросу — визиту Громыко.

«Мы ждем этого визита, — напрямую заявил он. — Мы хотим конкретно изложить соображения испанского руководства относительно того, как мы видим реальные внешнеполитические возможности Испании и тот вклад, который она может внести в дело улучшения международного климата, возвращения к политике разрядки».

Таким образом, визит нашего министра Гонсалес связывал с намерением провести небывалый до сих пор по откровенности обмен мнениями о широких горизонтах испанской политики, начать с Советским Союзом доверительный диалог по ключевым для международных дел проблемам. Правильным

представляется и выбор собеседника для этих целей: А.А. Громыко. В силу многих обстоятельств, немаловажным среди которых являлось быстро ухудшавшееся здоровье Черненко, Громыко играл все более крупную роль в определении внешней политики Советского Союза.

Я был окрылен огромным дипломатическим багажом, полученным в течение всего одного дня — 21 января. В Москву были отправлены подробные отчеты, и я пребывал в добром расположении духа и уверенности, что теперь ответ насчет обнародования дат визита Громыко в Испанию придет быстро и он, конечно же, не может быть никаким иным, кроме как положительным.

Но Москва продолжала молчать.

А спустя неделю, 29 января, я получил телеграмму совсем иного содержания. «Вам следует, — писали оттуда, — прибыть в Москву на один-два дня для того, чтобы посоветоваться по вопросу о визите в Испанию». Подпись: А. Громыко. Вот так новость!

«Что же тут необычного?» — спросит читатель. Да то, что не принято было в те времена вызывать послов для совета по подобным вопросам, и со мною никогда такого не бывало. Не принято было и подобные телеграммы подписывать самому министру: по установившейся практике он ставил подпись только под ключевыми установками, исходившими от руководства страны, или в каких-то специальных случаях.

Значит, решил я, дело как раз и идет о случае специальном, и, проложив быстрейший авиамаршрут в Москву, я был там уже на следующий день. Прошелся по кабинетам. Как это ни удивительно, никто, в том числе и на уровне заместителей министра, ничего не знал не только о том, какой у меня может быть разговор с Громыко, но даже о факте вызова. Старший помощник министра сказал лишь, что телеграмму мне писал сам министр. Впрочем, министром я был принят в рекордно короткий срок. Вместе с ним был его заместитель Н. Рыжов.

Первая фраза Громыко звучала мягко. Он благодарил за то, что я так быстро добрался до Москвы. Продолжал он тоже ровным спокойным голосом, и это делало особенно значимым содержание его слов.

«Принято решение, — заявил Громыко, — визит в Испанию отложить. Мы пригласили вас посоветоваться насчет того, как лучше объяснить это испанцам. По телеграфу всего не скажешь и как следует не обсудишь».

Министр умолк. Я был ошеломлен. «Принято решение» — повторилось, как эхо, в моем сознании. Так говорили о решениях Политбюро. То есть о самых высоких решениях. Эти решения не только не оспаривались, но и не подлежали обсуждению. Они выполнялись. Но начинать разговор о том, как объяснять наш отказ от визита, у меня не было никакого желания. Вместо этого я выразил непонимание такого решения.

«Как это вы не понимаете? — встрепенулся министр. — А выдворение советского дипломата — это вам не причина?»

Министр встал с кресла и бросил на меня жесткий взгляд.

«Что же они говорят нам одно, а делают другое!»

Я был не готов к такому повороту разговора и попытался выйти из положения за счет ссылок на то, что подобные казусы бывали, иногда и не без причины, и что наша реакция не должна переходить за рамки соразмерности. Но это вызвало у Громыко уже нескрываемое раздражение.

«Выходит, они выставляют нашего работника, не проходит и пары месяцев — и я в Мадриде! Как это выглядит с точки зрения достоинства государства?»

Я, однако, оправился от первой неожиданности и решил твердо настаивать на своем. Напомнив министру о последних беседах, я сказал, что фактически испанцы принесли нам извинения, и на самом высоком уровне, а это вещь беспрецедентная.

Вроде бы это произвело на Громыко большее впечатление, но никак не решающее. Видимо, инцидент был болезненно воспринят пострадавшей силовой структурой, а во главе ее тоже член Политбюро, как и Громыко, и на нашего министра крепко давили.

«Дипломатические разговоры, — бросил он мне, — ведутся за закрытыми дверями, а действия видят все».

Тогда я перешел к самому главному, на мой взгляд, — к логике развития отношений с Испанией. Вскользь упомянул, что курс этот определен решениями Политбюро. С нажимом сказал, что его визит становится непременным этапом движения вперед и если мы отложим его, то не просто остановим раскручивание спирали, но и поставим себя в положение, когда спустя какое-то время нам придется уже самим искать возможности для создания новой динамики движения вперед.

Министр сел, задумался. Я задел чувствительную область. Во-первых, такой подход понятен ему как дипломату. Во-вторых, что еще важнее, это та сфера, за которую он нес личную ответственность. В случае просчета — ему же и исправлять.

Чем больше длилось молчание, тем больше возрастала у меня надежда на успех.

Словно вспомнив о Рыжове, в течение всей дискуссии хранившем молчание, нагнув голову к столу, министр обратился к нему:

«Вот тут Дубинин уже полчаса читает нам лекцию. Что будем делать?»

Я насторожился, хотя чувство подсказывало мне — дело сделано. Громыко, конечно, передумал, но искал дополнительной опоры, чтобы прямо сказать об этом.

«Надо лететь, Андрей Андреевич», — ответил Рыжов. Правильно ответил.

«Хорошо, полетим, — заключил Громыко. — Дубинин, скажите испанцам: мы согласны объявить, что визит состоится в те даты, о которых договорились. До свидания».

Я выходил из кабинета, как после тяжелого экзамена. Но еще не было конца дипломатическим приключениям перед прилетом Громыко в Мадрид.

В испанской печати 15 февраля промелькнуло сообщение о том, что из Испании по обвинению в шпионаже были выдворены два американских гражданина. Один из них — второй секретарь посольства США в Мадриде, а второй — гражданский работник американской военно-воздушной базы в Торрехоне, также имевший дипломатический паспорт. Краткое сообщение сразу же приобрело характер сенсации. Писали, что случаи выдворения американцев бывали и раньше, но их никогда не предавали огласке. Теперь же случившееся приобрело характер дипломатического инцидента. Комментаторы связывали действия испанского правительства с растущим раздражением Мадрида систематическим нарушением американцами норм и традиций дипломатического общения.

О высылке американских граждан было объявлено 17 февраля уже официально. Это подтвердил и сам Фелипе Гонсалес. В явно официозных пояснениях в средствах массовой информации говорилось, что американцы были задержаны в момент, когда занимались недозволенной деятельностью в непосредственной близости от резиденции председателя испанского правительства — Монклоа. Стремясь смягчить последствия скандала, посольство США в специальной ноте постаралось убедить испанское правительство в том, что задержанные американцы действовали без разрешения и не имея на то инструкций своего правительства. Однако сбить волну негодования не удалось. Средства массовой информации изливали потоки возмущения. Раздавались даже голоса с требованием поставить вопрос об отзыве американского посла Т. Эндерса. Особую пикантность ситуации придавало то, что за несколько дней до инцидента было объявлено о намеченном на начало мая визите в Испанию президента США Р. Рейгана.

На следующий день, 18 февраля, я посетил Ф. Морана и дал ему согласие на опубликование сообщения о том, что визит А.А. Громыко состоится с 28 февраля по 2 марта; 21 февраля такое сообщение было обнародовано.

Визит А.А. Громыко прошел весьма успешно и открыл путь к посещению Советского Союза Ф. Гонсалесом, а затем и М.С. Горбачевым Испании.

* * *

В 1987 г. состоялся первый официальный визит М.С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки. Без преувеличения это было событие глобального значения. Советский Союз еще прочно стоял на ногах. Москва выступала в роли инициатора глубоких перемен в международной политике. Визит в Вашингтон, его результаты отвечали ожиданиям мировой общественности. Там был подписан Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, намечены пути ускорения переговоров по сокращению стратегических наступательных вооружений.

Я занимал в то время пост посла Советского Союза в США и вместе со всем коллективом нашего вашингтонского посольства участвовал в длительной и многоплановой подготовке и проведении визита.

В Москве было много волнений насчет того, как все будет организовано, как пройдет. Мы в посольстве остро ощущали это.

Прошел визит блестяще. Весь состав нашего посольства, каждый дипломат, каждый сотрудник технических служб работали с огромным подъемом. Во всех нас жила большая надежда, вера в то, что мир идет к чему-то новому и страна наша — во главе этого движения. Работа спорилась, и все положенное нам было выполнено превосходно. На заседании коллегии МИДа, где разбирались итоги визита, было заявлено: «Теперь у нас появился эталон проведения такого рода больших визитов». Многочисленная группа работников, имевших отношение к проведению визита и в Москве, и в посольстве, была награждена орденами. Наградили и меня.

Когда спустя несколько месяцев я оказался в Москве, мне был задан вопрос, смогу ли я через пару дней прийти в Президиум Верховного Совета СССР для получения награды. При этом было названо и точное время. Я ответил, что, разумеется, буду. Такое оповещение было обычной практикой. Несколько необычным стало то, что на следующий день звонок ко мне с тем же вопросом повторился. Я снова сказал, что буду, но не преминул заметить, что ведь все было условлено еще накануне. На это мне пояснили, что уточняют по прямому указанию А.А. Громыко, который в то время был Председателем Президиума Верховного Совета. «Причем тут ссылка на такое высокое лицо? — мелькнуло у меня в голове. — Обычно оргдела улаживают помощники».

Все прояснилось на следующий день. Оказавшись в приемной в Кремле, я нашел там полный состав ответственных работников аппарата Президиума Верховного Совета: его секретаря, заведующих отделами и т.д., но не увидел никого, кому собирались вручать ордена. Вместе с тем награжденных обычно собирали в группы по несколько человек. На мой недоуменный вопрос по этому поводу последовал ответ: сегодня орден будет вручаться только вам одному.

В назначенное время двери, ведущие в зал, открылись. Это был хорошо знакомый мне Зал вручения верительных грамот послами иностранных государств. С противоположного конца зала в него вошел А.А. Громыко, и мы с ним сошлись, двигаясь навстречу друг другу, в самом центре, как сходятся при церемонии вручения верительных грамот тот, кто выступал в Советском Союзе в роли главы государства, т.е. председатель Президиума Верховного Совета, и иностранный посол. Сошлись, поздоровались и стали друг против друга на том хорошо известном нам обоим расстоянии, которое должно оставаться при церемонии вручения верительных грамот.

Мне приходилось не раз до этого получать награды в Кремле, но всегда это было в другом месте, все было не так, как на этот раз, и я ориентировался по обстановке, не очень представляя, что будет дальше. Неожиданно А.А. Громыко начал произносить длинную речь. Он сказал добрые слова о том, что я много лет занимался Францией и другими международными делами. Затем выделил главное. А это главное состояло в том, что, по его оцен-

ке, особой страницей в моей профессиональной биографии была работа в Испании. На эту тему он говорил долго и подробно, подчеркивал, что в Мадрид я приехал в самом начале отношений с этой страной и их перспективы были не ясны, а уехал оттуда, когда советско-испанские отношения достигли высокой степени развития. Громыко сказал и о работе в Соединенных Штатах со всем уважением к моей миссии в Вашингтоне, но вновь возвратился к испанской странице. «Именно работа в Испании, — заявил он, — открыла вам путь к другим дипломатическим поручениям, в том числе и за океаном». В общем, Испания, Испания и Испания. Она была стержнем всего сказанного Громыко.

После вручения ордена Громыко пригласил меня на беседу, которая тоже была отмечена печатью личного внимания, подарил книгу своих воспоминаний.

Я немало лет проработал в достаточно близком контакте с А.А. Громыко, но этот контакт всегда оставался деловым: я никогда не входил в число приближенных к нему людей, да и не стремился к этому с учетом разницы и в возрасте, и в положении. В работе с ним у меня бывали всякие ситуации, в том числе и такие, когда приходилось с большой настойчивостью отстаивать свою точку зрения. Быть может, работая послом в Испании, такое случалось делать чаще, чем при других обстоятельствах, но все это были обычные будни. Я видел, что к моей работе А.А. Громыко вроде бы относился одобрительно. Но эта специально устроенная церемония не могла не произвести большого впечатления. Ее мог продумать и так организовать только он лично.

* * *

А.А. Громыко был человеком широких и разнообразных интересов. Они простирались от увлечения охотой до живописи. Он был ученым, хорошо знал нашу литературу и особенно историю.

Ему бросали упрек в том, что он мало улыбался. Действительно, ему было свойственно строгое выражение лица. Оно практически не менялось ни при каких обстоятельствах его публичной деятельности. Быть может, он полагал, что невозмутимый вид создавал наилучший фон для дипломата и государственного деятеля, поскольку требовал от окружающих судить о политике его государства не по тому, что могло читаться по его лицу, а по тому, что он говорит.

Однако за таким обликом, более предназначенным для внешнего потребления, был человек широкой гаммы чувств. Он был требовательным, но и внимательным к людям. Умел оценить и качество кулинарного искусства и достоинства хорошего вина. Он ценил шутку и был находчив в состязании в остроумии. Один из его помощников Ю.М. Соколов, побывавший в дальнейшем послом в Новой Зеландии, рассказал в своих воспоминаниях о задокументированном обмене остротами между А.А. Громыко и Г. Киссиндже-

ром. Последний, рассматривая красивые люстры в Кремле, спросил, правда ли, что их повесил еще Иван Грозный. А.А. Громыко ответил ему в тон, что Иван Грозный установил только кондиционеры*.

Таким образом, и в этом виде состязания с крупнейшим западным дипломатом современности верх взял Андрей Андреевич.

Когда в 1986 г. А.А. Громыко покидал Министерство иностранных дел, внешняя политика нашей страны находилась на подъеме. Он оставил своему преемнику одну из самых лучших дипломатических служб мира, укомплектованную высокопрофессиональными кадрами.

* См.: Вспоминают выпускники 1956 г. М., 2006. С. 241.

Зайцев А.С.

Четыре года на громыкинских коврах

Ни в коем случае не замахиваясь на большие обобщения и, тем более, оценки — предоставлю это ныне здравствующим коллегам по дипломатическому цеху, работавшим «при Громыко» в более высоком качестве, — хочу описать сохранившиеся в памяти эпизоды 30-летней давности, когда мне посчастливилось работать под непосредственным руководством этой выдающейся личности, непревзойденного мастера дипломатического искусства и талантливого ученого.

Надеюсь, они добавят несколько живых штрихов к его портрету, незаслуженно «засушенному» в ряде появившихся у нас и за рубежом публикаций.

Боевое крещение

Мое назначение в секретариат министра иностранных дел СССР в начале июля 1979 г. пришлось накануне 70-летнего юбилея А.А. Громыко, в зените его популярности и влияния как одного из троих членов Политбюро ЦК КПСС, которым в тот период принадлежало решающее слово в определении внутри- и внешнеполитического курса великой страны, обладающей общепризнанным статусом сверхдержавы.

Прежде чем приступить к исполнению новых обязанностей, предстояло (так было заведено) за короткое время постичь изнутри специфику функционирования секретариата, пройти все ступени, начиная с помощника — ночного дежурного. Не забуду тех нескольких беспокойных ночей, проведенных в одиночестве посреди опустевшей и закрытой на все запоры анфилады комнат секретариата у раскрытой двери министерского кабинета (чтобы лучше

Зайцев Анатолий Сафронович — кандидат экономических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

были слышны сигналы телефонов прямой связи, установленных только там*) в постоянной готовности моментально отозваться на любые, часто самые неожиданные звонки, исходящие от внушительной батареи аппаратов правительственной спецсвязи у стола старшего помощника. Реагируя на них, моментально решить, что следует предпринять, оказалось поначалу совсем не просто. Так, в ответ на экстренные сообщения наших послов, предназначенные министру, необходимо было, не мешкая, сообразить: рискнуть разбудить министра? в столь поздний час обратиться за советом к первому заму, который нередко выручал нас в подобных ситуациях или дождаться начала утренней смены и приезда министра?

Занявшись вскоре прямыми помощническими обязанностями, я начинал работу в свою смену рано, отбирая поступившие к утру из посольств телеграммы, которые в издавна заведенном порядке складывались, начиная с депеш из Вашингтона, в папку и ложились на стол министра к его приезду.

Однако моя «аккредитация» в секретариате состоялась после выполнения первого ответственного поручения — подготовить к возвращению министра из отпуска проект его ответной речи на предстоящей церемонии вручении ему Звезды Героя Социалистического Труда.

Я изрядно волновался в ожидании высокого вердикта и, признаюсь, был немало польщен, когда старший помощник, удостоив меня одобрительным взглядом, принес от министра утвержденный им текст. (Эти страницы, напечатанные на желтом верже на специальной пишущей машинке с увеличенным шрифтом и с правкой министерской рукой неизменным тупым синим карандашом и знаменитым «А.Г.» на полях, что означало согласен или одобряю, храню до сих пор в память о работе в секретариате.)

Однако до признания министром предстояло пройти еще немало тестов. Настоящим испытанием были первые вызовы к министру, от которого зачастую следовали самые неожиданные вопросы, предугадать которые удавалось редко. Ответ требовался немедленный и точный. Непростительным просчетом, как наставляли меня более опытные коллеги, было сымпровизировать. На первых порах могла выручить только спасительная формула, которая единственно принималась министром, но злоупотреблять ею было рискованно: «Не знаю, Андрей Андреевич, сейчас выясню и доложу».

В подобной ситуации приходилось нередко оказываться во время дежурств в выходные и праздничные дни. Заученная формула ответа на звонок министра давала только временную передышку, на пять-десять минут максимум. Едва успеваешь подумать, где или у кого можно уточнить или узнать, как вновь раздавался звонок: «Ну как, выяснили?».

---

* Из многочисленных аппаратов выделялся один особый с большим гербом, характерный перезвон которого надлежало запомнить с первого дня и отзываться на него незамедлительно, — телефон прямой связи с Генеральным секретарем. Помню первый такой звонок поздним вечером в мое дежурство. Преодолев стремглав длинный министерский кабинет, схватил, запыхавшись, трубку на его рабочем столе: «Андрюша?» — протяжно и устало произнес знакомый голос. «Леонид Ильич, — бодро отрапортовал я, — Андрей Андреевич уехал на дачу». Реакции не последовало.

После череды удачных «попаданий», наконец, пришло признание. «Зайцеу» (окончание выдавало легкий белорусский акцент), — впервые и как-то по-отечески тепло обратился ко мне по фамилии, давая очередное поручение, министр. «Признал!» — дружно заключили коллеги.

Школа Громыко

Годы работы в секретариате и еще более двух лет «при Громыко» в должности заведующего отделом МИДа были для меня настоящей школой дипломатического мастерства.

Ценность приобретенного опыта я по-настоящему осознал позднее, уже будучи послом СССР и России и возглавляя различные департаменты МИДа. Он не раз служил мне ориентиром в поисках выхода из непростых ситуаций, когда получал разнобойные указания из Москвы в начале 90-х, организовывал в Браззавиле эвакуации семей и сотрудников наших посольств из обоих Конго в разгар вооруженного противостояния политических группировок и когда был послом в северной натовской стране в период ракетно-бомбовых ударов альянса по Белграду.

Тех, кому довелось близко работать с Андреем Андреевичем, поражала его высокая работоспособность, которую он сохранил до последних дней. Во многом это было результатом его самодисциплины и отсутствия вредных привычек: он не курил сам и не терпел соседства курящих собеседников, не делая исключения для иностранных, категорически не приемлел алкоголь. За четыре года не помню случая его отсутствия на работе по болезни. Всегда подтянутый, министр поддерживал хорошую форму тренажерами и пешими прогулками. В любую погоду, вернувшись с работы на служебную дачу, где проживал круглый год, упорно вышагивал привычные километры по асфальтовой дорожке вокруг дома в сопровождении неотступно следующего за ним на небольшом отдалении одного из офицеров охраны (мы называли их «прикрепленными»). Отвлекать его от этого занятия звонками без особой необходимости мы воздерживались.

Другим увлечением министра была охота. В разгар сезона по пятницам ему, как и другим членам Политбюро, в первую очередь Л.И. Брежневу, признанному заядлому охотнику, рассылалась специально подготовленная Госкомитетом по гидрометеорологии метеосводка с подробным прогнозом погоды на выходные в Московской и прилегающих областях. Утром к приезду министра ее всегда клали на видное место рядом с самыми важными документами. По ней строились планы на выходные дни, сговаривались поехать вместе на охоту, чаще всего в Завидово, в том числе с приглашением иностранных гостей.

Несмотря на все старания составителей прогнозов, время от времени (по справедливому и в наши дни наблюдению: «прогнозы всегда совпадают, не совпадают только дни») случались досадные проколы. Нетрудно себе представить, что творилось в душе руководителей тогдашней Гидрометео-

службы от одной только мысли, что на них могут возложить ответственность за сорванные планы и испорченный отдых высокого начальства. Однако выезды на охоту случались нечасто.

Отличаясь завидной пунктуальностью, министр всегда приезжал утром на работу и уезжал на дачу, если не случалось ничего чрезвычайного, неизменно в одно то же время. В отличие от своего «преемника» на посту министра иностранных дел, он не позволял себе ежедневно тратить часы на послеобеденный сон, не засиживался, когда того не требовала обстановка, до позднего вечера в кабинете. В полную противоположность последнему рабочий день Андрея Андреевича выстраивался по жесткому графику и проходил в очень плотном режиме с коротким отвлечением на обед в столовой позади кабинета и иногда небольшими паузами для физических упражнений.

В работе министра с документами практически не было перерывов на выходные и праздничные дни. Вызывая, обычно в воскресенье, на дачу дежурного помощника, он передавал, сопровождая устными указаниями, подписанные или правленые записки и другие материалы, принимая взамен солидную порцию новых. При этом, несмотря на чрезвычайную загруженность, всегда использовал высвободившиеся часы для чтения, успевая следить за новинками.

Приезжая по звонку на дачу, обычно заставал министра на втором этаже в небольшом холле перед спальней за стоящим в углу большим круглым столом с разложенными на нем высокими стопками книг с многочисленными закладками, свежих газет и журналов.

В свободные минуты, отдыхая в рабочем кабинете на Смоленской, он пользовался книгами собранной по его личным заявкам библиотеки, регулярно пополняемой в основном из фондов Центральной научной библиотеки МИДа и по межбиблиотечному обмену. Заглядывая во время дежурств в выходные дни в книжные шкафы в кабинете министра, всякий раз поражался широте и разнообразию его интересов. Особое пристрастие министр питал к трудам по истории государства Российского, постоянно держал в кабинете полное собрание трудов Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, энциклопедии дореволюционных и современных изданий, любимые им произведения русской и зарубежной классики, обширную мемуарную литературу на русском и английском языках.

Заметное место в библиотеке занимали работы известных российских и зарубежных экономистов. За новинками в этой области министр постоянно следил как ученый, работая над монографией «Внешняя экспансия капитала: история и современность». За этот изданный в 1982 г. труд Андрей Андреевич был удостоен Государственной премии СССР.

Как дорогую реликвию храню в семейном архиве экземпляр этой книги с надписью неизменным синим карандашом: «На добрую память Анатолию Сафроновичу Зайцеву. С глубоким уважением, А. Громыко. 24.XII.85 г.».

К подготовке служебных документов, будь то проекты записок по крупным вопросам, представляемых на рассмотрение высоких инстанций,

или предназначенные для внутренней рассылки записи бесед, министр подходил всегда одинаково тщательно. Его беседы, записанные переводчиками или надиктованные им по окончании переговоров, отличались отточенностью слога и четкостью формулировок. Поэтому подготовка их к рассылке в секретариате зачастую сводилась к механической считке отпечатанного.

Особенно требовательно министр подходил к подготовке своего ежегодного выступления на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Работа над ним начиналась за несколько месяцев с задиктовки им первого варианта накануне своего ухода в отпуск, последующей многократной правки направленных ему на крымскую дачу в Мухалатке подработанных спичрайтерами текстов и продолжалась практически без перерыва по возвращении в Москву, не прерывалась в самолете по пути в Нью-Йорк вплоть до самого выхода на трибуну. Ночь накануне выступления, когда от министра поступали последние поправки или дополнения, была для всех нас, в первую очередь переводчиков и сотрудниц машбюро постпредства, в здании которого неизменно останавливалась наша делегация, подлинным испытанием. Сопровождаемая бесконечным кофе и сигаретами, эта почетная работа завершалась под утро всеобщим радостным возбуждением от ощущения сопричастности к большой политике.

Предпочтение, которое отдавал министр информации из наших посольств в столицах ключевых стран Запада, и то, что он не часто включал в планы своих зарубежных поездок посещение стран Азии и Африки (Египет и Япония скорее исключение), вовсе не свидетельствовали, вопреки высказываемым в его адрес упрекам, об «одновекторной» направленности нашей внешней политики.

Участвуя как заведующий Отделом Юго-Восточной Азии МИДа в переговорах А.А. Громыко с министрами иностранных дел Вьетнама, Индонезии и других стран, каждый раз поражался доскональным владением министром региональной проблематикой (одна из острых в тот период — кампучийская). Вызывала восхищение виртуозность, с которой он, в тонкостях зная нюансы позиции собеседников, с учетом их национальных особенностей умел находить для каждого самые убедительные аргументы и доводы.

Поражало и умение министра в своих выступлениях и интервью у нас в стране и за рубежом в ясной и доходчивой форме донести до широкой аудитории позицию Советского Союза по самым сложным международным проблемам, к примеру разоруженческим. В наших глазах он, бесспорно, был тогда одним из немногих, если не единственным, публичным политиком высокого ранга, способным выступать без бумажки.

К подчиненным, включая сотрудников секретариата, с которыми министру приходилось чаще всего общаться, он относился одинаково требовательно, вне зависимости от ранга. Его, по первому восприятию, некоторая суховатость тона и строгая сдержанность в рабочих контактах с малознакомыми сотрудниками вне круга его повседневного общения немало разнились со стилем общения с теми, кого он мог ежедневно видеть в работе и ценил

за деловые качества. Именно последним по большей части доставались, но всегда по делу и без присутствия третьих лиц, нелицеприятные критические замечания министра вплоть до строгих выволочек. Не взирая на лица, будь то его первый заместитель или член коллегии, проштрафившийся и вызванный «на ковер» за увлечение горячительным, или рядовой сотрудник секретариата. Однако «оргвыводами» устные воспитательные внушения отходчивого министра заканчивались крайне редко, хотя помнились еще долго.

При этом высокая требовательность министра всегда соседствовала с его чутким и внимательным отношением к подчиненным, их проблемам и нуждам. Вспоминается такой характерный штрих. Однажды в мое дежурство в воскресенье вечером (дело было в 1982 г.), вызванный на дачу, застал Андрея Андреевича за визированием только что состоявшегося решения инстанции (министр сам его инициировал и активно продвигал) о назначении своими заместителями двоих членов коллегии — заведующих важными отделами МИДа, которых высоко ценил за профессионализм и компетентность. «Передайте срочно в приказ. Вернетесь в секретариат, попросите их позвонить мне, хочу поздравить», — поручил министр.

Нам, молодым и не очень, сотрудникам секретариата нравился стиль одежды министра, которому мы старались по мере возможности подражать, несмотря на разницу в возрасте. Его строгие деловые костюмные тройки (неизменные при любой погоде), тщательно и со вкусом подобранные неброских расцветок модные галстуки, всегда начищенные до блеска черные туфли надолго оставались в нашем представлении неотъемлемыми атрибутами образцового стиля дипломата, отличительными признаками его принадлежности к престижному ведомству. Входя в кабинет, министр аккуратно вешал пиджак на напольную вешалку слева от рабочего стола, оставаясь в жилете, который в глазах входящих в кабинет посетителей придавал ему особую подтянутость и официальность.

«Пьяная дипломатия нам не нужна»

Развернутая в стране кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом после опубликования в мае 1985 г. знаменитого постановления ЦК КПСС и принятия соответствующего закона не могла не затронуть протокольную работу центрального аппарата МИДа и его загранучреждений, внеся ограничения в привычный уклад, прочно устоявшийся, наверное, еще с времен создания Посольского приказа и открытия первых русских постоянных дипломатических миссий.

Зачинателем новых порядков в МИДе стал сам министр, устроивший 26 июня 1985 г. в Доме приемов на ул. А. Косыгина прием по случаю 40-летия подписания Устава ООН. (Этот основополагающий документ, как известно, был подписан им самим от имени СССР в бытность послом в США.)

Запомнилось выражение неподдельного удивления на лицах приглашенных гостей, взору которых предстали обильно уставленные съестным столы

при полном отсутствии, вопреки обыкновению, горячительных напитков, что напоминало типичный дипломатический раут в посольстве мусульманской страны.

Вскоре этой злободневной теме было посвящено заседание коллегии, на которое я был приглашен вместе с коллегами — заведующими отделами МИДа. Проводил коллегию сам министр.

Сообщение главного кадровика, перечислившего последние случаи досрочного откомандирования сотрудников диппредставительств за проступки на почве тесной «дружбы» с алкоголем, породило оживленную дискуссию. Некоторые наиболее смелые ее участники, зная об отношении министра к распространенному в дипломатической среде увлечению, тем не менее высказывали осторожный скептицизм насчет перспективы «адаптации» без ущерба для дела вытекающего из недавно принятого антиалкогольного закона табу на давно апробированные на практике профессиональные приемы*.

При этом выступавшие, ссылаясь на местную специфику в большинстве стран пребывания, предрекали «снижение интереса у иностранных гостей к участию в устраиваемых советскими посольствами протокольных мероприятиях», «падение информационной отдачи» от проводимых бесед и т.п.

Итоги дискуссии подвел министр, заключив свое выступление непререкаемой сентенцией, которая прочно засела в памяти: «Пьяная дипломатия нам не нужна!».

Этому правилу министр, убежденный трезвенник, никогда не изменял. Не могу сказать, что всем нам удавалось строго следовать его примеру. Но в рабочее время и во время дежурств в выходные и праздничные дни для сотрудника секретариата — это было во все времена, и до, и после появления антиалкогольного закона, — абсолютное табу. Предстать перед министром в его кабинете или на даче даже с легким «душком» для нас, помощников, было равносильно полной потере лица в глазах министра или означало распрощаться с секретариатом.

Для атмосферы того времени, царящей в близком окружении министра, характерен, на мой взгляд, запомнившийся эпизод на переговорах А.А. Громыко с министром иностранных дел Ирландии в сентябре 1981 г. в аэропорту Шеннон во время остановки для дозаправки по пути в Нью-Йорк на очередную сессию Генассамблеи ООН.

К концу рабочего завтрака всем был предложен ирландский кофе. Занятый беседой, министр не заметил, как перед ним оказался бокал с кофе. Пригубив или сделав глоток, он, глядя на сопровождающих, многозначительно произнес: «Теперь мне понятно, почему этот кофе называется ирландским!». Эта фраза, в отличие от хозяев, одобрительно воспринявших ее как шутку, нам,

* И действительно, сухой закон в системе МИДа продержался недолго: уже к середине следующего года, шаг за шагом — не без изобретательности в центре и на местах (первыми «блокаду», насколько помню, прорвали наши посольства в Вашингтоне и в нескольких крупных западноевропейских странах) — все окончательно вернулось на круги своя.

хорошо знающим категорическое неприятие министром алкоголя, показалась не предвещающей ничего хорошего. «Что этим хотел сказать министр?, «Неужели он не знал, из чего приготовляется такой кофе?», «Если не знал или отвлекся, когда предложили десерт, то почему его не предупредили?».

С такими мыслями мы встали из-за стола и поспешили за министром в сопровождении его ирландского коллеги к выходу на посадку. Тревожные предчувствия усилила реплика шедшего рядом В. Суходрева, который как переводчик сидел на переговорах ближе всех к министру. Глядя на легкий румянец на щеках идущего впереди министра, он на ходу наклонился ко мне и сказал на ухо: «Смотри, не проговорись министру, что в кофе был виски». Однако, к нашему всеобщему облегчению, министр к этому эпизоду больше не возвращался. Пронесло…

Прощание с А.А. Громыко

Печальное известие застало меня за предотъездными сборами в дальнюю командировку. Оставшиеся до похорон дни провел дома, перебирая в памяти эпизоды моей прежней работы «при Громыко», у телефона и телевизора, за просмотром газет в надежде узнать подробности случившегося. Нарочитая лапидарность стиля обнаруженных мною в СМИ редких сообщений о кончине А.А. Громыко, как и выбор решением «наверху» места для гражданской панихиды с похоронами в тот же день, усиливали ощущение очевидной их несоразмерности выдающимся заслугам личности такого масштаба. Впрочем, рассудил я, это вполне укладывалось в логику поступков тогдашнего руководства в отношении Андрея Андреевича в последние годы его жизни после ухода из МИДа.

На следующее утро, 5 июля 1989 г., подходя ко времени начала гражданской панихиды к Дому Советской армии, увидел множество людей, вереница которых, огибая ограду прилегающего к зданию парка, тянулась далеко — до Олимпийского комплекса. Бросалось в глаза преобладание среди пришедших проститься просто одетых граждан отнюдь не чиновнического вида и военных. На их фоне была особенно заметна, в чем я убедился проходя в конец очереди, крайняя малочисленность сотрудников МИДа, что явно отражало новые порядки и атмосферу, царящие в нашем дипломатическом ведомстве с приходом нового министра.

Уже войдя в здание и поднявшись по лестнице у входа в зал, где был установлен гроб с телом А.А. Громыко, поймал на себе колючий взгляд главного кадровика — заместителя министра иностранных дел, всем своим видом выказывающим неодобрение приходом мидовцев, видимо, сверх установленного лимита. В глубине затемненного зала были едва различимы силуэты тогдашнего министра иностранных дел и нескольких замов, в основном тех, кто работал с Андреем Андреевичем.

Возвращались домой вместе с коллегой по секретариату. На троллейбусной остановке встретили опирающегося на палочку сильно постаревшего

бывшего старшего помощника министра, за свой крутой нрав прозванного в МИДе «Василием Грозным». Говорить ничего не хотелось. Расстались, молча кивнув, выходя на своих остановках.

По пути к дому меня не покидало ощущение невосполнимости утраты. С уходом патриарха отечественной дипломатии закончилась самая славная веха в ее истории.

Вместо постскриптума

Поставив последнюю точку клавишей моего верного старенького ноутбука, зашел (дело было в августе 2008 г.) в ЦНБ и вместе с сотрудником библиотеки просмотрел каталоги книг и журналов ее насчитывающих миллионы единиц хранения фондов в поисках изданного у нас в стране о А.А. Громыко за последние 19 лет после его ухода из жизни. Обнаружили всего две книги, выпущенные десять лет тому назад (2-е дополненное издание двухтомника «Памятное» А.А. Громыко и воспоминания Ан.А. Громыко «Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля»), один сборник материалов проведенной в 1999 г. в МГИМО юбилейной конференции и три журнальных статьи, последняя из которых была опубликована шесть лет назад в «Дипломатическом вестнике» и приурочена к 200-летию МИДа России.

Не оставляет мысль, что небрежение нашим богатейшим наследием может иметь необратимые последствия, если не взяться общими усилиями, не откладывая далее, за его системное изучение и всестороннее осмысление.

Иванов И.С.

Знаковый политик XX века

Минувший век стремительно отдаляется от современности. История неумолимо расставляет все по своим местам, объективно воздавая должное как важнейшим событиям недавнего прошлого, так и их ключевым фигурам. К числу последних, несомненно, относится Андрей Андреевич Громыко, видный государственный деятель, выдающийся советский дипломат, бессменно возглавлявший на протяжении 28 лет внешнеполитическое ведомство нашей страны.

Мне посчастливилось в течение ряда лет, отмеченных поистине историческими сдвигами в преддверии окончания холодной войны, работать под руководством Андрея Андреевича. Это была очень требовательная, взыскательная школа, значение которой переоценить невозможно.

Об Андрее Андреевиче много сказано и написано. Причем суждения эти далеко не однозначны. Это вполне естественно — таков был XX в. с его революциями и войнами, глобальными трансформациями и социальными потрясениями. Сам А.А. Громыко писал об этом так: «Люди живут во времени. Великие исторические события происходят тоже во времени. Отделить одних от других невозможно». Убежден, что время расставит все по своим местам, позволит объективно оценить главное в личности Андрея Андреевича.

Ясно одно: А.А. Громыко оставил яркий след в истории нашего государства и международных отношений и, конечно же, не был «средоточием всех зол» эпохи биполярного мира, как изображали его некоторые западные политики и политологи. Нет, это был профессионал высочайшего класса, восприимчивый к действительно новому и конструктивному, делавший максимум возможного в тех исторических условиях для продвижения разрядки международной напряженности и политики здравого смысла в мировых делах. Не был он и «человеком в футляре». Напротив, за внешней суровостью скрывалась одаренная и отзывчивая натура, уникальная уважительность к мнению своих коллег, и отечественных, и зарубежных. Другими словами, в А.А. Громыко органично сочетались высочайшие качества Маэстро и человека.

Иванов Игорь Сергеевич — министр иностранных дел Российской Федерации в 1998–2004 гг.

Весьма точную характеристику дал ему многолетний оппонент и партнер Генри Киссинджер: «Немного министров иностранных дел заслуживают столь высокой дани уважения. Андрей Громыко был достойным человеком, который держал свое слово и четко придерживался выработанных договоренностей. Несомненно, он был одним из наиболее способных дипломатов, с которыми мне приходилось иметь дело».

Дипломатическая судьба А.А. Громыко распорядилась так, что он всегда находился в центре мировой политики. На посту посла в Вашингтоне он оказался напрямую причастен к событиям, определившим дальнейший ход мировой истории. Как член советской делегации на конференциях в Ялте, Потсдаме, Думбартон-Оксе и Сан-Франциско он принимал непосредственное участие в создании того миропорядка, который сложился после Второй мировой войны.

Тогда, в 1945 г., пройдя через ужасы войны, унесшей десятки миллионов жизней, человечество оказалось перед сложнейшей альтернативой: либо непримиримая конфронтация вплоть до полного уничтожения цивилизации, либо поиск системы, которая не позволяла бы переступить роковую черту. Заслуга А.А. Громыко и других отцов-основателей Организации Объединенных Наций в том, что они создали такую систему и подвели под нее прочную международно-правовую базу — Устав ООН.

Можно долго спорить, сколь эффективно противостояла ООН тем угрозам и вызовам, с которыми столкнулось международное сообщество во второй половине XX в. В конце концов, любая международная организация зависит от воли ее государств-членов. Но принципиально важно другое: ООН изначально была развернута в будущее. Сегодня это объективный факт. В условиях глобализации мировых процессов и постепенного формирования многополюсного мироустройства трудно найти организацию, которая полнее отвечала бы требованиям времени. Это, кстати, вполне отчетливо осознают те, кто хотел бы навязать одномерную модель миропорядка. Отсюда стремление оттеснить ООН от решения кардинальных проблем современности.

Поэтому выбор нашей страны в пользу ООН — стратегический. Только ООН обладает должной правовой базой и общепризнанной легитимностью, позволяющими ей выступать на мировой арене выразителем интересов всех государств и народов. Россия добивалась и будет добиваться впредь укрепления этой всемирной организации и ее Совета Безопасности. Именно этот орган несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности.

Большая заслуга авторов Устава ООН, среди них и А.А. Громыко, и в том, что впервые в истории как непреложный был установлен принцип неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях. Вне закона было объявлено разрешение международных споров «немирными» средствами. Фактически совершился перелом в развитии цивилизации: на первое место была поставлена сила права.

Бороться с угрозами международной безопасности следует только на прочном фундаменте международных законов. Причем опираться в этом не на эмоции, а, как это было присуще А.А. Громыко, на трезвый и всесторонний анализ.

Развитие событий в мире убеждает в том, что центральное значение ООН объективно востребовано. Другое дело, что эту уникальную международную организацию следует адаптировать к новым реалиям, реформировать ее механизмы в интересах повышения эффективности ООН.

Заслуженно гордился А.А. Громыко тем, что при его непосредственном участии был разработан и принят целый ряд крупных договоров и соглашений в области ограничения вооружений. Два из них заслуживают особого внимания — Договор о нераспространении ядерного оружия и Договор по ПРО 1972 г. Что касается Договора по ПРО, то сама его суть была уникальна — обеспечение безопасности через взаимный отказ от создания системы защиты. Трудно себе представить большую меру доверия, основанную на здравом смысле.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что в разгар холодной войны СССР и США сумели прийти к пониманию этой истины, а вот после ее окончания Вашингтон в 2002 г. в одностороннем порядке вышел из Договора. Более того, США стали наращивать усилия по созданию собственной системы ПРО, причем с размещением ее элементов в непосредственной близости от наших границ. Эти шаги конечно же имели и будут иметь самые негативные последствия для международной стабильности и безопасности.

Поэтому Россия настойчиво предлагает сесть за стол переговоров и выработать новые российско-американские юридически обязывающие соглашения по стратегическим вооружениям. Это стало бы не только поворотным событием в двусторонних отношениях, но и содействовало бы усилиям в области укрепления нераспространения ядерного и других видов оружия массового уничтожения.

А.А. Громыко часто обвиняли в «американском уклоне»: дескать, слишком много внимания уделял он США. Но было тому и понятное объяснение. В своих воспоминаниях он писал об этом так: «Вся история советско-американских отношений убедительно показывает, что, когда СССР и США идут курсом взаимопонимания и сотрудничества, выигрывают их народы, интересы международной безопасности».

Эта констатация поныне не утратила своей актуальности. Российско-американские отношения остаются важным фактором стабильности и безопасности в мире. Трудно назвать какую-либо острую международную проблему, решение которой было бы возможно без участия Москвы и Вашингтона.

Окончание холодной войны, казалось, должно было открыть новые благоприятные возможности для наращивания российско-американского сотрудничества. Этого пока не произошло. Формально Россия и США перестали быть противниками, о чем неоднократно заявлялось на самом высоком уров-

не. Однако партнерами наши страны так и не стали. Отсутствие юридически оформленных принципов взаимоотношений, совместно выработанных обязательств друг перед другом, прежде всего в области безопасности, ведет к тому, что возникающие разногласия по отдельным международным проблемам грозят перерасти в новую конфронтацию.

Тем не менее хотелось бы надеяться, что накопленный запас прочности в наших двусторонних отношениях позволит преодолеть эти конъюнктурные колебания.

Оглядываясь назад, видишь, сколь кардинально изменилась за послевоенные годы Европа. Пройден тернистый путь от жесткой конфронтации и гонки вооружений к сотрудничеству и интеграции. Андрей Андреевич являлся одним из инициаторов общеевропейского процесса. Трудно переоценить значение подписанного в августе 1975 г. в Хельсинки Заключительного акта для Европы и мира в целом. Через 30 лет после окончания Второй мировой войны государства, расколотые холодной войной на две блоковые системы, зафиксировали принципы нерушимости границ в Европе, уважения независимости и суверенитета, территориальной целостности государств, отказа от применения силы или угрозы ее применения, невмешательства во внутренние дела друг друга. Были намечены основные направления сотрудничества в экономической, научно-технической, культурной сферах, а также комплекс мер, способных укрепить доверие между народами, понизить уровень военного противостояния на континенте. Тем самым были созданы предпосылки для укрепления стабильности и безопасности в Европе, на всем евроатлантическом пространстве.

И в дальнейшем развитие отношений с европейскими государствами и их региональными структурами оставалось приоритетным направлением внешней политики нашей страны. Мы исходили и исходим из того, что только за счет встречного движения, через сложение потенциалов всех европейских государств, включая Россию, может быть достигнута цель построения единой Большой Европы без разделительных линий.

Одно из ключевых мест в европейской политике России принадлежит развитию стратегического партнерства с Европейским союзом. Сегодня оно охватывает широкий спектр проблем, включающий вопросы безопасности, взаимодействия на международной арене, масштабного экономического сотрудничества.

Развитие сотрудничества между Россией и Евросоюзом складывается не во всем гладко. Тому есть свои причины, проистекающие из сложности решаемых проблем, а также связанные с борьбой за будущее мироустройство. Вместе с тем Россия и ЕС являются естественными партнерами в поисках совместных ответов на вызовы современности. Новый импульс сотрудничеству должно придать стратегическое соглашение, которое призвано прийти на смену Соглашению о партнерстве и сотрудничестве, вступившему в силу 1 декабря 1997 г. Это соглашение должно будет укрепить правовую основу и юридические обязательства в основных сферах взаимодействия и таким образом

установить всеобъемлющую основу для отношений Россия–ЕС на обозримое будущее.

Россия также готова развивать равноправное сотрудничество с Североатлантическим альянсом.

Когда А.А. Громыко возглавлял дипломатию нашей страны, в Европе доминировали две военно-политические группировки — ОВД и НАТО. Это оказывало непосредственное влияние на общую ситуацию и атмосферу в Европе, загоняло страны континента в узкие рамки блоковой дисциплины. Организации Варшавского Договора уже давно нет. НАТО осталось. И не только осталось, но и методично реализует планы расширения на Восток. Не может не вызывать озабоченности и нацеленность НАТО на глобализацию сферы своей деятельности, на присвоение центральной роли в урегулировании конфликтов за пределами зоны ответственности альянса.

Россия, демонстрируя добрую волю, добивалась, чтобы наши контакты с альянсом стали составным элементом процесса укрепления доверия, стабильности и безопасности в Европе. В мае 1997 г. с НАТО был подписан Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности. На его основе сформирован Совместный постоянный совет для рассмотрения вопросов безопасности, вызывающих общую озабоченность.

Кризис на Балканах в корне изменил ситуацию, нанес тяжелый урон отношениям, установившимся с НАТО. Предпринятая альянсом военная операция против Югославии противоречила духу и букве Основополагающего акта, расходилась с зафиксированным в нем принципом отказа от применения силы или угрозы силой друг против друга или любого другого государства, его суверенитета, территориальной целостности или политической независимости любым образом, противоречащим Уставу ООН.

Еще одна попытка вывести сотрудничество между Россией и Североатлантическим союзом на качественно новый уровень с тем, чтобы оно стало важным элементом будущей архитектуры европейской безопасности, была предпринята в 2002 г. На саммите Россия–НАТО, состоявшемся 28 мая в Риме, был создан принципиально новый механизм взаимодействия «Совет Россия–НАТО», в рамках которого все государства выступают в национальном качестве. Это означает, что участники Совета должны вместе разрабатывать, согласовывать и, что особенно важно, реализовывать решения по вопросам, представляющим взаимный интерес. Такое сотрудничество должно выстраиваться на основе безусловного уважения норм международного права, Устава ООН, а также обязательств по Заключительному акту, Хартии европейской безопасности и других нормообразующих документов ОБСЕ.

К сожалению, вдохнуть реальную жизнь в этот механизм, сделать его проводником совместных усилий в интересах европейской и международной безопасности не удалось. В действиях НАТО продолжают доминировать не интересы партнерства, а унаследованная из эпохи холодной войны логика одностороннего доминирования.

Россия, в свою очередь, твердо исходит из того, что нашим общим интересам отвечает создание такой европейской архитектуры, которая обеспечивала бы равную безопасность для всех государств континента, и была бы свободна от всякого рода разделительных линий. На первый план в общеевропейском строительстве выходит принципиальный вопрос: какую модель безопасности мы хотели бы иметь в Европе в XXI в. Президент России Д.А. Медведев, выступая в Берлине 5 июня 2008 г., пригласил всех вместе подумать над этим вопросом, созвав общеевропейскую конференцию. От ответа на этот вопрос во многом будут зависеть роль и взаимодействие различных европейских структур, включая ОБСЕ, ЕС, НАТО, СНГ, ОДКБ. Россия к такому диалогу открыта.

В годы холодной войны жесткое противостояние проявлялось не только в Европе, но и во многих частях нашей планеты, где полыхали региональные конфликты. Мировое сообщество шло по пути раскручивания гонки вооружений и военно-политической конфронтации, периодически соскальзывавшей на грань балансирования между войной и миром.

Достаточно вспомнить Карибский кризис 1962 г. Именно в эти критические дни проявилось высокое дипломатическое искусство Андрея Андреевича, основанное на сочетании твердого отстаивания государственных интересов и готовности к поиску взаимоприемлемого баланса интересов и необходимых компромиссов.

Заметную роль играл А.А. Громыко и в ближневосточном мирном урегулировании. Несомненно, его личной заслугой явилась реализация первой попытки арабо-израильских переговоров о мире — созыв многосторонней конференции в Женеве под сопредседательством СССР и США. Выработанное им и Генри Киссинджером взаимопонимание советско-американской эгиды, переросшее со временем в форму коспонсорства, стало важным элементом в весьма непростом процессе ближневосточного урегулирования со всеми его достижениями и неудачами.

В актив дипломатии Громыко могут быть по праву отнесены также усилия по разрешению вьетнамского конфликта. Он был среди деятельных участников Международной конференции по Вьетнаму, итогом которой стало окончательное закрепление договоренности о прекращении войны и восстановлении мира, оформленной несколько ранее Парижским соглашением 1973 г.

Объективный историк, вглядывающийся в черты той эпохи, видимо, не пройдет мимо тех неоднозначных, порой трагических решений, которые принимались с участием А.А. Громыко. Среди них — Чехословакия и Афганистан, обострение в отношениях с Китаем и Японией. Все это было. Имели место и другие ошибки. Но кто из нас их не совершал? К тому же во всех этих случаях речь идет не о персональных просчетах одного-единственного лица.

Столетие со дня рождения А.А. Громыко — это повод для размышлений о перспективах современной российской внешней политики. Необходимо

внимательно — критически, но уважительно — присмотреться к накопленному дипломатическому багажу, бережно сохранить то позитивное, что наработано предшествующими поколениями.

Внешняя политика любого государства не начинается с чистого листа с приходом очередного лидера. Она объективно отражает особенности исторического развития страны, ее экономики, культуры, геостратегического положения.

Распростившись с холодной войной, человечество еще только нащупывает иные, соответствующие современным реалиям способы устройства мировых дел. В этих условиях опыт должен быть тщательно и объективно проанализирован. Это необходимо, чтобы перед лицом новых вызовов и опасностей, стоящих перед международным сообществом, вырабатывать оптимальный образ действий. Деятельность А.А. Громыко в этом смысле во многом поучительна и, уверен, еще не раз сослужит добрую службу нынешним и грядущим поколениям российских дипломатов в отстаивании интересов нашей страны на международной арене.

Казимиров В.Н.

Страны Латинской Америки в поле зрения А.А. Громыко

Двадцать восемь лет деятельности Андрея Андреевича Громыко на посту министра иностранных дел СССР (1957–1985) — это более половины срока дипломатической службы сотрудников министерства моего поколения, да и моей (1953–2000). Наше профессиональное становление по окончании МГИМО начиналось в МИД СССР по-разному, у кого как и где (мне лично повезло — под прямым влиянием посла в Венгрии Ю.В. Андропова), но в целом проходило в «общем котле» коллектива министерства под руководством А.А. Громыко. Наряду с прямым руководством основными акциями советской дипломатии на международной арене министр сам присматривался к кадрам, продвигал растущих сотрудников, особенно на должности послов и руководителей подразделений центрального аппарата МИДа.

Конечно, положение на служебной лестнице не могло дать мне частого общения с ним. Но состоявшиеся встречи памятны, особенно беседы наедине, в основном в мою бытность послом в Коста-Рике (1971–1975) и Венесуэле (1975–1980). А.А. Громыко уделял внимание наиболее значимым вопросам отношений и с этими странами, причем не только двусторонним (как и сейчас, Коста-Рика была в те годы среди непостоянных членов Совета Безопасности ООН). Диапазон интересов Андрея Андреевича был так широк, что из него не выпадали и далекий континент, и небольшие государства.

Мои коллеги, ближе знавшие А.А. Громыко, резонно ищут обобщения разных аспектов его деятельности во главе советской дипломатии. Полагаю, что мне уместнее ограничиться рядом эпизодов с участием министра, свидетелем, участником, а то и «виновником» которых довелось быть. Понимаю, что это не более чем штрихи, но, возможно, полезные при анализе его подхода к работе министерства, а главное — к сотрудникам, к людям.

* * *

Казимиров Виктор Николаевич — Чрезвычайный и Полномочный Посол.

Крохотная Коста-Рика первой в Центральной Америке установила в 1944 г. дипломатические отношения с СССР, а в 1970 г. опять же первой нормализовала их и, несмотря на немалое давление извне и подстрекаемое из-за рубежа упорное сопротивление внутри страны, вскоре отважилась на открытие советского посольства, первого в этом субрегионе.

Венесуэла, закрепляя исторический акт 1975 г. — национализацию нефти, своего главного природного богатства, дерзнула в следующем, 1976 г. провести сразу два официальных визита в Советский Союз: сначала министра иностранных дел, а потом президента. Государства Латинской Америки тогда под строгим оком США редко могли позволить себе такое.

Все это имело значение для внешней политики нашей страны, но — будем откровенны — не настолько, чтобы А.А. Громыко при каждом приезде в Москву посла из Сан-Хосе или Каракаса принимал его для беседы, иногда дважды в год. Лишь раз министр из-за срочных дел не смог принять меня. Это было внимание вовсе не к моей персоне, а к судьбам развивающихся стран, к тягучему процессу пробуждения Латинской Америки.

Приглашаю сотрудников министерства припомнить, все ли преемники А.А. Громыко столь регулярно удостаивали приема в Москве наших послов даже из более важных точек, чем Сан-Хосе и Каракас. Не уверен в этом.

* * *

В июне 1967 г. из-за войны на Ближнем Востоке была созвана специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН. В Нью-Йорк вылетел Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин.

К тому времени руководство Кубы не раз приглашало Л.И. Брежнева, чтобы укрепить свои позиции перед лицом недоброго северного колосса. Но советское руководство не спешило с его визитом в Гавану.

За два года до этого в МИД СССР был создан своего рода «мозговой центр» — Управление по планированию внешнеполитических мероприятий. Латинской Америкой занимались в нем посол Н.Б. Алексеев и я (тогда еще первый секретарь, лишь потом советник и старший советник).

Узнав о выезде А.Н. Косыгина в Нью-Йорк, мы сочли, что заезд на Кубу главы Советского правительства, оказавшегося совсем рядом, позволит частично снять озабоченность кубинских друзей, и внесли такое предложение. Оно быстро получило одобрение В.В. Кузнецова, затем министра А.А. Громыко и было принято Политбюро ЦК КПСС.

Однако, как говорят, «инициатива наказуема». Перед перелетом Косыгина в Гавану мне (вместе с О.Т. Дарусенковым, завсектором Кубы в Отделе ЦК КПСС) поручили доставить ему ряд секретных материалов к этому внеплановому визиту, обнадежив, что можем вернуться на его спецсамолете. На случай непредвиденных обстоятельств, как я ни противился, мне навязали пистолет (один на двоих). В Гавану мы летели на огромном ТУ-114 с промежуточной посадкой в Мурманске для дозаправки. На обратном пути в Москву

это породило деликатную ситуацию в самолете нашего премьер-министра, когда один из его охранников обнаружил оружие у мидовца, подсевшего к ним в Гаване.

Но главное — мы получили возможность быть на интереснейшей беседе А.Н. Косыгина с Фиделем Кастро. Она была поучительной не только для нас, но и для высокого собеседника нашего премьера. Холодной рассудочностью Алексей Николаевич обезоруживал своего темпераментного оппонента.

Все это лишь иллюстрация к тому, что А.А. Громыко давал ход и не совсем стандартным предложениям, касающимся высокого уровня, даже если они исходили от рядовых сотрудников аппарата министерства.

* * *

К середине 1971 г. мне не раз предлагали ответственные должности за рубежом: то посла в Боливии, то советника-посланника в Мексике, то в Венгрии, то в Чили. А негласно дали знать также, что взвешивалось и назначение послом в Коста-Рику, где тогда учреждалось наше посольство.

И все же мое первое назначение послом стало довольно случайным. Перебрав за несколько месяцев упомянутые варианты, Управление кадров остановилось на должности советника-посланника в Чили с присвоением мне дипломатического ранга Чрезвычайного и Полномочного Посланника 2-го класса. Новым послом в этой стране после прихода Сальвадора Альенде к власти назначили опытного партработника, и надо было придать ему мидовца.

В один из июньских дней 1971 г. А.А. Громыко уходил в отпуск. В конце дня он принял по кадровым делам своего заместителя А.А. Смирнова. Когда пошла речь о назначении первого посла в Коста-Рику, министр по разным причинам отвел всех трех предложенных ему кандидатов (иногда это не значило, что забраковал, а совсем наоборот: одного из них он выдвинул потом выше — в Мексику). Вопрос по Коста-Рике так и остался открытым.

Затем в связи с моим назначением в Чили А.А. Смирнов представил министру на подпись проект записки о присвоении мне дипранга (записки по присвоению высших дипломатических рангов А.А. Громыко должен был подписывать сам). Однако Андрей Андреевич решил иначе: направить меня послом в Коста-Рику, максимально подняв и ранг — до уровня посла.

Быстро напечатали записку про мою новую должность, А.А. Громыко подписал ее и уехал из министерства. Записку по рангу перепечатать начисто не успели. Остался лишь черновик, подписанный внизу инициалами «АГ». Секретариат министра оказался в нелепом положении: что делать?

Как выяснилось потом, там не придумали ничего иного, как аккуратно соскрести с верже поправки министра, сделанные «синевой» (так прозвали его любимый синий карандаш) и в таком виде отправить в Групком, как величали тогда Отдел ЦК по загранкадрам. Там, естественно, сразу обратили внимание и на светящиеся, прозрачные подчистки в тексте, и на чересчур высокий

ранг при первом посольском назначении (тем более в небольшую страну, хотя и в новом, заведомо трудном для нас субрегионе).

Секретарю парткома МИДа И.М. Ежову поручили «расследование» происшедшего. Он сам и рассказал мне о нем в деталях, но уже потом, когда выяснилось, что я тут ни при чем. А вначале подозрение, конечно, пало на меня или моих друзей (по принципу «кому это выгодно?»). Министр в отпуске, никто и не пытался обращаться к нему в процессе разбирательства. Опросили Управление кадров. Заместитель начальника УК С.П. Дюкарев показал подготовленные обо мне проекты записок: о советнике-посланнике в Чили и о присвоении ранга. Версия о злоупотреблении крепчала.

Все прояснилось лишь когда удалось переговорить со Смирновым. Тот рассказал, что Громыко после рассмотрения кандидатов на посла в Коста-Рике избрал этот вариант. А насчет ранга министр сказал: «Раз уж доверяем ему пост посла, давайте доверим и ранг». И зачеркнул «синевой» последние пять букв в слове «посланника», а также слова «второго класса», проставив внизу свои инициалы. Получилось — «ранг посла».

А.А. Смирнов реабилитировал меня и моих друзей. Впрочем, я и не знал, какой ранг предложен, да выше посланника 2-го класса и не ждал. В тот вечер мне сообщили лишь о должности. На ее фоне ранг и не был столь важен.

Сия история получила развитие в Групкоме. Пока А.А. Громыко не был членом Политбюро, там по-разному воспринимали его предложения, иногда и с резервом. Вполне резонно там сочли завышенным ранг посла при первом назначении на такую должность. К тому же незадолго до этого МИД внес предложение о присвоении новому послу в Колумбии всего лишь ранга посланника 2-го класса. В Групкоме нашли было выход: дать обоим ранг посланника 1-го класса. Но потом рассудили, что тут министр сам предложил высокий ранг, а там не предлагал. В итоге указом от 5 июля 1971 г. дали этот ранг только мне (правда, посол в Колумбии получил потом оба повышения в ранге — мне же ранг посла присвоили через четыре года при переводе в Венесуэлу).

Так рассматривались и иногда решались вопросы расстановки и роста кадров министерства, имевшие для каждого сотрудника и служебное, и личное значение, особенно моральное. Вполне доверяя кадрам, своему заму и двойному тезке Смирнову, Андрей Андреевич Громыко и сам не устранялся от кадровых дел, пристально присматривал за их прохождением.

Однако реально выехать в Коста-Рику мне удалось лишь через полгода — Вашингтон и местная реакция долго пытались сорвать учреждение первого посольства СССР в заповеднике США — Центральной Америке. Осенью 1971 г. в Сан-Хосе против нас была раскручена мощная кампания. Самими крупными уличными демонстрациями в истории этой страны на то время были: 4 ноября — против открытия нашего посольства и 11 ноября — за его создание. По указанию первого замминистра В.В. Кузнецова я выехал туда только когда обстановка там более или менее улеглась — в январе 1972 г.

* * *

В начале 1975 г. мне дали знать о назначении послом в Венесуэлу, что было сродни повышению. А советником-посланником там, вторым по старшинству лицом в нашем посольстве был Борис Александрович Казанцев, на 12 лет старше меня. Когда по окончании ВДШ я проходил лишь азы работы в Латинской Америке, он уже являлся заместителем заведующего Отделом латиноамериканских стран МИДа. В этом смысле сотрудничать нам было бы неудобно — и ему, и мне. К счастью, как раз стал вакантным пост посла в Боливии, и прошло его назначение в Ла-Пас. Переговорив со своим однокурсником Всеволодом Леонидовичем Олеандровым, я предложил нашим кадровикам оформить его в Венесуэлу советником-посланником.

Однако после прощальной поездки в Коста-Рику узнаю, что вопрос о советнике-посланнике решен иначе. А.А. Громыко, с 1974 г. уже член Политбюро, будто бы лично дал согласие секретарю ЦК Б.Н. Пономареву назначить на эту должность одного из ответственных работников Международного отдела ЦК. Но тот тоже лет на 10 лет старше меня, а главное — проработал в ЦК КПСС более 16 лет и как таковой известен и в Латинской Америке, и спецслужбам США. Это могло породить дисбаланс в контактах посольства, излишний крен в сторону левых сил, да и ослабить единоначалие внутри нашего коллектива.

Советуюсь с друзьями, как бы это поправить, но те лишь втолковывают мне, что нечего «рыпаться», раз все согласовано с министром. Обращение к начальнику Управления кадров безрезультатно: он уверен, что сработаемся, проблем не будет. Несмотря на все аргументы, тщетен и поход к Н.М. Пегову, новому заместителю министра по кадрам. Друзья твердят: «Что мы тебе говорили!?». Мое намерение поднять этот вопрос перед министром вызывает у них прямое осуждение.

В беседе с А.А. Громыко все же касаюсь и этого дела. Внимательно и терпеливо министр выслушивает мои доводы. Подчеркиваю, что в Венесуэле как раз произошел раскол среди левых сил, от компартии откололось и стало самостоятельной партией «Движение к социализму». В этих условиях назначение в посольство СССР известного сотрудника аппарата ЦК может быть истолковано как направление «комиссара в кожаной тужурке» для наведения порядка среди левых, как использование ресурсов дипломатической службы в сугубо партийных интересах.

Улавливаю понимание министром моих доводов, и он, не говоря мне ни слова, нажимает одну из кнопок на панели левее письменного стола — Н.М. Пегову. Лишь несколько коротких фраз: «У меня… (такой-то). Насчет кандидата на должность советника-посланника в Венесуэле еще надо подумать». «Хорошо», — отвечает тот. И больше об этом ни слова. Называю министру другую кандидатуру — В. Олеандров. Андрей Андреевич замечает, что «неплохо знает Олеандрова». И опять ни слова больше.

Простившись с А.А. Громыко, в коридоре лицом к лицу сталкиваюсь с начальником Управления кадров, идущим от Пегова. Оказывается, он как раз был у него при звонке министра и поэтому в курсе дела. Видимо, они с Пего-

вым лучше меня понимали его слова «надо подумать». Вместо приветствия он довольно сердито буркнул: «Если вы отвели согласованную кандидатуру, не думайте, что мы дадим вам Олеандрова». И пошел дальше.

Так и было: полгода кадры тянули с оформлением Олеандрова, но осенью он все же приехал в Каракас. Эта история убедила моих друзей, пасовавших перед ссылками на волю министра. Она показала гибкость подходов А.А. Громыко: он был достаточно силен, чтобы не цепляться даже за принятое решение, если находил резон в иных суждениях и доводах.

* * *

Непросто складывалась к концу ноября 1976 г. подготовка к визиту в СССР президента Венесуэлы Карлоса Андреса Переса. В числе первых среди глав государств Латинской Америки он решился посетить нашу страну с официальным визитом. Нашу делегацию (как его партнер) возглавил Н.В. Подгорный, прошли переговоры с ним. Однако венесуэльцы добивались встреч с Л.И. Брежневым и А.Н. Косыгиным, а они как раз в день прилета К.А. Переса в Москву вылетели в Бухарест на заседание Политического консультативного комитета Варшавского договора. Более того, их вылет из Внукова-2 задержал на полчаса посадку самолета Переса, что было воспринято с обидой. Передовая группа венесуэльцев даже отказалась продолжать согласование совместного коммюнике, пока мы не гарантируем эти встречи. А все зависело от ноябрьской погоды. Окажись она нелетной, советские лидеры не успели бы вернуться в Москву до отлета Переса. А как дать гарантии за погоду?

К счастью, все обошлось. Наши руководители вернулись вовремя и в субботу приняли гостя в Кремле: в 10.00 — Косыгин, в 12.00 — Брежнев. Замминистра иностранных дел А.Г. Ковалев и я были на встрече у Косыгина (порадовался вновь его суховато-рациональной, но убедительной манере вести беседы, подмеченной еще на непростой встрече с Ф. Кастро в 1967 г.).

У Брежнева на таких встречах бывал от МИДа только Громыко да переводчик — послов не приглашали. Едва мы с Ковалевым вернулись на Смоленскую, старший помощник министра внезапно передает мне команду — немедленно в Кремль, надо быть на встрече у Брежнева! До 12 часов всего десять минут! Как успеть?! Выручил шофер, уже ждавший меня у центрального подъезда МИДа и фантастически ведший «Волгу», да ГАИ, уже перекрывшая проспект Калинина.

Увидев там огромный хвост машин, я понял, что не успеем. Но это, оказывается, позволило нашему шоферу лететь по пустой встречной полосе. Не ведая, что все это и учинено для нас, я ждал, что гаишники вот-вот нас задержат. Понял происходящее лишь при повороте у кинотеатра «Художественный», где милиционеры отдавали честь явным «нарушителям». За три минуты до встречи уже был в приемной Брежнева. Как выяснилось потом, меня вызвали «для баланса», так как по просьбе Переса допустили на беседу посла Венесуэлы в Москве Регуло Бурелли.

Встреча запомнилась и некоторыми курьезами. Все знают, что Леонид Ильич придерживался подготовленных текстов. Для удобства чтения их печатали необычайно крупными буквами, которые почему-то прозвали «дровами». Казалось бы, несложно оправдать прочтение материала гостям (в Москве, дескать, тщательно готовились к Вашему приезду, Политбюро поручило мне высказать Вам следующее…). И читай себе в открытую! Вместо этого Леонид Ильич оградил текст рукавами, а посредине вертел в пальцах толстый цветной карандаш, по школярски прикрывая «шпаргалку». Все же видно: каждую прочитанную страницу, даже не переворачивая, приходилось сдвигать влево. Скрыть эту уловку от тех, кто сидит через стол, хоть он и широк, практически невозможно. Гостям (их было четверо) оставалось лишь недоумевать… Кроме Брежнева и Переса, остальные по обе стороны стола безмолвствовали.

После ухода гостей задержались с Брежневым минут на десять А.А. Громыко, помощник генсека А.М. Александров-Агентов и я. Помощник вполголоса побуждал меня рассказать Брежневу о Венесуэле. Это было бы понятно до беседы с Пересом, а после — практически излишне, и я не решался. Между тем Громыко хорошо отозвался о после Венесуэлы в Москве и, стоя вполоборота ко мне, как бы предложил поддержать. Положение непростое: посол богат и плюсами, и минусами. Мобилизую весь позитив, отмечаю, в частности, что он переводил на испанский Пушкина, Блока, других наших писателей. Однако мой венесуэльский коллега прослыл также скупкой и негласным вывозом из СССР антиквариата и художественных ценностей.

Совсем негоже перечить министру, тем более при Брежневе. Но крамольно как умолчать, так и сказать об этом. Баланса и истины ради все же добавляю и негатив. «Что-то мне не докладывали об этом», — хмуро заметил Громыко. Амортизируя неловкость ситуации, говорю, будто только что узнал об этом от наших спецслужб (потом выяснилось, что активные контакты Р. Бурелли с диссидентами побудили КГБ аккуратно коллекционировать все его прегрешения, а они были).

К счастью, Брежнев, стоявший рядом, похоже, не очень вслушивался в наш разговор, который и велся вроде бы именно для него. Это было еще года за два до его прострации в связи с ухудшением здоровья.

Когда я поведал об этом деликатном эпизоде своему многоопытному другу послу В.П. Суслову, который много лет был старшим помощником А.А. Громыко, тот однозначно осудил меня: подвел ты министра! Даже пророчил мне неприятность при заходе к нему перед отлетом в Каракас: если не взбучку за что-нибудь, то холодный прием — он даст, мол, тебе почувствовать это.

Через два дня я был у Андрея Андреевича. Он не коснулся той «размолвки», будто ее и не было. А когда я поинтересовался возможными дополнительными указаниями по итогам визита президента Венесуэлы, он даже пошутил: «Какие вам указания? Вы теперь сами — “указание”! Были на всех беседах, все видели и слышали».

При всей требовательности и внешней сухости А.А. Громыко был достаточно снисходителен и терпим, а иногда и добродушен.

* * *

Полтора года спустя этот разговор с Громыко в присутствии Брежнева получил бурное продолжение. Он аукнулся «делом Бурелли», вызвавшим шум в дипкорпусе Москвы и, разумеется, в Венесуэле из-за его смещения и задержки нашей таможней его личного багажа на целых три года.

Летом 1978 г. вдруг получаю в Каракасе малоприятное указание доверительно сообщить министру иностранных дел Венесуэлы С. Консалви, что в Москве озабочены поведением посла Р. Бурелли (телеграмма пришла обычным каналом, но подписана не А.А. Громыко или его замами, а другим членом Политбюро). Запрашивать МИД не совсем корректно, но как быть? Возник и другой вопрос: почему это делают через меня, коллегу Бурелли? Могли бы через Нью-Йорк или иную точку… Но видимо, тогда не избежать огласки — депеша венесуэльского посла в Каракас была бы доступна многим.

Поразмыслив, внес в Москву контрпредложение: изложить все не министру, а самому президенту Пересу — ведь Консалви все равно будет докладывать ему о нашей беседе. И нам лучше избежать зависимости от того, как именно он доложит это довольно эмоциональному Пересу. Кроме того, Консалви — в добрых личных отношениях с Р. Бурелли, а Перес не считал его своим человеком, даже не всем был доволен при визите в Москву (Бурелли был назначен прежде администрацией партии КОПЕЙ, находившейся теперь в оппозиции, но рвавшейся к власти на выборах 1979 г.).

Потом я узнал, что мое предложение вызвало раздражение в Москве, но все же пришло согласие МИДа (на сей раз за подписью первого замминистра). Так удалось одним выстрелом убить двух зайцев.

Встреча с Пересом, которую пришлось организовать один на один и, конечно, минуя МИД Венесуэлы, прошла нормально. Выслушав четыре пункта моего «экспозе» о его после в Москве, президент бросил: «Любого из них достаточно для принятия мной решения». Обоюдно условились никак не допускать огласки нашей встречи и этой информации.

Москва выразила обеспокоенность в связи с поступками Р. Бурелли, но не ставила вопрос об его отзыве — примерно через неделю президент это сделал сам. Возможно, у него были и свои сведения на этот счет. (Как рассказал мне Перес позднее, он дал ему в ноябре 1976 г. согласие захватить на своем самолете из Москвы в Каракас приемного сына посла, не придав значения докладу охраны, что у того немало багажа. И конечно, не ведал, что это лишь ухищрение для обхода московской таможни).

И все-таки вскоре Перес допустил утечку своим друзьям, а те — дальше. Через две недели в журнале «Резумен» появилась сенсационная статья о нашей с ним встрече и отзыве Бурелли из Москвы, причем журналистские версии стали обрастать небылицами.

КОПЕЙ в предвыборной кампании, в частности, ловко обыгрывала этот скандал и в начале 1979 г. победила на президентских выборах. В Каракасе развернулась кампания за мое удаление в виде ответной меры. Тем более что для этого нет нужды уличать меня в каких-то грехах — это, мол, лишь компенсация за будто бы уязвленное национальное достоинство, сведение игры «вничью». Бывший министр иностранных дел Кавальканти, критикуя Переса за отзыв Бурелли, заявил по телевидению: «А русский посол еще топчет тротуары Каракаса».

Новым президентом Венесуэлы стал Луис Эррера Кампинс (прежде сенатор, не раз бывал у нас, иногда вопреки формальностям протокола ужинал наедине с советским послом). Придя к власти, он, несмотря на наши добрые личные отношения, ровно полгода, день в день, не принимал меня с нашими предложениями о развитии двусторонних отношений. На его инаугурации В.В. Кузнецов специально согласовал с ним, что перешлет их ему через советского посла. Видимо, Л. Эррера выполнял решение КОПЕЙ игнорировать меня.

В пику Москве новое правительство назначает Бурелли послом в КНР. Новый министр иностранных дел Венесуэлы подтверждает журналисту, что рассматривается вопрос об объявлении советского посла «персоной нон грата». Изобретают мелкие придирки. Например, вызывают нашего советника в протокол, чтобы передать мне «реприман» за то, что на одной свадьбе я напомнил министру об ожидании аудиенции у нового президента. О прессе и не говорю. Возможно, рассчитывают побудить самого запросить замену.

При проезде через Каракас нашего посла в Перу Л.Ф. Кузьмина сказал ему: «Уже не понять, чего тут больше: политики или спорта? Весь вопрос, у кого крепче нервы». Досаднее всего, что и в нашем посольстве кое-кто ждал выдворения посла, а потом настраивал Москву заменить его. На «ответную меру» Каракас не решился, но примерно на полгода заморозил ситуацию и поддерживал напряженность.

А когда кампания выдохлась, выждав еще полгода, чтобы не дать приписать мой отъезд из Венесуэлы недругам, в 1980 г. дал знак, что теперь можно менять посла. Тем более моему стажу в этой стране уже набегало более пяти лет.

Казалось бы, все это не имело прямого отношения к деятельности А.А. Громыко, но лишь на первый взгляд. В той деликатной ситуации вокруг советского посла в Венесуэле все зависело от подхода «центра». О ней не могли не информировать министра.

При подобных обстоятельствах, естественно, может возникать вопрос, как лучше поступить? Может быть, с учетом обстановки сманеврировать и отозвать посла — он там уже четыре года? Заменить другим или оставить там на какой-то срок лишь временного поверенного в делах? Или принципиально никак не поддаваться нажиму? Вопросы такого рода могут появляться на разных уровнях, но не решаются без доклада руководству министерства и лично министру.

Благодарен руководству МИД СССР и, конечно, Андрею Андреевичу за проявленные тогда хладнокровие и выдержку. Они не пошли на размен наших интересов на мелкие уступки за счет одного из сотрудников министерства. В июле 1980 г. я смог окончательно вернуться из Венесуэлы в рамках обычной ротации кадров, а не из-за неблагоприятной конъюнктуры в стране пребывания, искусственно созданной вокруг моей персоны. Не буду говорить громких фраз о важности человеческого достоинства, но на дипломатической службе никто не хочет терять и профессионального лица.

* * *

Признателен и за доверие возглавить по возвращении Первый Латиноамериканский отдел. Данное подразделение МИД СССР курировало Кубу, Мексику, страны Центральной Америки и Карибского бассейна (при хорошо известных разносторонних и весьма активных связях с некоторыми из них). Это ответственное для меня назначение как бы проецировалось и вспять — на годы только что завершенной работы в Венесуэле. Заведующим Первым Латиноамериканским отделом я проработал семь лет, до сентября 1987 г. (в том числе пять лет до ухода Андрея Андреевича Громыко со Смоленской площади в Кремль).

Как ни парадоксально, в этом статусе я не так часто, как в бытность послом, имел личное общение с министром наедине или в узком составе. Это вызвано неизбежными чиновными порядками внутри центрального аппарата министерства. Вполне естественно, министр намного плотнее работал со своими заместителями, чем с отделами и их заведующими. В какой-то мере это зависело и от стиля работы его замов, а также секретариата министра. К тому же с многолетним руководителем секретариата отношения не сложились, причем далеко не только у меня.

Зато весьма интенсивным было общение с А.А. Громыко «по бумагам» — достаточно сослаться на плотность тогдашних наших связей с Кубой, а потом с Никарагуа, на напряженность и конфликты вокруг Гренады и в Центральной Америке. Да и растущая роль Мексики требовала постоянного внимания.

В заключение хотел бы еще раз подчеркнуть внимание Андрея Андреевича к странам Латинской Америки. Господство США в Западном полушарии он считал длительным, но не вечным, понимал, что оно порождает не только сервильность многих правящих элит, но и немалый потенциал жажды высвобождения среди патриотичной латиноамериканской интеллигенции и народных масс.

Весьма характерно, что во время сессий Генеральной Ассамблеи ООН А.А. Громыко регулярно проводил встречи с министрами иностранных дел различных латиноамериканских государств. Как отмечали мои близкие друзья, работавшие в Нью-Йорке или сопровождавшие нашу делегацию на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, министр понимал, что немало его латино-

американских коллег хотели использовать уникальную возможность встретиться там с министром иностранных дел СССР. Далеко не все могли позволить себе поехать в Москву, а тем более пригласить его посетить их страну. Поездки А.А. Громыко или его заместителей в Латинскую Америку были тогда почти немыслимы и действительно оказались редкостью: больше приходилось вести работу через наши посольства и использовать другие каналы, например парламентские, завязывать деловые связи (правда, не всегда взаимовыгодные, порой без должного учета социально-экономических интересов советского народа).

Освободительный процесс в Латинской Америке, намеченный Симоном Боливаром, начатый кубинской революцией и продолженный в последнее десятилетие, как бы он ни был тягуч, подвержен подъемам и спадам. Это подтверждает дальновидность А.А. Громыко в отношении этого континента, возрастания его роли в мировых делах, причем со здравой опорой на право, против силовых атавизмов давних и новых колонизаторов.

Касаткин В.П.

Образ в моей памяти

Когда я думаю об Андрее Андреевиче Громыко, у меня часто перед глазами всплывает картина весеннего воскресного дня в далеком 1950 г. Москва, просторная квартира с анфиладой комнат в доме на ул. Горького, соседнем с Концертным залом им. П.И. Чайковского. И в ней семья Громыко в полном составе. Супруга Лидия Дмитриевна накрывает стол к обеду, маленькая дочь Миля жалуется, что у нее не получается математическая школьная задачка, сын Анатолий и я, студенты 1-го курса МГИМО. И наконец, сам Андрей Андреевич, в белоснежной рубашке с галстуком. Очень элегантный молодой мужчина в хорошем расположении духа. Он много шутит, без конца задает нам с Анатолием разные вопросы, которые зачастую ставят нас в тупик. Поясняет, что в жизни никогда не знаешь, что может пригодиться, и добавляет — особенно будущим дипломатам. Помню один из вопросов: знаем ли мы, что такое абракадабра? И сам же поясняет, что так назывался древний иудейский амулет в виде треугольника, который матери вручали на удачу своим отправляющимся на войну сыновьям. По трем сторонам талисмана на старом иврите было начертано изречение «abreg ad habra», которое, с какой стороны ни читай, звучало как «абракадабра». Отсюда и общепринятое его употребление как нечто нелогичное и непонятное.

Это была моя первая встреча с Андреем Андреевичем, которая отложилась в памяти как кинематографический стоп-кадр на всю жизнь. Конечно, потом было немало других встреч по разным поводам. Однако все они, что любопытно, запомнились в виде отдельных, не обязательно следующих друг за другом эпизодов. Теперь я знаю этому объяснение. Я никогда не работал повседневно с Андреем Андреевичем на протяжении длительного отрезка времени, да и не стремился попасть в его близкое окружение. По наивности считал, что даже ограниченная самостоятельность — превыше всего. Для меня было важно, что Андрей Андреевич знает меня лично. Это очень помогало мне в моей работе в Министерстве иностранных дел и за рубежом, давало, если хотите, ощуще-

---

Касаткин Валентин Петрович — Чрезвычайный и Полномочный Посол.

ние известной свободы поступков в профессиональной деятельности. Другие ведь тоже знали об этом. И я счастлив, что никогда и нигде ни словом, ни делом не подвел Андрея Андреевича как человека и как министра.

Надо признать, что атмосфера патриархального патронажа в МИДе во времена Андрея Андреевича очень помогала делу. Люди знали, что Андрей Андреевич никого в обиду просто так никогда не даст и отвечали полной преданностью. На моей памяти был только один случай личного, я бы сказал, предательства, из-за которого Андрей Андреевич, не подавая виду, сильно переживал.

Любопытно, что с годами, а мне ведь сейчас почти столько же лет, сколько было Андрею Андреевичу, когда он ушел из жизни, его образ в моей памяти, и, я уверен, в памяти большинства моих коллег, не тускнеет, а наполняется какими-то совершенно новыми гранями, забытыми деталями. Широко распространено, и справедливо, мнение, что Андрей Андреевич безукоризненно владел английским языком, но мало кто слышал и видел это в действии. Мне довелось быть свидетелем и соучастником такого действа. На приеме в Кремле в 1958 г. я переводил беседу Н.С. Хрущева с американским послом Ллуэллином Томпсоном и вдруг «поплыл». С образными выражениями Никиты Сергеевича это было несложно. И тут присутствовавший Андрей Андреевич сказал: «Валя, дайте я попробую попрактиковаться в английском». И начинает переводить. И как! Спустя минут пять тихо спрашивает: «Ну как, пришли в себя? Тогда давайте продолжайте». В этом весь Андрей Андреевич. Как говорят: «Слуга — царю, отец — солдатам». Это был далеко не единичный случай предметного воспитания работников.

Друзья часто меня упрекают в немногословии в выражении своих мыслей. А ведь это опять от Андрея Андреевича. Начиналось все еще в 50-е годы прошлого века в Комитете информации при МИД СССР, который в то время возглавлял Андрей Андреевич. Это был компактный, но мощный аналитический центр по подготовке информационных материалов и предложений для руководства страны. Готовились они на основе всей совокупности имеющихся данных, в том числе донесений разведывательных служб. Учитывая конечных получателей, требования к качеству готовящихся документов были необычайно жесткими и не в последнюю очередь с точки зрения их краткости. Краткость — сестра таланта, и Андрей Андреевич от всех работников требовал владения этим искусством. Помню, как во время второй ливанской войны в 1982 г. ему была представлена записка с предложениями, как реагировать на действия Израиля, войска которого стояли в предместьях Бейрута. Времени — в обрез. В Политбюро ЦК КПСС ждут предложений МИДа, а Андрей Андреевич проводит мастер-класс. Вы, говорит, подготовили записку на двух с половиной страницах. Я же полностью читаю документы, если они составлены на одной странице. Если длиннее, то помощники выделяют фломастером фразы, на которые, по их мнению, я должен обратить внимание. И весьма часто это как раз не те места в записке, на которые вы хотите обратить мое внимание. Ну да ладно. На этот раз прощаю. Война ведь.

Я заметил, что чем дальше отходит время, когда была возможность общаться с Андрей Андреевичем, тем чаще это случается в сновидениях. Конечно, тут сказывается возрастная потребность попытаться прожить заново кусочки прошлой жизни. Но наверное, это не вся правда. Также и сегодняшняя действительность бередит душу и заставляет задумываться, а все ли мы сделали во внешней политике, что нужно стране, все ли сделали правильно, если посмотреть на нее глазами Андрея Андреевича. Ответы — неоднозначные.

Я теперь уже совсем немолодой человек, и Андрей Андреевич стал для меня во многом ближе и понятнее. Вспоминаются первая встреча, о которой я рассказал, и последняя в 1987 г., когда я, будучи послом в Лиссабоне, привез к нему президента Португальской Республики Мариу Соареша. Отрезок в 37 лет с повторением мироощущений вслед за Андреем Андреевичем. Взлет и закат. Все понятно, и все же так жалко, что прошло.

Сейчас стало модным спрашивать: «Кто вы такой (г-н N)?». Задают этот вопрос, как правило, вновь появляющимся на политической арене фигурам. Я же хочу соотнести этот вопрос с личностью Андрея Андреевича. Слава Богу, пока никто не оспаривает, что он был ученым, государственным деятелем и дипломатом. Многие историки причисляют его к первой сотне самых выдающихся дипломатов современности. Есть за Андреем Андреевичем и пришедшее с Запада не самое доброжелательное прозвище «мистер Нет». Кстати, на мой взгляд, совсем необидное, когда речь идет о защите интересов страны.

Но все же, если попытаться ответить на поставленный вопрос одним словом, я бы отдал предпочтение оценке, данной ему супругой после его кончины: «Андрей Андреевич был джентльмен». Как не звучит это парадоксально применительно к крупному деятелю советской эпохи, но это так. Его всегда отличали благородство, верность данному слову, удивительный внутренний такт и преданность Отчизне, которой он служил всю свою жизнь.

Об Андрее Андреевиче можно рассказывать бесконечно, и все будет звучать не только интересно, но и познавательно. В этом контексте я вновь хочу вернуться к началу — к истории с абракадаброй. Когда Андрей Андреевич спросил сына и меня, знаем ли мы, что это такое, вопрос был воспринят как проверка на эрудицию и образованность. Сегодня же я воспринимаю эту историю как заклинание и магический наказ из прошлого против возможных бед нашим людям и стране.

Квицинский Ю.А.

О политике, человеке и части нашей истории

На дипломатическую работу я пришел в 1959 г. «Ушли» меня из МИДа в 1992 г., так что бóльшую часть своей дипломатической жизни я провел в «гнезде» А.А. Громыко на Смоленской площади. Там рос, оперялся и учился летать. Одним словом, он зримо или незримо все эти самые интересные и активные годы моей жизни был где-то рядом, определял и формировал мою судьбу, как, впрочем, и судьбы тысяч работников нашей внешнеполитической службы.

Для меня он всегда был строгим, требовательным, зачастую сложным и непредсказуемым руководителем. Как мне рассказывали А.Г. Ковалев и П.А. Абрасимов, ко мне он относился не всегда однозначно. Во всяком случае «фитилей» от него я наполучал за годы работы в МИДе немало. Но в то же время он, как любил говорить его бессменный помощник В.Г. Макаров, по сути своей был человеком добрым и отзывчивым, заботившимся о своих сотрудниках. В сложные моменты моей службы он не раз «прикрывал» меня, за что я по сей день сохраняю ему глубокую признательность и уважение.

В первые годы, когда я работал на скромных должностях в посольстве СССР в ГДР, мое знакомство с министром было заочным. Стоял он где-то бесконечно далеко и высоко, и знал я о нем в основном по разговорам и сплетням сослуживцев. Были это не самые простые годы в жизни А.А. Громыко. Его недолюбливал Н.С. Хрущев, видимо, собиравшийся выдвинуть на пост нового министра иностранных дел своего зятя Аджубея. Тогда ходило много слухов о «негибкости» Громыко и непригодности его к осуществлению «динамичной» хрущевской политики. Шептались о каких-то нелестных служебных характеристиках, которые якобы лежат в мидовских архивах и касаются его пребывания в вашингтонском посольстве еще в должности советника.

Квицинский Юлий Александрович — Чрезвычайный и Полномочный Посол, заместитель министра иностранных дел СССР в 1990–1991 гг.

Показательно с этой точки зрения, что, когда наш посол в ГДР М.Г. Первухин в обстановке крайней секретности выполнял указание Хрущева о закрытии границы в Берлине, между ним и представителем КГБ в ГДР всерьез обсуждался вопрос о том, надо ли вообще информировать министра: кто его знает, может быть, Хрущев не считает необходимым держать его в курсе дела. В конце концов решили направлять донесения Хрущеву (а шли они не шифром, а только фельдсвязью из-за опасения, что противник читает наши телеграммы), «для приличия» в копии также Громыко. В ЦК, мол, разберутся, надо ли пересылать эти копии в МИД.

Некоторое время это сложное для министра положение сохранялось и после отстранения Хрущева от власти. Во всяком случае, когда я в 1965 г. вернулся в Москву и начал работать в центральном аппарате министерства, он проявлял чрезвычайную осторожность всякий раз, когда «входил» с теми или иными записками в ЦК КПСС. Эти записки он предпочитал не подписывать в одиночку, старался «подкрепить» свою подпись подписями руководителей других ведомств, а увереннее всего чувствовал себя, когда соподписать записку соглашался руководитель какого-либо из отделов ЦК КПСС.

На моих глазах это положение менялось по мере укрепления его позиций в партийной иерархии. Он пользовался все большим доверием Л.И. Брежнева, вскоре перешел в разговорах с ним на «ты», установил тесный контакт с Минобороны и КГБ и создал в конце концов такое положение, когда практически все вопросы внешней политики СССР решались «троицей» в составе Громыко–Устинов–Андропов. Соответствующим образом менялась и линия поведения, которую он предписывал занимать аппарату МИДа в отношениях с ЦК и другими ведомствами. Ни о каких подписях отделов ЦК под предложениями МИДа речь больше уже не шла, наоборот, в последние годы пресекались любые поползновения Международного отдела ЦК КПСС, т.е. Б.Н. Пономарева, В.В. Загладина и др., выступать с какими-либо самостоятельными инициативами во внешнеполитических вопросах, особенно по проблематике разоружения. («Пусть они занимаются своим делом — отношениями с братскими компартиями. Это им поручено. А их записку поправить так, чтобы они ее в конце концов сами не узнали. А еще лучше — пусть отзовут».)

То же самое касалось и, казалось бы, всесильных помощников Генерального секретаря. В отношениях с ними строго запрещалось высказывать какие-либо инициативные предложения, которые они могли бы «подкинуть» Генеральному секретарю в обход министра, выполнять их просьбы о написании документов и разделов выступлений для высшего руководства. («Замыкайте их просьбы на меня! Их задача — работа с секретарями ЦК и выполнение поручений Генсека. Вот пусть и работают!») В те времена была достигнута договоренность с заведующим Общим отделом ЦК К.У. Черненко, что тот больше не будет пропускать записки А.А. Громыко или «троицы» через аппарат ЦК и помощников Генсека, а станет непосредственно докладывать их «главному».

Конечно, эти указания потихоньку нарушались заместителями министра и заведующими отделами МИДа. Никому не хотелось портить личные отношения с аппаратом ЦК. Но это было связано с опасностью схлопотать серьезный «втык» от министра. А ругаться он умел и делал это хоть без бранных слов и личных оскорблений, но весьма чувствительно для провинившегося.

То был период наибольшего влияния А.А. Громыко на партийные и государственные дела Советского Союза. Он пользовался огромным авторитетом не только среди членов Политбюро, но и по всей стране. Каждое его выступление на сессии Генассамблеи ООН, речи при приеме гостей, пресс-конференции воспринимались как крупные политические события. И так это было на самом деле. А.А. Громыко был как бы общепризнанным воплощением советской внешней политики — солидной, основательной, последовательной. Твердой там, где было нельзя иначе, и гибкой — там, где надо было сманеврировать, пойти на небольшие уступки и получить выгодный нам компромисс. Он не носился попусту по городам и весям, как это вошло в практику наших министров иностранных дел за последние полтора десятка лет, не ездил на всякого рода пустопорожние конференции, семинары и междусобойчики. Он не давал по нескольку интервью в день, чтобы ублажить досужих журналистов, не стремился «светиться» каждый день на телевидении, одним словом, не танцевал на всех свадьбах, куда его ни позовут. Он прекрасно понимал, что такое поведение лишь девальвирует авторитет министра великой державы, которой являлся Советский Союз.

Каждая его поездка за границу была тщательным образом подготовлена и сориентирована на достижение конкретного результата. Эти поездки являлись событием для принимающей стороны. Пустых визитов А.А. Громыко не терпел. Почти не было и так называемых «дежурных выездов», т.е. визитов куда-либо лишь по причине того, что советский министр где-то еще не был или давно уже не был, и надо бы, мол, потешить самолюбие соответствующего государства. От таких визитов А.А. Громыко обычно уклонялся. Для подобных целей у него были заместители. Он их и посылал в малозначимые для решения крупных политических вопросов страны с рабочими поездками. Он знал себе цену, не разменивался на мелочи и пустяки, не занимался политическим туризмом. Он был полководцем, который умел воевать вверенным ему войском, направляя его действия и распределяя силы. Грош цена командиру, который вместо того, чтобы всецело посвящать себя этой задаче, встает в цепь стрелков и, не умея руководить солдатами, сам занимается стрельбой из трехлинейки по противнику.

Впервые лично познакомиться с А.А. Громыко мне довелось сразу после возвращения из командировки в ГДР. Произошло это знакомство при несколько странных обстоятельствах и во всяком случае не отвечало моим представлениям о министре как о неком «небожителе». В конце, кажется, 1965 г. на отдых в Советский Союз приехал тогдашний министр иностранных дел ГДР Отто Винцер. Меня вместе с бессменной сотрудницей Третьего Европейского отде-

ла Надей Гавриловой послали доставить Винцера в Барвиху и проследить за его размещением. За решение этих вопросов тогда отвечало Четвертое Главное Управление Минздрава, известное своей осведомленностью в том, к кому и как относится высокое начальство и соответственно раздававшее санаторские блага и услуги. Громыко несколько недолюбливал Винцера. Не знаю по той или по какой другой причине, в Барвихе его поместили в однокомнатный номер, несмотря на все его недоумение и раздраженные реплики. Винцер попросил довести его недовольство до сведения своего коллеги, бросив фразу, что А.А. Громыко в случае его приездов в ГДР так не принимают.

Не знаю, сделал ли министр что-либо для исправления положения, но через пару дней он решил проявить внимание к Винцеру и с этой целью отправился в Барвиху, прихватив меня в качестве переводчика, хотя никакого переводчика ему не требовалось. Винцер прекрасно говорил по-русски.

Беседа оставила у меня недоуменное впечатление. Поначалу Винцер пытался затеять с нашим министром разговор на крупные политические темы, но поддержки не получил. Видимо, А.А. Громыко, привыкший общаться с высшим партийным руководством ГДР, не считал Винцера равным себе партнером. Тому было рекомендовано не утруждать себя на отдыхе служебными вопросами, и Винцер быстро оставил свои попытки. Разговор после этого пошел «за жизнь». Винцер стал вспоминать свои эмигрантские годы в Москве и с некоторой ехидцей заметил, что немцам тогда очень недоставало в СССР их любимого кофе. Потом, наконец, кофе появился, но только в зернах и, к сожалению, нежареный. Советские граждане не знали, что с ним делать, варить кашу или еще что. Коминтерновцы же быстро научились жарить этот кофе на противнях, чем очень удивляли своих советских коллег.

Лицо А.А. Громыко приняло обиженное выражение. Он стал интересоваться, что это за такой «нежареный кофе». Ни разу, мол, не видел и не слышал.

Принявший удивление министра всерьез, Винцер стал объяснять, что это кофе такого «зеленоватого» окраса. Его надо сначала поджарить, а потом размолоть и пить. «Не знаю я зеленого кофе, — проворчал министр. — У нас в стране, товарищ Винцер, в основном пьют чай».

Тогда Винцер решил, что пришло время пожаловаться на то, как его принимают в Барвихе. Он, мол, выходит каждый день на прогулку и всякий раз на некотором отдалении его сопровождают двое парней в штатском. «Они боятся, что на нас нападет кто-то? Или в Барвихе волки водятся?» — опять съехидничал Винцер.

«Ну что вы! В Барвихе волки не водятся, — с каменным лицом ответствовал Громыко. — Кроме того, если волк один, то обычно на людей не нападает. Я это знаю как охотник».

По возвращении в Москву я отправился к своему тогдашнему начальнику генерал-лейтенанту И.И. Ильичеву, чтобы доложить, как и что было в Барвихе. Видимо, он почувствовал неловкость ситуации и помрачнел: «Маразм какой-то! Больше никому не рассказывай. Заноза этот Винцер. А наш такое не любит».

В последующие годы я все чаще имел возможность непосредственно наблюдать А.А. Громыко в деле, встречаться и разговаривать с ним. Это было время после постановки Берлинской стены и ухода в 1963 г. в отставку Аденауэра, когда прежняя «железобетонная» восточная политика ФРГ начала шататься. Из сильного козыря в колоде Запада, который играл на вытеснение нас из Германии и Восточной Европы, Западный Берлин стал превращаться в его ахиллесову пяту. Сообразил это еще Хрущев, который разрешил Ульбрихту закрыть границу, чем резко ограничил возможности Запада проводить через этот город наступательные операции против наших позиций в Европе. Советский Союз начал тогда наступление в Берлинском вопросе. Оно было продолжено и после ухода Хрущева со сцены. Поначалу оно носило скорее характер импровизации, но потом, когда на Третий Европейский отдел министр «поставил» В.М. Фалина, одного из наиболее талантливых наших дипломатов того периода, Берлинским вопросом мы стали заниматься более систематично.

Мне было приказано подумать, как использовать факт продолжающейся оккупации Западного Берлина войсками США, Англии, Франции для активного нажима на наших противников и вбивания клиньев между ФРГ и тремя державами.

Решение было очевидно: поскольку три державы заявляли, что находятся в Западном Берлине в качестве победителей в войне против Германии, юридической основой их пребывания там могли быть только союзнические соглашения и решения Контрольного Совета о целях, условиях и порядке оккупации. Эти документы носили весьма жесткий для немцев характер и поэтому на практике давно игнорировались США, Англией и Францией, которые протежировали своему союзнику — ФРГ в ее попытках де-факто присоединить к себе Западный Берлин.

Требуя от трех держав полного соблюдения и выполнения союзнических соглашений, мы ставили их в сложное положение. Они, конечно, не хотели соглашаться с нами и ограничивать незаконную деятельность ФРГ в этом городе. Но в таком случае мы, наряжаясь в тогу блюстителей союзнических договоренностей, могли говорить, что вместе с ГДР позаботимся о том, чтобы они выполнялись. Для нажима на западную сторону можно было использовать большую зависимость Западного Берлина, да и самих войск трех держав от того, будет ли сохраняться беспрепятственное движение по наземным коммуникациям между Западным Берлином и ФРГ. А они проходили по территории ГДР. Конечно, союзнические соглашения предоставляли самим трем державам свободу передвижения по этим коммуникациям, но мы и не стремились их трогать. В отношении же немецкого гражданского транзита мы никаких обязательств ни перед кем не несли и могли дать свободу рук ГДР, да еще и прикрыть ее действия просьбами оказать нам помощь в строгом соблюдении постановлений о денацификации, демилитаризации и демократизации Германии.

Как впоследствии признавал Брандт, положение Западного Берлина в результате такой нашей тактики стало последовательно ухудшаться. Политико-

юридических средств для сохранения прежнего статус-кво у Запада не оказалось. Воевать за Западный Берлин ни три державы, ни ФРГ, разумеется, не хотели. Возникала необходимость начать поиски компромисса путем переговоров с нами не только по Западному Берлину, но и в более широком плане.

Постановка стены в Берлине, а затем наш нажим на три державы, ФРГ и Западный Берлин в конечном счете привели к заключению Московского договора с ФРГ и Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину, а затем к широкому международному признанию ГДР и приему двух немецких государств в ООН. Это ознаменовало собой провал расчетов Запада на то, что Советский Союз удастся выкинуть из Восточной Европы и пересмотреть итоги Второй мировой войны в свою пользу. Наши противники были вынуждены подтвердить существующий территориально-политический порядок в Европе. Кульминацией этого процесса стало подписание Заключительного акта в Хельсинки.

Это так гладко пишется сейчас на бумаге, когда история уже свершилась. Но путь к этим свершениям был неимоверно сложным. И прошел его Советский Союз под водительством А.А. Громыко, который взял на себя руководство всем германским направлением нашей внешней политики и занимался им, без преувеличения, каждый день. В тот период мне и довелось много видеться с А.А. Громыко не только в служебной, но и в частной обстановке.

Он направил меня в ГДР на подмогу нашему послу П.А. Абрасимову, которому поручалось вести переговоры с послами трех держав по Западному Берлину. Я непрерывно курсировал в это время между Москвой и Берлином и стал, что называется, вхож в кабинет А.А. Громыко.

Но возвращаясь к тому, как мы начинали свое крупное и увенчавшееся успехом наступление в германских делах, должен сказать, что, когда мы втроем — В.С. Семенов, В.М. Фалин и я — пришли с планом действий по Западному Берлину к А.А. Громыко, он долго читал его, нерешительно крутил в руках, а потом рассердился. «Кто поймет, что вы тут понаписали? — раздраженно обратился он к нам. — Абракадабра, алгебра какая-то!» Признаюсь, в тот момент у меня екнуло сердце, и я решил, что пропало полгода напряженной работы. Расстроившись, я не очень уже прислушивался к вяловатым и, как мне показалось, произносимым Семеновым извиняющимся тоном пояснениям. Как самому молодому из присутствующих, мне все равно полагалось молчать. Да я бы и не решился возражать нашему грозному министру.

К моему удивлению, выйдя из кабинета министра, Семенов довольно заулыбался и сказал: «Поздравляю! Он по сути дела согласился, а ворчит потому, что сам с первого захода чего-то не понял. Однако сообразил в то же время, что если он с трудом понимает, то в Политбюро никто уж и подавно ничего не поймет. Так что все в порядке! Надо теперь только подумать, как все попроще преподнести». И действительно, второй наш заход к министру оказался вполне успешным. Записка за его подписью ушла в ЦК КПСС и была быстро одобрена.

За переговорами по Западному Берлину министр следил лично, сознавая, что от их удачного исхода зависит судьба знаменитого Московского договора с ФРГ. Брандт предупредил Л.И. Брежнева, что без удовлетворительного решения Берлинского вопроса бундестаг ратифицировать этот договор не будет. Отсюда следовало, что уступки по Западному Берлину, а возможны они были в основном за счет интересов ГДР, становились неизбежны. В конце концов в большой политике Западный Берлин для нас не был главным. Главными являлись Московский договор и слом аденауэровской политики на непризнание итогов Второй мировой войны. У нас тогда некоторые полагали, что можно ради этого и пожертвовать Западным Берлином, отдав его ФРГ за Московский договор. Соответственно они настраивали и Брежнева, которому как новому Генеральному секретарю ЦК КПСС позарез был нужен крупный внешнеполитический успех.

Но А.А. Громыко был не из тех, кто легко сдает противнику позиции даже по, казалось бы, второстепенному вопросу. Он знал, что в международных делах, если однажды что-либо выпустишь из рук, вернуть это бывает очень трудно, если вообще возможно. Поэтому он, как мог, бился против любых двусмысленностей при заключении Московского договора и, думается мне, не его вина, что в конце концов эти двусмысленности ему пришлось «пропустить». Давление на него из Кремля, несомненно, оказывалось весьма сильное. Сужу об этом по тому, что наши «творцы» Московского договора не раз с раздражением говорили в кулуарах: «Своим упрямством министр все может испортить».

То же самое происходило и в западно-берлинских делах, где министр хотя и понимал неизбежность отступления, но воевал буквально до последнего, пытаясь под конец смягчить впечатление от сделанных уступок с помощью даже таких уловок, как благозвучный для уха кремлевского начальства перевод на русский язык отдельных мест в тексте Четырехстороннего соглашения. За то, что нам не удавалось заставить западников соглашаться на подобные мелкие хитрости, мне крепко от него доставалось. В один из таких моментов я даже собирался подать заявление об уходе с работы.

Когда вскоре после заключения Четырехстороннего соглашения начались переговоры о вступлении ГДР и ФРГ в ООН и А.А. Громыко строго наказал провести согласованную лично им с Генри Киссинджером формулу, что этот прием «не затрагивает **вопроса** о четырехсторонних правах и обязанностях» (а замысел его состоял в том, чтобы тем самым сказать, что нет в реальности уже ни самой Германии как единого государства, ни прав и обязанностей четырех держав в отношении ее), история, похожая на происходившую на переговорах по Западному Берлину, повторилась вновь. Союзники, разумеется, не захотели принимать эту формулировку, после чего мне была устроена выволочка и сказано, что зря меня послали на переговоры. Но принять ГДР и ФРГ в ООН было важно, гораздо важнее, чем спорить о том, существует ли ответственность четырех держав или только вопрос о такой ответственности, и А.А. Громыко дал согласие на слово «вопрос», а нам, и глазом не моргнув, сказал, что вставлял это слово «лишь по тактическим соображениям».

В знак «окончательного закрытия» германских дел после заключения Московского договора и Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину состоялась раздача наград. Меня представили к ордену «Дружба народов», но министр собственноручно своим любимым синим карандашом перенес мою фамилию на ступень выше. Так я получил первый орден в своей жизни — орден «Трудового Красного Знамени». После церемонии в Кремле все мы, награжденные германисты, были приглашены в кабинет к Андрею Андреевичу. Он нас тепло, по-отечески поздравил. Поглядев на меня, заметил: «А как они пытались изменить формулировку, что Западный Берлин не часть ФРГ. До последнего царапались! А мы все же на своем настояли — не принадлежит он им и не будет управляться ФРГ и впредь!».

В таких же, не терпящих возражений, торжествующих тонах А.А. Громыко говорил и о Московском договоре, с формулировками которого он поначалу соглашался с большим трудом. Он любил повторять, что этот договор после Потсдама пропахал «глубокую борозду» по Европе, что германский реваншизм теперь «положен в гроб», а на этот гроб теперь для верности «навинчена крышка» и т.д. Верил ли он до конца в то, что говорил? Думаю, что как реалист до мозга костей, государственный деятель с огромным опытом практической политической работы — не совсем. Он не мог не понимать, что в то время как мы трезвонили о признании Западом незыблемости европейских границ, в действительности ФРГ пошла лишь на обещание не пытаться изменить их силой, но вовсе не отказалась от претензий осуществить аншлюс ГДР и по-прежнему считала Западный Берлин одной из своих земель.

Все это западные немцы не замедлили тут же объявить и прописать в своих документах, заставили нас принять так называемое «письмо о германском единстве» и быстренько протащили в связи с восточными договорами решение своего Конституционного Суда, в соответствии с которым прежняя политика ФРГ по национальному вопросу не только подтверждалась, но и всем органам государственной власти предписывалось неукоснительно продолжать ее. Министр хоть и говорил, что нам наплевать на то, что там заявляют и пишут западные немцы и что нас связывают только обязательства, зафиксированные в тексте договора, но, безусловно, видел, что ФРГ отнюдь не отказалась от реализации своих долговременных политических установок, смысл которых состоял в том, чтобы вытеснить нас из ГДР, а еще лучше из всей Восточной Европы. Реализовать эти планы по-прежнему мешали не Московский договор, не Четырехстороннее соглашение и не подписанный впоследствии Хельсинкский Заключительный акт, а реальное соотношение сил между СССР и Западом. Пока это соотношение сохранялось, дипломатические бумаги были хороши. Изменись, однако, это соотношение, и с помощью бумаги ничего удержать стало бы невозможно. Так оно впоследствии и случилось.

Чувствуя, что опасность для наших интересов сохраняется, министр после поворота в наших отношениях с ФРГ с большой озабоченностью следил за тем, как складывались отношения между двумя германскими государствами.

ГДР была главной опорой наших позиций в Европе. Но после заключения Московского договора и соглашения по Западному Берлину эта опора начала быстро расшатываться. На то было много причин. Прежде всего, наше сближение с Западной Германией после Московского договора не могло не открывать путей для еще более быстрого и широкого сближения между двумя германскими государствами. На это собственно и делался расчет германскими социал-демократами, пришедшими к власти в ФРГ. Они ставили на развал ГДР изнутри. В свою очередь тогдашнее руководство ГДР, доселе послушно выполнявшее все наши не совсем приятные для него просьбы и требования ради облегчения ратификации Московского договора, после завершения всей этой серии переговоров, приема ГДР в ООН и в обстановке начавшейся широкой полосы международного признания, теперь решило, что настало время переходить к более самостоятельной политике. Возглавивший ГДР после отставки В. Ульбрихта Э. Хонеккер вскоре огорошил нас выработкой пакета договоренностей с ФРГ, смысл которых состоял в том, что ГДР все больше открывалась для проникновения западных немцев и получала за это многие миллионы западных марок. ГДР начинала торговать политикой в германских делах и делала это без всякого спроса у нас.

А.А. Громыко не замедлил всполошиться. В январе 1975 г. он в весьма откровенной форме высказал наши серьезные сомнения руководству ГДР, а затем делал это еще много раз. Толку, однако, не было. Хонеккер не желал слушаться. Более того, наши немецкие друзья стали сообщать в Москву, что Громыко в германских делах плохо разбирается, видит несуществующие опасности и лишь сбивает с толку руководство КПСС.

Тем временем внутреннее положение ГДР все больше осложнялось. О назревающем взрыве, механизмах его подготовки, основных действующих силах и исполнителях германисты МИДа и КГБ не раз предупреждали и даже готовили проекты записок в ЦК КПСС. Но, посоветовавшись с Андроповым и Устиновым, министр возвращал их без пометок. Однажды он сказал, что наши немецкие друзья все равно не реагируют на критику, а что в этих условиях поделаешь? К тому же в отделах ЦК КПСС к этому времени сложилась группа влиятельных сотрудников, которые, не зная германских дел, не только не понимали опасных последствий происходящего, но и были склонны даже поощрять «превращение ГДР в нормальное, суверенное социалистическое государство».

Вскоре после успешного завершения переговоров о приеме ФРГ и ГДР в ООН министр отправил меня на Венские переговоры по ограничению обычных вооружений в Европе. В чем причина моего нового амплуа? Доверительные отношения, которые сложились у меня с американцами в Берлине. Кстати, расчет Андрея Андреевича оправдался. Серьезно забуксовавшие сразу после открытия в 1973 г. Венские переговоры через несколько месяцев простоя удалось снять с мели именно с помощью доверительных контактов с американцами.

По настоянию заведующего Третьим Европейским отделом А.П. Бондаренко меня вскоре отозвали из Вены, чтобы вернуть к германским будням.

Но мысль использовать меня и далее в переговорных делах с американцами, видимо, осталась в голове министра. После недолгого пребывания на посту советника-посланника нашего посольства в ФРГ меня в 1981 г. вызвали в Москву, присвоили ранг посла и поручили возглавлять советскую делегацию на переговорах с США в Женеве по ограничению ядерных вооружений в Европе.

Вопрос этот в тот момент был чрезвычайно острым. В ответ на начавшуюся плановую модернизацию наших баллистических ракет средней дальности в Европе американцы с подачи ФРГ поставили вопрос о том, чтобы мы вообще отказались от ядерных ракет этого класса. В противном случае они грозились развернуть в Европе адекватное количество своих баллистических ракет средней дальности «Першинг-II» и крылатых ракет. Появление таких ракет в Европе с подлетным временем в 10–12 минут создавало бы острейшую угрозу нашей безопасности и серьезно нарушило бы стратегический баланс. В Европе разразился так называемый «ракетный кризис», который отравлял наши отношения с ФРГ и другими членами НАТО.

Мое назначение на столь ответственный пост в такой острый момент свидетельствовало о большом доверии министра. К тому времени мне еще не исполнилось и 45 лет — возраст по тогдашним мидовским меркам, скорее, юношеский, чем зрелый. Для себя я решил, что надо сделать все для достижения договоренности и оправдать доверие Громыко. Наверное, в этом была моя ошибка. Мудрый первый заместитель министра Г.М. Корниенко намекнул мне с самого начала, что надо «пободаться» некоторое время с американцами, которые все равно от планов размещения новых ракет в Европе не откажутся. Когда же они разместят их, тогда уже и надо договариваться о взаимоприемлемых «потолках» с обеих сторон. Мне этот план не понравился, поскольку в результате его реализации мы и новые американские ракеты себе под нос получили бы, и в глазах всей Европы еще были бы в том виноваты.

На первых этапах переговоров министр был доволен их ходом и моими действиями. Мы же разворачивали разные составленные в Генштабе и заведомо неприемлемые для американцев варианты решения вопроса. Смысл их состоял в том, что мы уничтожали свои выслужившие ресурс ракеты средней дальности и продолжали размещение наших новых ракет «Пионер» (по терминологии НАТО «СС-20»), а американцы отказались бы от планов развертывания в Европе своих новых «Першингов» и крылатых ракет. По сути дела это были не переговоры, а обмен аргументами, не направленный на поиск реального компромисса. Тем временем наши военные в ускоренном темпе осуществляли обширную программу производства и развертывания «Пионеров» (более 500 единиц), Пентагон же готовил доставку в Европу своих новых ракет, а европейская общественность громко протестовала против действий обеих сторон.

К лету 1982 г. на переговорах обозначился тупик. Напряженность нарастала с каждым днем. Каких-либо новых инструкций ни из Москвы, ни из Вашингтона не поступало. Рейган явно не хотел договариваться, а у нас шепта-

лись, что больной Брежнев уже ничем не управляет и ничего не решает. В этих условиях я решился на то, чтобы предложить своему партнеру по переговорам с американской стороны 75-летнему Полу Нитце выйти за рамки инструкций и представить начальству вариант компромисса, который мы оба могли бы выработать «в личном качестве». Если начальство этот вариант одобрило бы, то он получал бы путевку в жизнь. Если нет, то он должен был считаться обеими сторонами несуществующим и, разумеется, не разглашаться. Подобным методом мы не раз действовали на переговорах с американцами во времена Никсона и Киссинджера, и это, как правило, приносило положительный результат. Правда, сейчас у американцев музыку заказывал не прагматик Никсон, а ковбой Рейган.

Об этом намерении я заранее проинформировал министра, на что после долгого молчания получил согласие идти на встречу с Нитце, но руководствоваться при этом существующими указаниями. Это означало, что министр не готов предлагать что-либо новое, но не против посмотреть, что получится в результате намечавшейся разведки боем. Встреча состоялась 16 июля. Результат ее свелся к американскому предложению иметь в Европе по 75 установок ракет средней дальности, причем мы имели бы 75 «Пионеров», а они — 75 крылатых ракет. От развертывания «Першингов» американцы в этом случае были готовы отказаться. Кроме того, должны были замораживаться и не оснащаться ядерными боеголовками все ракеты оперативно-тактической дальности (от 500 км и выше). Нашу «Оку», которую потом сдал Горбачев, из американского списка оперативно-тактических ракет мне, правда, удалось тогда вычеркнуть. Восточнее Урала мы могли сохранить примерно 90 уже развернутых там «Пионеров». В целом же получалось, что мы могли сохранить 165 «Пионеров» — группировку, вполне достаточную для дальнейшей модернизации этого класса вооружений.

Оговорившись, что предложения Нитце, скорее всего, подвергнутся серьезной правке, я передал их в Москву. Ответа, однако, не получил. Приехав в Москву, узнал, что А.А. Громыко находится в отпуске, телеграмму мою по Политбюро не разослал, а предложения американцев назвал «ерундой на постном масле». Начальник нашего Генштаба Н.В. Огарков и вовсе окрестил американские предложения «провокацией». В общем создалась ситуация, когда предложенный компромисс просто не рассматривался. Оно и понятно. В противном случае, его надо было бы доложить Л.И. Брежневу и обсудить на Политбюро, после чего сказать «да» или «нет». Но видимо, такого обсуждения и не хотели. Как мне потом говорил помощник Генерального секретаря А.И. Блатов, в случае доклада Брежневу вариант почти наверняка был бы одобрен им, поскольку на большее в складывающихся условиях нам рассчитывать не приходилось.

Думаю, что это понимал и А.А. Громыко, который ни разу не попрекнул меня за эту «прогулку в лесу» с Нитце и даже пошутил однажды, что я по молодости не понимаю, какую международную известность стяжал себе этой «прогулкой». Но вариант Нитце явно не устраивал военных, а министр пред-

почитал не вступать в конфликт с ними, исходя из того, что ракетный вопрос был не столько мидовским, сколько военным. Военные же и наша Военно-промышленная Комиссия не хотели останавливать запущенную на полную катушку программу развертывания «Пионеров». Мало того, как рассказал мне однажды покойный маршал Ахромеев, вслед за завершением развертывания «Пионеров» они собирались расставить в Европе порядка 1000 новых оперативно-тактических ракет повышенной дальности. То, что это было бы чревато для нас серьезными политическим последствиями, восстановило против СССР широкую общественность по всей Европе, во внимание принимать не хотели.

Объясняя такое наше поведение, А.А. Громыко с нажимом повторял, что мы никогда свои новые вооружения, созданные ценой огромных усилий и материальных жертв народа, не ломали и ломать не будем. Старую, выслужившую свой срок технику — это пожалуйста, но СС-20 — никогда. Вообще-то это противоречило позиции, официально излагавшейся Брежневым, который заявлял, что в случае отказа американцев от их планов мы были бы готовы пойти на существенные сокращения своих вооружений. Спорить с военными не решился, однако, и Ю.В. Андропов, которому я докладывал о результатах «лесной прогулки» с Нитце.

Как и следовало ожидать, переговоры с американцами в конце 1983 г. закончились провалом. А спустя еще несколько лет при Горбачеве мы приняли унизительный «нулевой вариант» американцев, были вынуждены уничтожить огромное количество нашей самой современной военной техники и остались вообще без ракет средней дальности. В связи с прекращением переговоров по средним ракетам остановились и переговоры по стратегическим вооружениям — к большому, кстати, недовольству всего нашего военно-дипломатического лобби, которое оказалось без работы. Американцы же удержали контроль над своими европейскими союзниками, несмотря на значительный разворот антиракетного движения, а затем нанесли нам следующий удар, выдвинув программу создания космических вооружений, так называемую Стратегическую оборонную инициативу (СОИ) Рейгана.

Пришлось искать способы срочно возобновить переговоры с ними. Отказ от договоренности с американцами по ядерным средствам средней дальности и его политические последствия, видимо, не всем понравились в Политбюро. А.А. Громыко был вынужден после своей «непробиваемой» жесткости в совсем недавнем прошлом теперь демонстрировать гибкость. Меня он освободил от продолжения переговоров по вооружениям средней дальности, мудро заметив, что дальше вести их мне было бы трудно: теперь там будут вырабатываться решения, которые было бы сложно совместить с нашей прежней позицией против рейгановского «нуля». Он, видимо, все еще надеялся сохранить какую-то часть наших «Пионеров», договорившись с американцами о приемлемых потолках. Однако этого не произошло.

Мне же министр предложил возглавить в советской делегации группу по космическим вооружениям, т.е. повоевать за спасение Договора по ПРО

1972 г., а заодно заняться развенчанием СОИ. На этом направлении переговоры не сдвигались ни на сантиметр. И не могли сдвинуться. Во-первых, никаких космических вооружений или развернутых средств ПРО у США, в отличие от нас, не было. Так что сокращать и ограничивать им было нечего, а обзавестись ими очень хотелось. С точки зрения реальных сокращений вооружений выдвижение программы СОИ как предмета для переговоров с американской стороны было блефом. Но блефом удачным, поскольку эта программа вызвала у нас немалое беспокойство и, спекулируя на ней, США добивались от нас уступок в деле сокращения реально существующих стратегических вооружений и вооружений средней дальности.

На переговорах мы требовали запретить разработку, создание и развертывание космических вооружений и всякий раз выслушивали в ответ, что американцы не знают, что это за вооружения, но предлагают тем не менее пересмотреть Договор по ПРО, развернув соответствующие НИОКР чисто «оборонительного» свойства, чтобы уменьшить угрозу ядерной войны. Широкой публике это нравилось. Она не понимала, что Вашингтону нужен был противоракетный щит, чтобы иметь возможность из-под него нанести сокрушительный ядерный удар по противнику и при этом самим не пострадать или пострадать в минимальной степени.

Переговоры в космической группе вскоре превратились в толчение воды в ступе. Моя чрезмерная напористость привела к тому, что американцы пытались избавиться от меня как партнера по переговорам. К тому времени А.А. Громыко оставил пост министра иностранных дел и стал Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Его сменил Э.А. Шеварднадзе, а меня направили послом в ФРГ.

После этого мои встречи с А.А. Громыко случались редко. Он, конечно, отдавал себе отчет в том, что его выдвинули на более высокий, но вместе с тем скорее церемониальный пост, фактически отстранив от руководства советской внешней политикой. При всей своей высокой партийной дисциплинированности А.А. Громыко не мог восприниматься горбачевской командой как надежный партнер в деле осуществления ее планов перестроить все и вся. Огромный его авторитет в стране и на международной арене, несомненно, стеснял Горбачева. Ему нужен был другой, более управляемый исполнитель.

Однако А.А. Громыко и на посту Председателя Президиума Верховного Совета продолжал с большим вниманием и интересом следить за тем, что происходило в нашей внешней политике с весны 1985 г. Его верный помощник В.Г. Макаров не упускал возможности позвать к шефу советских послов, которые по разным причинам приезжали в те годы в Москву. Приглашал он и меня. Помню, что А.А. Громыко обычно был не очень разговорчив. Просил каждый раз рассказать о делах, внимательно слушал, иногда задавал уточняющие вопросы — в общем старался подпитаться информацией из первоисточников, не раскрывая себя и своих мнений. Похоже, однако, что мысли его становились все более тревожными по мере того, как перестройка заходила в тупик. Иногда это проскальзывало в его вопросах и репликах, но он тут же

ловил себя на неосторожном слове и старался смазать только что сказанное им. Видно было, что он не хотел вести разговоров, которые позволяли бы кому-либо усомниться в его полной лояльности к партийному руководству и той линии, которую оно проводило.

Помню, как рассказывал ему однажды о разнообразных проектах сотрудничества с западными немцами. Их было много и один другого интереснее. Тогда ЦК КПСС увлеченно вел линию на создание совместных предприятий с участием фирм ФРГ в расчете на то, что это приведет к быстрой модернизации нашей отставшей от современного уровня промышленности, в первую очередь станкостроения. Немецкие банки были готовы предоставлять нам практически без ограничения кредиты, в том числе несвязанные. Велись переговоры с западногерманскими научно-исследовательскими центрами в надежде с их помощью обойти ограничения КОКОМ на трансферт современных технологий. Одним словом, от западных немцев с их предложениями и инициативами буквально отбоя не было.

«Чем вы это объясняете?» — спросил Андрей Андреевич. «Наша внешняя политика сейчас в ФРГ пользуется большим спросом и авторитетом, — ответствовал я. — Приходится удивляться, но витрины ювелирных магазинов на самых дорогих улицах Дюссельдорфа заполнены дамскими колье и сережками с красными рубиновыми звездами. Циферблаты часов модно украшать изображениями кремлевских башен. Горбачева готовы на руках носить. Ну а кроме того, и это, видимо, главное, экономика ФРГ для своего роста остро нуждается в расширении внешних рынков и новых источниках сырья. А оно становится все более дефицитным. Все внешние рынки давно поделены, кроме нашего. Китайцы — не в счет. Свои возможности на этом направлении ФРГ в значительной степени исчерпала, когда мы пребывали в ссоре с Пекином, а они вовсю лезли в Поднебесную. Вот они сейчас и ухаживают за нами».

«Для чего, однако, ухаживают? — вырвалось у Андрея Андреевича. — Ведь они наши классовые противники. Не могут они так вести себя просто потому, что желают нам добра. Впрочем, — тут же потускнел он, — надо, разумеется, использовать все возможности для расширения равноправного и конструктивного сотрудничества с ними. Работайте и дальше в этом направлении. Желаю успехов».

После 1991 г. мне не раз вспоминалась эта беседа. Хорошо, что А.А. Громыко не пришлось увидеть своими глазами, как были потеряны наши позиции в Европе, отстаиванию которых он посвятил десятки лет своей жизни, упорной борьбы и труда. Он ушел еще до того, как открылась эта трагическая страница нашей истории. Не удается ее закрыть и по сей день.

Годы А.А. Громыко составляют целую эпоху в советской внешней политике. О них вспоминали и будут вспоминать с гордостью. Но не только с гордостью, а и с растущей ностальгией по прошлому величию нашей Советской державы.

Кеворков В.Е.

Урок «Мистера Нет»

…Заседание Политбюро подходило к концу. «Может быть, кто-то хочет в заключение что-то сказать?» — спросил Брежнев. Это была обычная формальность. Но неожиданно со своего места поднялся министр иностранных дел Громыко: «У меня есть сообщение для членов Политбюро...».

В начале 70-х в самом сердце Лубянки появилась идея создания «тайного канала» — прямого сообщения между Леонидом Брежневым и канцлером ФРГ Вилли Брандтом. Я, в то время сотрудник КГБ, был одним из тех, кто готовил «канал» к работе. При посредничестве немецких журналистов и дипломатов мы вышли на Эгона Бара, ближайшего соратника Брандта, и убедили его в серьезных намерениях Москвы. Однако после успешного завершения этой части операции выяснилось, что основные трудности у нас еще впереди.

…После слов Громыко все головы участников заседания Политбюро дружно повернулись к нему.

«Что-то ты, Андрей Андреевич, молчал-молчал, а теперь вдруг с заявлением, — осторожно пожурил Брежнев старейшего в мире по стажу министра иностранных дел. Сам он уже уложил последние странички и закрыл папку, давая тем самым понять: время дискуссий прошло. — …Ну что ж, давай докладывай, что там у тебя, а мы послушаем».

«В последнее время ко мне стала поступать информация о том, что люди из госбезопасности активно устанавливают негласные контакты с руководителями европейских стран, а именно Западной Германии. Контакты с главами государств — дело крайне деликатное, требующее большого дипломатического опыта. Неквалифицированность в общении на таком высоком уровне чревата самыми непредсказуемыми последствиями. Поэтому я прошу убрать людей Андропова от руководителей Западной Германии».

Министр говорил медленно, глядя куда-то в сторону от слушателей. Пока он выступал, Андропов набрасывал тезисы для ответа. Однако они не понадобились.

Кеворков Вячеслав Ервандович — писатель, генерал-майор КГБ.

Когда Громыко закончил свое выступление, Брежнев даже не посмотрел в сторону Андропова. Полновластному хозяину в стране, ему меньше всего нужно было соперничество между ведущими министрами. Он прекрасно понимал, что после военных акций в Венгрии и Чехословакии Советский Союз имел все шансы оказаться в изоляции и затянуть туда своих союзников по Варшавскому договору. Судя по всему, наиболее четко эту опасность сформулировал для Генерального секретаря Андропов, и дальнейший ход событий это подтвердил.

«Ты напрасно кипятишься, Андрей Андреевич, — обратился Брежнев к Громыко. — Восстанавливать отношения много сложнее, нежели их разрушать, даже в семье, а на международной арене — особенно. И ты это лучше меня знаешь. Если Андропов своими методами сможет чего-то достичь, мы будем только приветствовать это. Важно не кто первый, а кто лучше сумеет сделать. Один или другой — не имеет значения, главное, чтобы для страны польза была. Поэтому я просил бы тебя, Андрей Андреевич, объединить усилия с Андроповым, чтобы каждый из вас своими методами помогал общему делу, — Брежнев сделал паузу, оглядел присутствующих. — Надеюсь, возражений не будет?»

Такого смельчака не нашлось. Все дружно закивали головами, довольные тем, что Генеральный отвел от них угрозу затяжного заседания, которое и без того изрядно всех утомило.

Опытный аппаратчик, Брежнев великолепно знал, что у Громыко, как и у Андропова, не было в Политбюро сколько-нибудь надежного союзника, поэтому Генеральный секретарь мог передвигать эти фигуры по своему разумению. В данном случае министр Громыко, славившийся в мире своей невозмутимостью, вышел из образа, поддавшись эмоциям. Он неожиданно резко выступил против Андропова за то, что тот проводил идею сближения с Западной Германией — идею, которую Брежнев теперь уже считал своей. Покидавшие зал заседаний члены Политбюро понимали, что Громыко допустил непозволительный промах, причем в области, где не имел права делать ошибок.

Что касается Андропова, то он был совершенно очевидно уязвлен столь беспардонным выступлением Громыко. Однако, когда шеф вызвал меня, чтобы сообщить о возникших препятствиях в работе «канала», в его рассказе о происшедшем на Политбюро почти не было гнева, скорее — глубокая досада. Закончив, он как-то горько улыбнулся и, словно полемизируя с Громыко, промолвил:

«Эх, Андрей Андреевич, зубы даны человеку чтобы жевать, а не кусаться».

На другой день я вновь сидел в том же кабинете. Дух господствовавших накануне эмоций полностью выветрился. Хозяин, как всегда, был полон решимости действовать в соответствии с разумом, а не с чувствами.

«Ну что ж, установить отношения с канцлером Брандтом — это полдела. Теперь предстоит задача посложнее».

Он внимательно посмотрел на меня сквозь тяжелые стекла очков, словно испытывая мою готовность совершать подвиги.

«Тебе предстоит установить контакт с Громыко, и поверь — это не просто. Однако другого выхода нет, иначе нам будут бесконечно ставить палки в колеса. И кроме того, есть указание Генерального секретаря действовать вместе с Громыко. Повторяю, дело сложное. Мне хорошо известны все особенности и причуды Андрея Андреевича. Так что наберись мужества и терпения. А пока посиди молча, я позвоню ему».

Несколько мгновений он обдумывал предстоящий разговор, затем, упрятав самолюбие в дальний угол, беспечным тоном начал диалог со всемогущим министром:

«Добрый день, Андрей Андреевич. Как самочувствие? Лучше, чем погода? Это уже неплохо. Я вот почему звоню: указание от Генерального мы получили — наше дело выполнять его».

Громыко пришлось поддержать предложенный тон:

«Да уж, выбора не остается».

«В целях экономии времени и чтобы не играть в испорченный телефон, направлю к тебе моего специалиста, который неплохо знает проблему и имеет кое-какие связи в Германии. Он доложит все, что касается нашего общего дела. Если возникнут какие-то вопросы, то опять-таки лучше всего услышать ответы из первоисточника».

«Ладно, присылай. Приму его завтра в три часа».

Я был уверен, что дальше последует инструктаж о том, как мне следует вести себя во время визита к министру, но наставления шеф посчитал излишними. Положив трубку, Андропов с облегчением вздохнул:

«Давай, езжай и постарайся найти аргументы, которые превратят Громыко в нашего союзника».

Я не стал терять время и тут же направился в Министерство иностранных дел, к заведующему Третьим Европейским отделом Валентину Фалину. «По всем вопросам, касающимся Германии, Громыко консультируется с ним, даже больше — мыслит его мозгами и говорит его словами», — сказал мне о Фалине один из знакомых. Он и представил меня ему.

Я рассказал Валентину о запланированной встрече с Громыко и намерении довести до министра идею использования «конфиденциального канала» между нашей страной и Западной Германией. Фалин отреагировал быстро:

«Стало быть, вы хотите использовать тайную дипломатию для того, чтобы наладить отношения между нашими странами? Что ж, похвальное начинание. Сразу скажу, я ваш союзник. Хотя, откровенно говоря, не завидую вам и вашей миссии».

«Что так мрачно?»

«Дело в том, что сейчас у нас в МИДе Германия не в моде. Министр смотрит на мир сквозь звездно-полосатый американский флаг. Немцы для него по степени их значимости в мировой политике находятся на уровне какого-нибудь центрально-африканского племени. Сегодня основные идеи, головы, деньги — все направлено в сторону Соединенных Штатов Америки. И так будет до тех пор, пока Громыко сам или с чьей-то помощью не повернет голову

в сторону Европы, с которой у нас исторически складывались нормальные отношения. Мне, несмотря на все усилия, сделать этого не удалось. Однако не хотел бы излишне драматизировать ситуацию. Просто считаю нужным предупредить о трудностях, с которыми вы столкнетесь, — он несколько секунд подумал. — Впрочем, если за вами стоит такая сила, как Андропов с его ясной головой и влиянием на Генерального секретаря, то у вас, может быть, и есть шанс добиться успеха. Да, пожалуй, это единственный вариант, другого я сегодня не вижу», — и он выразительно развел руками. На прощание Фалин пообещал полную поддержку в «благом начинании».

Судя по всему, я был не единственный, кому Фалин высказывал критические замечания в адрес своего начальника. Общеизвестно, что излюбленной забавой мидовских чиновников во всем мире является плетение интриг. Советская дипломатия не стала исключением. Видимо, Громыко узнал о критике в свой адрес, которую позволял себе подчиненный. Реакция последовала незамедлительно. В мае 1971 г. Фалин был отправлен послом в Бонн и обратно в МИД уже не вернулся.

На следующий день я прибыл к Громыко. Властелин приемной — секретарь министра Василий Макаров — располагался тут же, за небольшим столиком. На меня он взглянул сквозь очки, привычно-внимательно определяя мою «весовую категорию», чтобы с самого начала правильно построить отношения.

Моя персона, очевидно, не произвела на него сколько-нибудь серьезного впечатления. Поэтому, пока я дожидался высокого приема, он, беседуя с заведующим отделом МИДа Михаилом Капицей, сидел спиной ко мне и к часам, стоявшим в углу. Однако стоило стрелке остановиться на цифре «три», как Макаров, словно ощущая время спиной, слегка развернулся и чуть заметным жестом указал мне на дверь кабинета.

Служебные апартаменты министра представляли собой небольшую комнату, отделанную деревянными панелями, с неизменным зеленым сукном на столе. Слева — шкаф с книгами в дорогих переплетах. Похоже, «Энциклопедия» Брокгауза и Ефрона. Меня поразил цвет документов на столе: у Громыко они оказались написаны на желтой бумаге. Такого больше ни у кого не было. (Кстати, подписывался он тоже не так, как остальные, — только фамилией, что включало в себя и титул, и должность, и ранг.)

При моем появлении министр вышел из-за стола, бросил на меня короткий взгляд и, не найдя во мне ничего примечательного, отвернулся в сторону, небрежно протянув руку для пожатия. Затем предложил сесть, а сам вернулся на место, дочитал очередную желтую бумагу до конца, поставил подпись, захлопнул папку и отложил ее в сторону:

«Слушаю вас».

Начинать рассказ следовало бы с эпохи Бисмарка, но под впечатлением от недоброжелательного приема я ограничился Брандтом, выборами 28 сентября 1969 г., когда он стал канцлером Западной Германии, и программой социал-демократов на предстоящие четыре года.

Громыко слушал, сидя вполоборота ко мне, разглядывая переплеты книг так пристально, словно рассчитывал на расстоянии проникнуть в их содержание.

В заключение я изложил идею установления «конфиденциального канала» и разъяснил, как он должен функционировать.

Наступила длинная пауза, которая должна была подчеркнуть, насколько трудно министру вести диалог с неискушенным в политике человеком.

«А вам знакомы бранные слова, которые Ленин когда-то употребил, характеризуя партию Брандта?» — неожиданно поинтересовался Громыко.

В свое время я служил на флоте, где приобрел богатый запас нецензурных выражений, и уверенно кивнул.

Несмотря на это, министр посчитал необходимым процитировать известное ругательство Ленина в адрес немецких социал-демократов: они чем-то напоминали ему представительниц древнейшей в мире профессии. Затем последовал короткий экскурс в новейшую историю советско-германских отношений, а за ним — оглушительный финал:

«Если я верно понял, вы хотите втянуть меня в тайный, подчеркиваю, тайный сговор с немецким руководством, при полном попустительстве которого в Германии набирает силу неонацизм, преследуются прогрессивные партии и провозглашается идея объединения Германии за счет ГДР. Вы вступаете в сговор с теми, кто уничтожил двадцать миллионов наших людей. А вы подумали, что на это скажут вдовы погибших?»

Я знал, что говорили вдовы: они никак не могли понять, почему победители живут во много раз хуже, чем побежденные. Однако, обескураженный демагогическим выпадом министра, я нашелся не сразу и некоторое время молчал, собираясь с мыслями. Было очевидно, что на демагогию нужно отвечать тем же или чем-то подобным. И хотя до сих пор я был уверен, что никогда не опущусь до подхалимства, разговор с министром поколебал мою уверенность.

«Простите, Андрей Андреевич, но, насколько мне известно, вы лично уже сделали много полезного для сближения СССР с западными немцами. На канцлера Вилли Брандта, например, произвела большое впечатление ваша беседа с его заместителем Гельмутом Шмидтом прошлым летом в Москве. Не осталась незамеченной также неординарная высказанная вами мысль по поводу того, что туннель сквозь гору нужно пробивать одновременно с обеих сторон».

Громыко впервые внимательно посмотрел на меня.

«Все это я действительно говорил, — признал он. — И постоянно повторяю, что копать туннель имеет смысл только в том случае, если движение по нему будет двусторонним. Это основополагающий принцип нашей, да и не только нашей дипломатии. Что касается тайной дипломатии, — продолжал он, — то скажу вам откровенно, это понятие вызывает у меня отторжение. По сути, это искусственное ускорение естественного исторического процесса, т.е., в данном случае, насилие над внешней политикой. Думаю, уместна будет аналогия с фруктами или овощами, которые искусственно обогревают или облучают, чтобы они поскорее вызрели, не заботясь о том, каков будет их вкус».

Я попытался вступиться за парниковые овощи и фрукты, но министр не счел нужным дослушать меня до конца.

«Хорошо, считайте, что я вас понял. Мы обсудим эту проблему еще раз с Андроповым».

Это уже был не намек, а указание на дверь, в которую я и вышел.

Итак, встреча с Громыко не удалась. Возвращался я на службу не в лучшем настроении. Ощущал себя карликом, предпринявшим бесплодную попытку сдвинуть с места гранитную глыбу. Тем больше я был поражен, когда Андропов встретил меня, добродушно улыбаясь:

«Ну как тебе общение с высшим эшелоном нашей дипломатии? Надеюсь, ты убедился, что оно не для слабонервных. У Андрея Андреевича свой метод: сначала опустить человека на дно, а затем великодушно вытаскивать оттуда».

К счастью, рассказывать мне ничего не пришлось. Пока я ехал, Громыко успел позвонить и подробно изложить наш разговор Андропову.

«Кстати, Громыко похвалил тебя за “умение мыслить”. Продолжай в том же духе. Это крайне важно для нашего общего дела».

«Да, задачку вы мне поставили непростую», — почему-то решил пожаловаться я и попал в десятку.

Андропов подошел ко мне и пожал руку:

«Дорогой мой, будь это просто, я сделал бы сам, но понимая, что будет сложно, поручил тебе».

Шутка вряд ли была экспромтом, но явно нравилась автору. Закрывая за собой дверь кабинета, я слышал, как он негромко посмеивался.

В тот казавшийся мне неудачным день произошел прорыв в отношениях между министром иностранных дел и руководителем Комитета госбезопасности. Их отношения отныне строились по принципу «не можешь победить — подружись». За короткое время они из соперников превратились в союзников и оставались ими до конца жизни. Я далек от того, чтобы приписывать себе хоть малейшие заслуги в деле их примирения. Тут все лавры у Брежнева: он приказал, и министры должны были «полюбить» друг друга. Но доля приязни окрасила отношение Громыко и ко мне. В течение последующих одиннадцати лет как минимум раз в месяц, а порой и чаще, он вызывал меня для обсуждения ситуации в Германии. Даже во время болезни дважды приглашал меня к себе на дачу, и мы беседовали на уютной веранде загородного дома. Как объяснили мне приближенные министра, это являлось высшей формой доверия — Громыко был чрезвычайно замкнутым человеком во всем, что касалось его частной жизни. Мне же порой казалось, что так он пытался сгладить впечатление от фарса, который разыграл передо мной в первую нашу встречу.

Отношения между Брежневым и Брандтом стабилизировались, и яснее стала истинная причина того взрыва негодования, который позволил себе Громыко на заседании Политбюро. С появлением «тайного канала» министр утрачивал монополию на контроль событий. Кроме того, Громыко не любил и не умел работать в жестких временны́х рамках, а у Брежнева с Брандтом

времени было мало. Канцлеру предстояло в самый сжатый срок реализовать планы по сближению обеих Германий, Генеральному секретарю — укрепить свое положение в стране и в Политбюро.

…В середине 70-х годов у Брежнева случился инфаркт. Его увезли в больницу и изолировали от внешнего мира. В Советском Союзе состояние здоровья правителя всегда было государственной тайной, охраняемой серьезнее, чем дислокация стратегических ракет. О болезни Генерального секретаря знало ограниченное число людей, и разговоров на эту тему не вели даже на самом верху.

Работа на «канале» в одночасье замерла: канцлер продолжал выдвигать идеи, задавать вопросы, однако ответной реакции не было.

Прекратились и мои встречи с Андроповым. За неполный месяц меня соединили с ним лишь один раз. Едва поздоровавшись и не дожидаясь вопросов, он сказал:

«Контакт ни в коем случае не прерывай. Продолжай встречаться. Но с нашей стороны пока никакой активности не будет. Придумай, чем заполнить это время в общении с немцами. Ты меня понял?»

Я понял. Андропов был человеком чести, лукавить не хотел, а сказать правду не мог. Он не знал, что мне уже известно о болезни Брежнева.

Дело в том, что я жил на Кутузовском проспекте, в доме, куда много позже меня вселилась так называемая «могучая тройка»: Генеральный секретарь Брежнев, руководитель госбезопасности Андропов и министр внутренних дел Щелоков. Накануне телефонного разговора с Андроповым я вышел из дома на Кутузовский проспект, и вдруг к тротуару лихо подъехал черный автомобиль. Из него выпорхнула очаровательная женщина, громадная копна каштановых волос и удивительно большие глаза которой не могли оставить равнодушными прохожих. Особенный интерес вызывало то, что, несмотря на прохладную погоду, женщина шла по асфальту босиком.

«Вижу, знакомый мужчина прогуливается, решила не упускать случая», — обратилась ко мне Галина Брежнева с легким и очень приятным малороссийским акцентом.

«Для этого необязательно бегать босиком по холодному асфальту», — пожурил я ее по-отечески.

«Ой», — спохватилась она, — я, как всегда, туфли в машине сняла, а надеть забыла. Видимо, от расстройства — отца навещала в кремлевской больнице. Чазов сказал — инфаркт. Отцу теперь курить запретили. К тому же личный врач дает ему снотворные таблетки без ограничений — так он их даже днем горстями глотает. Но выглядит, слава Богу, неплохо. Врачи говорят — выкарабкается. А мы с мамой переживаем: то ли да, то ли нет. Ну ладно, я побегу, а то домашние на даче заждались».

Она юркнула в машину, помахала мне рукой и исчезла. Для дочери Брежнева великая государственная тайна была всего лишь семейным несчастьем.

…На встречах с Баром мы старались решать задачи, посильные нам. Однако было ясно, что долго так продолжаться не может. И жизнь подтвердила это.

«Я не хочу знать ничего, выходящего за пределы нашей работы, — заговорил однажды Бар. — Но буквально накануне мы с канцлером подводили итоги за последнее время и пришли к весьма тревожному выводу.

«Если не секрет, к какому?»

«С Брежневым поступили так же, как он со своим предшественником: тихо оттеснили от власти. Иначе чем объяснить его затворничество в последнее время? А поскольку внешняя и внутренняя политика у вас сильно персонифицированы, для нас такой поворот событий весьма печален. Как ты понимаешь, мы должны думать о будущем».

Я объяснил министру, что в нашей стране самой большой государственной тайной является состояние здоровья правителя. Но руководитель страны имеет все права нормального человека, в том числе и право болеть. В конце концов у каждого смертного может случиться банальный инфаркт.

«Выходит, Брежнев болен!» — с явным облегчением воскликнул министр.

«Чему ты радуешься?»

«Парадоксально, но болезнь Брежнева — новость для нас радостная, мы ожидали худшего. Однако вы ведете себя странно: человек заболел, а вы делаете вид, что ничего не произошло. Нужно немедленно сообщить канцлеру, чтобы он послал телеграмму Брежневу с пожеланием скорейшего выздоровления. Он это с удовольствием сделает».

Я на миг представил, что произойдет в Кремле и на Лубянке, когда там получат телеграмму Брандта, и попросил:

«Не забудь в конце сделать приписку о том, что и я тоже в одночасье скончался».

«В каком смысле?!»

«Повторяю, состояние здоровья главы государства у нас в стране имеет самый высокий гриф секретности, рассказывать о его слабостях мы не имеем права».

Бар на минуту задумался.

«Ну что ж, у всех свои правила, пусть порой и странные. Будем надеяться, что Брежнев и без телеграммы канцлера выздоровеет».

«Я в этом абсолютно уверен».

К счастью, так и случилось. Через полтора месяца Леонид Ильич поправился и приступил к работе.

…Решение, которое принял Генеральный секретарь в деле сближения с Западной Германией, разделило Политбюро. Большинство заняло позицию молчаливого выжидания. Меньшинство не осмеливалось выступать открыто, но в кулуарах оценивало сближение СССР и ФРГ как очевидный сговор с классовым врагом. Позицию Брежнева самым активным образом поддерживал Андропов, а чуть позже к ним присоединился и Громыко. Однако, даже выполняя волю Генерального секретаря, он никак не мог отказаться от титула самого жесткого в мире переговорщика, что в системе нашей внешней политики оценивалось крайне высоко. Прогрессирующая негибкость Громыко снискала ему славу «Мистера Нет».

Следуя логике событий, для ведения переговоров Брандт направил в Москву Бара. Мы тщательно готовили его к встрече с Громыко, предсказывая всевозможные трудности, с которыми он столкнется. Однако выяснилось, что, как и к смерти, к встречам с Громыко подготовиться невозможно. Пока Бар находился в Москве, мы виделись с ним почти каждый вечер. Однажды, вернувшись в отель после переговоров с Громыко, он, невероятно упорный в достижении цели, вдруг бросил на стол несколько исписанных черновиков и сказал:

«Все! Я собираюсь домой. Такое бессмысленное выжимание соков не имеет ничего общего с сотрудничеством».

Забрав несколько страничек с текстом обсуждаемых договоров и сделав несколько поясняющих приписок, я утром занес их в секретариат шефа, а с копией отправился к Фалину.

Зайдя к нему в кабинет, я положил листочки на стол. Он мельком глянул на них:

«Послушай, забери ты эти бумаги. Они мне уже во сне снятся. Давно можно было все эти вопросы согласовать и подписать. Однако наш министр при его антипатии к немцам впадает в переговорный ажиотаж».

«Это как?»

«Как охотник, который гонит зверя».

На этих словах в приемную вошел Юлий Квицинский — молодой талантливый дипломат с ясной головой и хорошим чувством юмора. Он высказался более деликатно:

«У нас сейчас происходит смещение акцентов во внешней политике в сторону Америки. Расстояние большое — целый океан, так что не обессудьте».

Под конец, правда, оба пришли к единому мнению: повлиять на ситуацию может только Брежнев.

Я поблагодарил своих друзей за совет и отправился к Андропову.

Когда я вошел в кабинет шефа, он читал оставленные мной странички. Затем синим карандашом поставил жирные отметки на полях и подчеркнул несколько слов. Испещренная ярко-красными и синими пометками бумага приобрела нарядный вид. Андропов еще раз пробежал глазами текст и нажал кнопку связи с Брежневым. Тот был на месте. Глава КГБ подробно изложил ему ситуацию на переговорах, не забыв упомянуть и о «чемоданном» настроении Бара.

«А в чем разногласия?» — поинтересовался Брежнев.

«В формулировках. Ну, например, “незыблемость” или “неприкосновенность” границ».

Брежнев долго молчал.

«Как ты сказал?»

Андропов внятно повторил.

«Послушай, Юра, а это разве не одно и то же?»

«На мой взгляд, именно так, но Андрею Андреевичу виднее. Однако нам стоит иметь в виду: оппозиция в Германии настраивает общественное мнение

на то, чтобы блокировать ратификацию договоров в бундестаге, тем самым "убрать" Брандта, и тогда…»

«И тогда, — перебил его Брежнев, — весь шум, поднятый нами и Брандтом вокруг сближения наших стран, окажется пшиком. В общем, ты прав, Юра, за внешнюю политику у нас отвечает Андрей. Так что давление на него оказывать мы не должны. И тем не менее, я сейчас позвоню Громыко и дипломатично поинтересуюсь, как идут переговоры с немцами. И не думает ли он, что договоры "застрянут" при ратификации в бундестаге. Надеюсь, он поймет, что́ надо делать и как».

Положив трубку, Андропов еще минут сорок задавал мне вопросы по поводу проходящих в Москве переговоров. Наконец, когда я готов был откланяться, позвонил Громыко.

«Только что разговаривал с Леонидом Ильичом. Интересуется, как проходят переговоры с немцами. Я сказал, что идет обычная рутинная работа: утрясаем формулировки. Через неделю закончим. Он поинтересовался, что же тогда нервничает Бар. Как стало известно, даже готов улететь в Бонн. Я ответил, что ничего об этом не знаю, но что это обычный дипломатический прием. Когда Аденауэр приезжал в Москву и вел переговоры с Хрущевым, его делегация несколько раз собирала чемоданы и выставляла их в коридор, а потом снова распаковывала, демонстрируя готовность в любую минуту прервать или продолжить переговоры».

На следующий день Громыко затребовал меня к себе:

«Ну, что там происходит с нашим другом Баром? До меня дошли слухи, что он пребывает в дурном настроении. С чего бы это?»

«Полагаю, от отсутствия причин пребывать в хорошем», — саркастически ответил я.

«Неужели нет ничего положительного, что могло бы его радовать?»

Я пожал плечами.

«Вот видите, молчите. На самом деле для Бара это просто дискуссия о судьбе Западной Германии. Зато нам приходится думать о двух Германиях сразу и о каждой в отдельности. Кому сложнее? Правда, у него за спиной оппозиция, которая нацелена на то, чтобы, используя договоры, сокрушить нынешнее правительство Брандта».

А затем произошло неожиданное. Громыко вдруг отбросил официальный тон и заговорил нормально, по-человечески:

«У меня к вам просьба. Передайте, пожалуйста, Бару, чтобы он не драматизировал излишне ситуацию. Мы его в обиду оппозиции не дадим и договор после детального обсуждения в ближайшее время подпишем. Вы меня поняли?»

«Не только понял, но и обещаю передать Бару все точно так, как вы сказали. Надеюсь, это известие придаст ему бодрости и сил».

«Вот и прекрасно».

На лице Громыко появился какой-то намек на улыбку.

Подписание Московского договора состоялось в Екатерининском зале Кремля. Договор имел все предпосылки для того, чтобы стать значительным

международным событием, а его подписание — венцом миролюбивой инициативы Брежнева. Дегтя в бочку меда подлила, как и следовало ожидать, оппозиционная коалиция в Германии. В ФРГ началась сущая свистопляска вокруг ратификации. Оппозиция учуяла, что в воздухе повеяло запахом власти и поставила в бундестаге вопрос о доверии канцлеру. Подписанный договор стал главным укором. Бар сообщил нам, что шансы Брандта остаться у власти равны шансам ее потерять. Следовало что-то предпринять, чтобы увеличить вероятность его победы. Личное общение двух лидеров должно было в этом помочь.

С 16 по 18 сентября 1971 г. в Ялте проходила встреча Брандта с Брежневым, находившимся в Крыму на отдыхе. Генерального секретаря сопровождал его помощник Александров-Агентов — человек высочайшей культуры, эрудиции, блестяще образованный. С канцлером Брандтом приехал министр Бар. Обсуждались все те же вопросы: отношения между ФРГ и ГДР, ратификация договоров, а также подготовка к конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. Последняя идея чрезвычайно увлекала Брежнева глобальными масштабами.

В аэропорт Симферополя, где должен был приземлиться самолет канцлера, Генеральный секретарь приехал заранее. Стояла изумительно красивая крымская осень. В тот день Леонид Ильич был одет в летний костюм, выгодно подчеркивавший его южный загар. Брежнев всегда тщательно следил за своей внешностью: костюмы его были безупречно сшиты, к подбору галстуков и туалетной воды он относился куда серьезнее, чем к иным государственным проблемам.

В преддверии встречи в Крым слетелась громадная стая журналистов, в основном западногерманских. Свои отношения с пишущей братией Брежнев строил так же, как с подчиненными: среди них были любимчики, которым он с удовольствием уделял много времени и внимания, и те, кого он просто не замечал. Советским фаворитом Брежнева был неизменно сопровождавший его фотокорреспондент ТАСС Владимир Мусаэльян.

…Лайнер вооруженных сил ФРГ совершил посадку на пустынном летном поле аэродрома. После приветствий у трапа и краткого пребывания в здании аэропорта всех прибывших усадили в автомобили и повезли через горный перевал к морю. Там Брежнев проявил себя как демократичный хозяин, приказав охране пропустить всех гостей и журналистов на территорию своей резиденции. Более того, он показал собравшимся любимую игрушку — громадный плавательный бассейн с морской водой. И продемонстрировал его в действии: нажал кнопку, и четырехметровая стена медленно и торжественно раздвинулась, открывая выход в море.

Во время купаний в Черном море и прогулок по чудесным паркам Ореанды закладывались основы визита Генерального секретаря в ФРГ. Однако некоторых представителей немецкой прессы шокировал факт совместного купания двух лидеров, когда Брандт и Брежнев разделись до плавок и вместе вошли в море. Заговорили о «политическом стриптизе», будто если бы они

купались не раздеваясь, при галстуках и в костюмах, политически это выглядело бы целомудреннее.

Мы с Баром решили не афишировать наши доверительные отношения даже в Крыму и в течение трех дней, отведенных для визита, встретились лишь один раз. Громоздкий лимузин «Чайка» вывез нас высоко в горы неподалеку от Ялты. Мы уселись на валунах под вековыми соснами, где устроили небольшой пикник, во время которого спокойно обсудили события последних дней.

В Крыму наша функция посредничества между лидерами двух стран была сведена до минимума: Брандт и Брежнев обсуждали проблемы напрямую. Что же касается перспектив на будущее, то Бар предупредил: обстановка вокруг так называемых восточных договоров, а следовательно, и вокруг Брандта будет день ото дня усложняться. Обострится критика Брандта со стороны оппозиции, считающей, что подписанные канцлером договоры разрушают традиционную линию внешней политики ФРГ, которую заложил Аденауэр и продолжали все его преемники. Якобы никто из них никогда не предпринимал даже робких попыток сблизиться со странами Восточной Европы из опасения подорвать доверие Соединенных Штатов Америки. Однако, как удалось выяснить министру Бару, тезис этот не соответствовал исторической правде.

По его словам, в наших внешнеполитических архивах сохранилась запись конфиденциальной беседы бывшего посла СССР в ФРГ А. Смирнова с первым канцлером ФРГ К. Аденауэром, состоявшейся 6 июня 1962 г. В ходе беседы первый послевоенный германский канцлер предлагал Советскому Союзу заключить между обеими сторонами перемирие (Burgfrieden) сроком на десять лет с тем, чтобы за это время обе стороны установили нормальные межгосударственные отношения. Это, по мнению Аденауэра, должно было повысить внешнеполитический престиж ФРГ, в том числе в глазах Америки и ее западных союзников. Обсуждался также вопрос и о предоставлении бóльших свобод гражданам ГДР. Таким образом, получалось, что руководитель ныне оппозиционных партий еще в начале 60-х годов предлагал то, что в 70-х начал реализовывать Брандт. Это был, несомненно, убийственный аргумент.

Бар спросил меня, можно ли опубликовать запись этой беседы, чтобы оказать содействие Брандту. Ситуация показалась мне настолько очевидной, что я был готов тут же пообещать положительное решение проблемы. Однако судьба наказывает не только за непродуманное решение, но и за скороспелое намерение.

…Установить наличие стенограммы в архиве МИДа удалось легко, однако ознакомиться с ней можно было только с разрешения Громыко. А он болел и находился на даче. На мой глупый вопрос: «Когда можно ожидать выздоровления министра?» — его помощник Макаров адресовал меня к врачам. Но невезение всегда заканчивается там, где начинается удача. Минут через двадцать позвонил помощник и недовольным голосом сообщил:

«Министр ждет тебя завтра в 14 часов на даче. Понял?»

Я с трудом переношу повелительный тон секретарей высокопоставленных особ.

«Не понял, но буду завтра вовремя, в 14.00», — ответил я таким же недовольным тоном, хотя в душе был счастлив, что дело не откладывается надолго.

Приехал я на дачу за пять минут до назначенного срока. Охранник молча сопроводил меня до гостиной. Навстречу из глубокого кресла не без труда поднялся Громыко. Костюм на нем напоминал нечто среднее между пижамой и робой художника.

«Надеюсь, вы не откажетесь отобедать со мной?» — не дожидаясь ответа, он провел меня на веранду, где был накрыт стол на две персоны.

Надо признать, что кремлевские повара, обслуживавшие наших министров, готовили всегда просто, но удивительно вкусно. В этот раз нас кормили салатом из парниковой редиски с огурцами, заправленным свежей сметаной, хлебом собственной выпечки и необыкновенными мясными тефтелями в сметанном соусе с рисом. Во время обеда мы почти не разговаривали. Женщина, которая обслуживала нас, подавала на стол молча. Она показалась мне чем-то похожей на министра, и я подумал, что если она вдруг заговорит, то обязательно скривит рот, как и ее хозяин.

«Ну как, ваши немцы довольны визитом в Ялту? А то они ведь все время что-нибудь у нас требуют — то одно, то другое».

«На сей раз они ничего не требуют, но возникла благоприятная ситуация, в которой мы можем оказать существенную помощь Брандту в стабилизации его положения».

«Вот, видите, все-таки я прав. От нас вновь что-то хотят. Ну хорошо, рассказывайте, что именно».

Я добросовестно изложил идею публикации записи беседы Смирнова с Аденауэром.

«И вы считаете, что это как-то поможет изменить в лучшую сторону положение Брандта?»

«Так считают Бар и сам Брандт».

«Ну раз так, давайте в очередной раз окажем им услугу и опубликуем эти материалы. Послезавтра я выхожу на работу, вы появляетесь у меня, и мы обдумаем, как нам удовлетворить просьбу немцев, не нанося ущерба себе».

Сдержаться и не поделиться новостью с Баром было выше моих сил, и я поспешил намекнуть ему по телефону, что дело постепенно налаживается. Позже я не раз пожалел об этом. В назначенный день, не сомневаясь в успехе, я победно-уверенным шагом вошел в кабинет Громыко.

«Я ознакомился с документом, — начал министр. — Нет сомнения, что публикация этой беседы ослабила бы сегодня позиции противников Брандта. Но это сегодня, — Громыко многозначительно поднял вверх указательный палец. — Да-да, именно сегодня, а завтра, после публикации стенограммы, нам перестанут подавать руку и впредь будут разговаривать лишь при свидетелях.

И что тогда? Тогда получится, что ради сегодняшней выгоды мы разрушили всю пирамиду доверия, которую сами же сооружали десятилетиями».

Я не ожидал такого поворота и все-таки вяло возразил:

«Извините, Андрей Андреевич, но конфиденциальность, о которой вы говорите, уже была частично нарушена самим Аденауэром. В телевизионном выступлении накануне отставки он признал, что в свое время направлял письмо Хрущеву с предложением установить десятилетнее перемирие между нашими странами».

Министр пропустил мое замечание мимо ушей.

«Принцип должен быть выше сиюминутного соблазна. Я говорил по этому поводу с Андроповым. Он того же мнения».

Последняя фраза означала: приговор окончательный и апеллировать больше не к кому. Я на секунду представил себе расстроенное лицо Бара, когда сообщу ему эту неприятную новость. Видимо, разочарование появилось и на моем лице.

«Вы напрасно огорчаетесь, иначе мы поступить не можем. Доверие — это высшая точка отношений между людьми. Представьте, что Бар опубликовал бы ваши конфиденциальные беседы».

Я не мог этого представить, поэтому пример показался мне убедительным. Пора было менять тему:

«Говорят, Сталин много раз обсуждал с вами будущее Германии и что он якобы в принципе был против ее разделения».

Громыко заметно оживился:

«Товарищ Сталин умел заглядывать далеко вперед. Этим и объясняется, почему он с таким пиететом относился к Германии и немцам, несмотря на войну. Действительно, эта страна долго была темой наших бесед. Обсуждали мы и то, какой ей быть — единой или разделенной. Естественно, вопрос ставился с точки зрения обеспечения стабильности в Европе».

«Если не секрет, к какому же выводу вы пришли?»

«Секрет, конечно, секрет! Но вам я скажу, что товарищ Сталин был всегда за Германию единую».

«Вероятно, для такого вывода у Сталина были какие-то соображения».

«Несомненно, и очень серьезные. Дело в том, что мы разговаривали всегда вдвоем, без свидетелей. Сталин умер, а я пока жив, но это небольшое преимущество вовсе не дает мне права разглашать содержание наших доверительных бесед. Иначе я бы поступил вопреки принципам».

«Сталин просил вас не разглашать эти беседы?»

Громыко в отчаянии взмахнул обеими руками.

«Товарищ Сталин никогда никого ни о чем не просил, но мы прекрасно знали, что́ говорить можно, а чего не следует».

День, когда мне надо было сообщить Бару неприятное решение Громыко, из мрачного неожиданно превратился в светлый. Бар внимательно выслушал меня, мгновение подумал и сказал:

«Я очень огорчен, но одновременно и доволен».

Я удивленно посмотрел на него.

«Да-да, именно доволен. Твой рассказ подтверждает тот факт, что вы твердо придерживаетесь правил игры и обязательств, которые на себя берете, а это значит — с вами можно и нужно иметь дело».

Громыко давно ушел из жизни. Я же с большой благодарностью вспоминаю тот урок, который он мне однажды преподал.

Печатается с разрешения Правообладателя
ЗАО «Издательство Семь Дней».
Первоначально Произведение было опубликовано
в журнале «Коллекция Каравана историй»

Китаев В.С.

Уроки дипломатии Громыко

Мы, кому посчастливилось трудиться под прямым руководством Андрея Андреевича Громыко, относимся к нему с глубоким уважением и искренней симпатией. С полным основанием мы считаем его своим наставником в овладении искусством высокой дипломатии.

Как большого дипломата и государственного политика, А.А. Громыко отличают несомненные достоинства. Обладая широким кругозором, он, во-первых, внимательно анализировал и оценивал общую международную обстановку, глубоко изучал и понимал основные процессы, происходящие в мире, делал необходимые выводы, опираясь на такой проверенный инструмент, как марксистско-ленинская теория.

Во-вторых, А.А. Громыко, как редко кто другой, умел великолепно соединять принципиально важные теоретические соображения с выработкой сугубо конкретных и реалистичных мер, направленных на успешное практическое осуществление задач, стоявших перед внешней политикой нашей страны, на эффективное отстаивание ее высших государственных интересов.

Прекрасно осознавая особенности происходящей в планетарном масштабе борьбы двух мировых общественно-политических систем — социализма и капитализма, он вместе с тем стремился и умел находить такие развязки острых международных проблем, которые соответствовали интересам Советского Союза и, в общем-то, были приемлемы для западных государств. Вот именно в такой способности находить компромиссы, отвечающие обоюдной заинтересованности нас и наших партнеров, очевидно, и заключаются непременные условия и предпосылки позитивного исхода ведущихся переговоров. Этой способностью, этим мастерством дипломатического «переговорщика» отлично владел А.А. Громыко. В результате сложной и искусной работы, напряженного труда, настойчивых и кропотливых усилий, длившихся порой в течение нескольких лет, Громыко удавалось приходить к крупным договоренностям

Китаев Владимир Сергеевич — Чрезвычайный и Полномочный Посол.

и соглашениям, касавшимся проблем укрепления международной и общеевропейской безопасности, ограничения гонки вооружений и их сокращения, налаживания полезного сотрудничества с другими странами в политической, экономической, гуманитарно-культурной и иных областях. Ведь почти за 30 лет пребывания Громыко на посту министра иностранных дел никто не может назвать ни одного случая, когда какие-либо достигнутые им договоренности с зарубежными государствами противоречили или не отвечали интересам нашей страны.

Лично мне довелось встречаться и работать с А.А. Громыко в течение трех отрезков времени.

Первый раз это произошло в январе-феврале 1954 г., когда советская делегация, в состав которой входил и первый заместитель министра иностранных дел А.А. Громыко, недавно вернувшийся с поста посла в Лондоне, участвовала в Берлинском совещании министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции.

После окончания в 1953 г. Московского государственного института международных отношений меня направили в Берлин, в посольство СССР в Германской Демократической Республике. Работа в посольстве была довольно своеобразной. Берлин считался в те годы фронтовым городом, здесь напрямую противостояли два строя — социалистический и капиталистический, друг против друга стояли советские и западные воинские подразделения, в городе случалось немало конфликтов и происшествий. Главной задачей посольства было развитие многогранного дружественного сотрудничества СССР с ГДР, содействие укреплению позиций этого оплота прогресса и мира на немецкой земле.

Вместе с тем по поручению посла в ГДР Г.М. Пушкина, а затем В.С. Семенова часть сотрудников посольства, в это число включили и меня, поддерживала деловые контакты с представителями США, Великобритании и Франции в Западном Берлине. Известно, что после поражения в мае 1945 г. фашистской Германии управление ею осуществлялось четырьмя державами-победительницами. Наша работа в Берлине на этом направлении имела двойственный характер. С одной стороны, мы — сотрудники советского посольства в ГДР и одновременно Аппарата Верховного комиссара СССР в Германии — хорошо понимали, что западники представляли совершенно противоположную политическую, социально-экономическую и даже военную систему. С другой стороны, мы исходили из того, что они официальные лица, граждане тех государств, с которыми СССР имеет нормальные дипломатические отношения и с которыми согласно международным договоренностям мы должны были сотрудничать в верховном управлении поверженной Германией, регулировать проблемы, связанные с дальнейшим государственно-политическим устройством и развитием страны, сохранением ее единого пространства, поддержанием внутригерманских связей. Важно было не допустить опасную возможность возникновения с германской территории новой кровопролитной войны. Приходилось также решать насущные, сугубо конкретные вопросы, представляю-

щие жизненно важный интерес для населения. Диалектически мы одновременно и противостояли западникам, и в меру необходимости взаимодействовали с ними. Следуя хорошим образцам, мы в своей работе, по-существу, использовали выверенные методы добротной дипломатии, которые успешно применял А.А. Громыко на практике в более широких масштабах.

Во время упомянутого Берлинского совещания четырех министров иностранных дел меня, как и других сотрудников посольства СССР в ГДР, привлекали к работе с советской делегацией, в том числе и с А.А. Громыко. Нам поручали всякого рода оперативные дела. Сюда входили и сбор, и подготовка информационных и справочных материалов, выполнение текущих заданий, дежурства в посольстве, местах пребывания делегации и др. Мы, молодые, начинающие дипломатическую службу работники, в общих чертах знали, как действовала, какие предложения вносила советская делегация (ее главой являлся В.М. Молотов).

Берлинское совещание стало одним из первых, которое проходило после кончины И.В. Сталина. Желая, очевидно, продемонстрировать в определенной степени обновленные подходы советского руководства того времени, делегация СССР проявляла на совещании активность, стремление добиться ощутимых подвижек в поисках приемлемых решений германского вопроса, а также заключения мирного договора с Австрией. Интересно, что именно тогда, в феврале 1954 г. наша делегация впервые выдвинула, в частности, предложение о вступлении СССР в НАТО (реакция западников была негативной).

В ходе совещания мы, молодые, набирались опыта, учились умению работать на международных конференциях, видели, как члены нашей делегации осуществляли деловые контакты с представителями западных держав, а также с немецкими представителями. Все это позволяло нам осваивать необходимые уроки, обогащало наши знания о специфике дипломатической работы.

Второй, более длительный и значимый период непосредственной работы с А.А. Громыко был в 1959–1966 гг. После возвращения из Берлина меня направили в секретариат министра иностранных дел СССР. Там сначала мне поручили выполнять секретарские задачи — подбирать информационные материалы на основе сообщений ТАСС, заниматься организационными вопросами, приглашать к министру его заместителей, завотделами, других руководящих сотрудников МИДа, осуществлять протокольные функции и т.п. Однако вскоре я стал все более входить в суть дел, которыми занимался секретариат министра — знакомился с поступавшими документами, подготавливаемыми в МИДе материалами и записками, стремился лучше освоить историю и существо обсуждаемых вопросов. К тому же это обусловливалось и служебными потребностями, ведь в секретариате мы работали посменно, сутками, и дежурный сотрудник должен был быть готовым ответить на телефонные звонки министра, быстро и точно выполнить его поручения по тем актуальным делам и бумагам, которые находились у него на рассмотрении.

После напряженного трудового дня А.А. Громыко брал с собой домой папку с документами, с которыми он работал по вечерам. Его рабочий день длился практически с утра до позднего вечера, и так непрерывно по будням, по субботам и воскресениям. Часто министр вызывал к себе домой или на дачу дежурного сотрудника с просьбой привезти новые срочные депеши или документы, а также забрать рассмотренные или отредактированные им материалы для перепечатки и быстрого отправления в руководящие инстанции. Подписанные министром указания советским послам оперативно направлялись по соответствующим адресам.

Министр А.А. Громыко требовал, чтобы сотрудники секретариата внимательно знакомились с подготавливаемыми документами. Они должны были быть составлены в ясных и точных выражениях, не допускались никакие неряшливые и двусмысленные формулировки, не говоря уж об опечатках и лексических погрешностях.

Порой А.А. Громыко считал нужным расспросить приехавшего к нему дежурного сотрудника (это случалось и со мной) о содержании привезенного материала, об основных изложенных в нем вопросах, о позициях по ним советской стороны и наших зарубежных контрагентов. Он интересовался, какие совпадающие моменты имеются в этих позициях, что позволяло бы достигнуть взаимоприемлемых договоренностей с другими государствами. Такой разговор в какой-то степени напоминал спортивную игру опытного мастера с менее сильным спарринг-партнером. Громыко, надо полагать, проверял себя и убеждался в правильности своих выводов по тому или иному злободневному вопросу, а молодой сотрудник получал еще один столь нужный и запоминающийся урок дипломатического мастерства.

Меня искренне восхищали такие характерные черты, присущие А.А. Громыко как дипломату и человеку: хладнокровие, спокойствие, выдержка, даже в ходе самых сложных переговоров. Помнятся заседания Комитета по разоружению, проходившие в Женеве в 1961 г., еще во времена холодной войны, когда участвовавшие в переговорах западные государства, пожалуй, не были пока готовы к назревшим шагам в разоруженческих делах. На заседаниях Комитета при обсуждении животрепещущих вопросов, затрагивавших как интересы обеспечения безопасности государств-участников, так и императивы оздоровления международной обстановки в целом, разгорались зачастую весьма острые дискуссии. Мы, сопровождавшие Громыко работники его секретариата, признаюсь, довольно нервозно воспринимали надуманные выпады западных представителей против Советского Союза, его позиций и предложений по проблемам разоружения, их демагогические ухищрения, нацеленные на то, чтобы не переходить от слов к делу. Один лишь Громыко оставался невозмутимым. Выслушав высказывания западных дипломатов, он умело и очень аргументированно отводил их доводы, убедительно доказывал необходимость принятия советских предложений. В одном из своих выступлений Громыко, обратив внимание на то, что Швейцария, где заседал Комитет, это страна высоких гор, уместно использовал красочный образ. Он призвал Комитет в дополнение Мон-

блану всякого рода резолюций принять одно, но действенное, обязательное к выполнению решение, которое поставило бы на практические рельсы дело прекращения гонки вооружений, сокращения их огромных запасов, обеспечения безопасности в планетарном масштабе. С удовлетворением можно отметить, что всего лишь через несколько лет эти соображения нашли реальное воплощение в целой серии крупных двусторонних и многосторонних соглашений, заключенных Советским Союзом со своими партнерами по разным аспектам проблем разоружения.

Высокие человеческие качества А.А. Громыко как дипломата и политика проявились и в 1962 г. во время острейшего кризиса в связи с известными событиями вокруг Кубы, когда мир фактически оказался на грани ракетно-ядерной войны. Тогда у Громыко, как и у других членов советского руководства, не было никакой растерянности, никаких панических настроений, наблюдались высочайшая собранность, оперативность в действиях, решимость преодолеть возникшие трудности, не допустить скатывания к мировому катаклизму. По многим направлениям шли поиски выхода из сложившегося весьма опасного положения. Мне очень запомнился один ключевой эпизод той поры. На очередном заседании в Кремле было принято решение в срочном порядке направить политическому руководству Соединенных Штатов послание, в котором говорилось об условиях урегулирования ситуации вокруг Кубы. Послание нужно было переслать одновременно через посла СССР в Вашингтоне и через посла США в Москве. Послу в США А.Ф. Добрынину текст документа был передан по нашим обычным каналам. Что касается посла США в Москве, то сразу же после заседания Громыко из Кремля позвонил в МИД, продиктовал мне текст сообщения американскому послу Л. Томпсону и дал указание, сославшись на поручение, немедленно передать ему этот текст по телефону (что, конечно, незамедлительно было сделано). Была также дана команда сообщить послу, что в этот вечер Н.С. Хрущев будет на представлении в Большом театре, где посол мог бы с ним побеседовать. Посол, естественно, согласился с этим предложением, а соответствующим службам было дано указание встретить посла и провести его в ложу Хрущева для беседы.

Ночью я позвонил в ТАСС и поинтересовался, какие сообщения поступают через мировые информационные агентства из зоны Карибского моря. Мне ответили, что тревожных сообщений нет, информагентства говорят об установившейся спокойной обстановке в данном регионе. Стало ясно, что критическая точка кризиса пройдена, опасный рубеж преодолен, задача состоит в том, чтобы закрепить достигнутые позитивные результаты.

В конце пребывания в секретариате А.А. Громыко по настоянию Управления кадров МИДа решался вопрос о моем поступлении в Высшую дипломатическую школу, ныне Дипакадемию (существовавшие тогда правила предусматривали, что дипсотрудники каждые 10 лет должны были проходить переподготовку в учебных заведениях министерства). В 1963 г. (тогда исполнилось ровно 10 лет со времени окончания мною МГИМО) Громыко не отпустил меня в ВДШ: «Вы уже прошли необходимую школу, вы и так здесь много-

му научились и много умеете». В 1964 г. он был вынужден согласиться на мой временный уход в ВДШ, дабы не нарушать установленных правил. Однако после полуторагодичного обучения в ВДШ (вместо положенных двух лет) меня вернули в МИД, назначив в начале 1966 г. помощником замминистра иностранных дел М.В. Зимянина. В этой должности я пробыл недолго, до ухода Зимянина в газету «Правда» в качестве ее главного редактора. В середине 1966 г. я снова вернулся в секретариат Громыко, где он встретил меня шутливыми словами: «Вы снова будете работать на пользу мира и международной безопасности».

Вообще, надо отметить, что А.А. Громыко только внешне производил впечатление сухого, лишенного эмоций человека, не признающего шуток и хорошего юмора. В непосредственном общении он был очень человечным. Он отличался всесторонней образованностью в самых различных областях знаний, был интересным собеседником, умел удачно и уместно пошутить.

В феврале 1967 г. в моей карьере начался новый этап. Тогда (видимо, по согласованию с секретариатом А.А. Громыко) меня перевели в аппарат Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорного (с оставлением, согласно приказу, в кадрах МИД СССР). Я был в должности А.М. Александрова, который ранее вместе Л.И. Брежневым перешел на работу в ЦК КПСС. С учетом моей профессиональной подготовки мне поручали заниматься международными проблемами. Конечно, в этом деле мне существенно помогал опыт работы с внешнеполитическими вопросами на высоком уровне в МИД СССР. Специфика заключалась в том, что в аппарате Президиума Верховного Совета СССР этими вопросами мне довелось заниматься уже на общегосударственном уровне, принимая во внимание потребности и особенности как внутренней, так и внешней политики нашей страны.

Разумеется, на новом месте работы у меня были оживленные, повседневные контакты с МИД СССР, его подразделениями, с родным мне секретариатом министра. Были разговоры по телефону и с А.А. Громыко. Он интересовался ходом продвижения представленных МИДом документов, внесенных им предложений. Министр спрашивал и о мнении Подгорного по тем или иным вопросам, поставленным в депешах советских послов из-за рубежа. Нередко Громыко участвовал в проводимых Председателем Президиума Верховного Совета СССР переговорах с президентами иностранных государств, главами их правительств, с другими высокопоставленными гостями, прибывавшими с визитами в Москву.

Очень сожалею, но получилось так, что А.А. Громыко почти ни разу не посещал вместе с Н.В.Подгорным зарубежные страны. Во время таких поездок МИД СССР достойно представлял первый заместитель министра Василий Васильевич Кузнецов — весьма авторитетный, компетентный и уважаемый человек. А визиты проходили во взрывоопасные регионы, обострение ситуации в которых было чревато серьезными последствиями для международной обстановки. В качестве примера можно привести поездки на Ближний Восток и во Вьетнам. В 1967 и в 1973 гг. Н.В. Подгорный (вместе с сопровождавшими

его официальными лицами и сотрудниками секретариата) посетил Египет, Сирию и Ирак, чтобы остановить и помочь урегулировать арабо-израильский вооруженный конфликт. В 1972–1974 гг. Н.В. Подгорный (в качестве помощника я был в числе сопровождавших) дважды побывал во Вьетнаме для содействия его стойкому и мужественному народу в поиске путей прекращения агрессии США против этой страны.

И наконец, о третьем периоде моей работы под прямым руководством А.А. Громыко в конце 70-х и середине 80-х годов. После завершения работы в аппарате Президиума Верховного Совета СССР меня вернули в МИД и в 1979 г. командировали на должность советника-посланника советского посольства в Алжире. Там началась моя почти 15-летняя африканская «эпопея». Рассказывать о ней, впрочем, надо отдельно, сейчас же продолжим тему о Громыко.

В начале 1982 г. меня назначили послом СССР в Гвинейской Республике. Страна эта по климатическим условиям довольно трудная, но работать в ней было очень интересно. Через два года в Гвинее произошло кардинальное изменение политического строя. Внезапно от сердечного приступа скончался ее первый президент А. Секу Туре — выдающийся, самобытный руководитель, который обладал высокоразвитым интеллектом, хорошо знал проблемы Гвинеи и всей Африки, искренне стремился улучшить условия жизни своего народа, умел перед ним горячо и убедительно выступать. Он с глубокой симпатией относился к Советскому Союзу, был одним из признанных лидеров мирового национально-освободительного движения. У нас с ним сложились очень хорошие, доверительные отношения.

После кончины А. Секу Туре и последовавшей за ней непродолжительной (в течение всего одной недели), но отчаянной схватки различных политических сил в Гвинее в апреле 1984 г. к власти пришли военные. Новым президентом Республики стал генерал Лансана Конте (в бытность его начальником Генштаба гвинейских Вооруженных Сил мы были лично знакомы и поддерживали необходимые деловые контакты). Исторически получилось так, что я был последним послом СССР при А. Секу Туре и первым послом при Л. Конте.

Вслед за происшедшими в Гвинее изменениями меня пригласили на заседание коллегии МИД СССР, чтобы доложить о новой ситуации в этой стране, а также о состоянии и перспективах советско-гвинейских отношений.

Зная, что А.А. Громыко (он вел заседание коллегии) не склонен заслушивать формальные, парадно-радужные отчеты послов, мне хотелось сделать доклад не «местечкового» содержания лишь о Гвинее, а выйти на разговор о крупных, масштабных проблемах наших взаимоотношений с африканскими странами, да, пожалуй, и с другими государствами.

Начал я с информации о том, что, хотя в Гвинее имели место серьезные политико-идеологические перемены (отменено действие прежней Конституции, снят тезис о продвижении по пути социалистической ориентации и др.), ее нынешнее руководство открыто заявило о своем твердом намерении продолжать результативное сотрудничество с Советским Союзом. Практика

последних более чем 20 лет в общем-то подтвердила приверженность Гвинеи и ее руководства этим заявлениям.

Касательно политического сотрудничества с Гвинеей мною было отмечено, что она зачастую выступает в ООН и на других форумах в поддержку советских предложений, направленных на обеспечение мира и международной безопасности, на содействие народам, выступающим за укрепление своего национального суверенитета, политической независимости и экономической самостоятельности.

Перейдя затем к оборонной сфере, к разоруженческой тематике, сообщил о беседе с Л. Конте, когда по поручению центра изложил ему советские предложения относительно предотвращения ракетно-ядерного столкновения. В ответ он сказал, что, будучи генералом и одним из руководителей Минобороны, он хорошо знал об имевшемся у Гвинеи вооружении, в том числе и о поставленной ей советской военной технике, включая оперативно-тактические ракеты. Однако у него нет ясного представления о ракетах стратегического назначения, а тем более о ядерном оружии, которого у Гвинеи нет и не предполагается иметь. Но мы верим нашим друзьям из Советского Союза, заявил Л. Конте, и будем поддерживать его предложения о недопущении применения ракетно-ядерного оружия.

Тут А.А. Громыко счел нужным высказать свои соображения. Он отметил, что, несмотря на оптимистически-благоприятные сообщения ряда послов о том, как они удачно разъясняли главам зарубежных государств советские предложения по ракетному и ядерному оружию, порой складывается впечатление, что у них и их собеседников, видимо, нет достаточно полного и детализированного представления об этих видах вооружений. «Надо копать глубже», — подчеркнул Громыко и дал указание готовить советским послам более подробные и обстоятельные информации-поручения для проведения компетентных бесед с иностранными представителями.

Относительно наших торгово-экономических отношений с Гвинеей мною с удовлетворением было сообщено, что она является одной из немногих африканских стран, регулярно выплачивающих советской стороне долги за предоставленные госкредиты. К тому же Гвинея — это страна, которая строит экономические и производственные связи с СССР на взаимовыгодной основе. В ту пору Гвинея ежегодно поставляла нам почти 5 млн тонн бокситов — стратегического сырья для производства алюминия, используемого в целях выпуска самой широкой гаммы продукции — от ракет и самолетов до бытовых кастрюлек и банок для пива.

А.А. Громыко прокомментировал это сообщение, сказав, что советским послам надо вплотную и предметно заниматься развитием торгово-экономических и технологических связей со странами пребывания, чтобы добиваться обоюдовыгодных результатов. Послам не следует ограничиваться постановкой перед «центром» вопросов о предоставлении госкредитов даже на создание объектов, вроде бы нужных для страны пребывания. К тому же нельзя не учитывать, что имеется риск несвоевременного возвращения странами-реци-

пиентами долгов за полученные госкредиты (известно, что Минфин РФ до сих пор решает проблему урегулирования старых долгов).

Говоря о сотрудничестве в сфере науки и техники, я доложил, что в Гвинее Советским Союзом созданы два объекта — Научно-исследовательский центр (НИЦ) и медико-биологическая лаборатория. На базе НИЦ ученые проводили изучение атмосферы Земли, космического пространства, отслеживали движение спутников. Преимущество НИЦ, расположенного почти на экваторе, состояло в том, что установленное в нем оборудование давало эффективную возможность исследовать околоземное пространство, Солнце, другие небесных тела не под наклонным углом (как в северных широтах), а по кратчайшему пути, напрямую, почти перпендикулярно, под углом в 90 градусов. Результаты исследований имели прикладное значение для космонавтики, метеорологии, радиолокации, организации дальней связи и др. В биологической лаборатории изучались особенности выживания живых существ, микроорганизмов в неблагоприятных климатических (тропических) условиях. Понятно, что эти исследования также были предназначены для практического использования в различных сферах. Неслучайно, видимо, американцы создали свою аналогичную станцию в Сьерра-Леоне, недалеко от границы с Гвинеей.

А.А. Громыко кратко заметил, что в век стремительного научно-технического прогресса посольства и их соответствующие подразделения призваны постоянно следить за новыми достижениями науки и техники и обо всем, заслуживающем внимания, информировать «центр».

В заключительной части выступления я доложил о подготовке гвинейских национальных кадров как в вузах Советского Союза, так и на базе Конакрийского университета и других учебных заведений, созданных в Гвинее с помощью СССР. Мы разделяем мнение, что это — вложения в человеческий капитал, который должен сыграть свою полезную роль в Гвинее и других странах.

А.А. Громыко поддержал эти соображения, подчеркнув, что, готовя национальные кадры для зарубежных государств, мы тем самым выращиваем тех людей, которые объективно будут надолго связаны прочными узами с Советским Союзом, станут де-факто сторонниками развития отношений с ним. И действительно, опыт минувших десятилетий подтверждает, что выпускники советских (а затем и российских) учебных заведений, как правило, сохраняют привязанность и теплые чувства к стране, давшей им образование. Они составляют ядро тех сил, которые выступают за поддержание дружественных отношений и плодотворное сотрудничество между своими государствами и нашей страной.

Хотя доклад длился дольше оговоренного срока, он получился таким, как мне хотелось, разговор вышел за рамки Гвинеи, затронул проблемы, представляющие общий интерес. В значительной степени это удалось благодаря помощи и поддержке А.А. Громыко, который своими вопросами, замечаниями, комментариями и дополнениями позволил сделать обсуждение доклада более широкоформатным и насыщенным по содержанию.

В итоге можно с полным основанием отметить, что прошедшее под руководством Громыко заседание коллегии МИД СССР превратилось в великолепный мастер-класс высокой дипломатии и стало поучительным проявлением очень ответственного, подлинно государственного подхода к насущным внешнеполитическим делам. Высказывания Громыко относительно различных аспектов деятельности посольств актуальны не только для того периода, но сохраняют свою значимость и в нынешнее время. Что касается меня, то уроки, преподанные Громыко, существенно помогали в моей дальнейшей работе на посольских постах и на других участках.

В заключение заседания Громыко дал положительную оценку деятельности посольства СССР в Гвинейской Республике и призвал коллектив посольства успешно продолжать свою работу в сложных условиях страны пребывания. Состоявшееся заседание коллегии МИД СССР накрепко отложилось в моей памяти.

В последующем, после избрания в 1985 г. А.А. Громыко Председателем Президиума Верховного Совета СССР (В.В. Кузнецов и здесь стал его первым заместителем) мне довелось продолжать рабочие контакты с ним. Будучи в 1986–1989 гг. заведующим Первым Африканским отделом МИД СССР, по долгу службы мне приходилось приводить в хорошо знакомые помещения глав дружественных иностранных государств и участвовать вместе с Громыко в переговорах с ними. Тут опять сказывались его колоссальный опыт и умение вести дипломатические переговоры. Зарубежные руководители после состоявшихся встреч часто выражали мне, как заведующему Отделом, восхищение содержанием и ходом своих бесед с А.А. Громыко.

Однако это были, если можно так сказать, «арьергардные» бои. Сложившиеся в стране политические обстоятельства побудили А.А. Громыко в 1988 г. выйти на пенсию. Хотя, на мой взгляд, он обладал большим опытом работы, огромным потенциалом, в том числе интеллектуальным, и мог бы еще долгие годы продолжать плодотворно трудиться на благо нашего Отечества.

В 1989 г. А.А. Громыко ушел из жизни, но память о нем как выдающемся дипломате, политике и государственном деятеле навсегда сохранится в наших умах, а глубокое уважение к нему как интереснейшему и симпатичному человеку останется в наших сердцах.

Лонгин, архиепископ Клинский

Незабываемая встреча

В начале 70-х годов прошлого века в Финляндию в очередной раз приехал один из самых известных советских дипломатов Андрей Андреевич Громыко. Финляндия придерживалась линии президента Кекконена, согласно которой с СССР существовал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Финская экономика благодаря крупным заказам из СССР, поднималась из упадка, возникшего после Второй мировой войны. На Западе, хотя Финляндия была самостоятельным и нейтральным государством, ее приписывали к так называемому Восточному блоку. На прием, устроенный, как помнится, тогдашним послом СССР в Финляндии В.В. Степановым, который хорошо говорил по-фински, были приглашены и представители Русской Православной Церкви. Мне — в то время молодому иеромонаху — было очень необычно принимать участие в таком мероприятии.

Красивое массивное здание посольства, напоминающее Букингемский дворец, расположенное недалеко от пассажирской гавани Хельсинки, было очевидцем многих политически важных для Европы событий. Толстые ковры, хрустальные люстры не могли не впечатлить любого гостя.

Хозяин дома в мундире принимал подходящих к нему вереницей гостей. Рядом с ним стоял Андрей Андреевич Громыко, министр иностранных дел СССР. Любезное приветствие оттаяло мою настороженность. Во время приема Громыко подошел ко мне и начал живую беседу. Он говорил о важном значении культуры в советском обществе, о значении Церкви в этой культуре как хранительницы русской традиции, истории, ценностей. Видно, что человек, несмотря на членство в КПСС, все-таки признает значение Церкви в обществе и мире. Возникла мысль: «А может быть, он в детстве был крещен, ведь, учитывая его возраст, это вполне возможно?». Встреча оставила очень приятное впечатление и зародила надежду, что, может быть, все еще и переменится в России — в этом исконно православном государстве.

Лонгин, архиепископ Клинский — Представитель Русской Православной Церкви в Германии.

Прошли годы, из Финляндии меня направили в Германию, рукоположили в архиереи. Новая страна, новые контакты, новое поле деятельности, новые обязанности. Приближалось празднование 1000-летия крещения Руси. В Москве проходили большие торжества. И вот прошел слух, что участников торжеств будет принимать в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Ни с чем несравнимое впечатление — мне, потомку первых эмигрантов, предоставляется возможность быть среди приглашенных на встречу с первым человеком в Советском государстве. Да, думал я, прошли те времена, когда к нам, эмигрантам и их потомкам, относились с осторожностью. И вот — приезд в Кремль. В зале все ждут — входит Андрей Андреевич.

Встреча, к сожалению, была недолгой, однако его мудрые мысли о культурном значении Церкви и тут прозвучали четко и ясно. Его слова дали нам, присутствующим, понять, что начатые М.С. Горбачевым процессы в советском обществе, вошедшие в историю как «перестройка» и «гласность», изменят положение Церкви в стране, в обществе, а это в свою очередь повлияет на всю мировую политику.

Поистине это была незабываемая встреча.

Максимычев И.Ф.

Его называли «Гром»

Вступление моего поколения в профессиональную дипломатическую жизнь почти точно совпало с назначением Андрея Андреевича Громыко министром иностранных дел СССР. Так что нас, российских дипломатов выпуска МГИМО 1956 г., можно практически без преувеличения назвать громыкинцами. На всех этапах служебного и профессионального роста мы постоянно ориентировались на А.А. Громыко как на флагман нашего дипломатического флота. Иностранцы постоянно пытались убедить нас в том, что мы служим под руководством «Мистера Нет» (это прозвище перешло к Громыко по наследству от В.М. Молотова). Их настойчивость носила явно неодобрительный характер — дескать, времена изменились, пора уже говорить «да», а вы продолжаете идти не в ногу со временем. С дисциплиной у нас было все в порядке, и мы последовательно отстаивали правоту нашей линии, даже если иногда в душу закрадывались тайные сомнения. Но какую же спокойную уверенность давало нам сознание того, что у нас надежный тыл: все действия советской внешней политики контролировались человеком, знающим нашу непростую профессию с азов и точно видящим границу между допустимым и недозволенным!

Оценить работу А.А. Громыко по достоинству требовало времени. Даже те из нашего выпуска, кто был принят на работу в МИД СССР (а таких счастливчиков было немного), имели о руководстве министерства очень приблизительное представление. Я могу говорить об этом, поскольку был одним из них. Впрочем, также весьма приблизительными были и наши представления о самом министерстве. За шесть лет учебы в МГИМО нас подготовили ко всему, даже к профессии учителя иностранного языка средней школы, но не к работе в МИДе. Ребята, оставшиеся работать в центральном аппарате, скоро освоили эту нехитрую премудрость и точно знали, какой начальник лучше и почему. Нам же, сразу направленным на работу в советские загранучреждения,

---

Максимычев Игорь Федорович — доктор политических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН, посланник (в отставке).

понадобилось гораздо больше времени, чтобы освоиться в новой обстановке, которая отныне становилась нашей средой обитания.

По опыту знаю, что наиболее сложно пришлось тем, кто был командирован в консульские учреждения — как, например, мне, попавшему в Консульство СССР в Лейпциге, ГДР, после месяца так называемой стажировки в Консульском управлении МИДа. Тогда мне даже «родное» берлинское посольство представлялось чем-то чуждым и непонятным, как Марс или Венера. И только в 1958 г., после перевода на работу в советское посольство в Бонне, я постепенно начал разбираться, кто есть кто в мире советской дипломатии.

О том, что в феврале 1957 г. заместитель министра иностранных дел СССР А.А. Громыко назначен министром, мы, конечно, знали, но это событие коснулось нас, как свет далекой звезды — поистине космические расстояния отделяли тех, кто руководил советской внешней политикой, от стоявших на низших ступеньках иерархической лестницы сотрудников консульств. Но очутившись после перевода в посольство СССР в ФРГ в роли «личного переводчика», которым осенью 1958 г. назначил меня посол Андрей Андреевич Смирнов*, я в каком-то смысле приблизился к кухне, на которой разрабатывались шаги, подчас поднимавшие бурю в международных отношениях. Запомнились, в частности, беседы Смирнова с канцлером ФРГ Конрадом Аденауэром, проходившие в удивительно доброжелательной атмосфере, которая находилась в кричащем противоречии с близким к нулю градусом двусторонних отношений между нашими государствами. Хорошо помню также обстоятельства, связанные с советской инициативой, предусматривавшей придание Западному Берлину статуса «вольного города».

Установление в 1955 г. дипломатических отношений между СССР и ФРГ лишь частично нормализовало политическую атмосферу в Европе. Западная Германия отказывалась признать итоги Второй мировой войны и возлагала все свои надежды на продолжение противостояния Запада и Востока. Открыто или под прикрытием она добивалась крушения ГДР, являвшейся по ряду причин более слабой из двух Германий, возникших после 1945 г. Вследствие того что в расколотом надвое Берлине не было нормальной границы, западная часть города играла роль широко распахнутых ворот, через которые агентура западногерманских (и, конечно, не только западногерманских) спецслужб проникала в ГДР и спокойно возвращалась назад после выполнения задания.

Заодно через Западный Берлин, связанный с ФРГ неподконтрольными СССР воздушными транспортными коридорами, в массовом порядке бежали жители ГДР, которым не нравилось строительство социализма. В результате возникала угроза нормальному функционированию восточногерманского го-

* Крупнейший знаток германских дел А.А. Смирнов предпочитал, чтобы на его важных беседах присутствовал переводчик, хотя сам блестяще владел немецким языком. Он объяснял причину этого своим немецким знакомым, которые часто задавали такой вопрос, следующим образом: «Пока переводятся слова собеседника, у меня появляется время обдумать ответ; если ответ по той или иной причине окажется не совсем удачным, всегда можно свалить это на “неумеху-переводчика”; кроме того, кто-то должен готовить записи бесед — у меня для этого нет времени».

сударства, поскольку на Запад уходили прежде всего специалисты — квалифицированные рабочие, ученые, преподаватели, врачи, инженеры, выпускники вузов, т.е. те, в ком переживавшая экономический бум ФРГ в первую очередь нуждалась. Об этом я был хорошо осведомлен, поскольку в Лейпцигское консульство по заведенному еще при советской военной администрации в Германии порядку поступали ежедневные секретные полицейские сводки о происшествиях в округе. Приводившиеся в них цифры ушедших на Запад жителей (по гедеэровской терминологии, «беглецов из Республики») производили гнетущее впечатление. В некоторых районах уже не удавалось обеспечивать нормальное медицинское обслуживание населения. Но что делать, никто толком не знал. Линия послесталинского руководства СССР на разрядку международной напряженности была, как казалось, несовместима с репрессивными мерами. И все же приходилось действовать.

В речи Н.С. Хрущева 10 ноября 1958 г., а затем в нотах, направленных 27 ноября правительствам трех западных держав, ГДР и ФРГ, было сформулировано положение о том, что СССР не намерен далее мириться со сложившейся в Берлине ситуацией. В связи с нарушением Западом межсоюзнических соглашений по Германии, предусматривавших сохранение единства страны, и исходя из возникшего фактического положения, СССР потребовал, чтобы в течение полугода Западный Берлин был демилитаризирован (т.е. чтобы из него были выведены войска трех западных держав) и превращен в самостоятельную политическую единицу со статусом «вольного города». Если этого не произойдет, СССР пригрозил заключить сепаратный мирный договор с ГДР и передать ей свои права в отношении Западного Берлина (т.е. прежде всего право контроля на коммуникациях с ФРГ). За этим залпом из всех бортовых орудий, который был сразу назван Западом «берлинским ультиматумом», последовал длительный период дипломатических переговоров (требование решить проблему в течение полугода, было, конечно, вскоре снято). В этих переговорах были, как водится, свои приливы и отливы, свои победы и поражения.

Для обсуждения германского вопроса было созвано совещание министров иностранных дел четырех держав в Женеве (11 мая — 20 июня и 13 июля — 5 августа 1959 г.*). Дипломаты свое дело сделали. В.М. Фалин свидетельствует: «К июлю 1959 года вырисовывалась основа практической договоренности по Западному Берлину»**. Однако эта возможность не была реализована. И Женева, и Париж (где на май 1960 г. намечалась четырехсторонняя конференция на высшем уровне), и Вена (там в июне 1961 г. прошла двусторонняя встреча Хрущева и вновь избранного президента США Джона Кеннеди) были

* В Женеве СССР в последний раз представил развернутые предложения относительно содержания мирного договора с Германией, а также путей германского объединения. СССР продолжал настаивать на нейтрализации единой Германии, но допускал, что после создания германской конфедерации ФРГ и ГДР могли бы на какой-то период оставаться членами НАТО и ОВД соответственно.

** *Фалин В.* Без скидок на обстоятельства. М., 1999. С. 83.

провалены в результате бездарной «личной дипломатии» советского вождя, проявившего заносчивость и неоправданное высокомерие. Весь МИД сочувствовал Громыко, которому пришлось присутствовать при том, как некомпетентность «первого лица» сводит к нулю все усилия дипломатов-профессионалов. К сожалению, через 30 лет нечто подобное повторилось вновь.

Сложные перипетии политических сражений ослабили хотя бы отчасти негативный психологический эффект от возведения 13 августа 1961 г. Берлинской стены. На строительство стены пришлось пойти, поскольку в краткосрочной перспективе другой возможности перекрыть утрату ГДР своего населения не просматривалось. Стена означала, что в Берлине установлена труднопреодолимая граница, а это открывало путь к началу процесса стабилизации ГДР. Четырехстороннее соглашение по (Западному) Берлину от 3 сентября 1971 г., положившее конец серии берлинских кризисов, также являлось одним из результатов ноябрьской инициативы 1958 г. Но все это было потом. А тогда я мог наблюдать, как гордился Смирнов тем, что предложение о «вольном городе» исходило от него, и как он радовался, что нашел поддержку со стороны министра. Я стал свидетелем того, как он говорил окружавшим его блестящим германистам, которые тогда работали в нашем посольстве в Бонне: «Громыко сразу же ухватил самую суть германского вопроса». Из уст крупнейшего специалиста по Германии (Смирнов работал советником полпредства СССР в Берлине еще до войны) это было наивысшим комплиментом в адрес экономиста, американиста и знатока ООН, каким изначально был министр.

Такие же оценки мне доводилось слышать и в Третьем Европейском отделе МИДа, где я стал работать по возвращении из ФРГ летом 1960 г. Министр сделал германскую проблематику, как говорят немцы, «вопросом шефа». Непосредственно ему тогдашний заведующий Третьим ЕО И.И. Ильичев докладывал все детали переговоров, ведущихся по Западному Берлину. Именно этим временем датируется начало знакомства, а затем плодотворного сотрудничества между Громыко и Фалиным, который вел тогда западногерманское направление в Третьем ЕО. Как показали последующие события, сочетание взрывного темперамента увлекающегося Фалина и бдительной осмотрительности министра оказалось весьма удачным. Осторожность Громыко уже тогда вошла в поговорку среди сотрудников министерства. Я своими ушами слышал на одном из тогдашних совещаний актива МИД СССР, как министр заявил с высокой трибуны: «Лучше сто раз не сказать то, что нужно, чем один раз то, что не нужно». Надо ли добавлять, что у молодых сотрудников подобная сдержанность вызывала неоднозначную реакцию. Однако позже, в период опрометчивых слов и действий тандема Горбачев–Шеварднадзе, все мы смогли убедиться в том, что Громыко был прав на все 100 процентов. Как оказалось, развалить и растерять то, что возводилось десятилетиями упорных усилий предшествующих поколений, не представило большого труда. «Мистеры Да» в кратчайшие сроки разбазарили наследство, оплаченное жизнями и упорным трудом миллионов наших соотечественников.

Чуть позже, приняв приглашение И.Н. Земского перейти на работу к нему в Историко-дипломатическое управление МИД, я открыл для себя еще одну черту организационного таланта Громыко. Дело в том, что в связи с расширением внешнеполитических связей страны, а также в соответствии с неумолимым бегом времени постепенно в руководящие кресла министерства стали усаживаться представители более молодого поколения дипломатов. Эти основательно и всесторонне подготовленные специалисты-международники хорошо понимали, что без детального знания истории становления отношений Советского Союза с основными странами мира невозможно строить правильную политику и развивать международные связи.

Ссылки на исторические прецеденты не только сплошь и рядом фигурируют в текстах речей политиков и официальных нот иностранных государств, но и определяют в ряде случаев позиции наших партнеров по проблемам, представляющим для нас жизненный интерес. Собственного опыта у нового поколения не хватало, поскольку оно по молодости лет не являлось свидетелем событий противоречивой и изменчивой истории связей нашей страны с ведущими государствами мира, а от тогдашней советской исторической литературы проку, к сожалению, было мало. В то время от советских историков требовалось не столько отражение фактического положения, сколько верность марксизму-ленинизму в духе постановлений очередного партсъезда. Дожидаться, когда советская историческая наука придет в норму, времени не было — надо было работать.

У меня сложилось впечатление, что именно Громыко высказал идею: опираясь на мидовские архивы, «разобраться, что же происходило на самом деле» в отношениях между СССР и другими определяющими лицо мира державами. «Разбираться» предстояло поначалу внутри министерства. Это означало, что соответствующие изыскания должны были проводиться под грифом «секретно» — иначе действовать было невозможно, поскольку в те времена никто и помыслить не смел о рассекречивании архивов. Даже если в выдвижении указанной идеи принял участие Земсков, решающим было то, что Громыко не только поддержал ее, но и двинул весь «административный ресурс» министерства на ее реализацию. В начавшейся работе использовались все архивные фонды МИДа; ни одна категория документов не оставалась закрытой для исследователей.

В результате за несколько лет научно-исследовательский отдел, которым мне довелось руководить, подготовил разбитые на отдельные периоды обзоры отношений Советского Союза с США, Великобританией, Францией, Германией начиная с 1917 и до 1956 г., т.е. до XX съезда КПСС. Силами сотрудников отдела эти обзоры рецензировались, редактировались (для редакции они иногда отдавались и «на сторону», главным образом специалистам-международникам в ЦК КПСС), печатались, корректировались, размножались в ограниченном количестве экземпляров, а затем направлялись в структурные подразделения министерства и секретариаты министра и его заместителей, где активно использовались в оперативной работе. Подготовка обзоров про-

водилась со всей тщательностью и объективностью, чему способствовало то обстоятельство, что тексты не подлежали цензуре ни с какой стороны. Главным являлось соответствие исторической реальности. Среди сотрудников отдела были выдающиеся специалисты — такие, как Л.А. Косыгина-Гвишиани, составившая отличный обзор первых лет взаимоотношений между Советской Россией и США.

Для меня период работы в ИДУ МИДа запомнился тем, что я по долгу службы впервые серьезно занялся там недавней историей советско-германских отношений. Помимо того, что мне приходилось редактировать или готовить к печати обзоры политики СССР по германскому вопросу во время и после войны, я в качестве исследователя стал разрабатывать период, последовавший непосредственно за приходом Гитлера к власти в январе 1933 г. Как и другим авторам обзоров, мне пришлось перелопатить предпринятые западными союзниками и продолженные ФРГ публикации документов МИД Германии, а также огромное количество зарубежной мемуарной и исторической литературы, затрагивавшей указанный период. Я проверял все, даже самые бредовые, гипотезы и версии и с полной ответственностью могу сказать, что инициатива полного свертывания отношений с Германией после 1933 г. принадлежала СССР и любые инсинуации относительно закулисного «сговора» Сталина с Гитлером являются злонамеренной клеветой. Кремль с самого начала однозначно сконцентрировался на создании широкого антигитлеровского фронта в целях предотвращения нацистской агрессии. Эти выводы я смог затем сформулировать в кандидатской диссертации «Советско-германские отношения в 1933–1936 годах» (защищена в МГИМО в 1975 г.), которая стала основой для книги «Дипломатия мира против дипломатии войны. Советско-германские отношения в 1933–1939 годах» (вышла в 1981 г. в издательстве «Международные отношения»).

Я рассказываю об этом с единственной целью показать, насколько широким кругозором обладал А.А. Громыко, сумевший наряду с каждодневной напряженной работой по руководству становившейся все более сложной внешней политикой Советского Союза предвидеть остроту предстоящих «исторических» баталий. Он уже тогда понимал все значение «битвы за историю», с особой силой развернувшейся после начала «перестройки», и готовил контрнаступление с целью отстоять объективную картину советской внешней политики. Он не мог равнодушно проходить мимо кампаний, затеянных с целью бросить тень на советскую дипломатию и тем самым нанести ущерб интересам государства, которое он защищал всю свою жизнь. Министр сделал все, что было в его силах, чтобы вооружить наших дипломатов взвешенной документальной базой для отражения нападок внешних и внутренних клеветников. Имелось в виду впоследствии сделать эту базу доступной для всех серьезных исследователей. Не вина министра, что бюрократические препоны оказались непреодолимыми, и большая часть материалов, подготовленных с использованием мидовских архивов, не вышла за стены министерства. Что же касается беспорядочного допуска иностранных и иных любителей «жаре-

ных фактов» к архиву МИДа после дезинтеграции СССР, то ничего хорошего из этого не могло получиться и не получилось. Просто переписывание этими господами истории стало подкрепляться ссылками на выдернутые из контекста документы советской дипломатической службы.

Относительно жалоб на отказ министра включить текст «секретного протокола» к пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. в очередной том документов внешней политики СССР, вследствие чего этот том так и не увидел света, то, как утверждают специалисты, оригинал протокола не найден до сих пор. В таких случаях осторожность просто необходима — ведь составители тома настаивали тогда, чтобы протокол воспроизводился по немецкому тексту, который был также незаверенной копией, хотя и включался во все западные публикации на эту тему. Кстати, состоявшаяся накануне развала Советского Союза и подхлестнувшая его публикация протокола в СССР вызывает немало вопросов. Видимо, настала пора, чтобы независимые эксперты пролили свет на все обстоятельства этого дела.

Избрание Громыко членом Политбюро ЦК КПСС в апреле 1973 г. укрепило его позиции в многолетней борьбе с экстремизмом «теневого министра иностранных дел от КПСС» Б.Н. Пономарева, который остался кандидатом в члены Политбюро. Эта противостояние очень напоминало затяжные бои в 20-е годы между наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным и возглавлявшим тогда исполком Коммунистического Интернационала Г.В. Зиновьевым, которые отстаивали противоположные точки зрения на приоритеты внешней политики страны — должен ли СССР ориентироваться на свои интересы или жертвовать собой во имя мировой революции. Громыко стало легче доказывать в конкретных случаях бесперспективность расходования и без того ограниченных ресурсов на поддержание «всемирного революционного процесса», хотя это и не всегда ему удавалось. Перенапряжение сил, ставшее причиной глубокого кризиса и гибели СССР, во многом лежит на совести Пономарева.

В последний раз я видел Громыко вблизи в апреле 1976 г., когда на коллегии МИДа утверждалась моя кандидатура на должность советника по культуре посольства в ФРГ. Меня в который раз поразила дружелюбная, почти семейная обстановка на коллегии (что, правда, не мешало особо сервильным сотрудникам «ловить на лету» пожелания министра). Громыко предложил мне встать, внимательно посмотрел на меня, но не задал ни одного вопроса. Было такое впечатление, что он знал меня по имени и просто хотел сверить свое впечатление с тем, что ему было обо мне известно. Кандидатуру утвердили без обсуждения.

Конечно, те, кто работал в секретариате министра или в секретариатах его заместителей, гораздо лучше знали Громыко лично и могут многое рассказать о нем, его привычках, особенностях поведения. Но я думаю, что не только это важно для того, чтобы максимально точно передать потомкам его образ руководителя и ту роль, которую он сыграл в истории российской дипломатии. То обстоятельство, что его за глаза называли «Гром», передавало не особенности отношений министра с сотрудниками или собеседниками, а характеризо-

вало его центральное место в формировании той высокочувствительной материи, которая называется внешней политикой.

Катастрофическими были последствия кадровой ошибки М.С. Горбачева, заменившего Громыко, кожей чувствовавшего подводные течения и ямы в межгосударственных отношениях, провинциалом Э.А. Шеварднадзе, хитрым и изворотливым политиком, но полным профаном в международных делах. Вместо человека, умевшего в решающий момент сказать «нет», к командным рычагам внешней политики государства в один из самых критических моментов его существования был допущен деятель, не понимавший, что такое национальные интересы, отказываться от защиты которых нельзя. Бездари всегда считают, что они не нуждаются ни в чьих советах. (Кстати, и по-человечески этот шаг, носивший характер удара в спину, трудно оправдать – ведь именно Громыко выдвинул в 1985 г. кандидатуру Горбачева на должность Генерального секретаря ЦК КПСС после смерти К.У. Черненко).

Уход А.А. Громыко из министерства означал по существу начало упадка советской дипломатии, начало краха всего, чему он посвятил жизнь. Непрерывной чередой пошли реорганизации, бесконечные поиски новых «инициатив», которые выдвигались без того, чтобы дожидаться результатов предыдущих, и почему-то всегда оборачивались вредом для собственных позиций. Накануне глубочайшего кризиса ГДР и всего социалистического содружества, за три года до присоединения ГДР к ФРГ было произведено эпохальное «разъединение Германии» в рамках МИДа: в компетенции Третьего Европейского отдела были оставлены лишь ФРГ и Западный Берлин, а ГДР передали в ведение вновь созданного Управления социалистических стран Европы. В результате реакция Москвы на кризисные явления в ГДР, и обычно замедленная вследствие бюрократических препон и множества согласований, стала трагически опаздывать. И так по всей линии. Правда, с приходом к управлению министерством А.В. Козырева положение стало еще хуже, но оправдать Шеварднадзе это никак не может.

Можно быть уверенным в том, что в процессе восстановления объективной оценки советского периода со всеми его минусами и плюсами имя человека, в течение почти 30 лет возглавлявшего внешнеполитическое ведомство глобальной державы — СССР, вновь займет место, достойное его огромного вклада в нашу и мировую историю.

Протопопов А.С.

В интересах Отечества

Андрей Андреевич Громыко с 1939 г. находился на дипломатической работе. С 1957 по 1985 г. — министр иностранных дел Советского Союза. А.А. Громыко долгие годы являлся членом ЦК и членом Политбюро ЦК КПСС. За этими скупыми данными кроется огромный, почти полувековой период большой и ответственной работы на внешнеполитическом поприще.

По продолжительности времени работы А.А. Громыко во главе Министерства иностранных дел такого огромного государства, как Советский Союз можно сравнить, пожалуй, лишь с министром иностранных дел царской России Александром Михайловичем Горчаковым (1798–1883). Жизнь и деятельность этих двух замечательных людей разделяет целый век. Однако в их дипломатической службе на благо нашей Родины можно найти немало схожих черт.

В годы, когда жил и работал А.М. Горчаков, произошли такие важные события, как Крымская война, Парижский конгресс, на котором подводились итоги войны, Русско-турецкая война 1877–1878 гг. А.М. Горчаков без устали трудился над тем, чтобы смягчить условия для России, установленные Берлинским конгрессом. Он приложил немало сил, чтобы добиться отмены ряда статей договора, которые ограничивали деятельность России на Черном море. Александр Михайлович много сделал для того, чтобы нейтрализовать действия западных держав в период подготовки к войне и во время Русско-турецкой войны, которая привела к освобождению народов Балканских стран от турецкого ига.

У Андрея Андреевича Громыко задачи были посложнее.

Не раз А.А. Громыко являлся представителем нашей страны на международных конференциях и совещаниях. И 28 лет был министром иностранных дел Советского Союза. Его деятельность началась накануне и в годы Второй мировой войны. В июле 1945 г. он от имени нашей страны подписал в Сан-Франциско Устав Организации Объединенных Наций. Затем Громыко принимал активное участие в работе ООН, где решались вопросы послевоенного мирного урегулирования. А еще были Карибский кризис 1962 г., ввод войск

Протопопов Анатолий Сергеевич — доктор исторических наук, почетный профессор РУДН.

стран Варшавского договора в Чехословакию, вступление советских войск в Афганистан, участие в сложных, очень тяжелых переговорах по атомной проблеме, разоружению и другим острым вопросам.

Андрей Андреевич участвовал почти во всех сложных переговорах с американскими дипломатами и дипломатами западных держав, на которых решительно и последовательно отстаивал интересы Родины, проявляя большой такт, выдержку и упорство.

Я не был лично знаком с Андреем Андреевичем, но его внешнеполитическая деятельность оставила большой след в моем сознании и памяти.

Впервые я услышал об Андрее Андреевиче летом 1944 г., будучи сержантом Красной Армии. Громыко в качестве руководителя нашей делегации прибыл в Соединенные Штаты для подготовки Устава Организации Объединенных Наций. С тех пор почти все важнейшие события, связанные со внешнеполитической деятельностью нашего государства, так или иначе, были связаны с его именем. Позднее я окончил МГИМО и занимался внешнеполитическими вопросами и историей международных отношений. С годами у меня складывалось мнение об Андрее Андреевиче как о человеке, на которого может положиться страна, который не подведет, порядочном, выдержанном и очень тактичном. Вспоминается случай, происшедший во время моей работы в ТАССе. Весной 1951 г. я принимал сообщение нашего корреспондента, работавшего на одной из встреч дипломатов по разоружению. Когда корреспондент зачитывал сообщение, кто-то вдруг очень вежливо остановил запись и сказал, что такую-то фразу лучше бы построить по-другому и прочитал свой вариант. Это был Андрей Андреевич. Извинившись, что прервал передачу, он отметил: «Кажется, получилось лучше».

Запомнились его интервью и пресс-конференции, проходившие в разные годы, на которых Андрей Андреевич доводил до наших людей точку зрения руководителей Советского Союза по наиболее сложным вопросам, нуждавшимся в разъяснении и уточнении. О работе на дипломатическом поприще Громыко подробно рассказал в своих мемуарах.

С тех пор имя Андрея Андреевича Громыко у меня было постоянно на слуху. Во время учебы в МГИМО, работы в ТАССе, обучения в аспирантуре, научно-исследовательской работы, преподавания, а также участия в совещаниях, конференциях и симпозиумах я был внимательным соучастником происходящих международных событий. Действительно, жизнь и деятельность Андрея Андреевича — это этапы большого и сложного пути служения Отечеству. После назначения его в 1957 г. на должность министра иностранных дел Советского Союза не было ни одного мероприятия на международной арене, в котором Громыко не принимал бы самого активного участия. А события происходили разные: мирное урегулирование англо-франко-израильской агрессии против Египта, переговоры по разоружению, использованию атомной энергии в мирных целях и др.

Много сил и энергии Андрей Андреевич отдавал урегулированию атомной проблемы с момента ее возникновения и до середины 80-х годов. В своих

воспоминаниях «Памятное» Громыко писал о парадоксе XX в., когда человечество получило возможность использовать энергию атома и проникнуть в космос, но вместе с тем создало угрозу для своего дальнейшего существования. Этот парадокс можно устранить только одним путем — снять угрозу, нависшую над человечеством. Это требует не только нового мышления, о котором уже много написано и сказано в наши дни, но и перевода его в практические дела, в политику государств, прежде всего ядерных, в первую очередь крупнейших ядерных.

Имя Андрея Андреевича неразрывно связано с борьбой за предотвращение ядерной угрозы. С первых сессий Генеральной Ассамблеи ООН он принимал самое активное участие в деятельности различных комитетов и комиссий, последовательно и настойчиво добиваясь принятия таких решений, которые способствовали бы прекращению гонки ядерных вооружений. Он внес неоценимый вклад в разработку важных Договора о запрещении ядерных испытаний в трех сферах, Договора о нераспространении ядерного оружия и др.

В 1985 г. Громыко был избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Поговаривали тогда, а позднее это стало совершенно очевидно, что М.С. Горбачев специально добился его перехода на работу в Верховный Совет, а министром иностранных дел назначил Э.А. Шеварнадзе. Горбачеву нужен был такой человек, как Шеварнадзе, чтобы принимать решения на международной арене, идущие подчас вразрез с интересами нашей страны. Горбачев понимал, что Громыко был бы против той политики, которая осуществлялась после его ухода из МИДа.

В наши дни, по заверешении «эпохи» М.С. Горбачева, а затем и Б.Н. Ельцина, все лучше понимаешь значение деятельности А.А. Громыко на посту министра иностранных дел.

Раздумывая над жизненным путем и кипучей внешнеполитической деятельностью А.А. Громыко, невольно размышляешь над историей Советского государства и его внешней политикой во второй половине XX в. Конечно, были сложности, иногда большие трудности, но всякий раз наша внешняя политика умела находить правильные решения. Неоднозначно воспринимался ввод войск в Чехословакию и Афганистан, но МИД СССР почти всегда находил развязки сложных ситуаций.

Андрей Андреевич всегда действовал в интересах Отечества, патриотом которого он был. Таким он и остался в памяти нашего народа.

Пядышев Б.Д.

В дипломатии XX века равных ему не было

«СССР — великая держава, и он не будет просто зрителем, когда возникает угроза развязывания большой войны в связи ли с вопросом о Кубе или в связи с положением в каком-либо другом районе мира».
А.А. Громыко

Прочное место в мировой дипломатической и политической истории А.А. Громыко обрел уже потому, что его подпись стоит под самым крупным международным документом современности — Уставом ООН. Такого преимущества нет и быть уже не может ни у кого в отечественной политике. Вспомним, что самый выдающийся российский дипломат XIX в. князь А.М. Горчаков пробыл в должности главы внешнеполитического ведомства России четверть века. А.А. Громыко — дольше, без пары лет целых три десятилетия. Это был человек высокой эрудиции в дипломатических делах, максимальной сконцентрированности на работе. При всех послесталинских руководителях он являлся внешнеполитическим авторитетом номер один не только в Москве, но, в сущности, и в среде коллег — министров иностранных дел зарубежных государств.

Вклад Андрея Андреевича Громыко в советскую, а следовательно, и российскую внешнюю политику, неоценим. Однако нам отчетливо видны и его просчеты концептуального характера, ошибки тактического плана. Но выступать с оценочными суждениями по адресу А.А. Громыко как политика, дипломата и личности — с точки зрения сегодняшнего дня крайне несправедливо.

Пядышев Борис Дмитриевич — доктор исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол, главный редактор журнала «Международная жизнь» (1988–2009).

Конечно же он взращен своей эпохой, коммунистической системой, которая дала ему все, о чем мог мечтать паренек с Гомельщины. Бесполезно было ждать от него коренных перемен в менталитете, во взглядах на устройство общества, на то, как должно вести дела на международной арене. Свои двухтомные мемуары «Памятное», вышедшие в 1988 г., когда уже обозначились и материализовались крутые повороты в судьбах державы, Громыко завершает подчеркнутым повторением своего кредо, звучащего скорее как вызов практически уже состоявшимся переменам: «Я — коммунист до мозга костей. Преклоняюсь перед могуществом учения Маркса, Энгельса, Ленина. Преклоняюсь перед величием дел и духа нашего народа, строящего коммунистическое общество». Проживи он дольше, думаю, таким бы он и остался, хотя предприимчивый ум вряд ли оставил бы его в позиции упрямого старика, противящегося всем новшествам.

До начала горбачевской перестройки в СССР в 1985 г. и прихода к власти новых людей, в круг которых, как выяснилось довольно скоро, его не включили, Андрей Андреевич Громыко был одним из самых могущественных деятелей последнего десятилетия существования великой Советской державы. Собственно, в годы долгого и беспомощного затухания Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева судьбы политики того времени вершила тройка — председатель КГБ Ю.В. Андропов, министр обороны Д.Ф. Устинов, министр иностранных дел А.А. Громыко. Скорее всего Андрей Андреевич не был среди них не только первым, но даже равным, но власть и ответственность на него возлагались огромные, и не только в международных делах и во внешней политике.

В июле 1985 г. А.А. Громыко был избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Пост повыше, чем министр, — глава государства. Но времена были уже другие.

Родился Андрей Андреевич 18 июля 1909 г. в деревне Старые Громыки недалеко от Гомеля, в нынешней Беларуси. Тогда это был нищий край, где люди вели убогую жизнь. Там и людей-то не особенно различали, почти все они носили фамилию Громыко. И вот судьбе стало угодно, чтобы из этой глухомани вышел человек с талантами на зависть другим.

В шолоховской «Поднятой целине» один из персонажей уже при рождении был определен соседскими бабками в генералы: как твой сын, говорили они мамаше, в лета войдет, генералом будет, всеми статьями шибается на генерала и голосок басовитый. Невозможно сказать, как выглядел при рождении наш герой, но, глядя на ранние фотографии, зная его многие годы, можно безошибочно угадать, что сызмальства он отличался от других серьезностью, расчетливостью, точным знанием, что истина лежит в указаниях и рекомендациях тех, кто таковые в данный момент имеет право давать.

После семилетней школы и техникума, не окончив толком институт, Громыко зачисляется «с учетом производственной и общественной работы» в аспирантуру экономического характера. Дальше последовали фантастические перемены. Аспиранта переводят в Москву, после защиты кандидатской дис-

сертации направляют на работу в Институт экономики Академии наук. Весной 1939 г. Громыко назначается в Наркоминдел СССР на должность заведующего Американским отделом. Там энергично шли чистки, и дипломатии требовались новые кадры.

Дальше — больше. Сталин лично направляет его советником в наше посольство в Вашингтоне. Началась Вторая мировая война, и Андрей Андреевич сменил М.М. Литвинова на посту посла Советского Союза в США. С этого момента имя А.А. Громыко — в главном потоке советской внешней политики, да и всей мировой дипломатии.

В августе 1948 г. после восьми лет пребывания в Америке (двумя годами ранее последовало назначение в Нью-Йорк постоянным представителем при ООН и почти одновременно — заместителем министра иностранных дел) Громыко возвращается в Москву. Невероятно трудные годы для тех, кто работал в непосредственной близости к Сталину и Молотову. Выдерживали и выживали не все. Андрей Андреевич прошел все рифы того времени, как одолеет их и во все последующие годы. В апреле 1952 г. случился, правда, один конфуз: он подписал шифровку с указаниями послу, которые могли бы причинить государству большие экономические потери. Сталин был очень рассержен. Но гнев прошел, провинившегося направили на отсидку послом в Лондон. Менее чем через год Сталин скончался, наказание кончилось, Громыко вернули в Москву первым заместителем министра иностранных дел.

С этого момента началось его долгое руководство министерством, ставшее совсем уже полным, когда в феврале 1957 г. А.А. Громыко был назначен Н.С. Хрущевым министром иностранных дел. Сменил он в этой роли Д.Т. Шепилова, нерасчетливо «примкнувшего» к антихрущевской группировке Молотова–Маленкова–Кагановича.

А.А. Громыко, может быть, больше других деятелей советского периода уязвим для критики, нападок и иронии. Не жаловали его и сотоварищи по власти, пока не набрал он силу. Грубоватый Н. Хрущев позволял вольности вроде: «Скажи Громыке сесть голой задницей на лед, он сядет».

Но зафиксированы и случаи контрудара. Как-то на зимней охоте с участием Н.С. Хрущева охотники стали подводить итоги, разложив трофеи в ряд на снегу. Добыча оказалась богатой — лоси и кабаны. У Андрея Андреевича была лиса, он ее положил с краю.

«Куда же ты, Андрей, с такой мелочью», — сказал Хрущев.

«Трофеи считаются не по весу, а по головам», — ответил Громыко. Хрущев согласился. Впрочем, Хрущев высоко ценил достоинства своего министра.

Самой известной, особенно популярной за рубежом характеристикой Андрея Андреевича является «mister No» — «господин Нет». В годы «нового мышления» этой формулировке вовсю старались придать сугубо негативный смысл, показывая негибкость и замшелость политики предыдущего периода. Не обошло это стремление стороной и дипслужбу в пик негласной борьбы с громыкинским наследством на Смоленской площади.

По совету Э.А. Шеварднадзе, нового министра иностранных дел, сменившего в МИДе А.А. Громыко, в 1990 г. была организована дискуссия, вызвавшая массу откликов. Немалое число ее участников, исходя из «нового мышления», ставило в укор «господину Нет» излишнюю жесткость на переговорах с Западом. Но уже тогда большинство если не соглашалось, то, во всяком случае, и не осуждало политику «господина Нет». В письме депутата Верховного Совета СССР Э. Гамса в журнал «Международная жизнь», например, отмечалось, что «господин Нет» уступает в советской дипломатии место своему антиподу — «этакому добренькому "господину Да", готовому не только на обоюдные компромиссы, но и на нечто большее».

Сурово осудить тогда «господина Нет» не получилось. Минувшее с той поры время еще больше остудило горячность оценок. В разговорах о роли Громыко высказывается больше взвешенности, признается его умелая твердость в отстаивании коренных интересов. «У нас лишней земли нет» — эти слова, сказанные им по поводу японских требований возврата Курильских островов, сейчас весьма часто повторяются, ибо в них видят простую и ясную суть курса, которого надлежит придерживаться в условиях, когда на Россию нажимают со всех сторон. И дело не только в излишках земли, но и в жизненных интересах, под легковесным отношением к которым следует подвести твердую, всем видимую черту.

В правящей верхушке, в Политбюро, нужно было держаться не сказать чтобы по принципам «стаи», но солидарно. В этом смысле Громыко являлся искусным политиком. Когда Н.В. Подгорный, председатель Президиума Верховного Совета СССР, обнаружил интерес к большой внешней политике (особенно в 1971–1972 гг., в период визита президента США Р. Никсона в Москву), им была запущена целая система больших и малых ходов, чтобы отвадить его от «прогулок» по этому заповедному брежневскому полю. Министр иностранных дел играл здесь центральную роль. Сложнее было с премьером А.Н. Косыгиным, человеком независимым и на голову превосходящим середняцкое по талантам Политбюро. По опыту своей работы помощником премьера по международным делам знаю, как из секретариата Громыко (конечно, по гласным или негласным указаниям шефа) поддавливали, чтобы ограничить участие Алексея Николаевича во внешнеполитических делах. В конце концов в аппарате Председателя Совета Министров СССР ликвидировали должность помощника по вопросам внешней политики, а самого Председателя практически отодвинули от этой сферы.

Подпись под Уставом ООН

ООН стала на всю его жизнь главным пристрастием — и политическим, и человеческим.

В 1946 г. Громыко был назначен первым советским представителем при ООН. Он участвовал чуть ли не во всех сессиях Генеральной Ассамблеи, а став в 1958 г. министром, возглавлял делегацию СССР. Первое его соприкоснове-

ние с ооновской проблематикой произошло в небольшом американском городке Думбартон-Оксе, где в августе–октябре 1944 г. проходила конференция трех держав — Советского Союза, США и Англии — по подготовке проекта Устава новой всемирной организации. Советскую делегацию возглавил посол СССР в Вашингтоне А. Громыко. Этой тройкой в Думбартон-Оксе были заложены устои и обговорены контуры нового миропорядка.

Советский Союз представлял надежный переговорщик. Работа проходила на фоне неудержимо накатывавшегося на Запад вала советских армий, неотвратимого, окончательного банкротства фашистского рейха. За столом переговоров вопросы согласовывались один за другим. Фантастическим успехом стала договоренность о том, что в новой всемирной организации наряду с Советским Союзом ее членами будут УССР и БССР — Украина и Белоруссия. Стержневым вопросом дискуссии в Думбартон-Оксе было обсуждение принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности — трех держав-победительниц (СССР, США и Англии), а также Франции и Китая. Западники ни за что не хотели, чтобы Советский Союз получил право вето. Президент Рузвельт пригласил Громыко в Белый дом, чтобы обсудить главные проблемы. Андрей Андреевич достойно представил советскую позицию.

«Для отступления от этой позиции, — говорил он президенту, — у нас пространства нет, так же, как не было его у наших войск, сражавшихся в Сталинграде. Так говорили наши воины, знавшие, что отступать на восток от Волги дальше нельзя».

Аргументация советского дипломата произвела нужное впечатление на президента США. Окончательно вопрос о праве вето решила Крымская конференция руководителей СССР, США и Англии. Рузвельт внес там предложения, которые по своей формулировке в основном отвечали тому, на чем Советский Союз настаивал с самого начала.

В Сан-Франциско 25 апреля 1945 г. открылась Конференция Объединенных Наций, задачей которой было учреждение ООН — международной организации, призванной объединить усилия в странах во имя сохранения всеобщего мира. Делегацию Советского Союза после отъезда В.М. Молотова возглавил Громыко — посол СССР в Вашингтоне.

Работа, продолжавшаяся в Сан-Франциско, шла трудно, в острой полемике, но в конечном счете результативно. Один за другим согласовывались вопросы и договоренности, затем формулировались в виде статей Устава ООН. Немало споров было вокруг вопроса о том, где разместить штаб-квартиру новой международной организации. Многие страны, в том числе Англия и Франция, отдавали предпочтение Европе. После дебатов было принято предложение американцев о размещении штаб-квартиры ООН в США. Но и после голосования еще много месяцев решался вопрос о ее конкретном местопребывании — на восточном или западном побережье. Окончательно этот вопрос был решен только на первой сессии Генеральной Ассамблеи, которая открылась в Лондоне в начале 1946 г. с участием делегаций 51 государства. В Лондоне и было решено, что штаб-квартира ООН разместится в Нью-Йорке. Конфе-

ренция в Сан-Франциско завершилась подписанием Устава ООН 26 июня 1945 г. По поручению советского руководства А.А. Громыко от имени СССР поставил подпись под этим историческим документом. Был создан уникальный международный документ на все времена года, на самые неожиданные повороты международной ситуации. Если бы СССР, США, Англия вместе с другими союзниками и государствами не пришли к согласию о создании ООН сразу после Победы, то скорее всего ее вообще бы не было.

Громыко неизменно участвовал в работе ООН начиная с основания Организации и до 1984 г. Из всех сессий Генеральной Ассамблеи самой громкой и удачливой для советской внешней политики и дипломатии была 15-я, осенью 1960 г. Обнаруживались шансы извлечь вполне реальный профит из складывавшейся мировой ситуации и прежде всего из тогдашнего своеобразия советско-американских отношений. Н.С. Хрущев годом раньше триумфально проехал с визитом Соединенные Штаты от побережья до побережья. Президент Д. Эйзенхауэр называл его «my friend» — «мой друг». Советский лидер к американцу обращался так же. Тогда же, в 1959 г., Хрущев удачно выступил перед Генеральной Ассамблеей ООН с программой всеобщего и полного разоружения. Настроение у большинства мировых лидеров было таково, что позволяло взяться, хотя бы для успокоения публики, за обсуждение этой, в сущности, призрачной идеи.

Н.С. Хрущев объявил о намерении лично участвовать в работе 15-й сессии и отправился в Нью-Йорк через Атлантику на корабле «Балтика». За ним в Нью-Йорк потянулись лидеры многих других государств.

На корабле Хрущева сопровождал министр иностранных дел Громыко, плыли также главы делегаций Украины и Белоруссии — Н.В. Подгорный и К.Т. Мазуров. Лидеры Болгарии, Венгрии и Чехословакии также решились пуститься в путешествие на «Балтике». Очевидцы свидетельствуют, что ближе к концу плавания Никита Сергеевич собрал у себя в каюте узкое совещание, на котором сказал, что в Нью-Йорке предстоит нечто большее, чем ординарное участие в сессии ООН. По существу, сказал он, там будет изложена программа внешнеполитической активности Советского Союза на ближайшее время. Ее нужно внимательно проанализировать и действовать в соответствии с основными положениями. Хрущев стал говорить, что обстановка в Нью-Йорке будет сложная. Это не то, что было в прошлом году, улыбок не будет. В Белом доме нервничают. Есть информация, что президент Эйзенхауэр колеблется, выступать ли в ООН; вместо себя он хочет выпустить на трибуну госсекретаря. Газетам, телекомпаниям, говорил Хрущев, даны рекомендации: поменьше передач, информации о советской делегации. Мы будем действовать так, что блокаду прорвем. Не сумеют они замолчать нашу правду, заключил Никита Сергеевич.

Всему этому предшествовала огромная работа Министерства иностранных дел СССР и самого Громыко. В течение многих месяцев на Смоленской площади трудились над текстом основного доклада, проектами резолюции по советским предложениям, оттачивали формулировки, согласовывали доку-

менты с Инстанцией, учитывали замечания сверху. Работа шла без особой огласки, в министерстве не многие знали о ее сути. Все бразды подготовки сессии в своих руках держал министр. Каторжный труд ожидал переводчиков и технических работников. В ночь перед выступлением в Нью-Йорке в доклад понадобилось внести поправки. В подвальных помещениях и коридорах снова пришлось раскладывать тысячи страниц с исправлениями, чтобы потом из них сформировать несколько сотен окончательных экземпляров доклада на русском и английском языках. Под утро вниз спустился Громыко, чтобы удостовериться, что все в порядке. На его глазах скрепили последний экземпляр. Все в порядке, можно было ехать на Ист-Ривер.

Н.С. Хрущев выступил на сессии 23 сентября. Он находился на трибуне 2 часа 20 минут. Его речь, подсчитано, состояла из 19 тысяч слов.

Хрущев начал с главного козыря: «Советское правительство считает, что наступило время поставить вопрос о полной и окончательной ликвидации колониального режима, покончить с этим позором, варварством и дикостью».

Призыв находил благодатных слушателей. Советскому лидеру внимали представители новых стран, в том числе 13 новых независимых государств и острова Кипр, которые только за день до этого стали членами Организации Объединенных Наций. Представители 51 государства присутствовали на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1946 г. в Лондоне, теперь в 1960 г. в зале на Ист-Ривер находилась 91 делегация.

Затем Хрущев перешел к разоруженческим делам: «Советское правительство предлагает, чтобы все государства осуществили тремя последовательными этапами в течение четырех лет или иного согласованного срока полную и окончательную ликвидацию всех своих вооруженных сил и вооружений».

В заключительной трети своего выступления Хрущев говорил о реформе ООН. Предлагалось упразднить пост Генерального секретаря. Вместо него нужно создать триумвират из представителей государств, входящих в военные блоки западных, социалистических, а также нейтральных государств. Особенно досталось Генеральному секретарю ООН Д. Хаммаршельду, который, по словам оратора, в событиях, разыгравшихся тогда в Конго, «занял позицию колонизаторов».

Оратор пошел дальше. Не следует ли подумать о том, чтобы выбрать другое место для штаб-квартиры ООН? Таким местом, к примеру, могли бы быть Швейцария или Австрия. Если будет признано целесообразным разместить штаб-квартиру в Советском Союзе, то мы гарантируем наилучшие условия.

В своих воспоминаниях «Время. Люди. Власть» Хрущев особо отметил роль министра иностранных дел в работе на 15-й сессии. После моего доклада, пишет он, за дело взялся Андрей Андреевич. В этих делах он большой мастер.

Мастерство и гибкость Андрею Андреевичу пришлось демонстрировать не только в делах политических. За столом делегации СССР он сидел по правую руку от главы делегации и был ближайшим к нему человеком, которому приходилось первому реагировать на экстравагантности шефа.

После речи советского лидера вне очереди выступил Генеральный секретарь ООН Д. Хаммаршельд с ответом на критику в свой адрес. Было видно, что Никита Сергеевич очень недоволен выступлением Генсека, начал ерзать за столом, апеллировать к Громыко. Тот, однако, сидел монументально, не очень-то внимая вождю. Наконец Н.С. Хрущев взорвался. Что-то прокричав, принялся стучать кулаками по столу. Зал на мгновение замер, оратор на трибуне запнулся, делегаты во все глаза глядели на барабанщика. Громыко был в шоке, что делать, опытный дипломат не знал. Зато знал Хрущев:

«Громыко, дипломаты, поддерживайте!»

Андрей Андреевич легонько стал постукивать ладошкой, Хрущев был неудовлетворен.

«Да ну вас», — махнул он рукой. И повернувшись влево, крикнул:

«Украина, давай!»

Н.В. Подгорного, сидевшего через проход за столом делегации УССР, не надо было агитировать. Два молота забили по наковальне. Застучали кулаками другие.

Хрущев потом говорил, что пробовал также топать ногами. Не получилось, мягкий ковер глушил звук.

Через несколько дней Андрею Андреевичу снова пришлось маневрировать, когда под горячую руку попал премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан. Хрущеву его выступление явно было не по душе, и когда Макмиллан заговорил о своей солидарности с Генсеком ООН, Никита Сергеевич снова застучал кулаками по столу. К нему вынужден был присоединиться министр иностранных дел, но опять не кулаком, а легонько — ладонью. Застучали за украинским и белорусским столами. Никита Сергеевич сложил ладони в рупор и закричал оратору:

«Примите наше предложение по разоружению, а мы примем любой ваш контроль!»

Эти слова Андрей Андреевич поддержал, закивав головой в знак согласия.

Главные события на сессии развернулись 12 октября. Обсуждался колониальный вопрос. Все было бы ничего, но бес попутал филиппинского представителя вступить в полемику с Хрущевым. Никита Сергеевич потребовал «права на ответ», взошел на трибуну и стал изливать свое возмущение. Воздав должное филиппинцу, Хрущев удовлетворенно направился на свое место. Филиппинец вконец растерялся и пустился в новые рассуждения насчет того, что он вовсе не «холуй», как его назвали.

Хрущев встал из-за стола с ботинком в руке и стал грозить им филиппинцу. Для верности пару раз ударил по крышке стола. Дополнил это ударами кулаков. К нему присоединились некоторые из делегации. Громыко опять деликатно двигал ладошкой по столу, ударов не производя. Ботинок на время барабанного боя оставался лежать на столе. Затем Никита Сергеевич вполне удовлетворенно взял ботинок, нырнул под стол, пробыл там положенное время, завязывая шнурки. Торжествующе снова предстал перед публикой. После перерыва страсти не улеглись. Хрущев второй раз снимал ботинок и приводил его в действие.

Андрею Андреевичу пришлось продемонстрировать колоссальную выдержку и гибкость, с тем чтобы не вызвать недовольство у шефа в своей более чем скромной солидарности с его чудачествами и, с другой стороны, постараться, чтобы вся эта «эстрада» не очень-то сильно отразилась на реноме главы делегации.

Поздним вечером 14 октября на лайнере «Ту-114» Хрущев, а с ним и Громыко улетели в Москву. Нью-Йоркская эпопея закончилась. Это была самая красочная, шумная и политически насыщенная глава истории Организации Объединенных Наций. На следующий день «Нью-Йорк таймс» опубликовала знаменитую фотографию: в зале Генассамблеи практически безлюдные столы и только за некоторыми сидят скучающие одинокие члены делегаций. Без Хрущева сессия интереса не представляла.

В последующие годы Громыко еще пару десятков раз бывал в Нью-Йорке, возглавляя делегацию СССР. К каждой сессии А.А. Громыко готовился тщательно и загодя. Собирались предложения от посольств и отделов министерства. Выступление главы делегации сочиняли лучшие умы МИДа. Министр скрупулезно и придирчиво работал над текстом. Документы с изложением основных вопросов и тактикой действий по каждому из них вносились на рассмотрение ЦК КПСС. Внимание концентрировалось на действительно актуальных проблемах. Другое дело, что понимание сути и путей решения этих проблем в Москве и, скажем, в Вашингтоне было разным, иногда прямо противоположным.

Речь А. Громыко на сессии Генассамблеи обязательно полностью публиковалась в «Правде», занимая ровно одну страницу газеты. С таким расчетом в МИДе делали выступление на 16 страниц машинописного текста. Однажды только что пришедший в газету главным редактором В.Г. Афанасьев сгоряча пытался было сократить публикацию, но из ЦК КПСС сурово «указали» в том духе, что это — святое и трогать не следует.

При Андрее Андреевиче до мелочей была отработана режиссура участия советской делегации в очередной сессии Генеральной Ассамблеи. В стародавние времена в Нью-Йорк добирались на пароходе. Затем стали летать. В московском аэропорту Внуково-2 собирались отлетавшие и ждали приезда министра и его супруги Лидии Дмитриевны. Самолет был винтовой, «Ил-18», летели с двумя посадками. Первая происходила в шотландском Прествике, на севере Великобритании. Перелетев Атлантический океан, «Ил-18» делал вторую посадку в канадском аэропорту Гандер, а затем уже в аэропорту Кеннеди в Нью-Йорке.

Андрей Андреевич с Лидией Дмитриевной располагались в отдельном салоне. К делегации министр выходил два-три раза, не более. Держался очень дружелюбно, подшучивал. Заметив у кого-то на столике бутылку виски «Vat 18», поинтересовался: «Электротоком не дернет? Все-таки 18 ватт».

Возглавив делегацию СССР на 39-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1984 г., Громыко скорее всего не предвидел, что это будет его заключительный визит в Нью-Йорк. Следующую сессию Андрей Андреевич наблюдал

уже издалека, из Москвы. Во главе делегации СССР в 1985 г. был новый министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе.

За четыре десятилетия на ооновском направлении А.А. Громыко сделал массу полезного для государства. Он создал эффективный стиль работы в международных организациях, сочетающий твердость в отстаивании интересов страны с гибкостью, умением взглянуть поверх каждодневных политических схваток, увидеть перспективу движения. Громыко утвердил восприятие своего государства в мире как авторитетной силы, без которой невозможно решение международных проблем.

Пришли новые времена, новые люди. В первом своем выступлении с трибуны Генеральной Ассамблеи Шеварднадзе поведал о «новом мышлении» советского руководства в политике. Декларировались обновленный подход к международным делам, иной стиль, другая лексика. Производили впечатление мягкие формулировки, заверения в готовности немедленно приступить к демонтажу конфронтационной структуры международных отношений. В словах был кавказский флер, упоминалась виноградная лоза, о которой нужно заботиться, чтобы получилось хорошее вино, и т.д. Новый министр в первом явлении перед ооновской публикой волновался, говорил по-русски сбивчиво, с явным грузинским акцентом.

Вечером устроили встречу министров иностранных дел стран соцсодружества. Это были талантливые люди и сильные политики — Б. Хнёупек из Чехословакии, П. Младенов из Болгарии, министры Польши, Венгрии, других стран. Они добрыми словами вспомнили Андрея Андреевича, с надеждой говорили о новом шефе советской дипломатии. Закончилось шуткой Петра Младенова, выпускника МГИМО, который в свойственной ему манере мягкого юмора сказал, имея в виду дебютную речь Шеварднадзе:

«Выходит, среди министров иностранных дел соцсодружества лучше всех по-русски говорит болгарский министр».

Кризисы следовали один за другим

Перед этим человеком, который пробыл на активной дипломатической службе около полувека, прошли все основные события новейшего времени. Придя в Народный комиссариат иностранных дел на Кузнецком мосту, он взял быстрый старт. В амплуа свидетеля он практически никогда не был, с самого начала стал решающим участником дипломатической жизни. Это не про него пел Владимир Высоцкий, рассказывая о нерасчетливом бегуне, который «на десять тыщ рванул как на пятьсот — и спекся!». А.А. Громыко выдержал дистанцию до конца, до самого 1985 г., когда ему пришлось покинуть МИД, перейти со Смоленской площади в Кремль.

После победоносного завершения союзниками Второй мировой войны советско-американские отношения складывались сложно, временами очень сложно, кризисно. Историческая судьба развела США и СССР по разные стороны мировой линии. Америка была в выигрышном положении, она вышла

из Второй мировой войны еще более окрепшей. Советский Союз, опустошенный гитлеровской агрессией, встал во главе противостоящего лагеря, взяв на себя крест огромной тяжести. Отступиться от новой исторической роли СССР не мог, если бы даже захотел.

Громыко был прямо вовлечен в выработку внешнеполитического курса государства в условиях, когда в первые послевоенные годы с американской стороны последовала доктрина «сдерживания» президента Г. Трумэна, цель которой состояла в том, чтобы додавить СССР до полного банкротства. Затем — доктрина «массированного возмездия» республиканской администрации Д. Эйзенхауэра — Д. Даллеса. Еще ранее в целях устрашения основного оппонента на мировой арене атомными бомбами были без нужды уничтожены японские города Хиросима и Нагасаки. Берлинский кризис 1949 г., войны на Ближнем Востоке и долгая-долгая череда других кризисных событий.

В таких условиях философия этого если не угрюмого, то максимально сосредоточенного человека состояла в простой истине: главная задача дипломатии заключается в том, чтобы не допустить перерастания холодной войны в «горячую»; прервать в нужный момент эскалацию напряжения в кризисах, в большей части которых главными соперниками выступали США и СССР, отыскать в арсенале дипломатии те средства, которые соперники могли бы использовать для компромиссов, недопущения той последней стадии в кризисе, когда бы свое решающее слово получили военные. Эту миссию Громыко и возглавляемое им министерство выполняли достойно.

Кризисы, к сожалению, следовали один за другим. Жестким испытанием для советской дипломатии и для самого Громыко стали события Корейской войны, начавшейся 25 июня 1950 г. Некоторые моменты до сего времени остаются неясными и даже загадочными. Прежде всего вопрос о том, каким образом Соединенные Штаты получили возможность использовать флаг ООН для прикрытия своего и своих союзников участия в военных действиях.

В воспоминаниях «Памятное» Андрей Андреевич повествует, что Сталин, прочтя присланную из Нью-Йорка телеграмму советского представителя при ООН Я.А. Малика относительно предстоящего обсуждения в Совете Безопасности этого вопроса, позвонил вечером Громыко, который оставался «на хозяйстве» в МИДе:

«Товарищ Громыко, какую, по вашему мнению, в данном случае следует дать директиву?»

Громыко ответил, что МИД уже подготовил на утверждение И.В. Сталина директиву, которая предусматривала применение права вето и недопущение принятия предлагаемого американцами решения.

Сталин сказал в ответ:

«По моему мнению, советскому представителю не следует принимать участия в заседании Совета Безопасности».

Громыко стал говорить о том, что в отсутствие нашего представителя Совет Безопасности может принять любое решение вплоть до посылки в Южную Корею войск из других стран под личиной «войск ООН».

Но на Сталина этот довод особого впечатления не произвел. Громыко почувствовал, что менять свою точку зрения вождь не собирается. Тут же Сталин, по словам Громыко, фактически продиктовал директиву, текст которой был срочно направлен Малику в Нью-Йорк.

Есть, однако, свидетельства иного рода. Крупный дипломат, занимавший посты постоянного представителя СССР при ООН в Нью-Йорке и посла СССР в Вашингтоне, Ю.В. Дубинин рассказывает о следующем.

Весной 1974 г. ему довелось быть вместе с А.А. Громыко в Пицунде, на Черном море, где должна была состояться встреча президента Франции и Л.И. Брежнева. В один из свободных вечеров Громыко вспомнил о ситуации, в которой однажды оказался он сам и вся дипломатическая служба в связи с тем самым заседанием Совета Безопасности.

Рассказ на прогулке существенно отличается от той версии, которая годами позже была изложена в книге «Памятное». Андрей Андреевич подтвердил, что Министерство иностранных дел подготовило свои предложения, которые предполагали применение вето. Срок начала заседания Совета Безопасности приближался, но, не зная реакции Сталина, Громыко, оказавшийся за старшего в Министерстве иностранных дел, не мог дать указание в Нью-Йорк, как должен проголосовать представитель Советского Союза. В Москве наступает ночь, последние часы, пока еще можно успеть послать телеграмму в Нью-Йорк.

«В общем, — сказал Громыко, — требовался прямой, личный разговор со Сталиным. Других путей не было».

Позвонить Сталину напрямую Громыко не мог, не было такой связи, но существовало сложившееся правило, как поступать в подобных случаях. Об этом следовало поставить в известность секретаря Сталина. Что и как произойдет дальше, было неведомо. Если Сталин решит, что разговору быть, разговор состоится. А если нет? Значит, так и должно быть...

«Конечно, я задействовал этот механизм, — продолжил свой рассказ Громыко. Напоминал секретарю о своей просьбе несколько раз. До тех пор, пока еще было время сообщить решение Сталина советскому представителю в Нью-Йорке. Но это время истекло, а Сталин на связь так и не вышел».

В момент голосования в зале Совета Безопасности советского представителя не было. В его отсутствие Совет Безопасности принял резолюцию о направлении американских и союзных с Вашингтоном войск в Корею под флагом ООН.

И наконец, еще один штрих. Во второй половине 1960-х гг. мне в должности заместителя заведующего Отделом печати МИД СССР пришлось участвовать в довольно необычном обсуждении у первого заместителя министра В.В. Кузнецова. Василий Васильевич созвал заместителей министра Л.Ф. Ильичева, М.С. Капицу, еще одного-двух человек высокого ранга. С некоторым опозданием подошел заместитель министра Я.А. Малик, который и был в начале 1950-х гг. советским представителем при ООН и принимал участие в том самом заседании Совета Безопасности.

Василий Васильевич не объяснил, в чем причина такого экстраординарного обсуждения. Но чувствовалось, что ему, исполнявшему обязанности министра иностранных дел в отсутствие Громыко, поступило с самого верха указание дать информацию, что же произошло тогда в Совете Безопасности и почему так действовал советский представитель.

Самое существенное в этом обсуждении заключалось в том, что никто из его авторитетных участников не смог с большой долей уверенности сказать, почему ситуация вокруг голосования в тот день сложилась так, как она сложилась. Даже Малик, главное действующее лицо на том заседании СБ, высказывался весьма расплывчато и также не мог или не захотел прояснить ситуацию. Словом, обсуждение в кабинете Кузнецова оставило впечатление какой-то двусмысленности. Некая загадочность вокруг этого «корейского сюжета», немаловажного в истории внешней политики СССР, остается.

Еще, может быть, более крупные, чем в холодной войне с западными соперниками, неприятности поджидали в зоне социалистических стран. В конце 1940-х гг. И.В. Сталин крупно разошелся с югославским лидером И. Тито. Гигантским событием стала победа в 1949 г. народной революции в Китае, но после смерти Сталина выяснилось, что китайский лидер Мао Цзэдун не согласен с тем курсом, который начал проводить Н.С. Хрущев.

В августе 1958 г. по поручению Политбюро А. Громыко съездил инкогнито в Пекин, без объявления о визите в прессе, для разговора с Мао Цзэдуном. КНР и США были на грани схватки из-за ситуации вокруг расположенных у побережья Китая островов и Тайваня. Дело было более чем серьезным. Китайские лидеры отводили в своих военных расчетах существенную роль и для СССР. Мао Цзэдун заявил советскому министру, что в случае возникновения войны Советский Союз не должен давать на ее начальной стадии военный отпор американцам и таким образом не мешать им проникнуть глубже внутрь территории китайского гиганта. А затем, когда американская армия окажется в центральной части Китая, СССР должен ее накрыть всеми своими средствами.

Андрея Андреевича трудно было удивить, но здесь даже его взяла оторопь. Он заявил, что «изложенный сценарий войны не может встретить положительного отношения. Я, — заключил Громыко, — могу это сказать определенно».

Через год Громыко еще раз побывал в Пекине в составе советской партийно-правительственной делегации во главе с Н.С. Хрущевым. Советский лидер поспешил в Пекин, едва вернувшись в Москву после визита в США в 1959 г., с тем чтобы попытаться найти у Мао Цзэдуна понимание в отношении своих действий с американцами. Не тут-то было. Диалога не получилось. Андрей Андреевич свидетельствует, что на его глазах Мао просидел весь обед рядом со своим главным гостем, сказав не более десятка протокольных слов. Усилия Громыко и в какой-то степени усилия китайского министра Чень И положения не выправили. С тем гости и отбыли домой, в Москву.

В дни Карибского кризиса в октябре 1962 г. США и СССР стояли на грани ядерной войны. Свою роль в урегулировании этой острейшей конфронтации

сыграл А.А. Громыко, который 18 октября 1962 г. от имени советского руководства беседовал в Белом доме с президентом Дж. Кеннеди. Разговор был долгий, трудный, и надо полагать, советский министр способствовал тому, что в итоге кризис перешел в русло взаимных дипломатических действий.

Напряжение внутри социалистической системы в Европе дошло до крайности. Вначале грянули венгерские события 1956 г., затем — события в Чехословакии 1968 г.

Считалось, что отношения с соцстранами — это дело не столько МИДа, сколько ЦК КПСС. Практически так оно и было. Цековцы старательно оттесняли МИД от больших дел, оставляя ему чисто дипломатические вопросы. Но когда ситуация достигала предкризисной стадии, обращались к услугам «министерства по чрезвычайным ситуациям» — МИД и персонально к Громыко. Министр иностранных дел СССР довольно часто ездил по столицам соцстран, увещевая руководство и политическую элиту.

Помню, незадолго до пражских событий 1968 г. Андрей Андреевич был направлен в Прагу для переговоров с руководством ЧССР. Побывал и в Братиславе, где стал гостем первого секретаря ЦК Компартии Словакии Александра Дубчека. Министра принимали отменно, вечером хозяин устроил роскошный ужин в старинном замке под Братиславой. Играл оркестр, разговоры под музыку продолжались, но шли напряженно. Сторонами был использован «последний аргумент королей» — Дубчек пригласил Лидию Дмитриевну на танец, и супруга министра приглашение приняла. Пара танцевала танго чудесно. «Аргумент» оказался выигрышным для Дубчека, через несколько месяцев он стал президентом Чехословакии.

Полный распад социалистической системы, а затем и самого СССР произошел позже, уже при новом лидере в Кремле и другом хозяине министерского кабинета в высотном здании на Смоленской площади.

Может быть, лучше всего Громыко знал американские дела. Этому он научился и узнал что-то глубинное, когда был послом Москвы в Вашингтоне, в многочисленных визитах в США и контактах с американскими деятелями. При нем в министерстве американское направление было центральным. Отдел США (ОСША) являл собой средоточие талантливых людей и востребованных идей. Посольство СССР в Вашингтоне возглавлялось такими крупными личностями, как А. Добрынин (до него — М. Меньшиков, приехавший туда с поста министра внешней торговли), Ю. Дубинин, А. Бессмертных, В. Комплектов, В. Лукин, Ю. Воронцов. Долго работавший в ОСША Г.М. Корниенко стал первым заместителем министра.

Особых откровений насчет отношений с США, впрочем, в публичных выступлениях и написанных Громыко книгах не найти. Но он твердо знал и упорно претворял это на практике: США — главный оппонент Советского Союза, с Америкой надо вести дела, но не поддаваться вашингтонской глобальной политике.

По подсчетам Громыко, за многие годы ему доводилось встречаться со всеми президентами США, начиная с Ф. Рузвельта. Он вел беседы с 14 государст-

венными секретарями США. Самая острая из всех этих бесед была с госсекретарем Дж. Шульцем 8 сентября 1983 г. в Мадриде на встрече представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. И надо же так случиться, что за несколько дней до этого на Дальнем Востоке был сбит южнокорейский самолет, который, нарушив государственные границы СССР, оказался в советском воздушном пространстве. Шульц, не успев сесть за стол, резко заговорил об этом трагическом инциденте. Громыко пытался было напомнить ему об условленном содержании беседы: вопросы советско-американских отношений. Американец — ни в какую, разговор только о самолете. Началась перепалка. Один свое, другой свое. Громыко пошел ва-банк:

«Если государственный секретарь США будет уходить от обсуждения важных вопросов и пытаться все дело свести к зачтению заявления Вашингтона об инциденте, то в таком случае у нас с вами нет предмета для разговора и нашу беседу можно считать законченной».

Громыко встал, сверля оппонента взглядом.

Шульц закончил свою тираду о самолете и тоже встал.

Андрей Андреевич снова свое:

«Утверждения, будто вопрос о самолете является проблемой номер один, надуманны».

Шульц ответил:

«Другие проблемы обсудим, но сначала самолет». — И стал собирать бумаги со стола, складывая их в папку.

Громыко последовал его примеру, сложив в стопку свои бумаги.

Продолжали стоять, делая некие демонстрационные движения, показывая, что готовы уйти, но не уходили. Простояв какое-то время, снова опустились в кресла.

А. Громыко пустился в свои рассуждения. Шульц сидел молча.

Громыко говорил, Шульц молчал.

Видя, что с американцем «каши не сваришь», министр выпустил заключительный залп из ствола крупного калибра:

«Вот почему мы обвинили администрацию США в организации против СССР преступной акции. В случае с самолетом — это не единичный враждебный выпад против Советского Союза».

На этом разговор руководителей дипломатии двух великих держав завершился. Оба поднялись и на этот раз направились к выходу.

Этот пример, возможно, достоин того, чтобы быть включенным в учебники по дипломатическому искусству: как в неблагоприятных условиях не оборвать диалог, суметь сделать так, чтобы собеседник в конце концов выслушал все, что ему предполагалось сказать, и сохранить на будущее открытым «окно возможности» для более спокойного и продуктивного разговора.

А.А. Громыко за свою многолетнюю дипломатическую карьеру встречался с руководителями и министрами большинства государств мира. Его хорошо знали в Лондоне, Париже, Бонне, Риме, Мадриде, в столицах других стран

Европы и других континентов. Он оставил после себя авторитетную, отлаженную и уважаемую во всем мире дипломатическую службу.

Лучше сто раз не сказать то, что нужно сказать

Андрей Андреевич любил повторять: «Лучше сто раз не сказать то, что нужно сказать, чем один раз сказать то, что не нужно сказать». Это было, собственно, его кредо в сфере *public relations,* в отношениях с общественным мнением, практически со всеми своими собеседниками. Поучал он этому сотрудников МИДа на больших собраниях. Напоминал старшему дипсоставу на заседаниях коллегии и на узких совещаниях.

Пример тому подавал он сам. В отношениях с прессой министр был весьма сдержан и осмотрителен. Высказывал суждения и оценки по преимуществу лишь нерискованные, несомненные с точки зрения утвержденной политической линии. Словом, в частых связях с прессой, как говорится, замечен не был. Если же случалось, то говорил простыми, скучноватыми, даже корявыми, но предельно точными фразами.

Он знал, кому надлежит, а кому — нет просвещать мир и свое общественное мнение о положении дел в стране, во внутренней и внешней политике, о решениях и предстоящих шагах в дипломатии. Долгая жизнь в политике научила Андрея Андреевича тому, что истина всегда находится на самом верху пирамиды, приоритет в ее доведении до сведения людей и мира принадлежит тому, кто этот верх занимает. Он никогда не рисковал нарушить это правило и не рекомендовал делать этого другим.

Велики были самоконтроль, нежелание проговориться, сказать ненароком в разговоре, особенно с иностранцами, о чем-то таком, о чем говорить нежелательно. Одним из самых болезненных примеров являлась история с болтливостью его заместителя Я.А. Малика, который на дипломатическом приеме поддался на увещевания иностранного посла, не сумел сдержать гордыню своего всезнания и рассказал о том, что пилот сбитого на днях (в мае 1960 г.) под Свердловском американского самолета-шпиона «У-2» жив, а не погиб. Посол, разумеется, немедленно передал эту информацию американцам. Между тем Хрущев именно на этом секрете хотел сыграть на предстоящей в июне в Париже встрече в верхах четырех держав, предъявив живого пилота президенту Д. Эйзенхауэру, который упорно отнекивался от своей ответственности в организации шпионского полета.

Сдержанность Громыко объяснялась не в последнюю очередь его характером. Человек он был не очень-то разговорчивый, углубленный мыслями в себя.

В долгие громыкинские времена работа с прессой, разумеется, серьезно отличалась от нынешних условий. Это была обстановка закрытого общества. Пресс-служба — Отдел печати, один из главных в министерстве, — в основном занималась консультированием подготовленных к опубликованию статей в центральных газетах. Ежедневно в Отдел печати присылалось немалое количество материалов, по которым руководство отдела высказывало сужде-

ния: чему должно, а чему не должно появиться в свет. Постоянно давались советы и рекомендации — по телефону или в личных встречах — относительно того, что в международных вопросах представляет наибольшую актуальность, как освещать те или иные проблемы и т.д. Пресс-конференций и брифингов в нынешнем понимании не проводилось.

Громыко первым ввел практику встреч с главными редакторами «Правды», «Известий», ТАСС, Гостелерадио и АПН. Это было нечто новое, к тому же вызывавшее бурчание Отдела пропаганды ЦК КПСС, который по определению являлся хозяином этих и всех других средств массовой информации.

Практика эта прижилась. Примерно раз в месяц редакторы собирались в кабинете министра, и Андрей Андреевич в течение часа-полутора излагал свои соображения, выслушивал мысли и вопросы. Беседы проходили интенсивно и являлись ценным источником информации и ориентации.

Вскоре был сделан следующий шаг. Андрей Андреевич согласился с предложением заведующего Отделом печати Л. Замятина проводить в отделе еженедельные брифинги для заместителей главных редакторов и заведующих международными отделами крупных газет и других средств массовой информации. Это было что-то уже совсем новое, совсем как в Америке. Журналисты это весьма ценили, участие в брифингах считалось делом престижным. Позже ограниченный круг приглашаемых расширился, брифинги положили начало нынешним пресс-брифингам в МИДе и других госучреждениях.

Подчеркну, однако: от предварительной цензуры нашей прессе удалось избавиться лишь с начала 1990-х гг. В России добились свободы печати от государства. Но пришла другая несвобода — зависимость СМИ от нового русского капитала, во владение которого попали большинство газет, журналов, телевидение.

Совсем уж редко в громыкинские времена проводились пресс-конференции. Формула здесь была та же: истина — на вершине пирамиды, и человек номер один в государстве знает, надо ли и по какому поводу собирать журналистов. Раздолье для них было при Никите Сергеевиче. Тот охотно и часто устраивал пресс-конференции, делал пространные заявления перед журналистами на приемах, выставках и прочих оказиях. Иногда в пылу оратор слишком увлекался — наподобие фразы: «Мы вас похороним!», адресованной капитализму. В любом случае выступления Никиты Сергеевича перед прессой всегда становились событием.

Андрей Андреевич проводил пресс-конференции в Москве редко и, как правило, по поручению ЦК в связи с каким-либо актуальным событием. За рубежом он чувствовал себя свободнее. Практически все его визиты заканчивались встречами с прессой. Интерес к А.А. Громыко был огромен. Он это знал, ценил. Особенно на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, который оставался для него памятным местом.

В конце января 1967 г. по указанию министра мне, тогда работавшему заместителем заведующего Отделом печати, пришлось провести большую

пресс-конференцию в МИД СССР. Это был разгар «культурной революции» в Китае. Накануне около 70 китайских студентов, возвращавшихся в КНР через Москву, пришли во главе с сотрудниками посольства на Красную площадь к Мавзолею Ленина. Достали «красные книжечки» цитат Мао Цзэдуна, начали громко их скандировать, чтение сменилось возбужденными криками (такое у хунвэйбинов случалось постоянно и повсюду), стали набрасываться на тех, кто стоял рядом и не поддерживал их энтузиазма. На пресс-конференции обо всем этом было соответствующим образом сказано. Отмечено, что этот инцидент использовался для организации новых бесчинств у здания советского посольства в Пекине.

На следующее утро министру доложили о пресс-конференции. Андрей Андреевич выслушал с поощрительным видом, сам оставшись с задачей потруднее — предстоял доклад Генсеку, а у того «культурная революция» вызывала явную аллергию.

К иностранным журналистам Громыко относился доброжелательно, был расположен к разговорам с ними. Говорил по-английски свободно, без напряжения. Его рассуждения получались плотно выстроенными, аргументированными. Корреспонденты роились вокруг него.

Советский министр иностранных дел воспринимался в качестве одного из лидеров державы, противостоящей США и Западу в холодной воине, а потому и должного принять на себя — по делу или не по делу — увесистую долю критики, сарказма, недостойных выпадов. Переносил он это стоически, во всяком случае, на лице у него трудно было что-либо прочитать.

Нередко западные журналисты становились простой разменной монетой в большой игре. Лишение аккредитации и высылка из Москвы инкоров были в ходу как ответ на какие-нибудь действия другой стороны.

Если не ошибаюсь, в 1966 г. в газете «Вашингтон пост» были опубликованы «Записки Пеньковского», высокопоставленного разведчика, переметнувшегося на сторону американцев и передавшего им порядочное количество наших военных секретов. Громыко сказал, что надо выслать из Москвы корреспондента «Вашингтон пост». Говорил он, как всегда, с твердостью, но слышалось нечто размягченное.

Корреспонденту «Вашингтон пост» С. Розенфелду, который приехал всего-то полгода назад, было заявлено, что ему предлагается покинуть Москву. У Розенфелда катились слезы.

«Причем же я? Я даже не знал, что в Вашингтоне готовят эту публикацию. Я приехал в Москву с семьей с желанием стать другом России. И такое несправедливое наказание».

Через несколько дней А. Громыко спросил меня:

«Как с американским журналистом, уехал?»

«Уехал, со слезами».

В лице министра обычной железности не было.

Минули годы, С. Розенфелд стал одним из руководителей «Вашингтон пост», одной из самых влиятельных газет США. А.А. Громыко имел с ним встречи.

Но был и другой Громыко. Этот человек любил журналистику, литературу. Любил писать. Литературным псевдонимом «Г. Андреев» подписывались его статьи и книги.

Даже в его мемуарах «Памятное» не найти упоминания о том, что Громыко в течение почти трех десятилетий являлся главным редактором журнала «Международная жизнь», причем он сам попросил об этом ЦК КПСС и возглавлял журнал одновременно с деятельностью министра иностранных дел.

Вопрос о создании журнала «Международная жизнь» неоднократно обсуждался на Секретариате ЦК КПСС с участием в том числе Хрущева, Молотова, Маленкова и других руководителей. Издание такого журнала укладывалось в русло намерений постсталинских руководителей сделать СССР несколько более открытой страной, увеличить информационный поток в Советский Союз и из Советского Союза. Журнал был задуман как солидный проект, приравненный к главному журналу страны «Коммунист». Штат сотрудников составляли около 100 обозревателей, литературных сотрудников и т.д., в четыре-пять раз более нынешнего. Окончательное решение было принято в первые месяцы 1954 г., и после тщательной подготовки в августе вышел первый номер.

Громыко стал в 1958 г. третьим по счету главным редактором. До него журнал возглавляли академик В.М. Хвостов, руководитель архивной службы МИДа, затем Л.Ф. Ильичев, академик, в разные годы занимавший посты секретаря ЦК КПСС и заместителя министра иностранных дел.

Для Андрея Андреевича руководство «Международной жизнью» было отнюдь не формальностью, а своего рода интеллектуальной отдушиной, занятием для души и ума. Очевидцы свидетельствуют, что практически по каждому номеру (журнал выходил ежемесячно) министр проводил либо в министерстве, либо в кабинете главного редактора заседания редколлегии, на которых со скрупулезностью рассматривал подготовленные статьи в гранках, делая замечания, внося поправки, снимая из номера непонравившиеся статьи и давая указания срочно добавить новый материал. Однажды в 1963 г., по свидетельству заведующего Отделом печати Л. Замятина, министр крепко пожурил редколлегию за то, что не предусмотрели статью о 30-летии установления дипотношений между СССР и США, тут же дал поручение такую статью сделать к следующему дню, что и было отделом выполнено. Андрей Андреевич оставался главным редактором до 1987 г.

Громыкинские времена были «золотым веком» публикационной работы советской дипслужбы. К вниманию министра к этой сфере добавились солидные финансовые возможности: на издание документов внешней политики России и СССР деньги находились в достатке. Под эгидой А.А. Громыко была подготовлена более чем 20-томная публикация «Документы внешней политики СССР». Вышли в свет пять томов «Истории дипломатии», два тома «Истории внешней политики СССР» и в трех изданиях — трехтомник

«Дипломатического словаря». Во все эти работы были вовлечены большие коллективы сотрудников МИДа, академических институтов, различных ведомств.

Отличным чтивом, не говоря уже об исторической ценности, были книги о переписке И.В. Сталина с президентами США и премьер-министрами Великобритании в годы Второй мировой войны, а также тома «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» — Москва, Тегеран, Думбартон-Окс, Ялта, Сан-Франциско, Потсдам.

Андрей Андреевич всячески поощрял издательскую деятельность. В некоторых случаях его имя значится в качестве автора или соавтора вступительных статей. Всегда только он определял концепцию, основную направленность каждого издания.

Еще в 1957 г. вышла его книга «Экспорт американского капитала: Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии». Автору была присуждена ученая степень доктора экономических наук. Затем была опубликована книга «Экспансия доллара». Итогом многолетних научных изысканий дипломата стала монография 1982 г. «Внешняя экспансия капитала: история и современность». Научные труды А.А. Громыко дважды были отмечены Государственной премией СССР.

В течение многих лет Андрей Андреевич собирал материалы, продумывал содержание своей главной книги воспоминаний «Памятное». «Любой человек, желающий передать другим свои мысли и суждения о людях или событиях, — пишет автор, — должен находить ту золотую середину, которая позволяет ему не навлечь на себя упреки в том, что он необъективен».

Верные слова. Трудно найти «золотую середину», не каждый раз это удается.

Роковые просчеты

В своем «Памятном» Громыко с гордостью вспоминает, что проблемой разоружения занимался почти 40 лет. Как никто другой из мировых деятелей, он участвовал во всех этапах послевоенной разоруженческой эпопеи. Его держава выдвинула не менее 100 инициатив и предложений, и большинство из них прошло через него. Уже в 1946 г. он от имени Советского Союза выступает с предложением о всеобщем сокращении и регулировании вооружений. Тогда же в созданной в рамках ООН Комиссии по атомной энергии рассматривалось изложенное Громыко предложение СССР о запрещении навечно военного использования атомной энергии.

Первая крупная схватка с американцами по разоруженческим делам у Андрея Андреевича состоялась вокруг «плана Баруха». Мы этот план успешно завалили. Хотя, оглядываясь назад, чувствуешь, что на базе предложения американского миллионера Баруха можно было столковаться, если бы, конечно, США согласились не ущемлять право Советского Союза иметь собственное оружие, завершение работы над которым у нас уже близилось.

Андрей Андреевич ясно понимал, что разоруженческие проблемы имеют две стороны: политико-пропагандистскую и практическую, напрямую связанную с обеспечением безопасности.

Для него была также ясна роль военных в этих делах, не на виду, но цепко связывающая мидовских переговорщиков. На заседании коллегии МИДа Громыко однажды отклонил предложение создать в системе министерства специальный отдел по разоружению (в МИДе, в деятельности которого разоруженческие проблемы и переговоры занимали львиную долю, никогда до середины 1980-х гг. не было такого отдела). Министр заметил при этом, что разоружение — это в основном вопросы Министерства обороны, там ими пусть и занимаются.

Жесткое давление МО испытывали и повыше. Хрущев сократил численность сухопутных сил и флота, сделав это, однако, в своем сумасбродном стиле, и вместо добра сокращение пошло во вред. Маршалы ему это не простили. Это хорошо помнили в Кремле в последующие годы. Л.И. Брежнев никогда с военными не спорил. М.С. Горбачев тоже. (Ю.В. Андропов и К.У. Черненко если бы и захотели поспорить, то не успели бы.) При Горбачеве генералы завалили Шеварднадзе, проигравшего им бой на разоруженческом поле. Генсек не очень-то защищал своего министра.

Мало кто знает, что А.А. Громыко, в середине 1950-х гг. будучи первым заместителем министра и небольшое время, став министром, являлся председателем Комитета информации (КИ) при МИД СССР. Это было сугубо закрытое учреждение, сотрудники имели офицерские звания, хотя формы не носили, да и не имели. Комитет создали как «перекресток» КГБ–МИД–Минобороны в качестве «мозгового треста». Здесь велись анализ и разработка долгосрочных рекомендаций, оперативных предложений по общим аспектам мировой ситуации, а также практическим вопросам двусторонних отношений.

Уровень интеллектуального потенциала КИ давал возможность делать внешнеполитические разработки высокого класса. Припоминается документ, подготовленный по идее председателя КИ: ракетно-ядерное оружие и внешняя политика с учетом новой ситуации, ожидаемой в начале 1960-х гг. во взаимоотношениях СССР и США. Интрига документа состояла в том, что анализ не принимал во внимание идеологические различия, ставил на одну доску Советский Союз и Соединенные Штаты, исходил из того, что в обеих державах идут примерно одинаковые процессы в накоплении военной мощи и планах ее применения. Был использован принцип «зеркального отражения».

Из разработки КИ, сделанной в достаточно деполитизированных тонах, следовало, что обе сверхдержавы намерены и далее делать ставку на наращивание ракетно-ядерного оружия. Но возникала наряду с этим вероятность «окон возможностей» для некоторого взаимного регулирования гонки вооружений, достижения договоренностей по ограничению вооружений, согласия о менее самоубийственных способах применения военной силы (прилагались даже наметки «правил» участия в малых войнах, с тем чтобы конфликт не эскалировал и не потребовал применения атомного оружия). В качестве пред-

положительной идеи упоминалось, что в новых условиях не только США, но и СССР получает определенную свободу решения своих проблем в региональных кампаниях.

В документе считалось допустимым некоторое изменение акцента, в частности больший, чем прежде, упор на дипломатические, экономические и прочие средства невоенного характера. В практическом плане это, по логике документа, открывало перспективу более результативных контактов между Москвой и Вашингтоном. Так оно и произошло. После Кубинского кризиса 1962 г. советская и американская дипломатии развернули довольно активное сотрудничество, результатом которого стали содержательные соглашения.

Упоминаю об этом документе лишь для того, чтобы сказать, что Громыко был расположен к реальной оценке мировой ситуации, к идеям за пределами борьбы двух систем. КИ для него был как лаборатория для оттачивания новшеств, которые в силу своей нестандартности не шли в дело, но и не пропадали втуне, откладываясь в головах людей, причастных к этим разработкам.

Дважды Москва выходила в мир с грандиозными программами разоружения. Первый выход — на 14-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, когда Н.С. Хрущев выдвинул предложение о всеобщем и полном разоружении в три этапа. Это был добротный документ, разработанный МИДом при плотном опекунстве Громыко. Весной следующего года в Женеве начал работу Комитет 10 государств по изучению этих предложений. Дело вроде бы пошло, но через две сессии работу пришлось свернуть: правительство Эйзенхауэра заслало в наше небо самолет-шпион «У-2», и отношения с США испортились. Второй раз Москва выступила с глобальным планом 15 января 1986 г. при Горбачеве, уже без Громыко. План был сделан по накату былой инерции в новых условиях. Большого успеха в мире он не имел, но свое пропагандистское назначение в основном выполнил.

Между тем с начала 1970-х гг. разоруженческая проблематика перешла в плоскость отдельных аспектов. К тому времени были достигнуты договоренности по крайней мере по двум крупным вопросам: о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, а также о нераспространении ядерного оружия.

На первый план вышла проблема ограничения стратегических вооружений (ОСВ). В ходе визита Никсона в Москву в 1972 г. удалось подписать Временное соглашение ОСВ-1, которое охватывало только межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования и морские баллистические ракеты на подводных лодках. Полный запрет предполагался в соглашении ОСВ-2. Этот договор, как известно, подписали в Вене в 1979 г. Л.И. Брежнев и Дж. Картер. Участь его была незавидной.

В разоруженческих делах каждодневный труд был сосредоточен в руках А.А. Громыко и его заместителей — Г. Корниенко, В. Карпова и В. Комплектова (разумеется, с сонмом экспертов и помощников). Надо сказать, что тому, кто не был глубоко «ввинчен» в проблемы, подобно маститым экспертам, могло казаться, что по ряду вопросов чрезмерно увлечение детализа-

цией, теоретизированием вроде многомесячных споров об «одинаковой» или «равной» безопасности. Не зря сам Громыко как-то сказал: «Эксперты по проблемам разоружения чем дальше уходят в глубину проблемы, тем меньше о ней знают».

Именно с проблемой разоружения — вооружений, точнее с философией отношений СССР–США в этой сфере, связаны кардинальные просчеты советского руководства, включая, разумеется, министра иностранных дел. Эти просчеты, усугубленные другими внешнеполитическими ошибками (здесь речь не идет о проблемах внутреннего порядка — степень тоталитаризма, неразвитость демократии и т.д.), привели к внутреннему кризису и развалу великой державы. Концентрация порочных подходов накапливала взрывную силу в течение длительного времени при нескольких кремлевских руководителях, и в конечном счете произошла детонация, взрыв.

До определенного временно́го рубежа наше активное участие в разоруженческих переговорах было важным и необходимым. СССР первые полтора десятка послевоенных лет серьезно уступал США в ядерном оружии и средствах его доставки. Разумно поэтому делались максимальные усилия, чтобы за столом переговоров добиться ограничения военной опасности, исходящей со стороны Соединенных Штатов. Результаты получались мизерные, хотя усилия — не бесплодные.

На переломном рубеже начала 1960-х гг. Советский Союз был вполне экипирован перворазрядной ракетно-ядерной амуницией, чтобы быть спокойным за свою безопасность. У нас к этому времени был выкован мощный меч возмездия, который мог выдержать первый неожиданный удар противника и нанести ему непоправимый ущерб. Во всяком случае, все крупные города Америки были бы уничтожены ответным вторым ударом.

Во что же превращались в этой новой ситуации бесконечные изнуряющие советско-американские переговоры по разоружению в тех параметрах, в которых они велись?

Признавали мы это или нет, но они превратились в удобное прикрытие несбавляемой гонки вооружений с обеих сторон. Переговоры помогали генералам постоянно повышать градус гонки вооружений. Как американская, так и советская разведка намеренно и масштабно вводили в заблуждение, а попросту дурили руководство в Белом доме и Кремле. Систематически составлялись алармистские доклады о «рывках противника» в гонке вооружений и собственном «отставании». В руководстве обеих держав эту дезинформацию принимали за чистую монету, зная, что это «липа». Однако это давало военно-политическим кругам надежные аргументы для увеличения расходов на военные приготовления.

В этих условиях советскому руководству нужно было набраться мудрости и мужества и ради спасения Отечества решиться на кардинальный поворот в основополагающих военных программах и в осмыслении назначения переговоров по разоружению, в основном с США. Сделать это было необходимо в 1970-х гг., не поздно было и в первой половине 1980-х.

Следовало отбросить политику, когда наши военные потребности строились, ориентируясь на то, сколько ракет и ядерных боеголовок в арсенале Пентагона, прибавляя сверх того для верности еще «гарантийный запас». Отбросить самоубийственную догму о том, что этого военного могущества должно быть столько, чтобы ответить не только Америке, но и всему блоку НАТО, всем мыслимым противникам в других краях и землях.

Следовало бы самим точно и взвешенно определить, каков должен быть тот минимум вооружений, который бы гарантировал, что любая агрессия против Советского Союза обернется невосполнимым ущербом для ее инициаторов. Сделать это путем скрупулезного и честного подсчета, анализа.Это вовсе не значит, что не надлежало вести переговоры. Без переговоров не было бы договоров о запрещении ядерных испытаний, нераспространении ядерного оружия и т.д.

Не хватило мудрости и отваги переломить милитаристскую тенденцию. Гонка вооружений в СССР вычерпала до дна валютно-финансовые и материальные ресурсы.

Это был первый фатальный просчет. Державу придавили тяжесть неоправданных по своим масштабам военных приготовлений, холодная война, вовлеченность в события в зоне национально-освободительного движения.

Вторая фатальная ошибка, которая сделала крах державы необратимым, — многолетняя и бессмысленная война в Афганистане. Просчет этот, как ни странно может показаться, тоже связан с проблемой разоружения.

Достаточно много написано и сказано о том, как принималось решение о посылке в страну «А» советского ограниченного контингента, о том, что авторами этой авантюры были Андропов, Устинов и Громыко, что основную роль играли КГБ и МО, а на долю Громыко опять же пришлась миссия оправдывать и аргументировать.

Что касается причин вторжения, то публика уже как бы свыклась с тем, что оно было предпринято ввиду предательства Амина, будто бы переметнувшегося на сторону американцев, из-за неизбежной военной интервенции США в этот регион, угроз южным рубежам СССР.

Все эти доводы относительно причин довольно сомнительны. В действительности советское руководство на этот фатальный шаг спровоцировало нечто другое. Не думаю, что это «другое» зафиксировано в письменных документах или было кем-то громко сказано на публику.

Мое суждение складывается из некоторых наблюдений и слышанного от людей знающих. Думаю, что оно недалеко от истины.

Вернемся к обстоятельствам отказа Вашингтона ратифицировать Договор ОСВ-2, подписанный в Венском дворце 18 июня 1979 г. При трех администрациях США шла разработка этого важнейшего документа, переговоры велись и при республиканцах, и при демократах. Делегацию США возглавляли и гражданские, и военные, и «ястребы», и «полуястребы». Миллионы людей видели в телепередаче, как, поставив подпись под договором, президент Картер дал бурно выплеснуться наружу своим чувствам. Он обнял

Брежнева и поцелуем как бы скрепил договор. Прямо с самолета из Вены президент отправился в Конгресс, где произнес речь о достоинствах Договора ОСВ-2, его жизненной важности для безопасности Америки. Вроде бы путь к ратификации становился открытым. Но не тут-то было. В сенате договор был дружно провален.

Это стало ударом огромной силы, прежде всего лично по Л.И. Брежневу. Его самолюбие было уязвлено бескрайне. Весной того же года, находясь на отдыхе в Болгарии, он говорил Т. Живкову, что удивит мир подписанием летом договора с президентом Картером, что это будет его личной победой, демонстрацией того, что, несмотря на разговоры о состоянии здоровья, именно он, Брежнев, твердо держит бразды правления государством и партией.

Неудивительно, что в советском руководстве началось нервозное обсуждение, как поставить на место зарвавшихся американцев. Ко времени подоспела афганская ситуация с ее внутренними междоусобицами. Тамошние деятели совсем запутались в распрях, раз двадцать обращались за военной помощью к Москве.

Важно подчеркнуть, что все эти просьбы поначалу отклонялись. Ждали исхода по ОСВ-2. В марте А.А. Громыко направляет записку в Политбюро с твердым «нет» вводу войск. На заседании Политбюро 19 марта 1979 г. Брежнев говорил: «Был поставлен вопрос о непосредственном участии наших войск в конфликте, возникшем в Афганистане. Мне думается, что правильно определили члены Политбюро, что нам сейчас не пристало втягиваться в эту войну».

Эта позиция держалась до последних месяцев года, когда стало ясно, что США Договор ОСВ-2 не ратифицируют и советское руководство, лично Л.И. Брежнев потерпят серьезный политический «дефолт». Тогда-то появилась и начала интенсивно прорабатываться идея морального «отмщения» США. Афганскую ситуацию стали разогревать, убеждая при этом Генсека, что дело это выигрышное, особых военных усилий не потребуется. Взяли же за пару дней под контроль всю Чехословакию в 1968 г. Возьмем и здесь. Танки — великая сила.

Так из американского провала Договора ОСВ-2 пришло решение о вторжении в Афганистан.

Роковой шаг был сделан 25 декабря 1979 г. Нужно сказать, что А.А. Громыко полностью солидаризировался с другими лидерами, но все же время от времени склонялся к более осторожной линии. В конце 1982 г., в частности, А.А. Громыко поднимал вопрос о политическом урегулировании афганской проблемы. Но Ю.В. Андропов оборвал его, сказав, что Красной Армии потребовалось 15 лет, для того чтобы подавить басмачей в Средней Азии, мол, и сейчас останемся на афганской земле столько времени, сколько на это потребуется.

Глубокую афганскую рану залечить уже не удалось. Она стала тем ударом, нанесенным самим же себе, от которого Советское государство, истощенное гонкой вооружений, оправиться не смогло.

А что же насчет «отмщения» вашингтонским обидчикам, отказавшимся ратифицировать Договор ОСВ-2? Афганская авантюра Москвы оказалась им только на руку. Они до сих пор прибыльно используют афганский козырь, сданный им рассерженной Москвой.

Роль А.А. Громыко в марте 1985 г.

За три года — с 1982 по 1985-й — почили три руководителя государства и КПСС — Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов, К.У. Черненко. Если после смерти Брежнева в новые лидеры выходили как бы накатом представители старой партгвардии, то после Черненко голос ее уже не был настолько уверенным, чтобы взять верх над набиравшей силу более молодой партийной плеядой.

Годы коснулись и железного Громыко. Тем не менее именно он сыграл главную роль в решении вопроса о власти в марте 1985 г. Ситуация в целом складывалась в пользу М.С. Горбачева, но исход отнюдь не был предопределен. Шло напряженное маневрирование. Удалось даже подзадержать в США не вовремя оказавшегося там с визитом В.В. Щербицкого, одного из претендентов на престол от «стариков». Что-то там случилось с самолетом, на пленум он так и не поспел.

Решающей оказалась позиция Громыко, который, как говорят, и сам был в числе претендентов. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем партии М.С. Горбачева. Мартовский Пленум 1985 г. дружно проголосовал «за».

Можно сказать, что речь А.А. Громыко на мартовском Пленуме, в которой содержалось это предложение, была не только точно рассчитана с точки зрения политики, но являла собой хорошую литературную миниатюру. Писал ее, уединившись, он сам, что бывало нечасто.

Итак, с подачи Громыко руководителем СССР стал человек новой генерации. Наверняка Андрей Андреевич с самого начала отдавал себе отчет в том, что перестройка неизбежно заденет его. Но вряд ли мог он предположить, что все будет так быстро и так, как это сложилось.

Вскоре его из МИДа перевели на пост, по существу, главы государства, избрали Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Министром иностранных дел стал первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э.А. Шеварднадзе. На Смоленской площади прощания с шефом, проработавшим здесь около трех десятков лет, не было. В жаркий июньский день сотрудники сгрудились у окон высотного здания, наблюдая отъезд.

Из моего кабинета на тринадцатом этаже МИДа все было видно как на театральной сцене. Сначала несколько милиционеров и пара спец«Волг» перекрыли Садовое кольцо, остановив движение транспорта и пешеходов. Потом через арку министерского двора на малой скорости стали выезжать: две «Волги» с охраной; два огромных ЗИЛа, в одном из которых покидал обжитую цитадель бывший министр; еще пара «Волг» бог знает с чем и в том числе с охраной. Кортеж, взяв вправо, выехал на Садовое кольцо, водители, как говорится, «ударили по газам» и умчали пассажира в Кремль, на новое место. Вот и все прощание.

Первое время к А.А. Громыко как Председателю проявлялся должный респект. М.С. Горбачев на важных публичных встречах появлялся с ним рука об руку, но постепенно аура развеивалась. Председателя отгородили от внешней политики. Зато его постоянно можно было видеть в коротких телерепортажах о посещении заводских корпусов, животноводческих ферм, на хлопчатобумажном комбинате, с детишками из организации «Дети как миротворцы»...

При новом министре стали думать, что из наследия предшественника можно было изменить. Дело это оказалось трудным, собственно, вся дипломатическая система, кадры в предшествующие десятилетия складывались при Андрее Андреевиче. Изменения коснулись центрального аппарата, посольств, Дипакадемии, МГИМО, словом, всей системы МИДа. Часть нововведений оказались удачными, кое с чем можно было повременить или проводить поделикатнее.

Коснулось это и темы «Громыко и журнал “Международная жизнь”».

В начале сентября 1987 г. меня вызвали к новому министру. Э.А. Шеварднадзе сказал, что А.А. Громыко, занимая пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, остается тем не менее главным редактором журнала «Международная жизнь». Ему трудно совмещать эти должности.

«Я говорил на эту тему с товарищем Горбачевым, — продолжал Шеварднадзе, — и Михаил Сергеевич одобрил, что надо просить А.А. Громыко сосредоточиться на работе Председателя, несколько разгрузиться. На освободившееся место главного редактора рекомендовать Пядышева, сделав его также членом коллегии МИДа. Михаил Сергеевич согласился и с этим».

Министр добавил:

«Александр Николаевич Яковлев имел разговор с Андреем Андреевичем о его уходе из журнала, и тот в принципе согласился».

Прошло время, несколько месяцев. А.А. Громыко обстоятельно завершал свои дела в журнале. Состоялся еще один разговор А.Н. Яковлева с ним. После трех десятилетий редакторствования А.А. Громыко расстался с «Международной жизнью».

Минули годы, журнал стал другим. Но неизменна добрая память о человеке, который так много сделал.

Андрей Андреевич Громыко скончался 2 июля 1989 г., не дожив 16 дней до своего полного восьмидесятилетия. Похоронили его не на пепелище той державы, которую он создавал и крепил и которую развалили на исходе 1991 г. До этого, слава Богу, он не дожил. Лежит он в твердой земле великого своего государства.

Блажен, кто ушел вовремя.

Не увидит то, чем окончился путь, которым шел всю жизнь. Не нужно будет душевных и физических усилий приспосабливаться к новым порядкам и идеям. Все равно переделать себя не смог бы.

Не будет чувства неловкости и смущения, перечитывая свои же строки, написанные в «Памятном» всего-то за три года до Беловежской Пущи: «Уверен,

пройдут годы и наступит тот — двухтысячный, который в Основных направлениях стоит как рубеж для подведения итогов грандиозной программы, советские люди оглянутся на пятнадцать лет назад. Они будут иметь основание сказать, обращаясь к нашему времени:

"Как умело партия привела в действие огромные резервы нашего социалистического строя! Правильно поступило ее руководство, когда решительно и со знанием возможностей нашего строя осуществляло эту ленинскую линию!"».

Оставим в стороне эти ненатурально звучащие сегодня слова. Зачем-то их нужно было произнести в те смутные времена.

Не это главное. Деятельность А.А. Громыко, охватившая более 50 лет, будет вспоминаться как целеустремленная работа по укреплению рубежей и интересов своей Родины.

В истории, отечественной и мировой, Громыко останется тем, кем он был — из когорты великих дипломатов и политиков ушедшего века.

У него было много партнеров среди дипломатов высшего уровня, людей, дружественно настроенных, и оппонентов. Уверен, все они признавали его талант и масштаб.

Новейшая история знала выдающихся дипломатов, министров, руководивших внешней политикой государств.

С основанием можно сказать: фигуры, равной Андрею Андреевичу Громыко, среди министров иностранных дел XX в. не было.

Рахманин О.Б.

А.А. Громыко и советско-китайские отношения

Нам нужны великие могилы,
Если нет величия в живых.
Н.А. Некрасов. Памяти Н.А. Добролюбова

Андрей Андреевич Громыко — выдающийся государственный деятель XX столетия, патриарх советской дипломатии, которой он посвятил 50 лет своей служивой жизни, их них почти 30 лет стоял во главе высшего дипломатического органа — МИД СССР. Он занимал пост первого заместителя Председателя Совета Министров Советского Союза, оставаясь министром иностранных дел страны. А.А. Громыко был членом Политбюро Центрального Комитета правящей партии (с 1973 по 1988 г.). С июля 1985 г. избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

В 1988 г., за год до кончины, Андрей Андреевич издал свои замечательные мемуары «Памятное» (в двух книгах). «Памятное» — это документ, уникальный по своему содержанию, глубине анализа. «Памятное» — не только редчайший рассказ Человека XX века, его неповторимая биография, но и подлинная летопись яркой советской истории за более чем 70-летний период.

Уверен, что поколению XXI в. важно знать историю века XX на примерах лучших его представителей, таких как Андрей Андреевич Громыко. «Памятное» по существу является своего рода Завещанием потомкам.

В моей жизни сложилось так, что с МИДом, Китаем меня связала судьба с 1945–1946 гг. (более 60 лет), когда после фронта, тяжелого ранения в Курской битве я был демобилизован и по партийной путевке направлен в МИД СССР. После соответствующей подготовки я служил в советских генконсуль-

---

Рахманин Олег Борисович — доктор исторических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

ствах в Китае (гг. Харбин, Чунчунь), а после работы и учебы в Пекине, в том числе в Народном университете Китая (окончил его экстерном), стал профессиональным дипломатом-китаеведом.

Впервые личный рабочий контакт с министром иностранных дел Громыко (он был назначен в феврале 1957 г.) состоялся в ноябре 1957 г. В то время я сопровождал из Пекина в Москву авторитетную делегацию Китая во главе с Мао Цзэдуном на празднование 40-летия Великой Октябрьской революции. Помимо участия в официальных мероприятиях по случаю праздника, Мао Цзэдун принял участие в Совещании в Москве коммунистических и рабочих партий 12 социалистических стран (14–16 ноября 1957 г.), а затем в Совещании 64 коммунистических и рабочих партий мира.

В ходе пребывания в Москве Мао Цзэдун передал через меня (поскольку я был «связным» с китайской делегацией), что Председатель КНР хотел бы встретиться с А.А. Громыко для беседы «по вопросам международной политики». Встреча состоялась в Кремле 19 ноября 1957 г. и продолжалась несколько часов до позднего вечера. Я участвовал в переводе и документировании беседы.

Андрей Андреевич в «Памятном» частично рассказывал об основном содержании этой беседы с Мао. «Главные вопросы, которые интересовали Мао Цзэдуна, — вспоминает он, — состояли в следующем:

— Можно ли квалифицировать политику США, конкретно — администрации Эйзенхауэра, — как агрессивную?

— Так ли уж США сильны в экономическом отношении, что с ними трудно бороться?»

И по первому, и по второму вопросу разговор получился довольно пространным (с. 131 в «Памятном»). Поскольку я был участником переговоров в качестве переводчика и записывающего, то полностью подтверждаю точность и акценты последующих слов Мао Цзэдуна, изложенных Громыко.

Мао Цзэдун высказывал известные мысли, но говорил по-своему. Крылатое выражение «Империализм США — бумажный тигр» ему нравилось, и он его со вкусом повторял. Мао энергично подхватил тему о неизбежности экономических кризисов. По всему чувствовалось, что он знал раздел «Капитала» К. Маркса, относящийся к экономическим кризисам, и хотел, чтобы у нас об этом знали.

Мао Цзэдун был информирован о научных пристрастиях А.А. Громыко, поэтому беседа была интересной для обоих.

В «Памятном» приводится характерная для Андрея Андреевича «мозговая атака» на итоги всей беседы:

«Когда беседа закончилась, — отметил Громыко, — я, как обычно, задал сам себе вопрос:

— Что же превалировало в высказываниях Мао и что он хотел тем самым показать нам?

И я пришел к выводу, что в основном он хотел как бы взвесить вслух возможности Китая как великой державы, в частности в экономическом отношении. Желал он также знать, в пределах ли возможного не позволить империализму США

диктовать свою волю другим, и прежде всего Китаю. Вот и вел он со мной свою беседу так, чтобы мы, советские люди, знали о его взглядах на этот счет».

В целом эта беседа в Кремле, несмотря на острый характер тематики, проходила в нормальной обстановке. Мао Цзэдун с новым министром иностранных дел СССР был подчеркнуто любезен.

По ходу беседы китайский руководитель по собственной инициативе «от имени народа КНР» заявлял:

«Я выражаю благодарность Советскому Союзу за экономическую помощь, за поддержку Китая на международной арене, в том числе и в вопросе о допуске КНР в ООН».

Мао Цзэдун заверял: «Китай никогда не пойдет на ухудшение отношений с Советским Союзом и будет совместно с вами выступать в борьбе за мир». Мао вспоминал о встрече с Громыко во время своего первого пребывания в Москве в 1949–1950 гг.

Мао Цзэдун также проявил интерес к работе Министерства иностранных дел СССР. Заметил, что «в Китае неослабно следят за напряженной работой советского МИДа. Советским дипломатам приходится иногда воевать не только за себя, но и за всех нас. Что касается меня, — подчеркнул Мао Цзэдун, — то я всегда поддерживаю вас, находясь, правда, “за вашей спиной”».

Подытоживая содержание московской беседы Громыко с Мао Цзэдуном, отмечу, что Андрей Андреевич справедливо придал ей важное значение. Он предчувствовал предстоящие изменения в международной обстановке, советско-китайских отношениях в конце 50-х — начале 60-х годов.

Андрей Андреевич, без сомнения, был удовлетворен, что по логике рассуждений Мао в беседе удалось вычислить особенности внешней политики Пекина в предстоящие годы.

По окончании многочасовой беседы Громыко повторил некоторые фразы Мао Цзэдуна, типа «что с ними трудно бороться» и «крылатое выражение “американский империализм — бумажный тигр”», сказанные Мао неоднократно. Мысли Мао Цзэдуна подводили к замыслу Пекина «помериться силами с империализмом США», о чем позже, через год-два, заговорили передовые «Жэньминь жибао» и китайские пушки...

В конце встречи Громыко выглядел уставшим, взволнованным. Он внимательно посмотрел на меня и попросил срочно направиться в МИД и надиктовать запись этой беседы, заметив, что должен с утра доложить о ней на заседании Политбюро. «Надеюсь, что вам это удастся», — сочувственно добавил он.

Я счастлив, что Андрей Андреевич в своем эпохальном труде «Памятное» (кн. 2, с. 130) дал весьма лестный отзыв о моей скромной работе, отметив: «Переводил беседу прекрасно знающий китайский язык О.Б. Рахманин, который уже тогда являлся специалистом по Китаю и одним из наших крупных международников». Всей моей последующей деятельностью я стремился соответствовать этой высокой аттестации.

Оценки А.А. Громыко, сделанные после беседы с Мао, стали вскоре оправдываться. Негативные тенденции Пекина во внешней политике в 1958 г. про-

явились в переходе от гибкой тактики к «новой линии» — лобовым атакам на капитализм, империализм, к жесткому курсу «острием против острия». Китайское руководство в конце 50-х — начале 60-х годов переоценило свои силы и возможности в решении мировых проблем, утратило чувство реальности в оценке международного положения и соотношения сил на мировой арене.

В августе-сентябре 1958 г. произошло серьезное обострение военно-политической ситуации на Дальнем Востоке. Следуя своей «новой линии», маоисты совершили в 1958 г. ряд военных акций в районе Тайваньского пролива, которые привели к серьезному осложнению китайско-американских отношений и международной обстановки в целом. Военная акция Пекина вызвала сосредоточение крупных американских военных сил в районе Тайваня.

Госсекретарь США Даллес 4 сентября 1958 г. прямо заявил, что для обеспечения «безопасности» Соединенных Штатов президент США «полон решимости» предпринять своевременные и эффективные меры для сохранения позиций Чан Кайши, а следовательно, и США на Тайване и прибрежных островах. Широко разрекламировались воинственные настроения в США, доходящие до атомного шантажа (угроза бомбардировок объектов на территории КНР с использованием атомного оружия).

В такой напряженной обстановке советское руководство приняло решение о том, что министр иностранных дел А.А. Громыко должен вылететь в столицу Китая и побеседовать с Мао Цзэдуном в связи с напряженной обстановкой, которая сложилась тогда в отношениях между США и КНР, и другими проблемами. Сторонами было принято решение о таком визите в августе 1958 г. (См. раздел в «Памятном» «Инкогнито в Пекин», кн. 2, с. 132–134).

Беседа Андрея Андреевича с Мао Цзэдуном состоялась 6 сентября 1958 г. Главное место в ней заняли вопросы, связанные с напряженной обстановкой на Дальнем Востоке, особенно с положением, сложившимся вокруг островов, а также с политикой США в Тайваньском проливе, возможностью американской агрессии против Китая, и координацией действий между Советским Союзом и Китаем в политическом плане.

Как рассказывал Андрей Андреевич, общая тональность заявлений Мао Цзэдуна была такова, что уступок американцам делать не следует и надо действовать по принципу «острие против острия». «Верно, — говорил Мао, — что США могут пойти на авантюру, на развязывание войны против КНР. Китай должен считаться и считается с такой возможностью. Но капитулировать мы не намерены».

В пекинской беседе с Громыко Мао Цзэдун вновь повторил ряд своих «идей» по проблемам войны и мира. Например, 6 сентября 1958 г. он заявлял: «...Если брать вещи и явления в их сравнении, то, например, международная напряженность сейчас, особенно в связи с событиями в районе Тайваня, более выгодна нашим странам и менее выгодна империалистам». В этом месте он сослался на В.И. Ленина, который во время Первой мировой войны якобы говорил, что война напрягает все нервы народа, заставляет его задумываться и искать выход... По мнению Мао Цзэдуна, будущая война не может быть

продолжительной... Когда все атомные и водородные бомбы будут сброшены, наступит война с применением обычных видов оружия, обычная война. «Наша цель — скорее смести капитализм. В этом смысле я, — сказал Мао, шутя, — "милитарист"».

В пекинской беседе Мао Цзэдун приводил те известные примеры о «полезности войны», которые затрагивал (удивив аудиторию) в Москве на Совещании коммунистических и рабочих партий мира в ноябре 1957 г.

В сентябрьской беседе Мао Цзэдун разоткровенничался о «тактике» возможной схватки с американцами. Мао Цзэдун заявил: «Если США нападут на Китай и применят даже ядерное оружие, китайские армии должны отступать из периферийных районов вглубь страны. Они (китайские армии) должны заманивать противника поглубже с таким расчетом, чтобы вооруженные силы США оказались в тисках у Китая».

Далее Мао Цзэдун, отмечал Громыко, «давал как бы советы руководству СССР, что надо делать». Он подчеркнул следующее: «В случае возникновения войны Советский Союз не должен давать на ее начальной стадии военный отпор американцам основными своими средствами и таким образом не мешать им проникать все глубже внутрь территории китайского гиганта. Лишь затем, когда американские армии оказались бы в центральной части Китая, СССР должен их накрыть всеми своими средствами».

Беседа министра иностранных дел СССР с лидером Поднебесной принимала драматический характер. Андрей Андреевич отметил, что до данной беседы с Мао он знал о многих заявлениях Мао Цзэдуна по вопросам войны и мира, об американском империализме. Но впервые непосредственно услышал высказывания, которые крайне удивили... не только своей «оригинальностью», но и «легкостью», с которой Мао излагал чуть ли не «схему агрессии США против Китая с применением ядерного оружия и то, как с этой агрессией бороться.

Хотел бы особо подчеркнуть смелость, мудрость, находчивость, высочайший класс дипломатии Андрея Андреевича. Он понимал, что был затронут вопрос о национальных интересах не только Китая, но и Советского Союза. И среагировал на него четко. Громыко заявил: «Изложенный сценарий войны не может встретить нашего положительного отношения. Я могу это сказать определенно».

Громыко высказал свое мнение о Мао Цзэдуне как личности (Памятное. Кн. 2, с. 127–128, 134). «Мао Цзэдун — широко известная в мире политическая фигура. Я не ставлю своей задачей анализировать его мировоззренческие концепции, его взгляды на общественное развитие. Марксистско-ленинская наука в основном уже оценила их и поставила на свое место, как и практическую деятельность Мао Цзэдуна, оказавшую сильное влияние на внутреннюю обстановку в Китае. Четкие оценки со стороны КПСС и братских партий подавляющего большинства государств даны также и внешнеполитическим взглядам Мао Цзэдуна.

В исторической литературе мало сказано о том, что представлял собой Мао Цзэдун как деятель, оказавший влияние и на развитие международной

обстановки. Ведь в течение десятков лет внешнюю политику Китая магнетизировали его идеи, его философские воззрения. В связи с этим думается (*скромно заметил А.А.*), что отдельные высказывания Мао Цзэдуна в моем присутствии либо непосредственно в беседе со мной могут представлять определенный интерес.

Если отвлечься от его теоретических установок, мировоззренческих концепций и особых взглядов в политике, то перед вами предстанет человек в общем любезный и даже обходительный. Мао понимал шутку, и сам к ней прибегал. Старую китайскую философию он считал своим родным домом, основательно ее штудировал и со знанием ссылался на авторитеты. Мао Цзэдун уважал собеседника, который мог с ним потягаться в обсуждении проблем. Но когда дело доходило до острых вопросов политики, у него на лице появлялась маска. Мао тут же становился другим человеком. На моих глазах в Пекине (1959 г.) он просидел весь обед рядом со своим главным гостем — Хрущевым, сказав не более десятка протокольных слов».

Несколько слов о совместной работе с А.А. Громыко в закрытой Комиссии Политбюро по китайскому вопросу в 60–70-е годы. Подобные комиссии создавались руководством страны, Политбюро ЦК в период кризисных ситуаций (советско-китайский конфликт на Даманском, вакханалии хунвэйбинов против посольства СССР, советских граждан, воюющий Вьетнам, страны Восточной Европы и т.д.). Я привлекался к работе Комиссии в качестве постоянного эксперта, главным образом по Китаю.

Основным «мотором» в этих комиссиях являлись Ю.В. Андропов, А.А. Громыко и Д.Ф. Устинов. Заявлял и вновь повторяю, что эта «тройка» состояла из талантливых, трудолюбивых, преданных социализму, интересам народа, однако удивительно скромных, непритязательных руководителей. Они был сдержанны в высказываниях друг о друге.

Сотрудничество Громыко с Андроповым отличалось товарищеским единением. Для тех из нас, кто имел возможность работать с ними, это было большой честью, школой мудрости, богатейшим опытом жизни, умением анализировать сложные политические явления, вырабатывать нужные решения для выхода из кризисов.

Могу лично подтвердить, что не только тесное сотрудничество двух руководителей авторитетных ведомств страны, Громыко и Андропова, но и по-человечески крепкая, искренняя мужская дружба на протяжении многих лет связывала этих людей. Характерно, что именно Андрею Андреевичу было поручено выступить с трибуны Мавзолея по поводу кончины Юрия Владимировича Андропова (9 февраля 1984 г.). «Это был человек, — заявил А.А. Громыко, — с которым меня связывала длительная совместная работа... Кончина Ю.В. Андропова, — сказал он, — явилась крупной потерей для страны и партии. С трибуны Мавзолея я сказал нашему ушедшему товарищу “Прощай!”».

Еще один пример активной и напряженной деятельности министра иностранных дел А.А. Громыко на китайском направлении политики. Как отмеча-

лось выше, резкое обострение Китаем ситуации на Дальнем Востоке в конце 50-х, вызвавшее непосредственную военную угрозу, произошло без консультаций с Советским Союзом, вопреки прямым обязательствам по советско-китайскому Договору о дружбе, союзе и взаимной помощи между нашими странами от 14 февраля 1950 г. США угрожали развязать войну (включая атомную) ради спасения режима Чан Кайши и заодно, чтобы остановить развитие КНР по социалистическому пути.

От руководства страны, от МИДа, возглавляемого А.А. Громыко, требовались срочный анализ опасной ситуации, выработка серьезных предложений по защите суверенитета и безопасности соседней КНР и нашего государства.

В тот момент таким главным и спасительным решением стало Послание правительства СССР от 7 сентября 1958 г. американском президенту. Заслуга Андрея Андреевича Громыко в появлении этого ключевого документа, где был найден выход из опаснейшей ситуации.

В Послании Москвы Вашингтону заявлялось, что нападение на КНР будет рассматриваться как нападение на Советский Союз и что в случае применения агрессором ядерного оружия он «немедленно получит должный ответ теми же средствами»*. (Проект Послания готовился А.А. Громыко и др.; утверждало его Политбюро ЦК.)

Позиция Советского Союза в связи с тайваньским кризисом и возникшей опасностью войны вызвала признательность китайского руководства (даже Мао Цзэдуна). В письме в адрес ЦК КПСС он отмечал: «Я от имени всех товарищей — членов Коммунистической партии Китая выражаю вам сердечную благодарность...». «...Вы со всей ясностью и определенностью выразили заверения в том, что в случае если Китай подвергнется нападению, то Советский Союз будет решительно выполнять свой революционный долг по отношению к Китаю. Мы глубоко тронуты вашей безграничной преданностью принципам...».

Пожалуй, наиболее емко отношение Громыко к Китаю выразило следующее его мнение: «Убежден: все, что бы ни происходило в отношениях между Советским Союзом и КНР, имеет историческое значение. Масштабность стран, их ресурсы, их богатая культура, традиции добрых отношений в недалеком прошлом — все это весомо заставляет думать о пользе добрососедства и дружбы». Последние два слова — добрососедство и дружба — использованы в названии Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г., подписанного уже после кончины Андрея Андреевича.

В моей статье затронуты лишь несколько замечательных граней таланта выдающегося деятеля нашей страны, одного из руководителей внешней политики Советского государства, память о котором, уверен, будут чтить многие поколения нашего народа.

---

* К истории отношений России — СССР с Китаем в XX веке. М., 2002. С. 24–25.

Сергеев Р.А.

Иногда надо сказать «нет»

С Андреем Андреевичем Громыко я проработал около 16 лет: с 1953 по 1955 г. и с 1962 по 1975 г. За эти годы имел возможность видеть вблизи его работу еще до того, как он в феврале 1957 г. был назначен министром иностранных дел. Почти 30-летнее руководство дипломатией Советского Союза Андреем Андреевичем обеспечило преемственность советской внешней политики, хотя за это время пять раз произошла смена высших руководителей СССР. Преемственность в дипломатии обеспечивается прежде всего передачей опыта от старшего поколения дипломатов к младшему. Передача личного опыта не идет ни в какое сравнение с его приобретением путем изучения документов, различных материалов, записей бесед и стенограмм, досье по отдельным направлениям двусторонних и многосторонних, конфеденциальных отношений. В этом плане роль Громыко была уникальна. Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко и Горбачев имели личные подходы к внешней политике, тем не менее министром иностранных дел оставался Громыко (при Горбачеве — около трех месяцев).

Западные дипломаты и СМИ зачастую называли Громыко, как и Молотова, «Мистер Нет». С этим я лично сталкивался на Женевских совещаниях 1959 и 1961 гг. На мой взгляд, прозвище было несправедливо. За те 28 лет, когда Громыко возглавлял МИД (февраль 1957 — июнь 1985 г.), Советский Союз и, следовательно, МИД и Громыко, внесли на рассмотрение мирового сообщества большое число предложений для решения крупных международных проблем и конфликтных ситуаций. Эти предложения зачастую наталкивались на «нет» именно западных держав. За этот период в Совете Безопасности число «вето», наложенных западными державами, превысило число «вето» Советского Союза. Произвище «Мистер Нет» перешло к Громыко от Молотова по инерции со времен холодной войны, когда представления о мирном послевоенном сотрудничестве Советского Союза с западными державами, возникшие в годы Второй мировой войны, развеялись. В эти годы Советский Союз

Сергеев Ростислав Александрович — Чрезвычайный и Полномочный Посол.

в ряде случаев выступал против предложений западных держав, направленных на утверждение в мире порядков, угодных США и их союзникам. Именно в таких ситуациях с советской стороны звучало слово «нет».

Громыко считал, что дипломат должен уметь в необходимых случаях дать отпор, парировать выпад, иначе он не выполнит свой долг.

Вместе с тем Громыко понимал, что в дипломатии для достижения позитивного результата иногда надо сказать «нет», которое в конечном счете приведет к согласию. После того как западные политические деятели и дипломаты ближе познакомились с методами ведения переговоров, которыми пользовался Громыко, они стали говорить, что советский министр берет их измором, вынуждая идти на уступки. А дело было в том, что Громыко понимал всю глубину и сложность противоречий и разногласий и выступал за терпеливость в переговорах. Он говорил, что постепенно, последовательно стороны найдут понимание позиций друг друга после того как каждая сторона пройдет свою половину пути.

Разумеется, Громыко считал неприемлемым путь к достижению договоренности за счет односторонних уступок. Он неоднократно требовал от советских дипломатов найти сближение позиций путем движения навстречу друг другу, когда каждый должен, как сказано выше, пройти свою половину пути. При таком подходе требовались последовательность, убежденность и уверенность в соединении с гибкостью. Громыко признавал при этом, что до сих пор никто не дал определения, что такое «гибкая линия» во внешней политике.

Во время переговоров — какими бы острыми они ни были — на лице Громыко нельзя было уловить хотя бы малейшего проявления эмоции, оттенок чувства, который дал бы понять, как он относится к тому, что слышит. Это не позволяло партнерам раньше времени определить его реакцию на их высказывания. Его представления по тому или иному вопросу выяснялись только тогда, когда он сам их излагал. Его логичная аргументация на переговорах заставляла оппонента если не замолчать, то признать правоту его позиции, пойти в конечном счете на достижение компромисса.

На совещаниях внутри МИДа Громыко стремился создать атмосферу свободного обсуждения, откровенного выражения мнений. Он не раз и не два говорил: пусть из десяти высказанных предложений пройдет только одно, бояться этого не надо. Нужно иметь простор для идей, из которых можно делать выбор.

Свои представления об искусстве дипломатии Громыко передавал следующим поколениям советских дипломатов на различных встречах, совещаниях, заседаниях партийно-хозяйственного актива, в индивидуальных беседах.

Громыко отличали огромная трудоспособность, обширные знания, опыт и интуиция, что в сочетании с глубокой убежденностью позволяло ему чувствовать надвигающиеся сложности и опасности. Трудоспособность сочеталась у него с терпимостью, разумеется, в известных пределах.

При обсуждении какого-либо вопроса он старался сначала выслушать других, а выводы делал и давал указания в конце дискуссии. Он не раз гово-

рил, что по срочным вопросам ему надо звонить в любое время суток. К сожалению, его советникам и помощникам неоднократно приходилось этим пользоваться. Даже глубокой ночью в ответ на тревожное сообщение можно было услышать его спокойный, ровный баритон.

Язык Громыко был точным, образным, в необходимых случаях твердым. В произношении чувствовался говор его родной Белоруссии. Вот как пишет В.Б. Болдин о языке Громыко, рассказывая о выступлении Андрея Андреевича на Пленуме ЦК КПСС в марте 1985 г.: «Речь Громыко была необычной по форме, образной, с неожиданными эпитетами, нетрадиционными аргументами, логическими заходами». Андрей Андреевич умел убеждать собеседника силой логики, последовательностью и четкостью изложения мысли, историческими примерами и юридическими аргументами, сравнениями.

Громыко жил и работал в эпоху, когда Советский Союз стал сверхдержавой, с которой руководители других великих держав говорили на равных. Это, однако, не повлияло на манеру ведения переговоров, встреч и бесед, проводимых Андреем Андреевичем. Его речь была корректной и вежливой. Приведу оценку англичан, которые славятся таким умением вести беседу, что иногда запутывают собеседника вежливой формой «understatement». В июне 1973 г. в Москве находилась лейбористская делегация, которую принял Громыко. Один из участников встречи позднее отмечал: «Приемом у Громыко и откровенностью, политическим подходом и прямотой делегация была “очарована”». Вместе с тем, в зависимости от обсуждаемого вопроса и характера беседы, тон мог быть необычно резким. Это чувствовали президенты и государственные секретари США, с которыми в течение своей 28-летней деятельности встречался Громыко, а также министры и послы других государств, когда было необходимо, например, выразить протест. Приведу два примера.

В мае 1960 г. над Уралом был сбит американский пилот-шпион Френсис Гарри Пауэрс, пересекавший нашу страну по маршруту Пакистан–Норвегия. Норвежская сторона пыталась ввести нас в заблуждение относительно намечавшегося места приземления Пауэрса на аэродроме в Норвегии. Министр вызвал норвежского посла и выразил протест по поводу использования норвежской территории в агрессивных целях. Посол ответил, что это «является совершенно немыслимым. Норвежское правительство никогда этого не допустило бы». Андрей Андреевич сказал: «Я не стану с вами больше говорить на эту тему. Сказанное мной является неопровержимым фактом. Доложите об этом своему правительству. Это все. Вас я слушать больше не желаю». Такой тон для дипломатической беседы был крайне необычным. Но слишком явным было нарушение со стороны Норвегии ее официального внешнеполитического курса и слишком очевидной была ложь. Другой пример. Летом 1959 г. во время Женевской конференции по германскому вопросу Громыко встретился с министром иностранных дел ФРГ фон Брентано. Как известно, ФРГ тогда отказывалась признать ГДР.

Андрей Андреевич в жесткой форме осудил «доктрину Хальштейна». Необычным в ходе этой встречи было и то, что Громыко вслух переспрашивал у своего переводчика правильность перевода слов фон Брентано немецким переводчиком.

В переговорах Громыко умел нажать на собеседника, прямо высказать ему свое несогласие, не допустить недопонимания своих мыслей.

Известно, что так же твердо Громыко мог выразить свое мнение на заседании Политбюро, готов был отстаивать это мнение, руководствуясь интересами дела. На этом основывался его авторитет в МИДе и в стране.

Из книги Р.А. Сергеева «В МИД СССР. На Кузнецком Мосту и Смоленской площади. 1948–1991». М.: РОССПЭН, 2007.

Сизов А.Н.

Большое видится на расстоянии

Человек, о котором речь пойдет ниже, бесспорно, представляет собой одну из наиболее значительных и выдающихся фигур в международных отношениях и мировой дипломатии XX в. И неудивительно, что о нем уже сказано и написано довольно много и, без сомнения, лучшие работы — еще впереди. Как метко сказал один великий поэт, «большое видится на расстояньи». По моему убеждению, А.А. Громыко — это очень крупная, сложная, неоднозначная личность, во многом почти трагически противоречивая, со своим глубоко упрятанным и очень индивидуальным огромным внутренним «Я», периодически раскрывавшимся — да и то далеко не до конца — перед очень немногими. Скажу больше: на мой взгляд, в чем-то он даже беспрецедентно уникален, так как являет собой особый, нетипичный образец выбившегося из низов «человека из народа», но без характерных черт, неизбежно присущих подавляющему большинству выходцев с периферийных окраин: провинциально-суетливой нахрапистости и отсутствия нередко даже элементарного такта.

Слегка перефразируя великого У. Черчилля, с которым наш персонаж был хорошо знаком, — я имею в виду его ставшее знаменитым изречение, посвященное В.М. Молотову и приведенное в его мемуарах «Вторая мировая война»: «Вячеслав Молотов — человек выдающихся способностей и хладнокровно-беспощадный», — почти то же самое можно отнести и на счет А.А. Громыко, но с одной существеннейшей поправкой: он отнюдь не был беспощадным. Да, он был суровым, очень требовательным, методично-пунктуальным, нередко очень жестким. Конечно, великая и одновременно трагическая сталинская эпоха наложила свой неизгладимый отпечаток и на А.А. Громыко — как породистый конь, как берущий призы скаковой жеребец из элитной «номенклатурной» конюшни, он нес на себе ее несмываемое тавро-клеймо.

Человек сдержанный, лаконично-суховатый, сосредоточенный, даже кажущийся мрачновато-угрюмым, одним словом, внешне классический, застегнутый на все пуговицы, стандартный «аппаратчик», или, как таких типов дав-

---

Сизов Александр Николаевич — дипломат, сотрудник Московского Дома соотечественника.

ным-давно окрестили на Западе, причем даже в «братских» компартиях, «функционер». Но из-под холодной, бесстрастной маски порой проглядывал живой, интересный, импульсивный человек из плоти и крови, не лишенный чувства тонкого юмора, со скрытым темпераментом, с обуревающими его страстями, чутко и адекватно реагирующий на многие, в том числе и сугубо житейские, вещи и международные события, творчески и гибко их переосмысливающий, дающий им свою собственную, индивидуальную оценку, порой совсем не укладывающуюся в рамки жестких ортодоксальных схем партийных идеологических канонов.

Как дипломат А.А. Громыко, вне всякого сомнения, может быть охарактеризован как «профи» высшей марки, наивысшей пробы, как мудрый государственник, отличающийся подлинным, а не «квасным», по образному выражению Ф.И. Шаляпина, патриотизмом. Конкретный пример: именно он, сам будучи американистом, проявил большое понимание важности и перспективности европейского направления советской внешней политики вопреки сильному давлению отечественных американистов из аппарата ЦК КПСС и МИДа, буквально лезших из кожи, чтобы навязать свою аксиому: «Америка превыше всего». Ни в малейшей мере не умаляя непреходящей кардинальной значимости поддержания конструктивных отношений с США, действительно игравших тогда, т.е. в 60–80-х годах XX в., жизненную, основополагающую роль для судеб всего человечества, он осознал настоятельную и давно назревшую необходимость завязывания и расширения политического диалога с ведущими европейскими державами: Францией, Великобританией, ФРГ, Италией. Отсюда та, столь успешно себя зарекомендовавшая политика «разрядки» во взаимоотношениях СССР с европейскими партнерами США по НАТО, нашедшая свое кульминационное выражение и итоговое воплощение в Хельсинкском Заключительном акте 1975 г.

К числу очевидных заслуг А.А. Громыко следует отнести то, что он со свойственным ему тонким, я бы, пожалуй, сказал, почти «звериным (лисьим)» чутьем понял роль и место Италии в европейской политике Советского Союза.

Как довелось услышать автору этих строк в столь уже далеком, увы, но попрежнему незабываемом апреле 1966 г., находясь в нескольких шагах за спиной тогдашнего посла СССР в Италии С.П. Козырева (крупный, очень одаренный дипломат, ныне почти забытый, один из самых способных и ярких протеже В.М. Молотова), в коротком разговоре А.А. Громыко, делясь впечатлениями от первого за весь послевоенный период официального визита советского министра иностранных дел в Италию, обронил следующую фразу: «А знаете, я, наверное, в первый раз всерьез подумал, что у нас с итальянцами может получиться что-то путное еще где-то в конце 50-х годов, хотя и ясно как божий день, что они у американцев в кармане и пляшут под их дудку». Как документально подтвердил впоследствии С.П. Козырев, А.А. Громыко, конечно, имел в виду весну 1958 г., когда Советский Союз выступил с новой важной инициативой. Посол Итальянской Республики в СССР М. Ди Стефано был принят 20 мая 1958 г. в МИД СССР самим министром, который пере-

дал ему заявление советского правительства, содержавшее предложение о заключении между СССР и Италией договора о дружбе и ненападении сроком на 20 лет. К заявлению прилагался и проект договора. Он предусматривал, что обе стороны будут укреплять дружественные отношения на основе принципов мирного сосуществования, обязуются не прибегать к применению силы или угрозы силой, разрешать все спорные вопросы только мирными средствами, содействовать всемерному развитию торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества на основе равенства и взаимной выгоды. Однако первые заметные признаки намечавшегося перелома в советско-итальянских отношениях появились только в середине 60-х годов, а сам перелом наступил только в 70-х.

Эти годы, особенно первая их половина, вошли в историю как новый, качественно более высокий этап во взаимоотношениях между СССР и Италией. В значительной мере он обусловливался тем, что процесс разрядки международной напряженности, зародившийся на Европейском континенте и столь властно заявивший о себе к середине данного десятилетия, отнюдь не обошел Италию стороной, оказав на нее несомненное благотворное воздействие. Именно тогда внешняя политика Итальянской Республики медленно, далеко не без труда и лишь частично освобождаясь от прежних жестких пут безоговорочного проамериканизма и традиционной «атлантической солидарности» и постепенно приобретая черты относительно большей самостоятельности и гибкости, стала временами отличаться сравнительно более дальновидным и реалистичным подходом к важнейшим международным проблемам.

И как логическое следствие этого участившийся обмен визитами ведущих государственных деятелей сыграл большую роль в заметной активизации политического диалога между обеими странами, ощутимо способствовавшего тому, что советско-итальянские отношения приобрели более устойчивый, упорядоченный и продвинутый характер. Достаточно простого упоминания перечня официальных визитов, совершенных А.А. Громыко на Апеннины, чтобы воочию убедиться в том, что этот действительно насыщенный диалог развивался по восходящей линии: апрель 1966 г., ноябрь 1970 г., февраль 1974 г., июнь 1975 г., январь 1979 г. К этому также необходимо добавить и конструктивные переговоры руководителя советской внешней политики с его итальянскими коллегами, состоявшиеся в Москве в мае 1967 г. (А. Фанфани), октябре 1972 г. (Д. Медичи), июле 1974 г. (А. Моро), ноябре 1975 г. (М. Румор), январе 1977 г. (А. Форлани), ноябре 1980 г. (Э. Коломбо).

В ходе всех вышеперечисленных визитов лично А.А. Громыко и его итальянскими партнерами были подписаны такие важные двусторонние документы, как Соглашение об экономическом и научно-техническом сотрудничестве, консульская Конвенция, Соглашение о сотрудничестве в области туризма, Протокол о сотрудничестве в области медицины и здравоохранения, Протокол о советских консульских учреждениях в Италии и об итальянских консульских учреждениях в СССР, Соглашение о научном и техническом сотрудничестве, Протокол о сотрудничестве в области окружающей среды, совмест-

ная советско-итальянская Декларация, Соглашение об экономическом сотрудничестве в период 1975–1979 гг., Соглашение об освобождении от двойного налогообложения в области морского судоходства, Протокол о сотрудничестве в области окружающей среды, Конвенция о правовой помощи по гражданским делам, Межправительственный протокол о сотрудничестве между Государственным Эрмитажем СССР и итальянской галереей Уффици, Меморандум, предусматривающий совместные исследования в области нейтринной астрофизики.

Позволю себе маленькое авторское отступление: тот первый визит 1966 г. вообще стоит как бы особняком и особенно памятен автору, делавшему тогда свои первые шаги на дипломатическом поприще в качестве секретаря консульского отдела посольства СССР в Италии и впервые наблюдавшему «сильных мира сего» на столь непривычно близком расстоянии. Тогдашняя поездка А.А. Громыко в Рим примечательна еще и тем, что были установлены первые официальные контакты с руководством Ватикана: советского министра иностранных дел принял Папа Римский Павел VI и имел с ним продолжительную беседу. Такой обмен мнениями происходил и в последующие годы, неизменно привлекая самое пристальное внимание и вызывая закономерный и большой международный резонанс.

Был ли действительно А.А. Громыко пресловутым «Мистером Нет номер 2» по аналогии с другим «Мистером Нет номер 1» — В.М. Молотовым? Вряд ли. Хотя надо честно признать: он никогда не изменял тому, во что верил, достойно, умело, последовательно и твердо отстаивая интересы того государства, которому он служил, той общественно-политической системы, которая дала ему «путевку в жизнь» и обеспечила «место под солнцем». Полагаю, он отлично понимал, что «политика — это искусство возможного», как сказал когда-то великий О. Бисмарк, и, естественно, не был «твердолобым пнем», которого вообще «никуда не сдвинешь». В двухполярном мире, в эпоху глобальной идейно-политической и военно-стратегической конфронтации выходец с белорусской Гомельщины не только прекрасно нашел себя, но и блестяще проявил все свои недюжинные способности.

Но невольно задаешься вопросом: ощущал ли он себя так уж уютно, беззаботно и комфортно? Рискну предположить, что прокрустово ложе партийных догм нередко вынуждало его идти на компромисс со своим внутренним «Я», со своей совестью, неукоснительно придерживаясь канонов партийной дисциплины. Даже факт его заслуженного избрания в 1973 г. в состав Политбюро ЦК КПСС — правивший в тогдашнем СССР ареопаг — говорит сам за себя и не нуждается в комментариях. Ведь очень многие его предшественники на посту министра иностранных дел, за исключением разве что В.М. Молотова, вообще имевшего «особый статус» в высшей советской номенклатуре на правах «наиближайшего» соратника и «личного друга» И.В. Сталина (если такое понятие вообще применительно к «кремлевскому горцу»), никогда не входили в состав Политбюро ЦК: ни М.М. Литвинов, ни А.Я. Вышинский, ни Д.Т. Шепилов (он, правда, состоял в 1956–1957 гг. кандидатом в члены Пре-

зидиума ЦК КПСС), а ведь все они были очень яркие, крупные, незаурядные люди, личности в подлинном смысле этого слова.

Ну, а что же А.А. Громыко? Неужто он и впрямь удачливый «баловень судьбы», счастливый «везунчик», родившийся с «серебряной ложкой во рту»? Полагаю, ни то, ни другое. Просто, чуть-чуть перефразируя Наполеона Бонапарта, можно сказать: это был «нужный человек, оказавшийся в нужный момент в нужном месте». А будущие поколения историков-международников еще воздадут должное этой личности, навсегда вошедшей в историю и занявшей в ней подобающее место.

Соколов О.М.

«Когда изобрели дагерротип?»

Вспоминать об Андрее Андреевиче Громыко — значит перебирать в памяти большую часть собственной профессиональной жизни, которая так или иначе проходила, так сказать, под его эгидой, при его незримом, а иногда и зримом присутствии, накладывавшем отпечаток практически на все, что делалось нашей дипломатией на протяжении более четверти века. Если бы в русском языке существовал определенный артикль (как, например, в английском), то он всегда мысленно ставился бы перед словами «министр иностранных дел СССР», под которым неизменно подразумевался именно А.А. Громыко. Помнится, даже Э.А. Шеварднадзе, сменивший Андрея Андреевича при всем известных обстоятельствах, приехав с визитом на Филиппины, где я тогда «посольствовал», и кладя на стол переговоров увесистую коричневую папку с документами, не преминул отметить: «Этой папкой пользовался еще Громыко».

Безусловно, А.А. Громыко был порождением своей эпохи и советского государственного строя, которому он верно служил и интересы которого твердо защищал. Он делал это даже тогда, когда сам не был согласен с некоторыми решениями, принимаемыми руководством Советского Союза. Так, в частности, было с Карибским кризисом в октябре 1962 г. Вспоминается в этой связи следующий, весьма необычный разговор, который вышел у меня с ним 25 лет спустя.

Будучи назначен в 1987 г. послом на Филиппинах (мое первое посольское назначение), я «напросился» перед поездкой на личную беседу с Андреем Андреевичем, который в своем новом качестве Председателя Президиума Верховного Совета СССР должен был подписать мои верительные грамоты филиппинскому президенту. По протоколу такая беседа не требовалась, но мне было, конечно, весьма интересно выслушать напутствие А.А. Громыко, который в свое время принимал активное участие в становлении наших отношений с Филиппинами. Андрей Андреевич сказал несколько слов об

Соколов Олег Михайлович — Чрезвычайный и Полномочный Посол.

этих отношениях и, видимо, припомнив во мне бывшего американиста, вдруг стал говорить, притом довольно пространно, о Карибском кризисе. Сильно жалею до сих пор, что не успел записать тогда весь ход его рассуждений на эту тему, но главный их смысл запомнил хорошо.

Во-первых, по словам Андрея Андреевича, он с самого начала был против размещения советских ядерных ракет на Кубе и не раз говорил об этом Н.С. Хрущеву, как и другим тогдашним руководителям, подчеркивая, что американцы этого не простят и без ответа не оставят. Во-вторых, как вытекало из его монолога, примерно 15-минутного, он, мягко говоря, чувствовал себя весьма неуютно, когда при встречах в Вашингтоне в октябре 1962 г. с президентом США Дж. Кеннеди и другими высшими американскими деятелями ему пришлось «прикрывать» указанное решение Москвы и факт реальной дислокации советских ракет на Кубе. Исторически верным остается то, что во время беседы в Белом доме с Дж. Кеннеди (у которого в ящике стола лежали полученные с помощью аэросъемки фотографии наших ракет), А.А. Громыко был вынужден утверждать, будто Советский Союз не делает ничего, что представляло бы опасность для США, и что все его помыслы направлены лишь на обеспечение безопасности Кубы. Кеннеди тогда проявил немалую выдержку и, пожалуй, государственную мудрость, не став «припирать к стенке» своего собеседника и демонстрировать ему данные аэрофотосъемки. Но как только самолет министра вылетел из нью-йоркского аэропорта, все эти «доказательства советского двуличия» Белый дом тут же придал гласности, и Карибский кризис разразился всерьез. Лично у меня осталось впечатление, что весь этот драматический поворот событий, который был действительно способен поставить мир на грань катастрофы, и особенно беседа с Дж. Кеннеди, довлели над Андреем Андреевичем всю оставшуюся жизнь.

Во многих отношениях и сам А.А. Громыко как бы олицетворял собой на международной арене советский строй со всеми сопутствующими атрибутами, часто неприятными и почти всегда «неудобными» для западных политиков. Именно поэтому вокруг его имени был создан ореол жесткого, неуступчивого переговорщика, с которым «трудно иметь дело». Да, переговорщик он был действительно жесткий, подчас бескомпромиссный, когда речь шла о принципиальных вопросах. Однако все это было подчинено главному — добиваться поставленных целей. Если не сразу, то шаг за шагом, идя «по кругу» тех же проблем и лишь варьируя аргументацию. Только тогда, когда все возможности получить искомое от партнера исчерпывались, он мог перейти на другие, запасные позиции, которые тоже расходовал крайне экономно. Он никогда не сдавал позиций.

Те из нас, кому довелось близко видеть, как работал А.А. Громыко (в ходе встреч с иностранцами или при «домашней» проработке различных проблем), могут засвидетельствовать: его жесткость никогда не была нарочитой, жесткостью ради самой жесткости, она всегда была ориентирована на получение максимального результата от переговоров. Более того, вспоминаю, как

министр подчас упрекал некоторых наших дипломатов за излишнюю, показную твердость, не диктуемую обстоятельствами и не приносящую дивидендов. Кстати, нацеленность А.А. Громыко на достижение договоренностей на разумных, взаимовыгодных началах хорошо понимали, вопреки собственной пропаганде, те же американцы. Американские СМИ, например, имели обыкновение, особенно при обострении международной обстановки, разыгрывать разного рода «сценарии» расстановки сил в советском руководстве по тем или иным вопросам. В таких умозрительных упражнениях СМИ Громыко всегда занимал взвешенную позицию, выступал за дипломатические, а не военные пути разрешения кризисных ситуаций.

Вообще, как дипломат, он умел разрядить обстановку, если она становилась накаленной. Иногда это достигалось одной фразой, например, в «обвинительном» по тону в отношении Запада том или ином выступлении министра на сессии Генассамблеи ООН. Над своими выступлениями он продолжал работать до последнего момента, хотя основные их параметры утверждались решением Политбюро, и после такой «разрядочной» фразы в речи А.А. Громыко, который тонко чувствовал «накал страстей» в международной аудитории, многонациональные, разные по политическим симпатиям и антипатиям участники сессии Генассамблеи облегченно вздыхали, делая вывод, что до конфронтации между Востоком и Западом дело все же не дойдет. Смысл нашего «послания», таким образом, полностью сохранялся и доводился до адресатов, но делалось это солидно, без искусственного нагнетания напряженности. Это был голос ответственного члена сообщества наций, озабоченного судьбами мира.

О работоспособности А.А. Громыко хорошо известно. Его выносливость, даже физическая, при ведении труднейших, многочасовых переговоров по самому широкому кругу проблем была просто поразительна. Помню, как однажды, кажется, в Женеве, министр, вернувшись с ужина у американцев (за которым переговоры, разумеется, продолжались), стал подводить итоги дня для информации высшего руководства в Москве. Это был трезвый, хладнокровно выжатый «сухой остаток» без каких-либо натяжек или эмоциональных всплесков. Его первая фраза звучала так: «Я не считаю сегодняшний день полностью потерянным. Во-первых, они пошли на то-то и то-то…».

Можно определенно сказать, что по части умения добиваться конкретных результатов на переговорах у А.А. Громыко не было равных. В мире было немало способных, даже талантливых дипломатов и политических деятелей, но Громыко уникален. Несмотря на острые, иногда коренные разногласия, расхождения в интересах и позициях со своими партнерами, министр сумел снискать среди них признание, уважение, а то и боязнь быть «переигранными». В этом смысле уже при жизни он стал «человеком-легендой». Уже само обращение к нему его иностранных коллег носило отпечаток уважительного отношения; Генри Киссинджер, например, говорил: «Как сказал министр иностранных дел (Киссенджер называл его только так, а не по имени и даже не по фамилии. — *Соколов О.М.*) с характерной для него точностью формулировок…».

В апреле 1985 г., когда А.А. Громыко был назначен Председателем Президиума Верховного Совета СССР и перестал быть министром иностранных дел, я еще продолжал работать советником-посланником нашего посольства в Вашингтоне и стал свидетелем многочисленных откликов в США на это событие. Довелось, в частности, видеть и слышать передачи по телевидению с участием встречавшихся с министром бывших госсекретарей США, а также работавших в Москве американских послов. Их «вердикт» звучал однозначно: Громыко являлся выдающимся дипломатом и политическим деятелем. Он был труден для своих оппонентов, причем не только в силу позиций, которые занимал, но и потому, что был прекрасно профессионально подготовлен, умел защищать и продвигать эти позиции. Кто-то из послов сказал так: «К нему нельзя было идти на беседу, досконально не проштудировав все детали вопросов, которые предстояло обсуждать; иначе он первой же своей фразой сажал собеседника “в лужу”».

А.А. Громыко действительно был лучше подготовлен к обсуждению практически всех международных вопросов, чем любой другой государственный деятель его времени. Тем более что его богатейший дипломатический опыт часто вбирал в себя сам генезис и последующее развитие международных проблем. Однажды кто-то из американских дипломатов, кажется, госсекретарь С. Вэнс, позволил себе в беседе с ним следующую фразу (в контексте обсуждения ближневосточного урегулирования): «Интересы безопасности Израиля требуют...». Громыко тут же прервал его убийственным замечанием: «Вы можете не рассказывать мне об интересах безопасности Израиля. Если бы не эта рука, которой я голосовал в 1948 г. в Совете Безопасности ООН за создание государства Израиль, его сегодня вообще не было бы на политической карте мира».

При этом министр каждый раз самым тщательным образом готовился к предстоящим переговорам, особенно с американцами, где всегда присутствовала глобальная по охвату повестка дня. Главный упор делался на проблемах разоружения. Помню, принимая для очередной беседы Генри Киссинджера, Л.И. Брежнев как-то сказал: «Вопросами ограничения стратегических вооружений у нас в Политбюро занимается в основном Громыко». Именно по этим вопросам он вникал во все детали, в том числе касающиеся самих систем стратегического оружия. Любопытен такой эпизод.

Накануне одного из многочисленных визитов Киссинджера в Москву (в 70-х годах он побывал у нас более десятка раз, не считая своего участия в саммитах), тогдашний руководитель Отдела США МИДа Г.М. Корниенко (впоследствии замминистра и первый замминистра) был приглашен на седьмой этаж в кабинет А.А. Громыко и чуть ли не целый день отсутствовал. Вернувшись наконец, Георгий Маркович поведал, что министр решил проиграть с ним «сценарий» будущих переговоров, сказав: «Ну, вот вы — Киссинджер, а я, разумеется, — Громыко. Я начинаю дискуссию, а вы мне отвечайте за Киссинджера». «И пошло», — рассказывал Г.М. Корниенко, слегка посмеиваясь.

Вопреки созданному ему имиджу, А.А. Громыко отнюдь не был ни в личном общении, ни на переговорах каким-то букой, сухарем, постоянно работающим «перпетуум-мобиле» и только. Он умел пошутить, подчас подтрунивал над своими партнерами. Однажды на переговорах с Вэнсом при обсуждении ближневосточной проблемы министр сказал: «Я замечаю, что как только мы приступаем к разговору о Ближнем Востоке, у вас на губах начинает блуждать улыбка авгура»*. Ни сам госсекретарь, ни его переводчик, как выяснилось, не были знакомы с древними преданиями и обратились через стол к нашему переводчику В.М. Сухареву с просьбой разъяснить, о ком идет речь, и что имел в виду министр.

Как, наверное, всякий политик, несущий на себе огромный груз многотрудных государственных дел, А.А. Громыко чисто по человечески нуждался иногда в отвлечении от этих дел, в элементарной разрядке для ума. Помню эпизод, имевший место после его встречи в МИДе с какими-то высокопоставленными американцами. Закончив беседу, министр вместо того, чтобы сразу пройти обратно в свой кабинет, почему-то задержался и стал вышагивать расстояние от круглого стола, за которым он принимал посетителей, до окна и обратно. При этом несколько минут он ни словом не обмолвился. Я тоже оставался в комнате, ожидая возможных указаний. Вдруг министр поворачивается ко мне и спрашивает: «Как вы думаете, в каком году изобрели дагерротип?». Вопрос был настолько неожиданным и необычным, что я как-то растерялся и сразу выпалил: «По-моему, где-то в конце XIX в.». «А я думаю, значительно раньше», — сказал министр и, конечно, оказался прав.

* *Авгур* — жрец в Древнем Риме, толковавший мнимую волю богов по крику и полету птиц.

Степанов А.И.

О творческом наследии А.А. Громыко

Хотел бы поделиться некоторыми эпизодами из мидовской карьеры, которая пришлась на «эпоху Громыко», и размышлениями о том, каким Андрей Андреевич мне видится сегодня.

Эта эпоха формально продолжалась почти три десятилетия. С его назначением в 1985 г. Председателем Президиума Верховного Совета СССР и кончиной в 1989 г. важный этап в отечественной внешней политике и дипломатии не завершился. Концептуальное и практическое наследие А.А. Громыко остается востребованным и в наши дни. Выдающийся дипломат XX столетия оставил глубокий след в истории международных отношений, внешней политики и мировой дипломатии. Чтобы подняться на такую вершину, надо было помимо природного дарования обладать богатством знаний в различных областях, досконально изучить опыт, накопленный дипломатией ранее.

Глазами начинающего дипломата

После окончания исторического факультета МГУ в 1953 г. я был принят на работу в скрытую от посторонних взглядов Высшую дипломатическую школу (ВДШ). В то время А.А. Громыко занимал пост первого заместителя министра, а в 1957 г. возглавил МИД. Для меня и моих сверстников он находился на недосягаемом расстоянии во всех отношениях. Давало о себе знать и традиционное для нашего ведомства чинопочитание, с какой бы точки зрения его не рассматривать.

Кратковременная стажировка в центральном аппарате, в том числе в Третьем Европейском отделе, последующая четырехлетняя работа в качестве вице-консула Консульства СССР в г. Ростоке (ГДР) и второго секретаря

Степанов Андрей Иванович — доктор исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол, заслуженный деятель науки РФ, член Союза писателей России.

Посольства СССР в ГДР позволили одолеть первые ступени «школы молодого дипломата», окунуться в совершенно необычную для выходца из Рязани атмосферу деятельности внешнеполитического ведомства и его загранучреждений, овеянной ореолом таинственности и необыкновенности. Дорожу памятным сувениром, врученным министром несколько лет назад по случаю моего юбилея: это — копия приказа, подписанного собственноручно А.А. Громыко, о присуждении дипломатического ранга Третьего секретаря.

В разные периоды работы в системе МИДа я смотрел на А.А. Громыко сначала глазами дипломата младшего звена, а спустя годы — старшего и главного советника, а потом, под конец карьеры, — посла, ученого и опытного педагога.

Во время пребывания в ГДР для меня и моих коллег послы (сначала — Г.М. Пушкин в 1954–1958 гг. и после него — М.Г. Первухин в 1958–1962 гг.) были, признаюсь, чуть ли не «небожителями». С ними мы виделись редко, в основном на партийных собраниях и торжественных заседаниях, иногда на совещаниях оперативно-дипломатического состава. Основная причина — огромная нагрузка, приходившаяся на посла в такой ответственной точке, как ГДР. Но дело не только в этом. Отдаленность, если можно так выразиться, младшего дипломатического состава от руководства посольства порождала на интеллектуальном и психологическом уровнях чувство разновеликости обеих сторон. Известный автор Л. Млечин, изучавший деятельность всех руководителей наших внешнеполитических ведомств с 1917 г. по начало текущего столетия, замечает: «Министр — от Молотова до Громыко — был для дипломатов почти божеством, абсолютно недоступным. Можно было проработать всю жизнь в МИДе и ни разу не увидеть министра»*. Отчасти с этим утверждением можно согласиться.

Со временем это явление постепенно уменьшалось ввиду развивавшейся демократизации общества и в меньшей степени самого МИДа. И конечно, еще потому, что дипломатическая молодежь взрослела профессионально, получала очередные должности и ранги, передавая связанный с возрастным фактором определенный дискомфорт новым поколениям.

На трибуне министр

В памяти запечатлелись выступления А.А. Громыко на собраниях партактива и отчетно-выборных партийных конференциях МИДа. Когда он говорил, в зале воцарялась абсолютная тишина. Многие участники вооружались блокнотами, делали для себя пометки, которые были нужным рабочим материалом. По сей день у меня как раритет хранятся конспекты некоторых из этих выступлений.

На собраниях партактива доклады министра были посвящены актуальным вопросам международной обстановки и задачам МИДа. На трибуну он

* *Млечин Л.* МИД. Министры иностранных дел. Романтики и циники. М.: Центрполиграф, 2001. С. 426.

выходил без заранее подготовленных текстов, говорил свободно, как будто беседовал или советовался с аудиторией, делился своими мыслями и выводами. Его голос был ровным, спокойным, докладчик не прибегал к броским фразам и эмоциональным эффектам. Изложение отличалось строгой логикой, аналитическим и деловым характером, богатым словарным составом. Нередко министр прибегал к иронии и даже юмору, но их не всегда можно было сходу уловить на достаточно монотонном общем фоне.

В конце 70-х годов министр неоднократно выступал или давал интервью по телевидению. Многим запомнилось развернутое выступление А.А. Громыко на пресс-конференции в Москве 31 марта 1977 г. с оценкой переговоров с госсекретарем США С. Вэнсом относительно ограничения вооружений и разоружения*. В течение 30–40 минут он обрисовал создавшуюся обстановку, показал цели, какие преследуют США и блок НАТО, обстоятельно охарактеризовал позицию СССР. Формулировки были, как всегда, четкими, отточенными, лаконичными. Министр оперировал массой фактов, специальных терминов, цифр. Все, кто впервые слушали его, были потрясены глубоким знанием сложнейшей разоруженческой материи, умением ясно и аргументированно изложить существо проблемы. Отклики среди населения были не просто положительными, даже восторженными. Многие знакомые говорили: «Какой талантливый человек возглавляет МИД». Авторитет и популярность А.А. Громыко в народе еще более возросли.

Поцелуй Брежнева и Картера в Вене

Мне довелось лично видеться с А.А. Громыко дважды в Вене, где я был советником посольства, секретарем парткома объединенной партийной организации советских учреждений в Австрии. Первая встреча протокольного характера состоялась в июне 1979 г. в связи со встречей Л.И. Брежнева и Дж. Картера. Тогда на партийную организацию, насчитывавшую около 500 коммунистов, и, конечно, на весь коллектив, легла задача подготовки и организации пребывания делегации, в которую вместе с Генеральным секретарем ЦК КПСС входили еще три члена Политбюро ЦК — А.А. Громыко, К.У. Черненко, Д.Ф. Устинов. Общее число сопровождающих (дипломаты, военные, специалисты разного профиля, охрана, медицинские работники, водители, журналисты и др.) насчитывало примерно 300 человек. Руководство было размещено в здании посольства, первое лицо — в квартире посла М.Т. Ефремова, «съехавшего» на время на дачу. Значительная часть сотрудников довольно многолюдного посольства перебралась в жилой дом на Штернвартештрассе, а квартиры, предназначавшиеся для высоких гостей, были отремонтированы и оснащены на уровне люксовых номеров фешенебельной пятизвездной гостиницы. Таким путем жилой фонд благодаря саммиту был, наконец, приведен в порядок.

Громыко А.А. Во имя торжества ленинской внешней политики. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1978. С. 496–508.

В одном из «номеров» разместился А.А. Громыко, державшийся, как обычно, исключительно скромно. На это обратили внимание все сотрудники, задействованные в обеспечении визита. Каких-либо просьб и поручений от него не поступало. Было впечатление, что Андрей Андреевич всем доволен.

Л.И. Брежнев и Дж. Картер прибыли в Вену вместе с министрами иностранных дел и обороны для торжественного подписания Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2). Понятно, что свою главную задачу А.А. Громыко видел в дипломатическом обеспечении на должном уровне участия делегации СССР во встрече с американцами. Значение этой задачи усугублялось тем, что Л.И. Брежнев, как мы сами видели, чувствовал себя тогда, мягко говоря, неважно. Поэтому на министра иностранных дел приходились особая нагрузка и ответственность.

А.А. Громыко так описывает церемонию во дворце Хофбург 18 июня:

«Обстановка торжественная. Залы блестят. Они не раз становились свидетелями важных встреч, результаты которых накладывали определенный отпечаток на европейскую историю.

Приближается момент подписания договора. Юристы уже не раз проверили точки и запятые в документе. Упаси боже, чтобы какой-либо неположенный прыжок одной или другой из них исказил смысл важного документа. Ведь его ожидает весь мир.

Церемония происходит в Редутном зале дворца. Оба руководителя делегаций берут ручки, присаживаются поудобнее и ставят свои подписи.

Не успели они еще привстать, как я задаю министру обороны СССР Дмитрию Федоровичу Устинову — мы стоим чуть сбоку — вопрос:

— Как думаешь, расцелуются или нет?

— Нет, — слышу в ответ, — незачем целоваться.

— Не уверен, — ответил я. — Хотя согласен, необязательно прибегать к этому жесту.

Но нас обоих в общем приятно удивила инициатива, которую проявил Картер. Договор скрепился поцелуем — в зале раздались аплодисменты»*.

Поцелуй в Хофбурге вызвал повсеместное удивление, если не сказать шок. Да, ранее имели место ставшие привычными «братские поцелуи» между руководителями социалистических стран, а тут… Может быть, подписанный договор заслуживал того? Ведь он шел значительно дальше предшествовавшего ему временного соглашения (ОСВ-1) и охватывал весь комплекс стратегических наступательных вооружений.

Оценивая позднее состоявшуюся встречу в Вене и подписание Договора между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений, А.А. Громыко отметил, что ее итоги «открывают новые возможности дальнейшего улучшения международной обстановки»**. Однако минуло всего полгода, как президент США в январе 1980 г. объявил о решении отложить

---

* *Громыко А.А.* Памятное. Кн. 2. М.: Политиздат. 1988. С. 222–223.

** *Громыко А.А.* Ленинским курсом мира. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1984. С. 95.

на неопределенное время рассмотрение вопроса о ратификации Договора. Пришедшая к власти администрация Р. Рейгана довершила неблаговидное дело. Международная напряженность вышла на новый виток. Поцелуй в Вене не пошел впрок.

Небывалая работоспособность

Вторая встреча с А.А. Громыко относится к маю 1980 г., когда он прибыл в Вену по случаю празднования 25-й годовщины подписания Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии.

Празднование предполагало проведение целого ряда мероприятий. Так, во дворце Бельведер, где четверть века назад состоялся торжественный акт подписания Договора, была открыта мемориальная доска. А.А. Громыко, находясь в Вене, подчеркнул международное значение для разрядки напряженности на континенте заключения Государственного договора и провозглашения Австрией политики постоянного нейтралитета. Авторитет австрийского государства в мире вырос, а его столица стала местом международных встреч, важных конференций и конгрессов*.

Так было и на этот раз. За короткое время министр, наряду с участием в бесконечной серии общих мероприятий, провел ряд двусторонних встреч, прежде всего с министрами иностранных дел США, Великобритании, Франции и Австрии.

Мне и на этот раз довелось принять участие в подготовке и проведении визита. А.А. Громыко бывал в Вене и ранее, поэтому специально придумывать для него перечень достопримечательностей для осмотра не требовалось. Конечно, нам хотелось организовать его встречу с коллективом. Несколько раз обсуждали эту тему с послом, с пристрастием вчитывались вновь и вновь в программу пребывания с надеждой найти в ней малейшую щель. Но выкроить время для встречи, которую все ожидали, к сожалению, так и не получалось.

Лично наблюдал, насколько напряженным и на этот раз был график мероприятий, обрушившихся на министра. Правда, казалось, что ему хотелось сделать как можно больше, втиснуть в отведенное время максимум дел. Вспоминаю следующий эпизод. На один из вечеров выпало особенно много встреч. Посетители двигались к министру как по конвейеру. Последний из них, покидавший посольство ближе к полуночи, казалось, пошатывался от усталости. Но вот список был исчерпан. Ожидали выхода министра. Он шел уверенно, как будто перед этим не «пропустил» изрядное число гостей. Обращаясь к нам, он, кажется, с юмором спросил: «Ну, с кем еще надо побеседовать?». Тогда ему шел восьмой десяток.

* См.: *Громыко А.А.* Ленинским курсом мира. Избранные речи и статьи. С. 172–173.

Работа на перспективу

В 80-х годах служебная лестница привела меня к должности главного советника Управления по планированию внешнеполитических мероприятий (УПВМ), переименованного позднее в Управление оценок и планирования (УОП). Мне посчастливилось несколько лет работать здесь вместе с видными учеными и дипломатами, на которых зиждился по-настоящему «мозговой трест» внешнеполитического ведомства. Выходившие из его недр разработки и предложения по узловым международным вопросам, как правило, вызывали у министра интерес. Курировал управление первый заместитель министра А.Г. Ковалев, а повседневное руководство осуществлял один из выдающихся дипломатов послевоенного поколения — Лев Исаакович Менделевич. Поскольку он присутствовал на оперативных совещаниях у министра в узком составе, то имел возможность время от времени информировать нас о реакции на подготовленные Управлением документы. Если они получали его одобрение, то после необходимой доработки докладывались руководству государства. Насколько я знал, эти мидовские предложения выходили далеко за пределы текущих дел и дипломатических акций, затрагивая весьма широкий круг наиболее важных вопросов — от разоружения и европейской безопасности до гуманитарных проблем и экологии, от прав человека до региональных конфликтов. Некоторые из них позволяли «заглянуть» на десять, а то и на большее число лет в будущее международной жизни. В качестве примера могу сослаться на разработки (это в 80-е годы!), связанные с отношениями Советского Союза с НАТО, Общим рынком (потом ЕС). Деятельность Управления могла быть примером (конечно, в тесном взаимодействии с другими подразделениями МИДа) глубокого комплексного анализа международной обстановки, подготовки внешнеполитических инициатив принципиального характера. Правда, далеко не все предложения, хотя и по разным причинам претворялись в жизнь. Иногда Лев Исаакович говорил, что та или иная инициатива нашла у министра поддержку, но он сделал существенную оговорку: «Интересно, но несвоевременно». Должны были пройти годы, чтобы в иной внутренней и международной обстановке подобные, далеко идущие идеи, становились предметом практической дипломатии.

Не могу не отметить, что существенный вклад в эффективность деятельности УПВМ (УОП) вносили С.Л. Тихвинский, А.Е. Ковалев, А.А. Слюсарь, А.М. Белоногов, О.В. Босторин, В.Н. Белецкий, В.П. Ступишин, С.С. Зотов, В.В. Попов и др. Сам министр высоко оценивал продуктивную деятельность уникального подразделения, его руководства, отдельных сотрудников. Его интерес и внимание к УПВП (УОП) были не случайными: в течение всех лет, когда А.А. Громыко находился у руля советской внешней политики и дипломатии, он ориентировал руководящий состав на глубокое научное обоснование программных акций СССР в международных делах.

Известные ученые и дипломаты — С.Л. Тихвинский, П.С. Акопов, В.И. Попов, В.Д. Средин, А.А. Ахтамзян и др. в своих воспоминаниях подчеркивают,

что А.А. Громыко «по складу своего ума был прирожденным ученым-аналитиком», что он уделял большое внимание «научным аспектам внешней политики», что в деятельности министра были тесно связаны наука и дипломатия*. На мой взгляд, заслуживает основательной дальнейшей разработки тезис о роли науки в подготовке и реализации внешнеполитических акций России.

В то же время представляет интерес вопрос о личной роли А.А. Громыко в конструировании внешней политики СССР. Близко знавший его А.М. Александров-Агентов отмечал, что министр был «инициатором многих наших значительных внешнеполитических шагов и, конечно, умело осуществлял их на практике»**.

Научные основы дипломатии

А.А. Громыко целенаправленно добивался укрепления научного фундамента советской внешней политики и дипломатии, опираясь на который мы смогли бы действовать более успешно в неизменно сложной для СССР международной обстановке. На этом с самого начала верно намеченном направлении Министерство иностранных дел значительно продвинулось вперед, что позволило ему не только занять достойное место в диалоге с ведущими державами Запада, но и в ряде случаев опережать их по масштабности и конструктивности вносимых инициатив.

На мой взгляд, эта существенная составляющая деятельности А.А. Громыко изучена до сих пор еще недостаточно. Речь идет о его личном вкладе как незаурядного дипломата и ученого и одновременно о вкладе целой плеяды блестящих дипломатов отечественной школы, которые в одной упряжке с другими специалистами-международниками разрабатывали концептуальные позиции СССР в сфере внешней политики. Это обеспечило ей на многие десятилетия новаторский, наступательный и эффективный характер. Сам А.А. Громыко неизменно показывал пример неугасающего творческого вдохновения, достижения зримых реальных результатов в органической увязке науки и практической дипломатии.

В 70-е и 80-е годы вышли в свет два сборника речей и статей А.А. Громыко, его двухтомные мемуары «Памятное», монографическое исследование «Внешняя экспансия капитала», большое число статей. К сожалению, специалисты-международники, ученый мир и общественность и по сей день лишены возможности ознакомиться во всем объеме с богатым и разносторонним творческим наследием «дипломата номер 1».

Вчитываясь в опубликованные два с половиной десятилетия назад речи и статьи А.А. Громыко, оценивая их с высоты сегодняшнего состояния общест-

---

* См.: *Громыко А.А.* Дипломат, политик, ученый. Материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.А. Громыко. 29 июня 1999 г. МГИМО. М.: РОССПЭН, 2000. С. 59–60, 63, 80, 134–135, 157.

** *Александров-Агентов А.М.* От Коллонтай до Горбачева. М.: Международные отношения, 1994. С. 82.

венной мысли, отмечу, что они отличаются глубоко аналитическим, обобщающим и строго аргументированным характером, несмотря на известную идеологическую ангажированность. Это свидетельство высокого уровня и исключительно широкого кругозора дипломата, а также высокопрофессионального интеллектуального кадрового ядра Министерства иностранных дел СССР.

По вопросам внешней политики А.А. Громыко регулярно выступал на съездах партии, сессиях Верховного Совета СССР, в ООН, на международных конференциях. В его докладах и речах проводилась мысль об органическом единстве внутренней и внешней политики. В 1967 г. в стране широко отмечалось 50-летие советской дипломатической службы. А.А. Громыко 29 декабря выступил с докладом на торжественном собрании трудящихся Москвы и работников МИД СССР.

Обширен перечень изданий, в которых публиковались статьи министра: журналы «Коммунист», «Вопросы экономики», «Мировая экономика и международные отношения», «Международная жизнь», «Дружба народов» и др. В его печатных трудах рассматривались процессы и тенденции, важнейшие события и кардинальные решения, отличающие положение дел в мире на каждом этапе. Некоторые статьи были посвящены актуальным вопросам экспансии капитала и современному этапу общего кризиса капитализма («Мировая экономика и международные отношения», 1982, № 12), продолжавшие исследование автором этой злободневной проблемы*. В данной статье указывалось: «Характерно и то, что одновременно с тенденцией к росту экспансионистских устремлений монополистического капитала США, его претензий на господство над целыми регионами все чаще появляются вынужденные признания ограниченности возможностей для осуществления такой политики»**. Нынешнее кризисное состояние внешней политики США, претендующих на мировое лидерство, своими корнями уходит в последние десятилетия прошедшего столетия.

В 80-е годы А.А. Громыко выступил автором предисловий к капитальным научным трудам, отдельных разделов и глав в коллективных исследованиях. Так, его перу принадлежат предисловия к книгам «Дипломатия стран социализма» (1980), «Современная дипломатия буржуазных государств» (1981), «Внешняя политика Советского Союза» (1985)***.

В 1982 г. издательство «Мысль» выпустило солидное исследование А.А. Громыко «Внешняя экспансия капитала. История и современность», которое и в наши дни не потеряло своего актуального звучания. Одной из главных заслуг ее автора является разоблачение несостоятельной и авантюристической философии «Pax Americana», угрожающей всему миру, претензий США под прикрытием фальшивого флага «демократии» на роль мирового жандарма****.

---

*См.: *Андреев Г.* Экспорт американского капитала. Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии. М., 1957; *Он же*: Экспансия доллара. М., 1961.

** «Мировая экономика и международные отношения». 1982. № 12. С. 333.

*** Авторский коллектив этого учебника (2-е изд.) был удостоен Государственной премии СССР.

**** См.: *Громыко А.А.* Внешняя экспансия капитала. История и современность. М.: Мысль, 1982. С. 6, 435.

В течение почти 10 лет А.А. Громыко скрупулезно работал над мемуарами, вышедшими в 1988 г. в двух книгах под названием «Памятное». Это — серьезный труд, как и все, что выходило из-под его пера. Свою главную задачу автор видел в том, чтобы «осмыслить огромное множество проблем, так или иначе влиявших на судьбы мира, актуальных проблем, с которыми человечеству приходится иметь дело»*. Полстолетия посвятил он нашей внешней политике, начиная с 1939 г., когда тридцатилетний старший научный сотрудник был переведен из АН СССР в НКИД на должность заведующего Американским отделом. В «Памятном» автор повествует о наиболее важных событиях предвоенной и послевоенной эпохи, о несчетном числе визитов, переговоров и встреч, характеризует иностранных и советских политиков и дипломатов, делится впечатлениями о выдающихся деятелях отечественной и мировой культуры. Перед нами предстает многотысячная галерея действующих лиц, героев и антигероев. В силу понятных причин он не имел возможности дать оценку отдельным советским политикам, с которыми довелось быть в одном строю: ведь он сам был частью существовавшей политической и партийной системы, правящей элиты. Кроме, может быть, одного исключения — характеристики Сталина (см. кн. 1, с. 196–209). О том, что происходило за кулисами, в лабиринтах Кремля мы узнаем из богатых фактическим материалом книг Ан.А. Громыко, построенных на беседах с именитым отцом**.

Анализ мемуаров А.А. Громыко — это не попытка представить читателям римейк опубликованных в свое время рецензий, а потребность высказаться в связи с содержащимся в мемуарах богатством идей, оценок, мыслей, советов. Оказывается, весьма полезно перечитывать творения талантливых современников, которых знали, с которыми трудились в одни и те же годы.

«Памятное» — уникальная энциклопедия истории, теории и практики дипломатии, в том числе отечественной, настольная книга для действующих дипломатических работников, полезное учебное пособие для выпускников российских вузов, переступающих по зову ума и сердца порог высотного здания на Смоленской-Сенной площади.

О дипломатии и дипломатах

В «Памятном» А.А. Громыко размышляет: «Общаясь с людьми недостаточно сведущими, чувствуешь, что они часто видят в дипломатии эдакое стремление или умение обхитрить партнера по переговорам, может, в чем-то и “провести” его, сказать к месту удачное словцо, блеснуть неожиданным афоризмом, ловко привести неизвестную собеседнику цитату. Это, конечно, весьма далекое от истины представление»***.

---

* *Громыко А.А.* Памятное. Кн. 1. М.: Политиздат, 1988. С. 5.

**См.: *Громыко Анатолий.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М.: Автор, 1997; *Он же.* Метаморфозы. М., 2002.

*** *Громыко А.А.* Памятное. Кн. 1. С. 4.

Трудно переоценить глубину анализа, размышлений и выводов автора, касающихся дипломатии. Этой теме специально посвящена глава XVI «Дипломатия может обходиться без цилиндра и фрака» (кн. 2).

Если вкратце суммировать мысли автора, то перед нами предстанет в общих чертах впечатляющая по своему КПД картина.

Дипломатия — это творческий процесс, какой происходит в музыке, живописи, чтении лекций, это не формулы из учебника математики, которые начинающий ученик должен заучить, чтобы одолеть азы этой науки. Поэтому нельзя втиснуть сложную, разностороннюю деятельность дипломатов в формулы наподобие математических.

Внешняя политика и дипломатия друг от друга неотделимы, находятся в неразрывном единстве, составляют одно целое*. По словам А.А. Громыко, можно говорить о дипломатии как таковой, о специфических средствах и методах, используемых ею для достижения поставленных целей. К дипломатической борьбе надо подходить «как к одному из самых сложных видов политической борьбы». Отсюда: «Дипломатическая деятельность — это труд тяжелый, сложный, требующий от тех, кто им занимается, мобилизации всех своих знаний и способностей». На этом поприще происходит состязание интеллектуального порядка».

Отдавая должное специфике и сложности дипломатической работы, государства, как указывает автор, традиционно определяли на нее людей, наиболее подготовленных для выполнения соответствующих обязанностей, оказывали предпочтение тем, кто обладал более солидным багажом знаний. «Дипломат должен отвечать тем требованиям, которые к нему предъявляет род его деятельности, он обязан быть образованным, эрудированным человеком». Р.А. Сергеев, проработавший вместе с А.А. Громыко около 16 лет, передает его замечание, высказанное на одном из совещаний (сентябрь 1970 г.) относительно требований к дипломатическим кадрам: «Нам нужны не середнячки, а хорошие работники. Сумма знаний, память — все это различно у каждого. Главное работать над собой, иначе нельзя угнаться за событиями»**.

Велико значение следующего вопроса в формулировке А.А. Громыко: «Как отделить то, что следует сказать сегодня, от того, чего не следует говорить?». Ответ на него зависит и от имеющихся указаний центра, и здравого смысла. И еще: «На любой встрече, многосторонней или двусторонней, играет свою роль и такой старый, незримо присутствующий “советник”, как политическая интуиция. А ее нельзя облечь ни в какие строгие формулы. Профессиональная подготовка и опыт — друзья интуиции».

В самом складе характера дипломатического работника должно присутствовать такое качество, как контактность. «Если дипломат воспринимает встречу с иностранным представителем как что-то вроде стихийного бедст-

---

* См.: *Громыко А.А.* Памятное. Кн. 2. С. 310–311.

** *Сергеев Р.А.* В МИД СССР. На Кузнецком Мосту и Смоленской площади. 1948–1991. М.: РОССПЭН, 2007. С. 203.

вия, то он плохо приспособлен, а то и вовсе не приспособлен к оперативной работе…».

Это не все. Перед каждым назначенным на высокий пост дипломатом возникает вопрос: «Где находится грань, отделяющая круг моих обязанностей от так называемой черновой работы, которая должна выполняться где-то ниже на служебной лестнице?». Черновая работа предполагает обработку всего того материала, с которым необходимо ознакомиться и выбрать именно тот нужный материал, который подлежит использованию в ходе бесед, при подготовке того или иного документа, речи, заявления, договора, соглашения, конвенции. Отсюда следует: «Гораздо легче все это проделывать дипломатам, уже обладающим какими-то навыками исследовательской работы — в учебном заведении, научном центре или аспирантуре, в частности при подготовке диссертации».

Наконец, последнее по счету, но не по значению: роль жены дипломата. Супруга нашего дипломата, считает А.А. Громыко, должна быть и помощницей ему во всем, и единомышленником, и в известном смысле заниматься общественной деятельностью.

Автор мемуаров — человек широко эрудированный, обладающий обширными знаниями также в литературе, искусстве, кино. Привлекает внимание следующее любопытное наблюдение А.М. Александрова-Агентова: «Вышедший из крестьянской среды, Громыко всю свою жизнь испытывал настоятельную тягу к культуре»*. Об этом свидетельствуют его новеллы о встречах с Михаилом Шолоховым, Сергеем Рахманиновым (в 1943 г. он намеревался вернуться на Родину, но этому помешала его кончина), Борисом Ливановым, Александром Довженко, Любовью Орловой и Григорием Александровым, Корнеем Чуковским, Павлом Кориным, Борисом Пастернаком, отцом и сыном Рерихами и многими-многими другими известными деятелями нашей культуры. Трудно перечислить имена зарубежных деятелей, с которыми он был знаком. От Пабло Пикассо он получил в дар один из вариантов знаменитого «Голубя мира», ценил произведения Ренато Гуттузо, был знаком с Чарли Чаплиным. При каждом подходящем случае Андрей Андреевич посещал всемирно известные музеи, такие как Лувр, восхищался итальянским искусством эпохи Возрождения, архитектурой и достопримечательностями разных стран. Глубоко разбирался в их истории, мог с увлечением рассказывать о наиболее ярких ее страницах. Поражают основательностью и красочностью описания им национального характера и особенностей жителей других государств, будь то европейских, американских или азиатских. И в этом здесь также находит отражение образ одного из образованнейших людей прошлого века. Наша страна гордится такими своими сыновьями, как А.А. Громыко.

---

* *Александров-Агентов А.М.* От Коллонтай до Горбачева. С. 83.

О племени «младом, незнакомом»

Перед старшим поколением дипломатов стоит задача ознакомления подрастающего поколения российских дипломатов с наследием А.А. Громыко. Начну с вузов, где преподается «История международных отношений, внешней политики и дипломатии». Выйдя в отставку, я сосредоточился на написании монографий, посвященных близким мне темам (Германия, Швейцария, Австрия, Лихтенштейн), и педагогической работе в Дипломатической академии, на факультете мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова и на факультете международных отношений Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. В монографиях и лекциях стараюсь довести до молодежи опыт мировой и отечественной дипломатии, особое внимание уделяю деятельности А.А. Громыко, других отечественных корифеев дипломатического искусства. Кроме передачи студентам знаний и опыта, стремлюсь прививать им интерес к профессии дипломата. Пару лет назад искренне радовался тому, что впервые несколько моих земляков — выпускников Рязанского университета выдержали конкурс на поступление на дипломатическую службу, в том числе успешно сдали экзамены на знание двух иностранных языков. В МИД приходят талантливые молодые люди, образованные и целеустремленные.

Дипломатия вызывает интерес не только у учащейся молодежи, но и у многих россиян разных профессий и возраста. Вот почему выходящие в свет мемуары наших дипломатов, их публичные выступления привлекают к себе внимание. В этой связи хотел бы отметить важную роль, которую играет Совет ветеранов МИДа в распространении знаний в этой области. Кроме организации лекций, Совет на регулярной основе выпускает сборники «Дипломаты вспоминают».

Мемуары мемуарами, но на каких весах взвесить ценность записи многочасовых бесед сына — ученого и дипломата со своим отцом, патриархом отечественной внешней политики и дипломатии? Анатолий Андреевич внес необыкновенный вклад в осмысление наследия «дипломата номер 1». В научно-историческом и нравственно-человеческом плане поистине бесценны материалы названных бесед. Приглашая на прогулку, отец говаривал: «Подышим воздухом и покалякаем». Великое благо, что записи этих откровенных разговоров увидели свет. Фактически в них отражены summa summarum — взгляды А.А. Громыко по широкому кругу внутренних и международных вопросов. Это произошло неслучайно. Отец привил сыну настойчивость и пытливость в обогащении знаниями, в научной деятельности. Анатолий Андреевич в своих воззрениях, нравственных заповедях и делах наследовал заветы и добрые советы отца.

Я познакомился с Анатолием Андреевичем в 70-х годах, когда он был директором Института Африки АН СССР, а я — проректором Дипломатической академии. Как известного специалиста-международника мы пригласили его прочитать курс лекций по внешней политике США. Интерес слушателей привлекли основательное знание молодым ученым предмета, старательность в ос-

воении педагогических премудростей. Было видно, что новое дело пришлось начинающему преподавателю по душе.

Не обошлось без курьезов. Как-то ректор Виктор Иванович Попов, с именем которого связан один из лучших этапов в истории Дипломатической академии, сказал: «Что-то Громыко зачастил в академию. Если не ошибаюсь, он зачислен у нас на полставки». Выяснение обстоятельств обескуражило: кафедра, на которой он трудился, по недоразумению запланировала для него нагрузку по полной ставке. Не искушенный в административных тонкостях начинающий Песталоцци исправно выполнял все, что ему предписывалось. Ректору пришлось принести извинение, а сам «пострадавший», похоже, даже не понял, в чем весь сыр-бор. Продолжал наслаждаться своей востребованностью в педагогической профессии. Позднее Дипломатическая академия присвоила нашему коллеге звание профессора и поддержала выдвижение в члены-корреспонденты АН СССР.

Приведенный эпизод позволил несколько по-иному взглянуть на собрата по преподавательской деятельности. Ведь не все дети из именитых фамилий отличались достаточной скромностью, отзывчивостью, уважительным отношением к другим. Однажды я был приглашен Анатолием Андреевичем на день рождения. Собрались друзья, коллеги. Как положено, звучали похвалы, чаще безудержные, добрые пожелания. Но некоторые эпитеты показались мне чересчур приторными. Выступать не собирался, но не выдержал. Сказал так: «В Дипакадемии ценят и уважают Анатолия Андреевича не за то, что он сын члена Политбюро, министра иностранных дел, а за то, что он является высококвалифицированным специалистом и совестливым человеком, который ведет себя как равный с равными». После такого заявления наступила насторожившая меня тишина. Что-то я не так сказал? Может быть, для тех времен подобное высказывание было на грани фола. Один из немногих знакомых в перерыве подошел ко мне и произнес единственное слово: «Молодец».

Один отец и сто учителей

И здесь хотел бы затронуть, пожалуй, главный из данного ряда вопрос. Наряду с тем, что Анатолий Андреевич наделен от природы разными талантами, его становление как личности происходило в интеллектуальной и высоконравственной семье, где учителями и воспитателями были Андрей Андреевич и Лидия Дмитриевна. Это лишь подтверждает, что личное в обществе уходит корнями в семью, в царящую в ней нравственную атмосферу, во взаимоотношения между ее членами. Английскому поэту начала XVII в. Джорджу Герберту принадлежит такое меткое наблюдение: «Один отец значит больше, чем сто учителей».

До сих пор не перестаю удивляться тому, что открываю у Анатолия Андреевича все новые черты русского интеллигента — ученого, дипломата, художника, поэта. Широко известны его книги. В середине 50-х он перевел на русский язык американскую пьесу «Тайный домик августовской луны», которую готовили поставить на сцене.

Откровением для многих стало пробуждение у него дремавшего слишком долго дара художника. Его кисти принадлежат уже сотни картин. Одна из его первых крупных выставок имела девиз: «Искусство без политики». Теперь показ новых живописных произведений ученого проводится регулярно. На выставке в 2007 г. привлекла внимание трогательная, профессионально выписанная картина — видавшая виды скамеечка в зимнем саду на даче во Внуково. Говорят, на ней любил сидеть и Андрей Андреевич…

У Анатолия Андреевича уже давно взрослые дети, они унаследовали дух, традиции семьи. Это — заслуга его и Валентины Олеговны, мудрой, красивой и справедливой хранительницы семейного очага. Я знаю их сына Алексея — заместителя директора Института Европы РАН, ученого современного склада, эрудированного, с почтением относящегося к старшему поколению. Эстафета старших попала в верные руки.

В публикациях и выступлениях Анатолия Андреевича, неформальных беседах неизменно звучит забота о судьбах России. Та самая забота, которая была на сердце у его отца. В стихах «Шаг в поэзию» Ан.А. Громыко отметил ответственность каждого из нас: «Мы все России сыновья…».

Андрей Андреевич Громыко принадлежит к когорте самых выдающихся дипломатов международного формата. Вряд ли кто был с ним вровень в XX столетии.

Тимербаев Р.М.

Громыко и борьба за разоружение

С того времени, когда Андрей Андреевич Громыко в 1940-х гг. работал послом в Вашингтоне, а затем в Нью-Йорке представителем в Совете Безопасности ООН и Комиссии ООН по атомной энергии, он стал прекрасно разбираться в проблематике разоружения и, насколько мне известно из регулярных личных наблюдений и контактов с ним в течение многих десятилетий, сохранял и приумножал свое глубокое понимание всех тонкостей этой проблематики до конца своих дней. Он не только разбирался, но и активно продвигал идеи и предложения по ограничению вооружений и разоружению, постоянно подталкивал нас, молодых, к поиску таких конкретных решений, которые в полной мере отвечали бы национальным интересам нашей страны.

Известно, что когда Комиссия ООН по атомной энергии приступила к работе в июне 1946 г., США внесли на ее рассмотрение пресловутый «план Баруха», целью которого было установление международного контроля над атомной энергией не столько ради уничтожения атомного оружия, сколько для сохранения американской атомной монополии. Советский Союз по предложению Молотова, утвержденному Сталиным, противопоставил американскому плану довольно незамысловатый проект международной конвенции о запрещении атомного оружия и об уничтожении в трехмесячный срок всех запасов готовой и незаконченной продукции этого оружия. Причем без всякого международного контроля. И на переговорах сразу же возник непреодолимый тупик.

Громыко с самого начала понимал, что без соответствующего контроля атомную бомбу не запретить и, тем более, не уничтожить. Внося в ООН предложение о запрете атомного оружия, Советский Союз предложил также план организации работы Комиссии ООН, а именно, создание двух вспомогательных комитетов — по обмену атомной информацией (в чем мы, естественно,

---

Тимербаев Роланд Махмутович — доктор исторических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

были тогда весьма заинтересованы) и по предотвращению использования атомной энергии во вред человечеству. Как следует из архивных материалов, в первоначальном проекте плана фигурировал и комитет по контролю над атомной энергией, но московское начальство эту идею отвергло.

Только в конце октября 1946 г. Сталин, видя бесперспективность нашего негативного отношения к контролю, согласился в интервью корреспонденту газеты *Sunday Times* Александру Верту, что международный контроль нужен. И важную роль в этом решении сыграла, как показывают архивные материалы, советская делегация в Комиссии ООН по атомной энергии, возглавляемая А.А. Громыко. В июне 1947 г. делегация СССР внесла в Комиссию уже развернутые предложении по международному контролю за уничтожением атомного оружия. Многие идеи, представленные в этих предложениях, и последующие пояснения к ним, изложенные советским представителем в Комиссии ООН, сохраняют свою актуальность и сегодня.

Как свидетельствует сын Громыко Анатолий, по мнению его отца, в 1946 г. Сталин и Молотов «все еще могли пойти на соглашение с США по атомной проблеме». Андрей Андреевич отлично знал настроения в пользу международного контроля над атомной энергией в американском общественном мнении, особенно среди ученых-атомщиков, и даже в некоторых правительственных кругах в связи с созданием ядерного оружия и бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки. Эту ситуацию хорошо характеризует, например, письмо военного министра Генри Стимсона президенту Трумэну от 11 сентября 1945 г., в котором министр писал, что «если мы не обратимся к русским сейчас и будем лишь продолжать вести с ними какие-нибудь переговоры, держа это оружие за пазухой, то они предпримут решительные усилия, чтобы решить проблему (создания атомного оружия)»*.

Тогда, в 1946 г., США располагали относительно ограниченной атомной производственной инфраструктурой и всего лишь несколькими единицами атомного оружия, поэтому, естественно, что ликвидация их под соответствующим международным контролем была бы куда более простой задачей, чем сейчас, когда и у них, и у других ядерных держав накопились горы ядерного оружия, и ядерный фактор стал играть неотъемлемую и во многом даже определяющую роль в современном мире.

Но шанс, и шанс — увы, возможно, единственный — был тогда упущен.

Позднее, в 1980-е годы, как вспоминает Анатолий Громыко, Андрей Андреевич считал, что «сейчас, когда от переговоров с Барухом нас отделяет столько лет, я уверен, что Сталин не отказался бы от создания собственной атомной бомбы. Он хорошо понимал, что Трумэн от атомного оружия не откажется»**.

---

* *William Lanouette*. Genius in the Shadows. A Biography of Leo Szilard, the Man Behind the Bomb. Chicago: Chicago University Press, 1994. P. 282.

** *Громыко Анатолий*. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М.: Автор, 1997. С. 65, 67.

Однако и после «пристрелочных выстрелов» в Комиссии ООН по атомной энергии Андрей Андреевич в течение своего многолетнего служения стране в качестве руководителя дипломатического ведомства и крупного государственного деятеля неизменно уделял вопросам ограничения вооружений и разоружения самое пристальное внимание, глубоко сознавая их первостепенное значение для обеспечения безопасности и национальных интересов страны. Мне довелось работать под его руководством как раз в сфере данной проблематики в разном качестве — от референта до посла — в течение более 35 лет, с 1952 по 1988 г. Последний содержательный разговор между нами состоялся уже в Кремле, когда Андрей Андреевич незадолго от ухода из жизни занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Остановлюсь на некоторых конкретных разоруженческих проблемах того времени, привлекавших к себе пристальное внимание Громыко, многие из которых сохраняют свое непреходящее значение и поныне.

Андрей Андреевич одним из первых в тогдашнем руководстве страны всерьез заинтересовался проблемой ограничения систем противоракетной обороны (ПРО), полностью сознавая, что в тот период (а, возможно, и вообще) было практически нереально разработать и создать эффективную территориальную и даже более ограниченную систему противоракетной обороны и что попытки развернуть ее могли только подтолкнуть к новому витку наступательных стратегических вооружений в целях преодоления такой системы. Советский Союз первым осуществил перехват баллистической ракеты еще в 1961 г., и вокруг Москвы началось строительство первого района противоракетной обороны А-35, которую американцы потом окрестили «Галошей». Позиция советского руководства была до наивности простой: оборона — благо, нападение — вред. А в США уже создавались межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН), которые могли бы легко преодолеть нашу ПРО. Нечего и говорить, что создание ПРО повлекло бы за собой многомиллиардные и притом бесперспективные затраты. Сами США осуществили первый перехват ракеты гораздо позднее и стали создавать систему защиты МБР в районе Гранд Форкс (шт. Северная Дакота), но потом, поняв бесполезность этого проекта, отказались от него. Не стали они создавать и территориальную систему противоракетной обороны «Сэйфгард».

Примерно с начала 1964 г. влиятельные представители администрации США начали делать «заходы» к ответственным советским представителям с предложением договориться об обоюдном отказе от создания ПРО. Очевидно, первым таким обращением стала беседа Уильяма (Билла) Фостера, директора Агентства по контролю над ограничением вооружений и разоружению (АКВР) и близкого друга министра обороны Роберта (Боба) Макнамары, с послом СССР в Вашингтоне А.Ф. Добрыниным 16 января 1964 г.* В Москву по-

* См.: *Anatoly Dobrynin*. In Confidence. Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents. N.Y.: Times Books. Random House, 1995. P. 149.

ступали сообщения и об обращениях к заместителю министра иностранных дел В.А. Зорину, и к видным советским ученым, участникам Пагуошского движения, и к другим официальным и неофициальным лицам.

По указанию министра мой шеф — заведующий Отделом международных организаций Кирилл Васильевич Новиков дал мне, своему заместителю, поручение тщательно собирать все эти сообщения с обращениями к нам, и со временем у меня образовалась «критическая масса» таких обращений. Как мне помнится, очевидно, в конце 1965 г. или начале 1966 г. Кирилл Васильевич, уходя в отпуск, дал указание при удобном случае доложить министру и просить его внести в Политбюро предложение поручить соответствующим ведомствам основательно разобраться во всей этой проблеме и выработать позицию по ПРО для использования в наших внешнеполитических действиях. Громыко, выслушав предложение отдела, дал указание подготовить порученческую записку в ЦК, которая была подготовлена и доложена ему буквально на следующий день. Он тут же подписал ее, но из приложенного к ней проекта постановления Политбюро ЦК КПСС вычеркнул своим привычным тупым синим карандашом слова «в трехмесячный срок» (т.е. постановление ЦК не должно было устанавливать срока выполнения поручения) и сказал: «Быстро перепечатайте проект постановления и направляйте по адресу».

А потом началась «катавасия». Спустя некоторое время мне позвонил по правительственному телефону (по так называемой «вертушке») председатель Научно-технического совета Военно-промышленной комиссии Совмина СССР и один из главных идеологов советской ПРО академик Александр Николаевич Щукин и пригласил к себе в Кремль. Я был у него несколько раз, и каждый раз он не без язвительности поучал меня, пользуясь при этом большой разницей в возрасте, — как же можно запрещать оборону?

Однако инициатива МИДа все же нашла положительный отклик в Кремле, и А.Ф. Добрынину 18 марта 1966 г. пошло указание провести первый зондаж о возможности договоренности об ограничении ПРО, но непременно *в одном пакете* с ограничением наступательных стратегических вооружений. Посол встретился с Биллом Фостером, но тот реагировал тогда на пакетное решение этой проблемы без энтузиазма*.

Советское руководство продолжало публично выступать против введения ограничений на ПРО, в том числе и в ходе известной встречи А.Н. Косыгина с президентом Линдоном Джонсоном и министром обороны Робертом Макнамарой в Глассборо (шт. Нью-Джерси) в июне 1967 г.

И только перед открытием Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) для подписания 1 июля 1968 г. между Джонсоном и Косыгиным по инициативе американской стороны состоялся обмен посланиями, в ходе которого было согласовано следующее: в день подписания договора будет объявлено о том, что между двумя сторонами достигнута договоренность

* См.: *Anatoly Dobrynin*. In Confidence. Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents. P. 150–151.

«вступить в ближайшее время в переговоры относительно *комплексного* (выделено мной. — *Р.Т.*) ограничения и сокращения как систем доставки наступательного стратегического ядерного оружия, так и систем обороны против баллистических ракет». Однако из-за политических разногласий (в частности, ввода войск Варшавского договора в Чехословакию) переговоры начались только в конце 1969 г. и привели к заключению Договора по ПРО и Временного соглашения по стратегическим наступательным вооружениям в мае 1972 г. В 2002 г. при республиканской администрации Джорджа Буша-мл. Соединенные Штаты, к сожалению, вышли из этого договора.

Огромную роль Громыко сыграл в становлении международного режима ядерного нераспространения и, прежде всего, в выработке самого ДНЯО.

После создания ядерного оружия и появления первых ядерных государств международная общественность не сразу осознала важность предотвращения дальнейшего расползания ядерного оружия по миру. Ряд других государств приступил к созданию своих ядерных программ, а те державы, которые уже обзавелись этим оружием, не раз не гнушались оказанием помощи и содействия в этой области странам, еще не ставшим на путь ядерного развития. Только в начале 1960-х гг. пришло осознание значения нераспространения, и ООН приняла резолюцию о необходимости заключения соответствующего договора.

Однако переговорам по выработке договора препятствовали американские планы создания так называемых многосторонних ядерных сил НАТО (МЯС), благодаря которым позволялся бы допуск неядерных стран Североатлантического альянса, в том числе и Западной Германии, к «ядерному курку». Жесткая борьба вокруг планов МЯС продолжалась несколько лет, и только к 1966 г. США были вынуждены уступить. Осенью того года в Вашингтоне и Нью-Йорке состоялись консультации и переговоры между А.А. Громыко и американским президентом Линдоном Джонсоном и госсекретарем Дином Раском, которые позволили разблокировать основной вопрос, мешавший доселе заключению ДНЯО, — вопрос о непередаче ядерного оружия и контроля над ним. Прежде американцы хотели, чтобы договор допускал возможность передачи оружия военным группировкам, а мы требовали, чтобы был установлен запрет на передачу его не только отдельным государствам, но и группировкам государств, т.е. в том числе и НАТО. И вот в результате двусторонних переговоров была выработана совершенно приемлемая для нас формулировка о непередаче ядерного оружия *кому бы то ни было, ни прямо, ни косвенно*, и она была включена в текст договора.

Столь же настойчиво Андрей Андреевич вел дело к тому, чтобы был установлен международный контроль за обязательствами неядерных государств не производить и не получать от кого бы то ни было ядерного оружия. Соединенные Штаты не без подсказки стран — членов Евратома, в первую очередь ФРГ, добивались, чтобы в этих странах осуществлялся не международный контроль со стороны Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), а наблюдение со стороны только замкнутой региональной организации —

Евратома. Переговоры продолжались целый год, но все же в конце концов удалось добиться, чтобы верховный международный контроль независимо осуществлялся МАГАТЭ.

На основе принципиальных договоренностей, достигнутых между руководителями внешнеполитических ведомств обеих стран, работа над конкретными формулировками ДНЯО велась делегациями соответствующих государств в Нью-Йорке и Женеве. Андрей Андреевич лично внимательно знакомился с шифротелеграммами и вмешивался в процесс переговоров только в крайних случаях, чаще всего соглашаясь с теми текстовыми предложениями, которые поступали в Москву от нашей делегации. Его отличала замечательная черта: убедившись в профессионализме своих сотрудников, их умении достойно проводить дипломатическую линию на переговорах в интересах нашей страны, он давал им возможность действовать инициативно и оперативно.

В итоге Договор о нераспространении был заключен и подписан. ДНЯО заложил фундамент международного режима ядерного нераспространения и продолжает сохранять свое историческое значение и по сей день. Громыко с полным основанием имел право сказать: «На фоне гонки вооружений с обеих сторон договор 1968 г. (о нераспространении) был особенно важен. Он показал, что с США и Англией, двумя столпами НАТО, мы можем решить важную проблему. После подписания в Сан-Франциско Устава ООН это была моя вторая по значению подпись под историческим документом»*.

Андрей Андреевич внимательно следил за соблюдением режима нераспространения и после заключения ДНЯО. Вот несколько наглядных примеров.

В свое время при активном содействии Советского Союза в Ливии недалеко от столицы страны Триполи был создан научно-исследовательский атомный центр Тажура. Среди его объектов имелся исследовательский атомный реактор, работавший на высокообогащенном уране (ВОУ). Хотя реактор был поставлен под гарантии (контроль) МАГАТЭ, но с учетом того, что в нем использовался ВОУ, советская сторона настоятельно предлагала и добилась того, чтобы в Тажуре постоянно присутствовали советские специалисты, дабы иметь уверенность в мирном использовании ядерного реактора и других установок атомного центра, а главное — для присмотра за использованием ВОУ. Ливийская сторона не высказывала возражений против присутствия наших специалистов с учетом, конечно, и того, что просто нуждалась в их помощи.

Во второй половине 70-х годов лидер Ливии полковник Каддафи направил в Москву делегацию во главе со вторым лицом в руководстве страны Джеллудом с секретной миссией добиться от СССР за крупную сумму денег содействия в развитии ядерной программы, которая включала бы создание реактора на природном уране с замедлителем из тяжелой воды, предприятия по производству тяжелой воды, установки по переработке отработанного топлива

* *Громыко Анатолий*. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. С. 49.

и выделению плутония, а также других соответствующих объектов. Короче говоря, речь шла о военной атомной программе, за создание которой Ливия предложила 10 млрд долл. Тогда у Каддафи деньги водились в связи с тем, что в результате всеобщего нефтяного кризиса цены на нефть подскочили до рекордных отметок.

С советской стороны в переговорах с Джеллудом участвовали первый зампредседателя правительства Н.А. Тихонов (который в отсутствие председателя Совета Министров А.Н. Косыгина замещал последнего) и первый замминистра среднего машиностроения (т.е. министерства атомной отрасли) А.М. Петросьянц. Они дали принципиальное согласие на предложения Ливии, руководствуясь, очевидно, как стремлением поддержать арабов в их конфликте с Израилем, так и привлекательностью предложенной цены. Припоминаю телефонный разговор с завсекретариатом Председателя правительства Борисом Бацановым, который, выслушав мои глубокие сомнения в правильности принятого решения, сказал: неужели в МИДе не понимают, что речь идет о получении Советским Союзом 10 млрд долл.? В итоге переговоров все же был согласован документ о намерениях, причем, как мне потом стало известно, без согласия руководства МИДа.

А спустя несколько дней в МИДе на подпись министра А.А. Громыко поступила записка в Политбюро ЦК, уже подписанная министром обороны Д.Ф. Устиновым, председателем КГБ Ю.В. Андроповым, председателем Военно-промышленной комиссии Совмина СССР Л.В. Смирновым и председателем Госплана Н.К. Байбаковым. В записке предлагались мероприятия по реализации нашего обещания создать в Ливии, говоря техническим языком, полный ядерный топливный цикл. При этом выполнение постановления правительства возлагалось на Госплан и ряд промышленных министерств и ведомств.

У Андрея Андреевича были серьезные возражения против всей этой затеи — в первую очередь по соображениям недопустимости дальнейшего распространения ядерного оружия, но также и с учетом сомнений в том, что Ливия сможет возместить затраты на строительство. К этому времени нефтяной кризис подходил к концу, и цены на нефть начали выравниваться. Как я припоминаю, определенные возражения имелись и у Министерства обороны. Следует заметить, что в вопросах ядерного нераспространения МИД и военные часто выступали солидарно и нередко совместно противостояли Минсредмашу, который и тогда, и впоследствии (вспомним согласие главы Минатома В.Н. Михайлова в 1995 г. на строительство в Иране газоцентрифужного завода для обогащения урана) иногда довольно безответственно относился к необходимости всемерного поддержания режима нераспространения.

Решение вопроса о том, как поступить с предлагаемой запиской в ЦК Андрей Андреевич поручил замминистра Г.М. Корниенко, который вызвал меня к себе, и мы стали обсуждать, что следует предпринять. В итоге министру был предложен такой вариант: записку в ЦК все же подписать, но сделать оговорку, в которой высказать сомнения в отношении целесообразности всего пред-

приятия с точки зрения возможных негативных последствий для нераспространения. Андрей Андреевич согласился и поручил сформулировать в одной короткой фразе буквально из нескольких слов позицию МИДа, которую следовало впечатать под его подписью на первом экземпляре записки в Политбюро. Учитывая необходимость максимально короткой формулировки, мы потратили немало времени на это.

В дальнейшем начались долгие совещания в Госплане о конкретных мерах по выполнению решения ЦК, и персонально эту работу возглавил первый зампредседателя Госплана Н.И. Рыжков (впоследствии Председатель правительства), который провел несколько совещаний с участием представителей различных ведомств. От МИДа должен был участвовать замминистра Корниенко, который на эти совещания в Госплане обычно направлял меня, при этом, как я понимал, на меня возлагалась задача по возможности исподволь тормозить все дело. Припоминаю, что немалые трудности могли возникнуть со строительством предприятия по производству тяжелой воды, которое должно было быть возложено на Министерство удобрений (тогда существовало и такое). В конце концов, так или иначе, но сделка с Ливией не состоялась, а вскоре и ливийская казна опустела.

Сейчас, после того как Ливия под давлением ряда стран публично отказалась от своей тайной ядерной программы и это было засвидетельствовано и подтверждено инспекторами МАГАТЭ, — стало широко известно, что и в 80-е, и в 90-е годы Каддафи что-то пытался сделать в направлении создания такой программы, но убедился, что это ему не под силу, да и нажим со стороны мирового сообщества стал для него непреодолимым.

А.А. Громыко, безусловно, являлся в высшей степени профессионалом своего дела. Хотя по образованию он был экономистом и до направления в Наркоминдел работал в Институте экономики АН СССР, но, получив назначение на должность советника нашего посольства в Вашингтоне, а потом, уже во время войны, после отзыва М.М. Литвинова, — на пост посла в США, а затем постоянного представителя при ООН, он быстро овладел всеми тонкостями дипломатического искусства. Однако, будучи человеком сталинской и постсталинской эпохи, он все же до конца оставался в немалой степени зашоренным советским чиновником. Но ведь без этого он не выжил бы. И все-таки, — за что я его, как и многие другие, уважал, — даже в рамках этой вынужденной заскорузлости он стремился, хоть и осторожно, но расчетливо и с дальним прицелом, делать все возможное для цивилизованного ведения дипломатии в интересах нашего государства. Он пользовался уважением и среди своих идеологических противников.

Мне хорошо помнится, как Громыко, уже став министром, стремился детально разобраться в вопросе о том, каково должно быть отношение Советского Союза к Договору Тлателолко о создании безъядерной зоны в Латинской Америке. Вопрос был очень непростой.

Договор Тлателолко являлся детищем министра иностранных дел Мексики Альфонсо Гарсия Роблеса. Идея создания в этом регионе зоны, свободной

от ядерного оружия, возникла после Карибского кризиса 1962 г., и Договор об образовании зоны был подготовлен и открыт для подписания в феврале 1967 г., еще до заключения ДНЯО. К Договору прилагался Дополнительный протокол II, согласно которому ядерные державы должны были взять на себя обязательства соблюдать безъядерный статус зоны и не применять ядерного оружия против участников договора. Для Советского Союза присоединение к протоколу оказалось «крепким орешком», и этот процесс оказался мучительно долгим.

Громыко подробно заинтересовался текстом Договора Тлателолко, и два или три раза я ходил к нему с тем, чтобы убедить министра в необходимости подписания Дополнительного протокола, тем более что другие ядерные державы к этому процессу уже приступили. Но мои доводы успеха сразу не возымели. Да, Договор содержал ряд существенных недостатков (об этом много написано, и я не буду повторяться), но при подписании его можно было сделать необходимые оговорки, как, например, поступили США и другие ядерные державы, чтобы зафиксировать свои резервации в отношении тех или иных положений Договора. Громыко придирчиво выслушивал меня и по своей привычке кривил губы, что, как мне представлялось, означало неодобрение. Я упорно продолжал добиваться согласия министра на подписание протокола, не обращая внимания на то (или просто не учитывая по недостаточной опытности), что «наверху» непременным принципом была практически безоговорочная поддержка Кастро. Потом я узнал, что Андрей Андреевич в разговоре с кем-то нелестно назвал меня не очень глубоким человеком.

А главное состояло в том, что Фидель Кастро не только отказывался присоединиться к Договору (сделал он это лишь спустя несколько десятилетий), но и не был заинтересован в нашей поддержке Договора, что вытекало бы из подписи Советского Союза под Дополнительным протоколом к нему (по этой причине позиция высшего советского руководства по отношению к Договору Тлателолко была тогда негативной, и Андрей Андреевич, конечно, не мог не подчиняться этому). Мне было видно, я это чувствовал, что Андрей Андреевич в душе был за подписание протокола, но в то же время сознавал, что это может осложнить отношения с кубинским лидером. Меня командировали в Гавану для беседы с министром иностранных дел Кубы, но мой вояж оказался безуспешным. Знал я и о том, что сам Громыко при встрече с Кастро или его министром иностранных дел зондировал отношение Кубы к подписанию Дополнительного протокола советской стороной.

В конце концов министр все же добился своего, к протоколу мы присоединились, сделав соответствующие оговорки, но намного позже, чем США и даже Китай: Соединенные Штаты — в 1971 г., КНР — в 1974 г., а мы — только в 1979 г. Куба подписала договор Тлателолко лишь в 1995 г., а ратифицировала его и того позднее.

Андрей Андреевич до конца своих дней живо и с глубоким знанием дела интересовался проблемами нераспространения ядерного оружия, счи-

тая их важнейшими. Как-то в начале 1980-х гг., в период очередного обострения отношений между СССР и США, вызванного планами президента Рональда Рейгана по созданию Стратегической оборонной инициативы (СОИ), советским вторжением в Афганистан и планами размещения наших ракет СС-20, Громыко горячо поддержал идею проведения двусторонних консультаций между СССР и США по всему спектру вопросов нераспространения. И такие консультации стали проводиться по два раза в год. В узком кругу своих сотрудников он сказал тогда, что нераспространение ядерного оружия — это «единственная шелковая нить», которая связывает сейчас обе державы.

Тимофеев Т.Т.

Многогранный интеллект

О деятельности Андрея Андреевича Громыко и огромной роли его в осуществлении внешнеполитического курса Советского государства, как и о его работе на посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР уже было сказано и написано немало интересного, ценного, поучительного. Его имя и достижения очень хорошо известны и у нас, и за рубежом.

А.А. Громыко был человеком с широким кругозором, глубокими познаниями и высоким уровнем интеллекта. Он остался в мировой истории не только как очень сильный, принципиальный политик, опытнейший дипломат, но и как выдающийся мыслитель-гуманист. Он внес крупный вклад в разработку теории международных отношений новейшей эпохи, в развитие принципов мирного сосуществования государств с разными социальными системами и в творческое практическое применение этих принципов. Длительное время он уделял приоритетное внимание советско-американским отношениям, вопросам устранения вооруженных угроз и разоружения, разным аспектам европейской проблематики и, конечно, перспективам Организации Объединенных Наций, расширению и укреплению сотрудничества с развивающимися странами.

Большое внимание А.А. Громыко уделял анализу мирохозяйственных процессов, сдвигов в экономике и социально-экономической политике капиталистических стран, изучению их влияния на международную ситуацию.

У него был широкий диапазон интересов. Крупный политик, Андрей Андреевич Громыко имел ярко выраженный аналитический склад ума. Он, можно сказать, был прирожденным ученым. До получения «сверху» предложения перейти на работу в Министерство иностранных дел он в течение ряда лет занимался научной деятельностью: после окончания аспирантуры он, как известно, являлся старшим научным сотрудником в Институте экономики Академии наук СССР.

Впоследствии, занимая разные ответственные посты в МИДе, он углубленно изучал процессы в мировой экономике и политике. Особенно привлекали

Тимофеев Тимур Тимофеевич — член-корреспондент РАН.

его внимание перипетии внешней и внутренней политики США, других крупных капиталистических держав. Его перу принадлежали опубликованные в 50–60-х годах XX в. книги, в которых исследовались основные направления экспорта американского капитала и последствия экспансии доллара.

Под таким углом зрения им рассматривалась динамика мирохозяйственных связей в ретроспективном, актуальном и перспективном планах. Этой тематике была посвящена, например, вышедшая в 1980-е гг. обстоятельная монография А.А. Громыко, которая называлась «Внешняя экспансия капитала. История и современность».

В этом труде комплексно характеризовались основные направления вывоза капитала в XX столетии и особенно влияние крупных монополий на международную жизнь, что в немалой степени определяло особенности мирового развития. Автор вполне обоснованно отмечал существенный рост значения вывоза капитала для высокоразвитого государственно-монополистического капитализма, «вследствие ускоренной интернационализации его позиций, роста глобальных притязаний крупнейших монополий»*. Именно в руках последних стала все более концентрироваться сфера иностранных инвестиций. Достаточно сказать, что к последней трети XX в. на долю менее 200 могущественных американских корпораций приходилось свыше двух третей заграничных капиталовложений. Немалую роль при этом (как показано, например, в главе V этой книги) играла и играет их особенно активная борьба за нефть, за рынки каучука и т.д.

Автор не только обратил внимание на то, что происходил общий значительный рост масштабов международной экспансии капитала, но и справедливо подчеркивал то обстоятельство, что очень заметно росли размеры зарубежных инвестиций, принадлежащих именно *транснациональным монополиям и банкам*. Особенно быстро росли их прямые инвестиции. (Причем, как показано в книге, формы и направленность такого международного инвестирования могут меняться и меняются; в частности, основная часть иностранных инвестиций со временем все более сосредоточивалась не в странах третьего мира, а в индустриально развитой части мира. При этом многие развивающиеся государства оставались на положении пасынков научно-технического прогресса.) Этот вывод убедительно подтверждали приводившиеся в книге статистические таблицы, содержавшие конкретные данные о реальном географическом распределении извлекаемых ТНК прибылей в развивающихся странах**.

Как известно, в условиях глобализации эти процессы получили дальнейшее развитие. К началу XXI в. созданная крупнейшими частными корпорациями (подавляющее большинство которых базировалось в США, странах Европейского сообщества, Японии) интернационализированная система производства оценивалась в сумму свыше 650 млрд долл. Такую систему можно считать по сути каркасом мировой экономики. Причем на рубеже XX и XXI вв.

---

* *Громыко А.А.* Внешняя экспансия капитала. История и современность. М.: Мысль, 1982. С. 21.

** Там же. С. 21–23, 418–422.

из многих тысяч существовавших в разных странах ТНК можно было выделить около 100 наиболее крупных корпораций, преимущественно американских и западноевропейских, на долю которых приходилось около 2 трлн долл. иностранных активов и на заграничных предприятиях которых насчитывалось уже тогда свыше 10 млн занятых. Эти транснациональные гиганты стали во многом доминировать в глобальной экономике и воздействовать на политику правительств многих государств*.

Работы А.А. Громыко по своему значению выходят далеко за рамки того времени, когда они создавались. Важность углубленных исследований, посвященных в том числе динамике прямых иностранных инвестиций, вновь и вновь подтверждалась по мере дальнейшего экономического и научно-технического развития в глобализирующемся мире — в условиях дальнейшего роста интернационализации производства, новейших технологических сдвигов и изменений в деятельности ТНК в развивающихся и развитых странах. Необходимость в этом особенно стала ощущаться в связи с решением задач перехода к инновационной экономике. Успешное осуществление стратегии инновационного прорыва во многом зависит от эффективной инвестиционной политики, повышения качества образования и решения других важнейших проблем. При этом надо шире использовать международный опыт и модели перехода к инновационной экономике, с учетом коренных интересов народов.

Полезные уроки могут почерпнуть читатели из воспоминаний автора о его беседах с руководителями государств и правительств ведущих капиталистических держав, политиками разных политических ориентаций.

В своих мемуарных произведениях, в том числе в двухтомнике «Памятное», А.А. Громыко тепло вспоминает также об интересных встречах с лидерами прогрессивных политических партий и видными деятелями национально-освободительных движений многих стран мира.

* * *

В семье Громыко всегда культивировалось серьезное отношение к науке, самообразованию, изучению достижений мировой культуры. Увлечение исследованиями международных проблем — это давняя традиция громыковского рода.

Не случайно, к примеру, старший сын Андрея Андреевича — Анатолий — во многом пошел по стопам отца. Помимо ряда лет, проведенных за рубежом на дипломатической работе, он много занимается научными исследованиями. Им написан ряд содержательных, интересных работ, посвященных узловым вопросам внутренней и внешней политики США. Его вышедшая в 1968 г. книга «1036 дней президента Кеннеди» в свое время была бестселлером. В течение нескольких лет Анатолий Громыко входил в число ведущих ученых ака-

* Подробнее об этом см. и в книге: *Korten D.C.* When Corporations Rule the World. Connecticut: Kummarian Press, 1995; а также: Дилеммы глобализации / Отв. ред. Т. Тимофеев и др. — М.: Вариант, 2002. С. 17–51 и др.

демического Института США и Канады. Впоследствии, после возвращения его из зарубежных командировок, связанных с работой в наших посольствах в США, Великобритании, других странах, руководство Академии наук СССР (по рекомендации ее специализированной секции мировой экономики и международных отношений) предложило ему возглавить крупный научный центр — Институт Африки. Анатолий Громыко приложил немало сил к тому, чтобы этот институт расширил фронт актуальных исследований и занял очень заметное место в ряду наших известных творческих научных коллективов. Он много внимания уделяет не только экономико-политическим исследованиям, но и развитию искусства и широкой палитре культурно-цивилизационных проблем. Ан.А. Громыко избран членом-корреспондентом РАН и членом ряда иностранных академий.

Его сын — Алексей Громыко — тоже продолжает традиции семьи. Внук Андрея Андреевича стал доктором наук, специалистом по вопросам эволюции партийно-политической системы Великобритании, истории англо-американских отношений. Ныне он — заместитель директора Института Европы РАН и руководитель Центра британских исследований.

Оба активно поддерживают научные начинания и другие инициативы, направленные на более широкое участие общественности нашей страны в деятельности Организации Объединенных Наций. Анатолий Андреевич Громыко возглавил созданное в 2003 г. в Москве общественное движение «За укрепление демократического мирового порядка и в поддержку ООН». Под его эгидой регулярно проводятся крупные конференции, тематические встречи, семинары, посвященные, например, важнейшим памятным датам и основным вехам в истории ООН, изменениям в архитектуре международных отношений, новым глобальным вызовам и сдвигам в межцивилизационных отношениях, разным аспектам дискуссии по вопросам реформирования Организации Объединенных Наций.

Разные поколения большой семьи Громыко уделяли и по праву уделяют колоссальное внимание поучительным урокам создания и деятельности ООН, законно считая, что основополагающие принципы этой уникальной многополюсной организации «развернуты в будущее»*. Под ее влиянием в мире растут и будут расти условия для расширения продуктивного диалога, взаимодействий, партнерства цивилизаций и мирного сотрудничества всех стран, их народов.

Большой вклад в продвижение этих благородных принципов призвано внести более глубокое изучение и всестороннее творческое применение в наши дни богатого наследия выдающегося политика, дипломата, ученого Андрея Андреевича Громыко.

* * *

* ООН: история и вызовы современности. К 60-летию Организации Объединенных Наций. М.: РУДН, 2005. С. 12.

Полагаем, что достижению этих целей способствовало бы создание **Фонда международных и межцивилизационных исследований (Фонд Громыко**).

Приурочить организацию его можно к 100-летию со дня рождения Андрея Андреевича Громыко. В его учреждении активную роль могли бы сыграть МИД, Дипломатическая академия, Комитеты по международным вопросам Федерального собрания Российской Федерации, Российская академия наук и ее институты, Российский университет дружбы народов, ряд фирм и издательств, государственные и общественные организации Республики Беларусь, других стран.

Тихвинский С.Л.

Дипломат и ученый

Многолетний глава советской дипломатии А.А. Громыко по складу своего ума был прирожденным ученым-аналитиком, обладавшим способностью из множества самых разнообразных явлений и факторов современных международных отношений вычленить наиболее существенные, определяющие сам ход развития обстановки. Эти способности молодой ученый-экономист проявил еще будучи в 1936–1939 гг. старшим научным сотрудником Института экономики Академии наук СССР, и они стали наиболее весомым основанием для направления А.А. Громыко на дипломатическую работу.

Впоследствии, выполняя ответственные поручения в центральном аппарате Наркомата иностранных дел и его зарубежных представительствах в Вашингтоне, Нью-Йорке и Лондоне, А.А. Громыко сохранил тягу к научной работе, продолжая, насколько ему позволяло время, следить за литературой по теме, интересовавшей его еще со времен пребывания в стенах академического института, — истории и практической деятельности международных монополий.

В годы Великой Отечественной войны, на посту советника посольства в Вашингтоне, а затем чрезвычайного и полномочного посла в США, А.А. Громыко лично встречался с большим числом видных представителей американской монополистической элиты, дипломатами, учеными-экономистами, собирал и изучал материалы о деятельности американских монополий.

Знания, полученные за годы работы в Институте экономики АН СССР и Наркоминделе, А.А. Громыко успешно применял в практической дипломатической деятельности и, в частности, в ходе весьма сложных переговоров с представителями США — государственным секретарем Э. Стеттиниусом и заместителем министра иностранных дел Великобритании А. Кадоганом на конференции в Думбартон-Оксе в августе–октябре 1944 г. На этой конференции обсуждались конкретные вопросы создания международной организа-

---

Тихвинский Сергей Леонидович — академик РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

ции по поддержанию послевоенного мира и безопасности — будущей Организации Объединенных Наций (ООН)*.

А.А. Громыко являлся участником исторической Крымской (Ялтинской) конференции в 1945 г., на которой главы СССР, США и Великобритании окончательно разрешили все вопросы, связанные с Уставом ООН и порядком проведения учредительной конференции ООН в Сан-Франциско. На этой конференции в июле 1945 г. от имени Советского Союза Устав ООН подписал А.А. Громыко.

Научная обоснованность и строго логическая цепь доказательств были присущи выступлениям А.А. Громыко как в Совете Безопасности ООН и на Генеральных Ассамблеях этой организации, так и в ходе двусторонних дипломатических переговоров.

Еще работая в Институте экономики АН СССР, А.А. Громыко начал изучение истории, структуры и практической деятельности монополистического капитала США, внимательно следя за трудами американских экономистов, статистическими отчетами монополий и банков, материалами международных экономических организаций. Находясь на дипломатической работе в США, он продолжал сбор материалов о деятельности американских монополий и по возвращении в Москву, в центральный аппарат МИДа, публиковал результаты своих исследований в различных научных журналах под псевдонимом Г. Андреев. Под этим же псевдонимом вышли в свет две его обстоятельные работы, посвященные изучению деятельности американских финансовых и сырьевых монополий: в 1957 г. книга «Экспорт американского капитала. Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии» и в 1981 г. — книга «Экспансия доллара»**.

В 1956 г. А.А. Громыко была присуждена ученая степень доктора экономических наук. Его труды оказали заметное влияние на разработку советскими учеными ряда важных вопросов современных международных экономических отношений. Объективный научный анализ экономических и политических факторов, определяющих поведение правящих кругов империалистических стран и, в первую очередь, Соединенных Штатов Америки, наряду с чисто научным имел и практическое значение для внешней политики и торгово-экономических отношений нашей страны с иностранными государствами. В 1983 г. вышла в свет новая монография А.А. Громыко «Внешняя экспансия капитала. История и современность»***, которая подытоживала многолетнюю плодотворную исследовательскую деятельность ученого и дипломата по изучению одной из наиболее актуальных проблем политической экономии современного капитализма****.

---

* См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. III. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 25 сентября 1944 г.): Сборник документов. М., 1978.

** См.: *Андреев Г.* Экспорт американского капитала. Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии. М., 1957; *Он же.* Экспансия доллара. М., 1981.

*** *Громыко А.А.* Внешняя экспансия капитала. История и современность. М., 1983.

**** Нашу рецензию на эту книгу, озаглавленную «Экспорт капитала — орудие экспансии монополий» см.: «Коммунист». 1983. № 10. С. 116–122.

При подготовке этой книги А.А. Громыко собрал и изучил огромное количество документов и материалов, значительная часть которых впервые введена им в научный обиход. Им было использовано свыше 300 одних только иностранных источников, монографий, статистических и справочных изданий. В научный аппарат книги включены тщательно проанализированные автором данные из отчетов различных международных организаций, банков, корпораций, официальных публикаций экономических и финансовых учреждений ведущих капиталистических стран. Собраны и обобщены сведения из большого числа зарубежных монографических и периодических изданий, изложенные в 84 таблицах, которыми автор иллюстрирует отдельные положения своей работы. Выводы автора, таким образом, основываются на достоверной и солидной документальной базе. В проблемно-историческом плане в книге обстоятельно анализируются важнейшие направления, масштабы, формы и тенденции экспорта американского капитала, начиная с конца XIX в. и вплоть до 80-х годов XX в. Вывоз капитала рассматривается в ней как орудие экспансии монополий, как основа глобальных претензий Соединенных Штатов. В книге прослеживается прямая связь между империалистическими устремлениями американской буржуазии и ее внешнеполитическим курсом, «экономической дипломатией». Показ взаимосвязи и диалектической взаимообусловленности экономики, политики и дипломатии — наиболее сильная сторона этого многопланового, комплексного научного исследования.

Глубокий и всесторонний анализ закономерностей развития современного империализма позволил автору отметить некоторые новые черты в вывозе капитала, характерные для высокоразвитого государственно-монополистического капитализма: 1) увеличение масштабов вывоза капитала и соответственно возрастание значимости этого процесса; 2) существенное возрастание агрессивного характера политики вывоза капитала; 3) усиление взаимосвязи между вывозом капитала и внешнеполитическим курсом империалистических держав; 4) усиление эксплуататорской сущности вывоза капиталов, проявляющейся в первую очередь в тех огромных платежах, которые страны-импортеры капитала должны выплачивать странам-донорам.

Каждую из выделенных автором четырех отличительных особенностей современной политики экспорта капитала автор монографии иллюстрирует большим фактическим материалом, главным образом показывающим проводимую правительством США политику экспорта капитала (которую автор прослеживает последовательно на всем протяжении XX столетия, выделяя в ней наиболее характерные периоды). В книге убедительно, на огромном статистическом материале показано, что монополии США использовали Вторую мировую войну, как и Первую, для гигантского обогащения за счет трудящихся как своей страны, так и ее союзников. При сохранении главенствующих позиций частных вложений в годы Второй мировой войны произошло усиление роли государственного экспорта капитала из США, что наглядно продемонстрировано в книге на примере деятельности Экспортно-импортного банка

Вашингтона. Одним из значительных примеров использования кредитования через Экспортно-импортный банк во внешнеполитических целях являлись займы гоминьдановским властям Китая для борьбы с демократическими силами в этой стране.

Детально раскрывается в книге вопрос об американской «помощи» развивающимся странам, преследующей целью привязать государство-получателя «помощи» к США. Особенно это касается стран, представляющих политический и военно-стратегический интерес для американских монополий. Приведенный в книге фактический материал наглядно показывает, как американские монополии прибирали к рукам наиболее богатые источники нефти и какое место при этом ими отводилось экспорту капитала, в частности займам и кредитам как средству проникновения в соответствующие страны. Все это помогает понять истинные мотивы американской политики на Ближнем Востоке, а также экспансии американского капитала, направленной на захват нефтяных и других мировых источников различных видов стратегического сырья: натурального каучука, олова, свинца, меди, никеля, хрома, марганца и т.п.

Материалы, приводимые в монографии, свидетельствуют о все большем подчинении внешней политики и дипломатии буржуазных государств интересам монополистического капитала. Политические претензии империалистических монополий заходят так далеко, что привычные институты буржуазной дипломатии их уже не устраивают, о чем говорит, в частности, небывалое расширение деятельности так называемой «частной дипломатии», использование в дипломатическом арсенале таких методов, как шантаж, обман, введение разного рода эмбарго и санкций в ответ на «неугодные» монополиям действия правительств других стран. Защите интересов американского капитала любой ценой, в том числе ценой попрания национального суверенитета других стран, подчинена и пресловутая концепция «жизненных интересов» США.

События, происходившие на международной арене уже после выхода в свет монографии А.А. Громыко, агрессия США против Ирака, Ирана, Сомали, Югославии и т.д. подтверждают правоту выводов автора об экспансионистском характере доктрины защиты «жизненных интересов» США.

Автор монографии на большом фактическом материале показывает экспансионистскую сущность таких новых каналов, используемых монополистами в своих корыстных целях, как Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и Международный валютный фонд (МВФ), и развенчивает усилия официальных кругов Вашингтона, а также ряда буржуазных экономистов представить деятельность этих каналов как чисто альтруистское стремление оказать помощь ряду стран в восстановлении их экономики.

В заключительной части монографии автор на широком историческом фоне показывает усилия Советского государства с первых лет его существования, направленные на перестройку международных экономических отношений на новых, демократических основах, приводя примеры деятельности советской дипломатии в этом направлении на различных международных конференциях, начиная с конференций 1922 г. в Генуе и Гааге, и на ряде по-

следующих международных форумов вплоть до проявления Советским Союзом инициативы по созыву в 1964 г. Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), где СССР выдвинул основные принципы равноправного международного экономического сотрудничества, и заявления Советского правительства от 4 октября 1976 г. «О перестройке международных экономических отношений».

Книги и статьи А.А. Громыко, посвященные исследованию истории и современной деятельности иностранного монополистического капитала, не утратили своей актуальности и в наши дни. Более того, практическая деятельность монополистического капитала США на рубеже XX и XXI вв. лишь подтверждает основные выводы, сделанные А.А. Громыко на основе изучения огромного количества документов и материалов, а также его многолетней практической дипломатической деятельности.

Большое внимание А.А. Громыко уделял работе над своими выступлениями на различных международных форумах, тщательно отрабатывал текст, не признавал многословия и газетных фраз.

Эта же требовательность отличала работу А.А. Громыко на посту редактора многочисленных документальных публикаций по истории внешней политики Советского Союза и международных отношений, а также на посту главного редактора журнала «Международная жизнь».

Автору довелось с 1963 г. на протяжении более чем 20 лет непосредственно наблюдать деятельность А.А. Громыко на посту председателя Комиссии по изданию дипломатических документов при МИД СССР. Эта Комиссия была создана в 1956 г. решением Политбюро ЦК КПСС по представлению А.А. Громыко и включала наряду с известными советскими дипломатами и представителей архивных учреждений, и ряд ведущих ученых-историков. Ученым секретарем Комиссии являлся профессор И.Н. Земсков, а в последние годы ее существования — кандидат исторических наук Г.К. Деев. На протяжении более чем 25 лет работы этой Комиссии под ее редакцией вышел 21 том «Документов внешней политики СССР» (1917–1938), две серии «Документов внешней политики России», шеститомник документов и материалов «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», большое количество документальных сборников об отношениях нашей страны с США, Францией, Германией, Чехословакией, Польшей, Болгарией, Венгрией, Румынией и другими странами, а также тематические сборники документов о Мюнхенском сговоре, Варшавском договоре и т.д. Под редакцией Комиссии с представления А.А. Громыко вышло также второе издание «Переписки Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

Общаясь с А.А. Громыко на заседаниях Комиссии по изданию дипломатических документов (а также с 1975 по 1980 г. как начальник Историко-дипломатического управления МИД СССР, ведавшего архивами МИДа и имевшего в своем составе научно-издательский отдел, который отбирал и готовил к пуб-

ликациям архивные документы), я неоднократно был свидетелем того, какое исключительное внимание министр уделял публикациям документов по внешней политике страны. А.А. Громыко с огромной ответственностью относился к своей работе на посту председателя Комиссии по изданию дипломатических документов и в качестве ответственного редактора других сборников дипломатических документов, рассматривая эту деятельность как ответственное партийное поручение, и занимался ею, как мне доводилось видеть, с большим личным интересом и удовлетворением. У меня даже подчас складывалось впечатление, что, проводя на заседаниях Комиссии отбор и обсуждение тех или иных исторических документов, министр как бы отдыхал от своей напряженной повседневной, оперативной дипломатической деятельности.

Работа над составлением и редактированием очередного тома «Документов внешней политики СССР» протекала следующим образом. Документы и материалы входящей и исходящей переписки НКИД СССР, подлежавшие включению в очередной том «Документов» за каждый календарный год, не должны были, по издательским требованиям, превышать объем в 50–55 печатных листов. Таким образом, из огромного массива внешнеполитических документов, отложившихся в архивах, лишь не более 5% наиболее важных отбирались для публикации членами редколлегии очередного тома и выносились, вместе с комментариями и примечаниями, на рассмотрение и окончательное утверждение Комиссии.

Обсуждение макета очередного тома «Документов» носило весьма демократичный характер. Каждый член Комиссии высказывал свое мнение о тех или иных документах, выносимых на рассмотрение, и часто отдельные члены Комиссии высказывали мнения, расходившиеся с рекомендациями редколлегии тома. Председательствовавший на заседаниях Комиссии министр, как правило, становился на позиции тех членов Комиссии, которые усматривали в публикации того или иного документа определенную угрозу возможного использования этого документа в неблаговидных целях нашими идейными противниками.

Поскольку самому А.А. Громыко был присущ строго логичный, подчас весьма лаконичный и даже, я бы сказал, несколько суховатый стиль изложения существа дела, он и при решении вопроса о рассекречивании и включении того или иного документа в состав очередного тома «Документов» (равно как и при рассмотрении вопросов отбора и рассекречивания документов в другие предназначавшиеся для публикации сборники внешнеполитических документов), особенно когда речь шла о публикации донесений послов в НКИД, отдавал явное предпочтение тем из них, которые были выдержаны в деловом, лаконичном стиле. Многословные, не всегда прямо относившиеся к сути дела донесения советских дипломатов, хотя подчас и не лишенные определенных литературных достоинств, изящества изложения, как правило, отбраковывались председателем Комиссии (как, впрочем, и большинством членов Комиссии, при этом обычно ссылавшихся на ограниченность объема издания).

Министр строго следил за тем, чтобы неукоснительно соблюдалась аутентичность документов, запрещал делать купюры или сокращения, предлагая, в случае несозвучия отдельных мест того или иного из предлагаемых для публикации документов современной внешнеполитической линии страны, вообще не публиковать документ*.

В то же время министр твердо придерживался существовавшей в Политбюро ЦК КПСС еще со времен Сталина практики строжайшего соблюдения секретности и недопущения несанкционированного разглашения государственной тайны. (По тем временам под понятие «государственная тайна» можно было подвести любую информацию.) Министр неизменно отказывал в допуске к архивным документам и материалам, хранившимся в МИДе, даже послам, желавшим подкрепить свою память ссылкой на собственные донесения в НКИД в их бытность за границей на том или ином ответственном посту. Помню случай, когда бывший посол в Китае и США А.С. Панюшкин, уйдя на пенсию с поста заведующего Отделом загранкадров ЦК КПСС, обратился к министру с просьбой об ознакомлении с его собственными донесениями из Китая. А.А. Громыко уважил его просьбу лишь после соответствующего телефонного звонка от Секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова. Автору также довелось работать под руководством А.А. Громыко в составе редакционных коллегий двух изданий «Дипломатического словаря», трех изданий «Истории внешней политики СССР», шеститомника «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.», а также в составе редакционной коллегии журнала «Международная жизнь», главным редактором которого без объявления об этом в печати был министр.

Каждый раз, встречаясь с главным редактором «Международной жизни» на обсуждении тех или иных редакционных материалов, я не переставал удивляться эрудиции А.А. Громыко, его феноменальной памяти на события, лица и даты, его поистине энциклопедическим знаниям в области истории и современного состояния международных отношений и внешней политики России. Он неизменно требовал от сотрудников полной достоверности публикуемых материалов и непредвзятости подхода к ним.

В то же время у меня осталось впечатление, что А.А. Громыко относился к обязанностям главного редактора «Международной жизни» также с полной самоотдачей, сознанием большой ответственности, интересом и удовлетворением.

Я навсегда сохраню в памяти свои встречи с этим видным государственным деятелем, ученым и дипломатом. Я глубоко признателен ему за поучительный опыт общения с ним.

---

* См.: *Тихвинский С.Л.* Наркоминдел и его зарубежные представители в годы Великой Отечественной войны. По воспоминаниям современников // Новая и новейшая история. 1997. № 4. С. 156–186.

Федоров В.П.

«У Советского Союза лишних земель нет»

Государственных деятелей народ либо принимает, либо не принимает. Если принимает, то это — высшая награда для политика. Андрея Андреевича Громыко народ принял, и это уже навсегда. В отечественной летописи он — персона грата. Крушение Советского Союза и смена общественного строя ничего не изменили в этой оценке. Многие прежние деятели повержены, а он возвышается, как утес, в нашей внешней политике. Люди отдавали и отдают ему дань уважения, потому что его курс олицетворял собой величие державы. Наш народ всегда чувствовал свою историческую роль и свою былинную силу. Быть бедным ему было привычнее, чем быть слабым. На глубокой национальной почве формировались убеждения его выдающихся представителей. К этой славной плеяде относится и А.А. Громыко.

Мы знаем, что должно пройти какое-то время, — а счет идет на поколения, — чтобы история окончательно определилась со своими некогда действовавшими персонажами. Но уже сейчас наблюдается интересный и поучительный момент, когда бывшие критики или сомневавшиеся пересматривают свои взгляды и признают, пусть с опозданием, правоту Андрея Андреевича. «Большое видится на расстоянии» — это как раз тот случай.

Конечно, в условиях жесткой партийной системы А.А. Громыко не всегда был волен в принятии решений. Поучительно, что служение Отечеству, отстаивание его достоинства, территориальной целостности вознаграждаются благодарностью потомков.

Помню, в студенческие годы я слышал частушку, которую пели со сцены:

Воскресенье ли, суббота —

Расскажи-ка, убеди-ка:

Федоров Валентин Петрович — доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Европы РАН, губернатор Сахалинской области в 1990–1993 гг.

Ах, нелегкая работа
У товарища Громыко.

Другой пример — в исполнении популярных тогда мастеров эстрады Рудакова и Нечаева.

Наш Громыко круглый год
Пишет очень много нот,
Ноты те наверняка
Оркеструют в ЦК.
Эти куплеты дорогого стоят.

Однажды мне довелось присутствовать при импровизированной краткой беседе А.А. Громыко с иностранными журналистами после его пресс-конференции в Бонне. Период был сложный, начало 80-х годов, тема «Першингов» и ракет СС-20 не сходила с повестки дня. Автор этих строк был научным представителем Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР в ФРГ. Тогдашний директор ИМЭМО академик Н.Н. Иноземцев получил поддержку А.А. Громыко в идее создать «на местах», в крупных западных странах, аналитические бюро института. Мне довелось открывать такое бюро в ФРГ, и после шести лет работы в этом качестве меня сменил профессор Ю.И. Юданов. Так вот, обступившие А.А. Громыко журналисты на выходе из зала наперебой задавали ему вопросы. Один иностранный корреспондент, имея в виду новое предложение американского государственного департамента, на деле являвшееся пропагандистской уловкой, громко спросил: «Может бы, это и есть "яйцо Колумба"?». Все смолкли, ожидая ответа. А.А. Громыко сожалеюще посмотрел на спрашивавшего, помедлил и с усмешкой произнес: «Маленькое яйцо». Последовал взрыв смеха, остроумие министра было оценено по достоинству.

В годы перестройки новые лидеры страны бездарно сдали внешнеполитические активы, накопленные Советским Союзом во многом благодаря А.А. Громыко. Чуть позже, при смене эпох, контраст между «временем Громыко» и политикой новой России был потрясающий, не к чести последней.

Во главе МИДа пять лет стоял Козырев, мистер «Да» или «Чего изволите?» по отношению к Соединенным Штатам. Я лично называл его тогда «министр иностранных дел в России», поскольку он не защищал позиции своей страны.

Вспоминается, какая острая борьба велась в 90-е годы вокруг Южнокурильских островов. Тогда уже втихую была отдана американцам часть Берингова моря, а это много тысяч квадратных километров, богатых рыбой и морепродуктами, перспективных в отношении залежей полезных ископаемых на дне. Вслед за этим хотели отдать Южнокурильские острова (например, министр Шеварднадзе), чем нанесли бы непоправимый ущерб нашим государственным интересам, в том числе военным, так как мы потеряли бы контроль над незамерзающими проливами и оказались бы запертыми в Охотском море. Это наши Босфор и Дарданеллы на Дальнем Востоке. В борьбе за статус-кво Южных Курил не представлялось возможным опереться на пра-

вительственные структуры в Москве. Их руководители в своем большинстве были за «передачу» островов.

Приведу один эпизод. Во время моего посещения Южной Кореи в 1992 г. тамошние высокопоставленные чиновники высказывались в приватных беседах за сохранение принадлежности Южных Курил России и осуждали японские территориальные притязания. На мой вопрос, а почему бы им публично не выразить свою точку зрения, ответ был впечатляющий: они не хотели бы вступать в противоречие с российским МИДом и российским посольством, которые выступали в пользу Японии. Как известно, отношения Южной Кореи и Японии отягощены претензиями Токио на небольшой скалистый остров Токто (я видел его с самолета), где никто не живет. В этом споре Сеул действует, не в пример Москве, решительно и целеустремленно.

В тот период, стремясь расширить круг авторитетных сторонников, я обратился с письмом к А. Солженицыну, жившему в США, с просьбой возвысить свой голос с тем, чтобы помочь отстоять Южные Курилы. Русский писатель тогда отмолчался и… слава Богу. Спустя несколько лет он издал свою книгу «Россия в обвале». «Непростительна упорная тупость наших властей с Южными Курилами», — писал он в ней, где по сути встал в ряды тех прояпонски настроенных деятелей, которые призывали и призывают отдать острова и извиниться за их задержку в составе России. Некогда А. Солженицын не менее красочно осуждал российские власти за военные действия в Чечне, но нападение на Дагестан изменило его точку зрения. Возможно, это произошло бы и в отношении Южных Курил, но смерть писателя положила конец таким надеждам.

Моральным подкреплением для нас, местного населения и меня как губернатора Сахалинской области, куда входят Курилы, являлась позиция Андрея Андреевича Громыко, выраженная в свое время в напутствии руководителю советской делегации перед поездкой в Японию: «Помните, у Советского Союза лишних земель нет». Курильчане поступили бы правильно, если бы одну из улиц назвали в честь А.А. Громыко.

В мою бытность на Сахалине губернатор Хоккайдо, с которым у меня сложились неплохие отношения, — а именно в префектуру Хоккайдо попадают по японской классификации Южные Курилы, — рассказал мне об одной беседе в Москве еще в советское время. На встречу с японцем один из руководителей РСФСР приехал после консультаций в «громыковском» МИДе. Услышав, что представитель Страны восходящего солнца упомянул вопрос о хоппо рёдо (северных территориях), российский деятель хлопнул ладонью по столу и заявил: территориальной проблемы между нашими странами не существует. Может быть, мне тогда показалось, но в рассказе японского губернатора я уловил некоторое восхищение — вот, мол, какая глыба был Советский Союз.

Заповедь А.А. Громыко, что у нас нет лишних земель, нужно твердо помнить и нынешним руководителям страны, ибо Япония не прекращает усилий отторгнуть Южные Курилы от России.

Имя Андрея Андреевича Громыко содержится во всех значимых лексиконах и справочниках мира, оно стало символом Внешней политики с большой буквы.

Шустов В.В.

Дипломатическая школа Громыко

По чистой случайности в моей жизни произошло одно совпадение, которое абсолютно никакой роли не сыграло, но все-таки, как принято сейчас говорить, имело место. Может быть, упоминание о нем вызовет у читателя этих строк ироническую усмешку. В 1957 г., когда А.А. Громыко назначили министром иностранных дел, меня после окончания аспирантуры в МГИМО определили на работу в МИД, дав самый низший на дипломатической службе, но для непосвященных солидно звучащий, ранг атташе. С этого старта мне посчастливилось проработать в министерстве все 28 лет, когда его руководителем являлся Андрей Андреевич. Это были лучшие годы в моей службе. Как и десятки моих товарищей, я с охотой брался за любое задание. Все для меня было интересным в высотке на Смоленской площади.

Ни по каким статьям я не мог входить в круг мидовцев, близких к Громыко. Но получилось так, что по тем проблемам, к проработке которых меня привлекали, довелось неоднократно встречаться с министром и хотя бы на расстоянии наблюдать за ним, слушать, что он говорил, стараться понять поправки, которые он делал в проектах документов. Дело в том, что мне опять-таки посчастливилось работать в таком прекрасном подразделении МИДа, как Отдел международных организаций, который возглавляли видные советские послы С.К. Царапкин и К.В. Новиков. Отдел занимался проблемами ООН и вопросами разоружения, которые находились непосредственно под контролем Громыко. Специализируясь на разоружении, я неоднократно летал на сессии Генеральной Ассамблеи ООН рейсом, на котором находилось сравнительно небольшое число сотрудников нашей делегации. Мне довелось присутствовать на совещаниях, когда министр давал задания, на некоторых его беседах с иностранными представителями. И конечно, на совещаниях в самом министерстве.

Мне всегда хотелось больше узнать и лучше понять его личные, чисто человеческие черты, полнее ознакомиться с методом и стилем его работы как

Шустов Владимир Викторович — Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке).

дипломата. Как он заслужил уважение у всех сотрудников министерства — без преувеличения, от младших до заместителей министра? Как этот сдержанный и немногословный человек, как будто застегнутый на все пуговицы, завоевал авторитет «дипломата номер один» нашей страны? Почему при этом некоторые деятели и средства информации на Западе пытались приклеить ему ярлык «Мистера Нет»?

Кажется, мне удалось найти ответы на эти вопросы, хотя наверняка и неполные. Однако, прежде чем изложить их, хотелось бы описать одну встречу с Андреем Андреевичем, которая состоялась совершенно неожиданно для меня в Бухаресте в августе 1969 г.

В это время в столице Румынии было созвано совещание министров иностранных дел стран — участниц Варшавского договора. В повестку дня было включено небольшое число вопросов и среди них — нераспространение ядерного оружия. Румыния какое-то время отказывалась подписать договор о нераспространении. Меня как эксперта по этой проблеме включили в группу, состоявшую всего из трех человек, которая сопровождала министра. Мне повезло, и получилось так, что на совещании дело до нераспространения не дошло, и я смог свободно побродить по Бухаресту. В хорошую погоду это было на редкость приятное занятие.

После прогулки я вернулся в гостиницу к обеду. Спокойно заказал себе подходящие блюда и на вопрос официанта, не желаю ли я какой-нибудь напиток, сказал: «В Румынии, конечно, бокал доброго местного вина». Пока я ждал, за моей спиной послышались чьи-то шаги. Вдруг это министр? Так и оказалось. Он сел за мой столик. И тут я вспомнил о бокале вина. Зная, что Громыко не любит, когда наши дипломаты увлекаются спиртными напитками (мне тотчас вспомнились его слова: «дипломаты роют себе могилу рюмкой и вилкой»), сделал, как мне казалось, незаметный знак рукой, чтобы официант ретировался с бокалом. Но Громыко все видел и добродушно сказал: «Да пейте. Я уж закажу себе пива». После этого завязалась довольно продолжительная беседа, не имевшая особого отношения к дипломатии. Помню, как он расспрашивал меня об учебе в институте, впечатлениях от работы в МИДе и т.п. Сам рассказал кое-что о своих студенческих годах, о том времени, когда приходилось ездить на ступеньках переполненных трамваев из общежития до института и т.д. По ходу этого разговора «строгий» министр раскрылся как простой и доброжелательный человек. Этот эпизод мне запомнился.

Теперь перейду к ответам на вопросы, поставленные в начале этих заметок. В их поисках я опирался не только на личные наблюдения, но и на рассказы старших товарищей по работе, а также на печатные источники.

Прежде всего, бросалось в глаза, что **А.А. Громыко являлся человеком незаурядных способностей и сильного характера**. Во время бесед с ним было заметно, что по этим качествам он превосходит многих своих партнеров. Громыко умел быстро находить гибкие и подчас неожиданные решения, до которых не могли додуматься другие. В этом проявлялся его дар великолепного аналитика. Во многом ему помогала уникальная память. Будучи послом в Вашинг-

тоне, он упорно изучал английский язык и, как рассказывали свидетели, мог запоминать целые страницы из словаря. «У Громыко, — писал его первый заместитель Г.М. Корниенко, — мозг работал со скоростью компьютера (когда их вообще не существовало), вызывало раздражение, если собеседник не соображал столь же быстро, не понимал его с полуслова или даже без слов»*.

Один из примеров его находчивости — случай, который произошел в Вене во время встречи с вновь избранным президентом США Джоном Кеннеди. Неожиданно из Москвы пришла телеграмма о том, что Нидерланды отказали в агремане В.М. Молотову, пояснив, что они не могут принять в своей столице послом человека, который не пользуется авторитетом у политического руководства Советского Союза. В дипломатии это довольно редкий случай. До этого Молотов был послом в Монголии и просил, чтобы ему разрешили вернуться в Москву или направили послом в страну с более подходящим для него климатом. Суть дела состояла в том, что Хрущев не хотел, чтобы опальный деятель находился в Москве. Тогда и появился вариант с Нидерландами. Хрущев озадаченно спросил Громыко: «Что будем делать?». Тот, не тратя время на размышления, ответил, что если для двустороннего посла необходим агреман принимающей стороны, то при назначении представителя при международной организации такое согласие не требуется. Тут же было решено командировать Молотова в Вену представителем при недавно образованном Международном агентстве по атомной энергии (МАГАТЭ). Довольны остались все. По-моему, особенно австрийцы. Имя Молотова было связано у них с заключением Государственного договора 1955 г., по которому из этой страны выводились все оккупационные войска, и она получала статус постоянного нейтралитета.

В духе лучших традиций русской и советской дипломатии, яркими представителями которой являлись А.М. Горчаков и Г.В. Чичерин, **Громыко твердо отстаивал государственные интересы своей страны**. Он был, как сейчас принято говорить, государственником в полном смысле этого слова.

В годы Великой Отечественной войны на посту советника, а потом посла в Вашингтоне, сменив на этом посту М.М. Литвинова, он сосредоточил свои усилия на том, чтобы укреплять антигитлеровскую коалицию. Громыко добивался на американском направлении скорейшего открытия второго фронта, внимательно отслеживая настроения в общественном мнении и правящих кругах страны. «Вопрос о втором фронте, — писал он, — безусловно, волнует миллионы людей в США. Обсуждение этого вопроса не сходит со страниц американской печати». Громыко давал трезвую и четкую оценку ситуации в стране. Он отмечал, что подавляющее большинство американского генералитета и руководящих промышленных кругов «не хотят победы Гитлера. Но еще больше они не хотят победы Советского Союза»**.

---

* *Корниенко Г.* Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 2001. С. 350.

** Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. В 2-х тт. М., 1984. Т. 1. 1941–1943. С. 224–225.

Президенту США Рузвельту приходилось учитывать эти противоречивые настроения, и как мудрый политик он в конечном итоге занял правильную позицию. Одиннацдатого апреля 1942 г. Рузвельт вручил Громыко послание на имя Сталина, в котором он предлагал Молотову приехать в Вашингтон для обсуждения предложения, «связанного с использованием наших вооруженных сил таким образом, чтобы облегчить критическое положение на Вашем западном фронте». В состоявшейся беседе президент однозначно заявил, что «хочет предпринять конкретные шаги для того, чтобы оттянуть часть сил Гитлера с советского фронта». По мнению Громыко, Рузвельт «явно имел в виду открытие второго фронта»*.

В годы войны советская дипломатия, сосредоточивая основные усилия на проблеме второго фронта, в то же время активно занималась вопросами послевоенного устройства мирового порядка, прежде всего создания Организации Объединенных Наций. Здесь Громыко находился на передовой линии напряженных дипломатических переговоров.

Отдельной главой в этой его деятельности стало участие в конференции представителей СССР, США и Великобритании, которая проходила на окраине американской столицы в одной из старинных усадеб — Думбартон-Оксе. Исполняя свои обязанности посла в США, он одновременно возглавил группу советских представителей на этих переговорах, где надо было проявить твердость в продвижении своей позиции и в то же время умело находить взаимоприемлемые решения.

В своем выступлении при открытии конференции Громыко подчеркивал, что необходимо учредить действенную организацию, которая могла бы пресечь любые попытки агрессора нарушить международный мир и стабильность. «Само собой, разумеется, — заявил он, — что для сохранения мира и безопасности недостаточно обладать только желанием обуздать агрессора и применить к нему силу, если этого потребуют обстоятельства. Чтобы обеспечить мир и безопасность, совершенно необходимо обладать ресурсами, с помощью которых можно предотвратить или подавить агрессию и сохранить международный порядок». И далее он продолжал: «Единство союзников, проявленное в борьбе против общего врага, и их стремление сохранить мир в будущем представляют собой гарантию того, что настоящие исследовательские переговоры дадут положительные результаты. Они являются первым шагом на пути, ведущем к постройке здания, в возведении которого заинтересованы все свободолюбивые народы мира ради создания эффективной международной организации по вопросам мира и сохранения безопасности…»**.

В Думбартон-Оксе удалось заложить фундамент и создать конструкцию такого здания. В этом была большая заслуга советских участников конференции во главе с Громыко. Однако не был согласован один, но архиважный воп-

---

* Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 1. С. 158, 160.

** *Бережков В.* Годы дипломатической службы. М., 1972. С. 256.

рос о единогласии постоянных членов Совета Безопасности при решении проблем поддержания международного мира и безопасности.

Западные представители настаивали на том, чтобы страна, участвующая в конфликте, в том числе и постоянный член Совета, не голосовала при рассмотрении этого вопроса. Вашингтон и Лондон рассчитывали на то, что абсолютное большинство государств будут на их стороне в случае тех или иных разногласий, а Советский Союз, не принимая участия в голосовании по вопросу, затрагивающему его интересы, окажется в одиночестве. В течение нескольких дней они оказывали откровенный нажим на советскую делегацию. Однако Громыко не поддавался. Он подчеркивал, что если согласиться с западным подходом, то будет нарушен основной принцип послевоенного устройства, основанного на единодушии великих держав, несущих главную ответственность за поддержание мира. По существу, любой спор, а тем более конфликт, в который была бы вовлечена великая держава, мог перерасти в ситуацию, чреватую серьезными последствиями.

В конце концов западные партнеры стали понимать, что переломить бескомпромиссную позицию советской делегации не удастся. Это и стало главным итогом споров по процедуре голосования в Совете Безопасности.

Окончательное решение этой проблемы было достигнуто на встрече лидеров трех государств в Ливадийском дворце в Ялте в феврале 1945 г.

Перед завершением конференции в Думбартон-Оксе между делегациями возникло расхождение по поводу содержания заключительного коммюнике об итогах переговоров. Однако был принят компромиссный проект, предложенный Громыко.

Полностью работа над Уставом ООН завершилась на конференции в Сан-Франциско, где 26 июня 1945 г. в торжественной обстановке этот документ был подписан. От имени СССР первым его подписал А.А. Громыко, и его с полным основанием можно считать одним из отцов-учредителей всемирной организации.

До последнего дня работы в МИДе Громыко неустанно следил за деятельностью Организации Объединенных Наций. Он направлял работу наших делегаций в Совете Безопасности, на Генеральной Ассамблее и в других органах ООН.

С 1957 по 1984 г. он ежегодно возглавлял делегацию нашей страны на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, т.е. на 27 сессиях Ассамблеи! Ни один из министров иностранных дел других государств — участников Организации близко не подошел к такому рубежу и не приобрел такой богатый опыт в работе всемирной организации. Громыко добивался, чтобы наша страна была инициатором обсуждения и решения в ООН наиболее насущных и значимых международных проблем. По его указанию в директивах делегации, как тогда было принято, на первое место всегда ставился «главный вопрос». Под ним подразумевалось предложение нашей делегации, которое по ее просьбе в соответствии с Уставом ООН включалось в повестку дня Генеральной Ассамблеи как важный и срочный вопрос. Среди таких главных вопросов достаточ-

но назвать хотя бы некоторые: прекращение испытаний ядерного оружия; предоставление независимости бывшим колониальным странам и народам; запрещение химического и бактериологического оружия; запрещение военного и иного враждебного воздействия на окружающую среду; неразмещение ядерного оружия в космосе и др.

Значительное число этих инициатив дало в конечном итоге практические результаты. После обсуждения их на соответствующих переговорах были заключены международные соглашения.

Большинство из этих предложений в их первоначальном виде формулировалось самим Громыко. В десятках встреч (иногда их было свыше 40), которые он проводил в Нью-Йорке с министрами или другими высокими представителями государств — членов ООН, с его стороны давались подробные и аргументированные разъяснения наших предложений. В ходе бесед Громыко стремился создать благоприятную атмосферу для восприятия наших идей. Как-то мне довелось присутствовать на его встрече с министром иностранных дел Перу, где в то время к власти только что пришло новое правительство. Им стал генерал, по-видимому, не искушенный в дипломатических делах. Поздоровавшись с Громыко и обращаясь к нему, он назвал его «господин посол». Потом, засмущавшись, исправился и сказал: «Извините, господин министр». Громыко снял эту неловкость, ответив: «Вы обратились ко мне абсолютно правильно. Ранг посла присвоен мне на всю жизнь. Министром же я могу быть сегодня, а завтра нет». Собеседник заулыбался, его смущение улетучилось.

Громыко строго требовал, чтобы все члены делегации, советники и эксперты на сессиях Ассамблеи проводили подробные беседы по нашим инициативным вопросам со всеми делегациями независимо от того, какую страну — большую или малую — они представляют. Это давало свои результаты. Многие наши предложения, особенно когда они учитывали настроения большинства среди членов ООН, получали поддержку. За них голосовали, хотя со стороны западных стран они встречали откровенно отрицательную реакцию. Тактика нашей делегации, стиль и методы ее работы в ООН, конечно, обращали на себя внимание. Посол Ганы однажды сказал мне, что дипломаты малых стран очень ценят, когда даже на уровне постоянных представителей и членов делегаций мы на равных беседуем с ними. «Это показывает, что вы воспринимаете их как своих партнеров, делегатов от суверенных государств», — подчеркнул он.

Можно считать, что наибольшим успехом нашей страны была принятая на 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1960 г. резолюция «О предоставлении независимости колониальным странам и народам», так называемая резолюция о «деколонизации».

После ее одобрения десятки бывших колоний получили политическую независимость и заняли свои места в ООН как суверенные государства. В инициировании этого процесса огромная заслуга А.А. Громыко. Но далась эта победа на дипломатическом фронте нелегко. В течение ряда лет, когда мы шаг за шагом продвигались к этой цели, западные государства всеми силами оказывали сопротивление. В те времена представители колониальных стран на-

зывали таких борцов за освобождение от колониального гнета, как Нельсон Мандела или Патрис Лумумба, не иначе как «террористами».

Наши инициативные предложения в ООН были частью общей политики государства, которая ставила своей целью обеспечить себе возможно более широкую международную поддержку и собрать вокруг себя государства-союзники. И вряд ли кто-нибудь сможет отрицать, что наша страна сыграла большую роль в формировании Движения неприсоединения, которое стало мощной политической силой, оказавшей влияние на развитие и состояние международных отношений. От биполярной системы, где с одной стороны, США и другие западные страны, а с другой — СССР и социалистические страны, — мир по существу перешел к триполярной системе.

Ко всем сессиям Генеральной Ассамблеи Громыко готовился очень тщательно и требовал, чтобы подразделения МИДа, имеющие отношение к вопросам, включенным в повестку дня Ассамблеи, поступали так же. Отдел международных организаций сводил воедино проекты, поступавшие от разных отделов. В таком документе, содержавшем «директивы» по ключевым проблемам и «указания» по второстепенным или тактическим вопросам, иногда насчитывалось более 150–200 страниц. Этот объемистый труд, в составлении которого принимали участие десятки дипломатов, поступал на стол министра, а после его утверждения направлялся в правительство.

Громыко лично отбирал кандидатов в состав делегаций на каждую сессию Генеральной Ассамблеи. Он внимательно следил за тем, чтобы в делегации включались с соблюдением определенной очередности представители союзных республик.

Перед каждой сессией Генеральной Ассамблеи в столицы различных государств направлялись эмиссары — представители МИДа для разъяснения нашей позиции по повестке дня Ассамблеи. Это было особенно полезно, судя по откликам, для развивающихся стран.

Итоги сессий Ассамблеи детально обсуждались на заседаниях коллегии МИДа, а иногда, наряду с другими крупными международными проблемами, на более широком форуме — собраниях так называемых активов министерства. Громыко, как было заметно, хотел, чтобы возможно больший круг наших дипломатов знакомился с политической линией нашей страны на международной арене.

Специально останавливаюсь столь подробно на «дипломатической кухне» нашей работы по линии ООН, чтобы показать, во-первых, какое большое значение придавал Андрей Андреевич всемирной организации, и, во-вторых, сколько труда он вложил в то, чтобы сделать наше участие в ней действенным и эффективным.

Особое внимание Громыко уделял проблеме ограничения гонки вооружений и разоружения. В своих выступлениях он иногда подчеркивал, что еще в 1922 г. советская делегация на конференции в Генуе выдвинула предложение о всеобщем и полном разоружении, и с тех пор в течение десятков лет этот вопрос не сходил с повестки дня крупных международных переговоров.

«Громыко, — писал Г.М. Корниенко, — был не только убежденным сторонником разоруженческой линии в нашей политике, но и главным генератором идей в этой области. Был напорист в проведении этой линии в общеполитическом плане»*.

Громыко включился в обсуждение вопросов разоружения с самого начала своего участия в работе ООН. Он был назначен нашим представителем в Комиссии ООН по атомной энергии, а затем и в Комиссии по вооружениям обычного типа. В обоих органах он от имени правительства вносил предложения, нацеленные на радикальное ограничение гонки вооружений. Особое внимание в ООН и за ее пределами привлек представленный в Комиссию по атомной энергии «Проект международной конвенции о запрещении производства и применения атомной энергии в целях массового уничтожения»**. В своем выступлении Громыко предупреждал: «Открытие использования атомной энергии не может оставаться в течение более или менее продолжительного времени достоянием только одной страны… Оно неизбежно станет достоянием ряда стран…»***. Этот взгляд в будущее был полностью оправдан. Со временем возникла проблема нераспространения ядерного оружия.

Громыко был прагматиком и прекрасно понимал, что далеко идущие советские предложения в сфере всеобщего разоружения не могут быть реализованы из-за позиции Запада, в частности проект всеобщего и полного разоружения, представленный в начале 60-х годов в ООН и Комитете 18 государств по разоружению. Киссинджер назвал этот проект «пропагандистским маневром»****. В значительной мере это так и было. Но спрашивается, почему нельзя заниматься пропагандой ради благих целей? Кроме того, не следует сбрасывать со счетов и того существенного факта, что Советский Союз вовлекал США и другие страны Запада, равно как и неприсоединившиеся государства в обсуждение проблемы гонки вооружений и ее ограничения на различных международных форумах — политических и общественных.

Нетрудно было предположить, что от общих дискуссий по всеобщему разоружению в результате детализации этой схемы могут «отпочковаться» частичные меры по ограничению гонки вооружений. Как раз это и произошло в июле 1963 г., когда завершилась разработка Договора между СССР, США и Великобританией о прекращении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой. Эти эксперименты были источником очень опасного радиоактивного заражения окружающей среды для населения всех стран мира — ядерных и неядерных.

Нет худа без добра. Данный Договор, явившийся одним из первых на пути к разрядке в отношениях между США и СССР, оказался, как это ни странно, одним из положительных последствий Карибского кризиса 1962 г., который

---

* *Корниенко Г.* Указ. соч. С. 255.

** Внешняя политика Советского Союза. 1946 г. Документы и материалы. М., 1952. С. 631.

*** *Громыко А.* Памятное. М., 1988. Т. 1. С. 287.

**** *Kissinger H.* The Necessity for Choice. New York, 1961. P. 330.

поставил мир на грань ядерной катастрофы. После его урегулирования обе сверхдержавы стали искать возможность достижения какой-нибудь полезной и значимой для всего мира договоренности. Советский Союз по предложению Громыко выступил с идеей заключения соглашения о частичном прекращении ядерных испытаний. США, хотя и не сразу, согласились с этим. В это время в Женеве ни шатко, ни валко с 1959 г. велись переговоры между представителями СССР, США и Великобритании о прекращении всех ядерных испытаний. Делегации получили указание ускорить дело, ограничившись договоренностью о запрещении взрывов только в трех средах — в атмосфере, космосе и под водой. Подземные взрывы, представлявшие наибольшую трудность с точки зрения контроля над соблюдением соглашения, оставлялись «за бортом» как предмет для будущих переговоров. Приказ из столиц был довольно быстро выполнен. Кстати, это стало хорошим примером того, что дипломатам не так сложно договориться, если государства проявят к тому добрую волю. И напротив, дискуссии за столом переговоров могут длиться годами и даже десятилетиями, если принципиального согласия между государствами нет.

Поскольку Москва первой проявила инициативу заключить такой Договор, стороны согласились провести заключительную стадию переговоров и парафировать его в нашей столице. Встреча состоялась в замечательном историческом особняке МИДа на улице Спиридоновка. Советский Союз представлял А.А. Громыко, США — крупный американский политический деятель и посол Аверелл Гарриман, Великобританию — министр по делам науки лорд Хейлшем.

Меня включили в группу советских участников, так как я был в составе нашей делегации с первого дня переговоров по прекращению ядерных испытаний. Поэтому я непосредственно наблюдал за переговорами высоких представителей.

В московских переговорах неожиданно возникла одна трудность. Советская сторона предложила, чтобы каждый участник в порядке осуществления своего государственного суверенитета имел право выхода из Договора, если связанные с его содержанием обстоятельства поставят под угрозу высшие интересы данной страны. Это предложение имело целью исключить возможность выхода из Договора со ссылкой на причины, не относящиеся к предмету Договора. Вполне понятно, что отдельная статья соглашения на этот счет только укрепляла бы его действенность.

Английский представитель быстро получил «добро» из Лондона. А Гарриман сказал, что он не возражает, но ему необходимо получить согласие лично от президента Дж. Кеннеди. (Впоследствии один из американских коллег рассказал мне, что в те дни все телеграммы из Москвы докладывались только самому президенту, чтобы никакое вмешательство со стороны не испортило дела.) Был объявлен перерыв, и на наших глазах Андрей Андреевич сказал Гарриману, что он может связаться с президентом по телефону из соседней комнаты. В Вашингтоне в это время были ранние предутренние часы. Президента подняли с постели, и он дал согласие.

Заседание возобновилось. Через короткое время Договор был парафирован тремя представителями, а подписан уже в Кремле в августе 1963 г. Он получил общепризнанное название Московского договора. Кстати, с той поры во все соглашения, касающиеся контроля над вооружениями, включалась аналогичная статья о выходе из Договора.

В наши дни стоит напомнить, что Московский договор имел немаловажное значение для внутренних решений, принимавшихся в нашей стране. В 60-е годы в связи с необходимостью орошения целинных земель в Казахстане у некоторых наших государственных деятелей возникла идея переброски вод северных рек России на юг. Для осуществления этих циклопических планов предполагалось провести около сотни так называемых «вскрышных» ядерных взрывов, которые были необходимы для строительства каналов. Договор 1963 г. подземные взрывы не запрещал. Запрещались только такие подземные ядерные взрывы, которые могли привести к выпадению радиоактивных осадков за пределами страны, производящей такие взрывы. Представители соответствующих ведомств и институтов пришли в МИД выяснить, не будут ли предполагаемые взрывы противоречить Договору. Консультации велись в Отделе международных организаций. С нашей стороны гостям был задан вопрос: «А как насчет радиоактивных осадков?». Специалисты развернули большую карту, на которой было показано, как осадки будут перенесены с облаками через всю территорию нашей страны, а затем значительное их количество выпадет в районе японских островов. Мы сказали, что это запрещено Московским договором. Гости ничего возразить не могли. Договор и, видимо, другие причины заставили отказаться от безумных планов. Помимо радиоактивного заражения огромной части территории нашей страны, Север России оказался бы серьезно обезвоженным. Погибли бы тысячи гектаров леса.

Разумеется, информация о консультациях была доложена министру, и он одобрил наши разъяснения.

Нетрудно представить себе, к каким губительным последствиям для России привела бы реализация предлагавшихся планов в наше время, после развала Советского Союза. Конечно, тогда это не могло бы присниться даже в самом страшном сне.

Вслед за Договором о частичном запрещении ядерных испытаний появилось около десятка других международных договоров и соглашений, направленных на ограничение гонки вооружений. Шаг за шагом складывалась целая система торможения этого опасного и разорительного процесса.

За всеми переговорами по разоружению Громыко следил внимательно и каждодневно. Некоторые соглашения он подписывал сам. В частности, ему было поручено подписать от имени Советского Союза Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (1972).

Однако особое значение он придавал Договору о нераспространении ядерного оружия. И если вернуться к первому выступлению Громыко в Комиссии

ООН по атомной энергии в 1946 г., то нельзя не отметить, что уже тогда он смотрел далеко вперед, предвидя опасность расползания ядерного оружия.

Когда в Нью-Йорке, а затем в Женеве шли переговоры по проблеме нераспространения, он лично предлагал некоторые развязки трудных формулировок. Однажды случился такой эпизод. В Женеве мы с большим трудом вместе с американскими экспертами подбирались к решению чрезвычайно сложного вопроса о контроле над выполнением будущего Договора. Мы знали, что Андрей Андреевич был доволен нашей работой, и это нас ободряло. И вдруг совершенно неожиданно из Вашингтона буквально на один день прилетел помощник заместителя государственного секретаря Сэм Де Пальма и попросил меня срочно встретиться с ним. Мы хорошо знали друг друга с того времени, когда он был членом американской делегации в Женеве. Он сообщил, что наши коллеги в представительстве при ООН в Нью-Йорке предложили свой вариант статьи Договора о контроле, который в корне отличался от компромиссных хитросплетений, обсуждавшихся нами с американцами в Женеве. Он спросил: «Скажите официально, где вы ведете переговоры по нераспространению — здесь или в Нью-Йорке? На что нам ориентироваться?». Я успокоил собеседника, сказав, что никаких иных указаний, помимо тех, которыми мы руководствуемся в Женеве, наша делегация не получала. Разумеется, о запросе американской стороны мы срочно сообщили в Москву. И так же быстро получили ответ от министра, который сводился к тому, что переговоры о нераспространении ведет делегация в Женеве и никто другой.

Еще в 1961 г. с инициативой о необходимости заключения Договора по нераспространению выступил представитель неядерной страны министр иностранных дел Ирландии Эйкен. Громыко придавал большое значение поддержке этого Договора со стороны неядерных государств и давал нашим представителям за рубежом указания проводить с ними активную работу. Когда стороны условились открыть Договор к подписанию в Москве, Вашингтоне и Лондоне, ирландский министр выбрал советскую столицу и первым подписал Договор в Москве.

Эта церемония состоялась в 1968 г. Судя по рассказам тех, кто это знал, Громыко говорил, что среди десятков подписанных им договоров, соглашений и других дипломатических документов наибольшее удовлетворение у него вызывало то, что он поставил свою подпись под Уставом ООН и Договором о нераспространении ядерного оружия.

Громыко добивался от сотрудников МИДа досконального знания документов по разоружению. По его инициативе в МИДе типографским способом было издано 14 томов документов по разоружению. Этот сборник содержал много документов для служебного пользования и был значительно богаче аналогичных сборников, изданных в других странах.

Андрей Андреевич являлся дипломатом высшей категории и человеком, бесконечно преданным своей профессии. Он мастерски владел всеми приемами и методами дипломатической работы и требовал, чтобы все сотрудники МИДа прочно и всесторонне овладевали ими. В своих мемуарах он писал:

«Иногда принято считать, что дипломату достаточно лишь какого-то минимума культуры, обходительности и знания иностранного языка, а еще лучше нескольких. Это — заблуждение. С таким багажом он не сможет долго удержаться на современной дипломатической работе. Дипломатическая деятельность — это труд тяжелый, сложный, требующий от тех, кто им занимается, мобилизации всех своих знаний и способностей»*.

Основные требования Громыко к нашим дипломатам:

— Глубоко понимать политику своего государства.

— Хорошо знать предмет, который ему надлежит обсуждать с представителями другой страны.

— Быть образованным и эрудированным.

— Как следует знать страну пребывания или практику работы международной организации, ибо наше время — это время многосторонней дипломатии.

— Уметь отделить то, что следует сказать сегодня, от того, чего не следует говорить.

— Воспитывать в себе «политическую интуицию», которая является лучшим советчиком дипломата, но которую нельзя облечь в какие-то строгие формулы: она дается только профессиональной подготовкой и опытом.

— Быть контактным и уметь устанавливать контакты.

— Ежедневно работать над изучением иностранного языка, но всегда оттачивать знания русского языка — главного нашего инструмента в дипломатической работе.

— Назубок знать все требования дипломатического протокола.

— Но главная задача дипломата — уметь отстаивать порученную ему позицию. В связи с этим Громыко отмечал в своих мемуарах: «Дискуссии и обсуждения, которые ведут дипломаты, в известном смысле похожи на соревнования спортивной олимпиады, с той, однако, разницей, что тут происходит состязание интеллектуального порядка. Пусть меня правильно поймут спортсмены. В спорте, разумеется, интеллект тоже необходим. Но все же там главное — физические способности. А дипломат не прыгает, не поднимает штангу, не забрасывает шайбу. Его уменье должно сводиться к другому — отстоять порученную позицию»**.

Этот основной долг дипломата Громыко исполнял весьма умело. В обоснование своей позиции он выдвигал нужные аргументы и в нужное время. Он не был столь красноречивым оратором, как некоторые дипломаты в ООН. Однако все его выступления были выстроены логично и звучали убедительно, заставляя зал внимательно слушать то, что он говорит.

Некоторые западные аналитики и обозреватели, особенно в первые послевоенные годы, называли Громыко «Мистером Нет». Да, когда мы были в полном меньшинстве на международных форумах, ему приходилось нередко,

* *Громыко А.* Памятное. Кн. 2. С. 330.

** Там же. С. 332.

пользуясь правилом единогласия, выступать в одиночку и накладывать вето в Совете Безопасности ООН на то или иное предложение или проект, которые противоречили интересам нашей страны. Он говорил свое твердое «нет». Конечно, его политические соперники хотели бы в его лице иметь «Мистера Да», но расчеты на это были напрасными. Сам Андрей Андреевич в кругу своих коллег говорил, что дипломату подчас нелегко сказать «нет». Но это, не колеблясь, необходимо делать, чтобы отстоять свою позицию. Когда дипломат слишком уступчив, то этим качеством он не может завоевать уважение своих партнеров. Другое дело — гибкость, умение найти компромиссное решение для взаимовыгодного соглашения.

Как и многим другим коллегам, мне довелось наблюдать, как Громыко работал над документами. Во-первых, он приучил заведующих отделами подавать на рассмотрение министра документы в максимально отработанном виде, с должной аргументацией. Во-вторых, исправляя или дополняя проекты, он никогда не мелочился. Его правка всегда придавала документу особую значимость, особый оттенок, который полнее отражал и закреплял заложенную в него идею.

Довольно часто при обсуждении сложного документа Громыко приглашал к себе не только заместителей министра или заведующих отделами (теперь в МИДе они получили название департаментов), но и сотрудников более низкого уровня, которые непосредственно составляли проекты документов. Это, несомненно, повышало ответственность этой категории дипломатических работников. С другой стороны, такая практика помогала министру шире знакомиться с сотрудниками, лучше оценивать человеческий потенциал, которым располагало министерство. Толковых работников он поощрял; хотя и весьма немногословно, но давал понять, что ценит сделанное.

Во взаимоотношениях между руководителями подразделений министерства Громыко высоко ставил такую черту, как порядочность. Вспоминаю такой случай. По одному из вопросов начальника нашего отдела и меня вызвали к министру. Речь шла об исправлении одной ошибки. Приглашен был также заместитель начальника другого отдела. Стремясь оправдаться, он стал обвинять наш отдел в промахе, хотя и министр, и мы знали, что это не так: обсуждавшейся проблемой наш отдел не занимался. Министр не стал тратить время на разборку дела. Главное, был найден выход, как исправить ошибку. И когда мы вышли из кабинета, мой многоопытный начальник, знавший Громыко еще с довоенных времен, сказал мне: «Запомните. Этот друг, который валил все на нас, выше заместителя начальника отдела не поднимется. Громыко таких выкрутасов не любит». Это предсказание впоследствии оправдалось. Пусть это небольшой эпизод, штрих, но он оттеняет характер Громыко.

Многие документы, которые подготавливаются в МИДе, требуют согласования с другими ведомствами. Нам как специалистам, работавшим в сфере разоружения, приходилось часто иметь дело с Министерством обороны и ведомствами, занимающимися вопросами мирного использования атомной энергии. Мы защищали интересы своего министерства. Но Громыко требовал

от нас очень внимательно относиться к позиции и аргументации ведомств. Помню, как однажды он сказал, что за оборону отвечает не МИД, а Министерство обороны. В то же время, если со стороны ведомств допускались неверные шаги, то министр соглашался с мнением своих сотрудников. Так, однажды на переговорах о взаимном сокращении вооруженных сил в Центральной Европе делегация получила указание внести данные, касающиеся численности советских войск в этом регионе. Зная о том, что примерно известно по этому вопросу нашим западным партнерам, члены делегации пришли к выводу, что обнародование полученных данных ни к чему хорошему, кроме конфуза, не приведет. Делегация сообщила в Москву о нецелесообразности выполнения полученных указаний. Министр и те, с кем он консультировался, с этим согласились.

Андрей Андреевич решительно защищал интересы нашего государства. Разумеется, он был человеком своего времени. Как коммунист, твердо отстаивал свою точку зрения, но, если большинство в высшем партийном руководстве высказывалось в пользу иного решения, то подчинялся этому. Так, выступив вначале против ввода советских войск в Афганистан, в конечном итоге не смог воспротивиться решению, против которого возражал. По-видимому, такое случалось не раз. Помнится, как в 1961 г. он выступал на партийном активе МИДа с оправданием поведения Хрущева при встрече с Дж. Кеннеди, когда тот приехал с добрыми намерениями нормализовать отношения с Советским Союзом, а Хрущев не использовал этого шанса и не пожал протянутую ему руку молодого американского президента. И это было политическим просчетом.

Заслуживает уважения тот факт, что Андрей Андреевич при тех катаклизмах, которые обрушились на нашу страну в конце XX в., своих политических взглядов не менял и до конца своих дней оставался верным своим убеждениям. И это в то время, когда многие деятели быстро «перекрашивались», перебегая из одного лагеря в другой, и с легкостью принялись очернять прошлое своей страны, которой они десятилетиями служили.

А.А. Громыко был не только выдающимся профессионалом, но и человеком широко образованным, интересы которого охватывали литературу, живопись, музыку и кинематографию. Об этом он пишет в поучительных и полезных для наших нынешних дипломатов мемуарах, опубликованных в 1988 г., после того как тремя годами ранее он оставил пост министра иностранных дел. Некоторые наши дипломаты несколько скептически оценили этот двухтомный труд, сетуя на то, что в нем мало политических обобщений и фактов, связанных с «закулисьем» советской дипломатии и внешней политики. Никак не могу согласиться с такими оценками. Мемуары писались и издавались в то время, когда публикация подобных воспоминаний еще не очень поощрялась и не вошла в моду. Это сейчас мемуарная литература поставлена на поток. Пишут все кому не лень: и министры, и генералы, и дипломаты и т.д. Мемуары Громыко дают широкую картину не только его деятельности, но и того, что происходило в СССР, США и других странах, где приходилось ему побывать.

Историки могут почерпнуть малоизвестные им данные о встречах глав антигитлеровской коалиции, об истории создания ООН, о происхождении холодной войны, встречах Громыко с Мао Цзэдуном, заседании Совета Безопасности ООН, на котором принималось решение о вводе американских войск в Корею, и многое другое. Разумеется, и о тех видных политических деятелях, с которыми в силу обстоятельств и своего служебного положения приходилось встречаться Громыко.

В его мемуарах можно проследить, как сын крестьянина-бедняка из белорусской деревни Старые Громыки, что недалеко от Гомеля, благодаря тем благоприятным условиям, которые были созданы в нашей стране, сумел подняться до одного из высших постов в государстве, стать ученым — доктором наук и овладеть достижениями мировой культуры.

В Вашингтоне Громыко встречался и поддерживал знакомство с видными деятелями русской эмиграции — литераторами и другими представителями культуры, такими как Сергей Рахманинов, Серж Кусевицкий, Давид Бурлюк и др. Широкий круг знакомств у нашего посла был и среди деятелей американской культуры — дирижеры Л. Стаковскиий, Ю. Орланди, певцы Поль Робсон и Фрэнк Синатра, классик кино Ч. Чаплин, известная писательница Л. Хеллман и др. Интересны описания встреч с Пабло Пикассо. Среди знакомых Громыко были крупнейшие ученые — такие как А. Эйнштейн, Р. Оппенгеймер, Э. Лоуренс, Ф. Жолио-Кюри.

Андрей Андреевич поддерживал добрые отношения со многими учеными и деятелями искусства и в нашей стране. Достаточно назвать такие имена, как ученый-физик Д. Скобельцын, профессор С. Александров, писатели М. Шолохов, К. Федин, Б. Пастернак, К. Чуковский, художник П. Корин, кинорежиссеры Г. Александров, А. Довженко, актер Б. Ливанов.

В книге воспоминаний Громыко можно найти немало интересных страниц, посвященных всем этим людям.

Практические дела А.А. Громыко по обеспечению интересов нашей страны на международной арене говорят сами за себя. Они позволяют с полным правом считать его одни из самых выдающихся русских дипломатов XX в.

Громыко Ал.А.

Пример в жизни и в работе

Мой дед, Андрей Андреевич Громыко, был человеком большой выдержки и внутренней дисциплины. Свои чувства и переживания умел держать в себе, внешне сохраняя невозмутимость. Сторонний наблюдатель мог заключить, что перед ним суховатый, застегнутый на все пуговицы человек. Для тех же, кто хорошо его знал, часто общался с ним в кругу семьи или на работе, дед представал иным — живым в общении, замечательным рассказчиком, внимательным слушателем, умным наставником. В нем деловая чопорность профессионального дипломата и политика хорошо уживалась с отзывчивостью, заботливостью и доброжелательностью. Часто слышал, что дед был неулыбчивым. Не знаю, откуда это взялось. Посмотрите любую подборку его фотографий, будь то домашних или официальных, — на доброй половине из них вы увидите его улыбающимся. Что до чувства юмора, то оно не было у него искрометным, а походило скорее на хорошо выдержанное вино. За это его так ценили многие гранды иностранной дипломатии, особенно англичане.

По прошествии 20 лет после ухода деда из жизни воспоминания о встречах с ним, вместе проведенном времени, многочисленных беседах складываются, как в мозаике, в многоцветную картину. Случались эпизоды, особенно врезавшиеся в память, и те далекие «сценки из жизни» до сих пор стоят как перед глазами.

По выходным дням на государственной даче в подмосковном Заречье или в Мухалатке, во время летнего отдыха в Крыму, дед любил смотреть документальное кино. Как-то раз, в семейном кругу, мы посмотрели документальный фильм о японском горнолыжнике. Этот сорвиголова решил взобраться на один из склонов Эвереста и скатиться вниз. Для японца все могло закончиться печально — он не смог объехать одну из расщелин и наверняка погиб бы,

---

Громыко Алексей Анатольевич — доктор политических наук, заместитель директора Института Европы РАН, Руководитель европейских программ Фонда «Русский мир».

если бы не страховочный парашют, прикрепленный у него за спиной. После фильма среди родных разгорелся спор о цене этого поступка. Кто-то говорил о его бессмысленности: «Зачем человеку подвергать смертельной опасности свою жизнь, причем в искусственно созданной ситуации?».

Андрей Андреевич, который хранил молчание и, казалось, думал о чем-то своем, вдруг вступил в разговор, и из сказанного стало ясно, что он хорошо обдумал свои слова: «Если бы на Земле не было безумцев, дерзнувших взойти на новую ступень величия человеческого духа, все в мире остановилось бы, развитие человеческой цивилизации прекратилось бы. Разве рассудительность не следует за безрассудством? Разве взлетел бы первый самолет в мире, если бы за много веков до этого в разных странах не появились свои Икары?». Хорошо помню, как меня, мальчика, сильно удивили эти слова. Я ожидал, что дед поддержит противоположную точку зрения, вполне естественную для здравомыслящего, осторожного человека, каким он был, настоящего педанта. Оказалось, что из человеческих качеств дед ценил смелость, отвагу и решительность не меньше, чем благоразумие и рассудительность.

Андрей Андреевич в детстве был крещен, как каждый ребенок в российской деревне в начале XX века, но вырос убежденным атеистом, хотя нисколько не воинствующим. Он считал, что слепая вера во что бы то ни было ни к чему хорошему не приведет. Вместе с тем, будучи высокообразованным и эрудированным, он высоко ставил нравственный заряд религии, ее просветительскую деятельность. Накануне роковой ночи, закончившейся двумя последними неделями его жизни практически в бессознательном состоянии, мы вместе посмотрели документальный фильм о восстановлении соборов и монастырей, об искусстве иконописи, о большой роли православия в русской истории. Было видно, что увиденное созвучно внутренним размышлениям деда, — на время он ушел в себя. Позже, за традиционным вечерним чаепитием с баранками, он сказал, возможно, свои последние в жизни прочувственные слова, слова о том, что религиозное подвижничество не раз помогало человечеству найти выход из нравственных тупиков, очиститься человеческому духу, получить просветительское знание.

Действительно, тема религии всегда интересовала Андрея Андреевича. Он не раз с воодушевлением рассказывал о трагической истории раскола Русской православной церкви при патриархе Никоне. Внимательно следил за серией газетных статей, появившейся в середине 80-х годов, о поселении староверов в Сибири и с нетерпением ждал очередного материала о жизни этих отшельников, а потом во время ежедневных вечерних прогулок в Заречье с интересом обсуждал новые сведения. Не случайно, что дед симпатизировал творчеству художника Ильи Глазунова, которое пронизано идеями православия.

Однажды церковная тематика могла сыграть с ним и злую шутку. Эту историю в семье мы хорошо знали. В 1939 г., перед отъездом на работу в советское посольство в Вашингтоне, Андрей Андреевич был вызван на беседу к Сталину. Последний справился о его уровне знаний иностранного языка и посоветовал посещать проповеди в американской церкви, на которых пастыри говорят на

четком и правильном английском. Дед чуть было не спросил вождя, применял ли он сам такой метод, но тут же осекся, вовремя сообразив, что Сталин иностранными языками не владел. Возможно, это был единственный совет вождя, к которому дед не прислушался. Действительно, было бы довольно странно, если бы молодой советский дипломат, оказавшись в США, пошел в церковь.

Дед любил быть в семейном кругу, что удавалось ему редко. В основном это получалось в отдельные выходные и во время летнего отдыха в Крыму. В Мухалатке он завел железное правило под конец отдыха собирать всех родных и устраивать фотографирование. Это был целый ритуал, который мог показаться излишним. Но по прошествии лет все больше ценишь те минуты и часы, когда дед собирал нас вместе, объединял общим делом, и теперь о том времени можно не только вспоминать, но и судить о деталях по фотографиям.

Заботливость, беспокойство за родных были второй натурой Андрея Андреевича. Проведя многие сотни часов в воздухе, он сам всегда крайне неодобрительно относился к использованию самолета другими, тем более, если можно было добраться до нужного места поездом. Это было одной из причин, почему в Крым мы с ним путешествовали непременно по рельсам. Его «будь осторожен» или «будь осторожна» говорилось каждому в нашей семье много раз. Однажды летом в Мухалатке я услышал от одного из помощников деда, что Черное море в этом году необычайно теплое и в него через проливы могут проникать невиданные здесь акулы. Уж не знаю, шутил он или нет, но за обедом я рассказал об услышанном, думая подзадорить старших. Дед сразу воспринял эту новость всерьез, запретил всем купаться и дал указание разобраться в этом феномене. Оказалось — ложная тревога.

Мне, как и другим детям в семье, с дедом было всегда интересно. Общение с ним никогда не тяготило, и я не раз ловил себя на мысли, что никогда не слышал от него наставлений и поучений, которые так часто становятся преградой для доверительных отношений между старшими и младшими. Морализаторство — это было не про него. Наверное, способность избегать тягостных для детей сентенций развил и его опыт руководства школой, в которой дед проработал директором несколько лет, одновременно учась в институте в Минске. Нас притягивал к нему и его талант рассказчика. А что уж говорить об уникальности его собственной жизни, полной встреч с десятками людей, которые для нас, детей, были уже легендами, персонажами истории. Мы, как завороженные, слушали его меткие зарисовки образов Чарли Чаплина и Мэрилин Монро, Шарля де Голля и Джона Кеннеди, Пола Робсона и Константина Жукова, Рузвельта и Черчилля, Пикассо и Кейнса, Гагарина и многих других. Трудно найти какую-нибудь знаменитую личность XX в., особенно среди политиков, дипломатов и государственных деятелей, с кем он не был бы знаком. Отвечая взаимностью, почти весь мир знал его, министра иностранных дел Советского Союза. До сих пор, путешествуя по разным странам, редко встретишь человека, который бы не помнил или не слышал о господине Громыко, «Мистере Нет». Кстати, сам дед говорил, что слышал от западников их «ноу» намного чаще, чем они его «нет».

Дед не только рассказывал нам массу любопытного, но и придумывал другие интересные, особенно для мальчиков, занятия. Так, каждое лето он оценивал прогресс в возмужании и становлении детей и награждал нас очередным шутливым воинским званием. Держу перед собой пожелтевший листок бумаги, на котором его характерным размашистым подчерком и, конечно же, синим карандашом, написано: «Настоящим присваивается звание капитана первого ранга Громыко Алексею Анатольевичу. Учинено в Мухалатке 20.VIII.1980 г.». К этому документу прикладывалась и характеристика следующего содержания: «Безусловно, способный как в учебе, так и в работе. Проявляет способность к исследовательской деятельности в будущем. Достаточно начитанный. С характером. Довольно метко выстреливает острые слова. Находчив. Держит слово. Иногда бывает чересчур упрям, но выправляется. К учебе относится серьезно. Может задать столько вопросов, что сотня ученых не ответит. Любит серьезный разговор. Дисциплина в норме, хотя изредка бывают отклонения. Все старается делать серьезно, даже шутить. К родным относится уважительно. Заслуживает повышения в ранге до капитана первого ранга. 19.VIII.80 г. А. Громыко». Думаю, что из всех написанных или еще ненаписанных на меня характеристик эта навсегда останется самой важной.

Андрей Андреевич во всем ценил неторопливость и рассудительность, во всем был степенен. Не зря же говорил, что лучше сто раз не сказать то, что надо сказать, чем один раз сказать то, что не надо сказать. В то же время он был человеком увлекающимся. Помимо работы главным увлечением его жизни были книги, а после них — охота. Чтение являлось самым любимым его занятием. Если попытаться подобрать девиз его жизни, то на этот статус может претендовать «читать, читать, читать». Дед говорил, что в детстве он не читал, а «глотал» книги. Почти все свободное время он проводил за этим занятием и за свою жизнь не только собрал собственную большую библиотеку, но помог сделать то же самое своим детям и внукам. Особенно дед любил классическую литературу, книги по истории, искусству, философии. Часто по выходным на даче в Заречье мы собирались у него на втором этаже за круглым столом. Дальше все происходило следующим образом: дед брал запакованные пачки выписанных им книг, раскрывал и просматривал содержимое. Затем, хорошо зная вкусы и интересы каждого, часть книг откладывал себе, а часть распределял между нами. В случае если возникал спор о том, что́ кому нужнее и интереснее, выслушивал и принимал окончательное решение. Таким образом я получил от него в подарок многие десятки книг.

Не раз дед интересовался, что я читаю, внимательно выслушивал и давал советы. Сам он хорошо разбирался не только в русской, но и в иностранной прозе и поэзии. Мне он говорил, что человек не может считать себя образованным, если не читал «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, «Войну и мир» Толстого, «Тихий Дон» Шолохова, «Цусиму» Новикова-Прибоя, «Американскую трагедию» Драйзера. Он любил и цитировал Пушкина, Гончарова, Тургенева, высоко ставил Гоголя. Великими писателями называл Байрона и Бальзака. Не-

превзойденными и равными по величию считал гении Шекспира и Льва Толстого. К Достоевскому относился сдержанно, полагая, что его язык вычурен. Был высокого мнения о творчестве Бориса Пастернака, не раз с ним встречался и считал недостойной кампанию критики в адрес «Доктора Живаго». Книга, которую называют настольной, была у него в течение жизни не одна. Несколько лет на его прикроватном столике сменяли друг друга произведения Генриха Гейне, а в последние годы жизни он читал и перечитывал Гёте. Этот классик немецкой литературы прошел через всю его жизнь, начиная с молодости. Вспоминаю, как в последнее лето, проведенное вместе с дедом в Мухалатке, я зашел к нему в пляжный домик и заметил «Фауста» на плетеном столе. Подошел, раскрыл книгу и обнаружил многочисленные подчеркивания и пометки на полях.

Другим увлечением Андрея Андреевича с большой долей азарта была охота. Пристрастился он к ней во времена Хрущева, который, как и сменивший его Брежнев, был заядлым охотником. Ходил он и на кабана, и на лося, и на муфлона, и на птицу, особенно на утку. Как-то раз в Крыму и меня взял на охоту, но ружье не доверил. Особенно интересно было слушать его рассказы об охоте на глухаря. Дед мастерски изображал ток этой чуткой птицы на рассвете, раскрывал секреты того, как к ней подобраться и не спугнуть.

Дед охотно занимался спортом. Во время летнего отдыха по утрам делал зарядку на пляже, плавал по несколько раз в день, после чего вносил в блокнот записи и в конце отдыха подсчитывал общее число купаний. Приходил он и на теннисный корт, но всегда в роли зрителя. Лишь однажды не утерпел, взял в руки ракетку и так сильно ударил по мячу, что тот улетел далеко за пределы площадки. После этого незадачливый игрок добродушно рассмеялся. Но главным видом спорта, которым он занимался и летом, и зимой, была ходьба. Где-то в 70-е годы он ввел для себя железное правило каждый вечер выходить на прогулку на 30–40 минут и неотступно его придерживался, за исключением, конечно, периодов заграничных командировок.

В быту Андрей Андреевич был прост, неприхотлив и, как и во всем, дисциплинирован. Распорядок в его жизни был превыше всего. И понятно почему: если бы он не был так точен и пунктуален, то не успел бы сделать и десятой доли того, что выпало ему в жизни. В ней почти все подчинялось работе. В его времена не употребляли выражение «работать, как раб на галерах», не говорили «трудоголик», но его исключительная работоспособность была общеизвестна. «Отдал Отчизне полвека» — звучит в его адрес без крупицы фальши, сущая правда.

Дома или на работе дед был тщательно выбрит, с аккуратно уложенными волосами, подтянут, небрежности во внешнем виде не допускал. В одежде был строг, предпочитал темные костюмы и галстуки, белые рубашки. Дома он позволял себе более свободную одежду, но непременно всегда носил рубашку с воротником. В его гардеробе имелась и изюминка. Со времен работы послом СССР в Вашингтоне и Лондоне он питал слабость к фетровым шляпам итальянской фирмы «Барсолино» и лакированным ботинкам английской

фирмы «Кларк». Ел дед очень умеренно, в гурманы себя не записывал, любил каши, особенно гречневую с молоком, паровые котлеты, драники, домашнее варенье, чай с баранками. Он никогда не курил и почти не пил, хотя ценил хорошее вино.

Притчей во языцех была легендарная память Андрея Андреевича. Он многократно поражал ею и своих домашних, и коллег по работе, и иностранных партнеров по переговорам. Это не была фотографическая память, с помощью которой человек запоминает все, что попадается ему на глаза. Напротив, дед считал необходимым выработать в себе способность отбирать для запоминания только нужную информацию. Память на числа, лица, факты, историческую канву событий, фамилии была у него непревзойденной. Наделен он этим талантом был от рождения, но упорно развивал и совершенствовал его в течение всей жизни. Со стороны казалось, что это дается ему легко, но на самом деле было плодом большой работы над собой. Это касается и его широкой эрудированности, на грани с энциклопедичностью знаний. Не раз он приводил в смущение своих зарубежных визави тем, что лучше разбирался в истории и культуре их стран.

Природа наделила деда железными нервами. Не припомню ни одного случая, когда дома он позволил бы себе ругаться или кричать. Тем более это было справедливо в отношении работы, хотя с провинившимися в его глазах подчиненными он мог говорить на повышенных тонах. Но нецензурная лексика являлась для него табу. Его сотрудники судили о степени рассерженности шефа по таким выражениям, как «странный вы человек», «шляпа», «тюфяк». Единственный раз, когда его видели вышедшим из себя, был в 1983 г., на переговорах в США с госсекретарем Шульцем. Незадолго до этого в воздушном пространстве СССР был сбит южнокорейский авиалайнер. Шульц прибыл на переговоры с намерением обсудить этот вопрос первым. Громыко настаивал на следовании заранее утвержденной повестки дня. Их препирание закончилось ударами кулаков по столу и разгневанным заявлением Громыко, что если американец будет настаивать на своем, то он покинет зал заседаний. Только тогда Шульц сдался и согласился обсудить тему сбитого самолета в конце встречи.

За счет чего Андрей Андреевич сделал головокружительную карьеру и столь долго оставался на вершине политического Олимпа? Конечно, здесь основную роль сыграли его личные качества, как врожденные, так и взращенные. Но не обошлось и без удачи. Судьба преподнесла ему шанс, который жизнь дает многим, но лишь немногие способны им воспользоваться. В далекие 30-е годы дед был погружен в науку, защитил кандидатскую диссертацию, работал в Институте экономики АН СССР и на этом поприще подавал большие надежды. Не зря ему предложили пост ученого секретаря Дальневосточного филиала Академии. То была первая большая развилка в его судьбе, но от столь лестного предложения он отказался. В 1939 г. жизнь вновь поставила его перед выбором. На этот раз дел Андрей Андреевич принял предложение перейти на работу в Народный комиссариат иностранных дел и попал

в молотовский набор молодых кадров, многим представителям которого предстояло стать известными советскими дипломатами. Так в 30-летнем возрасте деду пришлось приобретать новую профессию, причем на ходу, оказавшись в эпицентре важнейших мировых событий, под грузом небывалой ответственности. Он с честью справился с этим вызовом, свой шанс не упустил, благодаря своим талантам вкупе с упорством и целеустремленностью стал в своей профессии первым.

Большое влияние на жизнь деда, его мировоззрение, дипломатическую и государственную деятельность оказали воспоминания о детстве, о малой Родине — Гомельщине. Дед вышел из крестьян, трудяг-хлебопашцев — «соли земли». Позднее он напишет, что все, что окружало его родную деревню Старые Громыки, он «обожал». О ней, о местных красотах природы, городке Ветка, реке Беседь он говорил в восторженных тонах. Глубоко сопереживал трагическим перипетиям в судьбе этого края, связанным с Первой и Второй мировыми войнами. Об этом он будет не только рассказывать в семейном кругу, но и трогательно напишет в «Памятном». Не пронзительно ли звучит его фраза «Где вы, Суворовы моего детства?» о тех, с кем он мальчиком играл в русских полководцев, о тех, большинство из которых не вернулось с Великой Отечественной?

Про себя я не раз сравнивал деда с Михайло Ломоносовым, самородком из глубинки, который стал одним из образованнейших людей своего времени, достиг больших высот, но при этом не терпел чванства, высокомерия и надменности, сохранил цельность своей личности, любовь не к книжной, а к реальной земле и простым людям, которые на ней живут. В этом смысле дед был настоящим почвенником и в то же время — знатоком «заморских стран». Детство закалило его трудом, воспитало атмосферой непосредственности и общинности, характерной для быта и человеческих взаимоотношений в деревенской среде. Позднее он станет городским жителем, получит блестящее образование, войдет в советскую и мировую политическую элиту, но навсегда останется твердо стоять на крестьянской земле обеими ногами.

У меня часто спрашивают, почему я не пошел по стопам деда, не стал дипломатом. Но вопрос-то неверный. Андрей Андреевич начинал как ученый, до 1939 г., когда впервые занялся дипломатией, окончил в Минске сельскохозяйственный институт, затем, уже в Москве, защитился, работал в академическом Институте экономики. После поступления на работу в НКИД дипломатия и наука всегда шли у него рука об руку. Уже будучи министром, он получил звание доктора экономических наук и не раз под псевдонимом Г. Андреев публиковал свои статьи и монографии, последняя из которых увидела свет в 1982 г. Дипломатия сама по себе являлась для него настоящей наукой, и он был чрезвычайно требователен к себе и другим в ее освоении. С точки зрения профессионального статуса, дед воспринимал себя в первую очередь представителем дипломатической корпорации, мидовского цеха и за научными званиями не гонялся. Известно, что он отклонил идею избираться в члены-корреспонденты АН СССР. В то же время он всегда с интересом следил за по-

ложением дел в Академии, был близок со многими ведущими учеными страны. За годы на посту министра дед провел огромную исследовательскую, редакторскую, научно-организационную работу по изданию многочисленных трудов о внешней политике Российской империи и Советского Союза, почти три десятилетия был главным редактором журнала «Международная жизнь». Так что, занимаясь наукой вначале в Институте сравнительной политологии РАН, а затем в Институте Европы, я всецело ощущаю свою связь со знаменитым предком.

Иногда слышу, как с сожалением и укором отмечают, что в двухтомнике воспоминаний Андрея Андреевича «Памятное» отсутствуют сенсации, не раскрыты секреты, что она местами скучна и неинтересна. Не могу с этим согласиться, как и большинство его читателей. Действительно, дед говорил, что если бы рассказал и десятую долю того, что знал, мир перевернулся бы. Но уверяю тех, кто еще не знаком с книгой или подошел к ней предвзято — последнее, к чему стремился автор, были сенсация и раскрытие секретов. Ждать от Громыко погони за сенсацией равносильно тому, чтобы услышать чертыханья папы римского на проповеди. В книге, возможно, и нет «жареных фактов», но ценна-то она другим — искренним, прямым рассказом о жизни, богатейшей на исторические события, уникальные встречи. Написанная живым, красочным русским языком, она настолько насыщена фактами, темами, зарисовками, впечатлениями и проблемами, настолько эпохален ее сюжет, что принадлежит скорее к числу «настольных книг», к которым читатель может возвращаться вновь и вновь по мере расширения собственного кругозора.

Требовать от книги советского министра иностранных дел и члена Политбюро, чтобы по жанровой бойкости она была похожа на детектив-бестселлер, свободна от определенной стилистики и идеологической направленности, значит делать заказ на книгу, полностью выдернутую из исторического контекста, не понимать ее главного предназначения — честно рассказать о своей судьбе, личных впечатлениях, тех ценностях и качествах, на которых он строил свою жизнь. Своей книгой воспоминаний дед не хотел никому понравиться, он написал в первую очередь о том, что было ему наиболее близко, что больше всего его волновало.

Главное, что осталось после Андрея Андреевича, это огромный внешнеполитический задел нашего государства, на который во многом до сих пор опирается российская дипломатия. Видные дипломаты постсоветского времени, не говоря уже о старшем поколении, причисляют себя к «школе Громыко». Это, безусловно, убедительный результат того огромного внимания, которое дед уделял воспитанию кадров, а также установленного им сита профессионального отбора, благодаря чему в руководящие звенья МИДа приходили талантливые дипломаты. В круг приближенных к себе дипломатов, к наиболее ответственным постам дед допускал только профессионалов, кадровых работников. Семейственность в МИДе министр не жаловал. Мой отец, Анатолий Андреевич Громыко, благодаря своим недюжинным способностям довольно

быстро достиг ранга Чрезвычайного и Полномочного Посланника 1-го класса, после чего дед дал ему понять, что дальше его сыну, будь он хоть семи пядей во лбу, путь закрыт. Отец вернулся в науку и добился там больших высот.

Уже в зрелом возрасте, став ученым-англоведом, европеистом и международником, я не раз переосмысливал наследие Андрея Андреевича в качестве государственного деятеля и дипломата, сравнивал его принципы внешней политики с их современным набором. Казалось бы, сегодня мы живем в другую эпоху, сильно отличающуюся от советской, но несмотря на весь нигилизм 90-х годов в российской внешней политике зримо присутствуют наследие и опыт советской дипломатической школы. Сейчас, как и тогда, мы считаем неприкосновенными наши границы, стремимся проводить самостоятельную внешнюю политику и твердо защищать на международной арене свои национальные интересы. Сейчас, как и тогда, Россия видит в ООН стержневой элемент всей системы международных отношений и рассматривает США как основного партнера в решении проблем стратегической безопасности. Сейчас, как и тогда, Россия старается окружить себя поясом дружественных государств, но также создать и стратегическую глубину, т.е. иметь союзников и в далеких от нее регионах.

Дед подходил к дипломатии не просто как к инструменту осуществления внешней политики, не просто как к функции государства, а как к искусству. Его «золотые правила»: «лучше десять лет переговоров, чем один день войны», сила — как исключительное средство решения международных споров, «компетентность — превыше всего», тщательная подготовка переговоров, безусловное выполнение взятого обещания перед иностранными партнерами и соблюдение конфиденциальности, системный подход к внешней политике и работа по всем азимутам, стремление непременно облечь в юридически обязывающую форму важные устные договоренности.

Спор о курице и яйце вечен, как и спор о роли личности в истории. Но не сомневаюсь в том, что личные качества Андрея Андреевича Громыко сыграли важную роль в построении послевоенного здания советской внешней политики. Среди них: талант переговорщика, высокий интеллект, уникальная память, железные нервы, сдержанность в проявлении эмоций, исключительная трудоспособность, чувство коллектива, требовательность и забота о коллегах по дипломатическому цеху.

Таким дед останется для меня навсегда — одновременно доступным и легендарным, строгим и заботливым, простым в быту и изощренным в профессии. Примером в жизни и в работе.

«Лучше десять дней переговоров, чем один день войны». Воспоминания об
Л 87 Андрее Андреевиче Громыко / Предисл. С.В. Лавров / Сост. Ал.А. Громыко. —
М.: Издательство «Весь Мир», 2009. — 320 с. + илл.

ISBN 978-5-7777-0444-3

С именем Андрея Андреевича Громыко связана целая эпоха в истории внешней политики нашей страны. Долгих 28 лет (1957–1985) он возглавлял МИД Советского Союза и все эти годы твердо отстаивал интересы страны, переживавшей непростой период холодной войны. Этот опыт имеет большое значение и сегодня. К 100-летнему юбилею выдающегося дипломата подготовлен настоящий сборник воспоминаний, в который вошло более тридцати статей советских и российских ученых и дипломатов, прошедших школу дипломатического мастерства А.А. Громыко. Предисловие к книге написано министром иностранных дел России С.В. Лавровым. В качестве составителя выступил внук советского министра — доктор политических наук Алексей Анатольевич Громыко.

УДК 929
ББК 66.3(2Рос)8

«Лучше десять дней переговоров, чем один день войны»

Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко

Редактор: *В.А. Демьянович*
Художник: *Е.А. Ильин*
Верстка: *Е.А. Поташевская*
Корректор: *Н.С. Платонова*

Подписано в печать 20.05.2009. Формат 70 x 100 $^{1}/_{16}$
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура AGPalatian.
Тираж 1000. Печ. л. 20,0. Изд. № 18/08-и
Зак. №

ООО Издательство «Весь Мир»
117342, Москва,ул. Бутлерова, д. 17б
Тел.: (495) 739-09-71
Факс: (495) 334-85-91
E-mail: info@vesmirbooks.ru;
http://www.vesmirbooks.ru

Отпечатано в ОАО ПИК «Идел-Пресс»
в полном соответствии с качеством предоставленных материалов
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

ISBN 978-5-7777-0444-3

